

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

03
0-25

№ 3061 ж. оп.

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

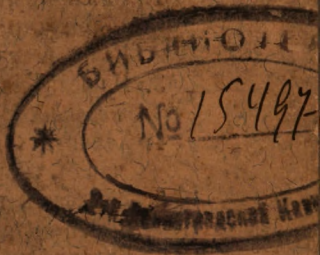
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 12.

ДЕКАБРЬ.

1896.

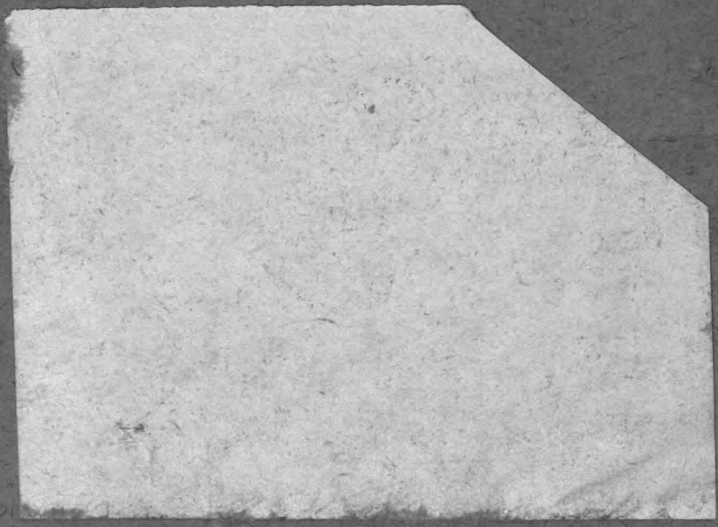

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Рабочая 15.
1896.

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

1959

Литература 1926 г.

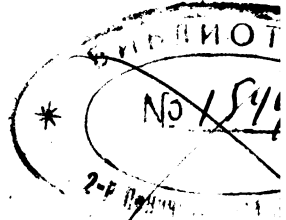
0-25
0-25

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

И

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

пятый годъ изданія.

№ 12.

ДЕКАБРЬ.

1896.

№ 3061 ж. ф. 11

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ

СФЕРВ. ПЕДАГОГ. БИБЛ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.

1896.

7 - ИЮЛ 1939

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Ноября 1896 года.

L51
035
v. 5:12

Правительственныя распоряженія.

IV. Определенія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Определеніями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданія *И. Глазунова*: 1) Подъ общимъ заглавіемъ: «Русская классная бібліотека, издаваемая подъ редакцію *А. Н. Чудинова*. Пособіе при изученіи русской литературы» одобрить для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній: XX-й выпускъ (*М. Херасковъ*) и XXI-й (*И. Дмитриевъ*)—для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ, XXIV-й («Житіе и хоженье Данила») и XXV-й (*Н. Новиковъ*)—для фундаментальныхъ бібліотекъ, Вып. I-й («Пѣснь о Роландѣ») и II-й («Пѣснь о Пибелунгахъ») второй серіи названнаго изданія и XXIII-й первой серіи—для ученическихъ бібліотекъ, а выпускъ XXII-й кромѣ того и въ качествѣ учебнаго пособія для учениковъ тѣхъ же учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Иліада Гомера. Пѣснь XVIII. Текстъ съ объясненіями. Составили *П. А. С.* и *А. П. Стефановъ*. Житомиръ. 1896. Стр. 78. Цѣна 50 коп.»—одобрить какъ учебное пособіе для гимназій.

— Книгу: «Курсъ греческаго языка. Часть II. Синтаксисъ. Составилъ по Коху и Кеги *М. Григоревскій*. Изданіе 6-е, вновь передѣланное. С.-Пб. 1896. Стр. 142. Цѣна 65 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій.

— Книгу: «Жанъ Бертранъ. Алгебра. Для гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ, преимущественно по Бертрану и другимъ, *Н. Билибинъ*, директоръ С.-Петербургскаго 1-го реального училища. Изданіе второе. Первое изданіе удостоено премии Императора Петра I. С.-Пб. 1896. Цѣна 3 рубля. Стр. IV+673»—рекомендовать особому вниманію педагогическихъ совѣтовъ гимназій и реальныхъ училищъ для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки сихъ заведеній въ качествѣ весьма полезнаго пособія для преподавателей математики.

— Книжку: «*А. Ф. Мёбиусъ*. Астрономія. Съ 8-го нѣмецкаго изданія «*Astronomie von A. F. Möbius (1790—1868)*». обработан-

1*

наго профессоромъ *Г. Кранцемъ*. Перевелъ *Л. Г. Малисз*. Съ 38-ю фигурами и картой сѣвернаго звѣзднаго неба, рѣзанными на деревѣ. С.-Пб. 1895. Стр. 172»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ *Павелъ Виноградовъ*, профессоръ Московскаго университета. Часть III. Новое время. М. 1896. Стр. VI+248+II. Цѣна 90 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Н. Кричанинъ*, преподаватель 1-го С.-Петербургскаго реальнаго училища. Съ 284 рисунками. С.-Пб. Изданіе *К. Л. Риккера*. 1896. Стр. XVIII+372. Ц. 1 р. 60 коп.»—допустить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книга эта была значительно сокращена.

— Книгу: «Изящное садоводство и художественные сады. Историко-дидактической очеркъ инженера *Арнольда Ретель*. XI+447 стр. съ 222 и 172 изображеніями растений. С.-Пб. 1896. Цѣна 6 р.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ старшаго возраста всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для раздачи въ видѣ награды ученикамъ и ученицамъ сихъ заведеній.

— Книгу: «Руководство къ переводамъ съ греческаго языка на русскій и съ русскаго на греческій для учениковъ III, IV и V классовъ гимназій и прогимназій, по Штиру, Геллеру, Гинтеру, Мойреру и другимъ. Составилъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 года преподаватель Александровской Старобѣльскаго гимназій *Ю. В. Жендзянъ*. М. 1896. Стр. 228+94. Ц. 1 р.»—одобрить какъ учебное пособіе для гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Исторія русской педагогіи. *М. И. Демкова*. Часть I. Древне-русская педагогія (X—XVII вѣковъ). Изданіе журнала «Гимназія». Ревель. 1896. Стр. X+324. Цѣна не обозначена»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ, мужскихъ и женскихъ, учебныхъ заведеній, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книжку: «Библіотека греческихъ и римскихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. III. М. Туллій Цицеронъ. Рѣчи противъ Катилины, (Orationes in L. Catilinam). Съ латинскаго перевелъ *В. Алексѣевъ*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1896. Ц. 40 коп. Стр. XLVI+79»—допустить въ ученическія библіотеки реальныхъ училищъ.

— Книжку: «Учебникъ ариметики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Б. Чихановъ*, преподаватель Люблинской мужской гимназій. Люблинъ. 1896. Стр. 113. Цѣна въ корешкѣ 65 коп.»—допустить какъ учебное руководство для младшихъ классовъ среднихъ

учебныхъ заведеній, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе указанія ученаго комитета.

— Книгу: «Священникъ *А. В. Красовъ*. Зыряне и св. Стефанъ, епископъ Пермскій. Въ 500-й годовщинѣ со дня кончины святаго Стефана, просвѣтителя зырянъ (1396 года апрѣля 26-го—1896 года апрѣля 26-го). С.-Пб. 1896. Стр. 213»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: «Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ элементарный, содержащій краткія свѣдѣнія по математической и физической географіи. Обзорѣніе земного шара. Отечествовъдѣніе. Въ приложеніи: родино-въдѣніе и части свѣта. Составилъ *П. Бьлоха*, переработалъ *А. Соколовъ*, преподаватель въ императорскомъ историко-филологическомъ институтѣ. Изданіе 19-е. М. 1896. Стр. VI+116. Цѣна 50 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Ботаника для реальныхъ училищъ по новой программѣ 1895 года. Съ 388-ю рисунками. *Н. Раевскаго*. С.-Пб. 1896. Стр. 193. Цѣна 1 руб. 25 коп.»—одобрить какъ учебное руководство для реальныхъ училищъ.

— Изданныя Императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ «Стѣнные естественно-историческія таблицы для народныхъ школъ и начальныхъ училищъ. Изданіе третье. Таблицы по анатоміи и по зоологіи вновь пересмотрѣны и дополнены *В. Э. Иверсеномъ*. XIII таблицъ in fol.» и «Поясненіе къ стѣннымъ естественно-историческимъ таблицамъ. С.-Пб. 1896. Изданіе (третье) картографическаго заведенія *А. Ильина*. Стр. 104. Цѣна не обозначена»—рекомендовать для городскихъ училищъ и одобрить для реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ и семинарій, съ тѣмъ, чтобы эти изданія были приобретаемы на средства означенныхъ учебныхъ заведеній въ качествѣ классныхъ пособій.

— Книжку: «Краткій очеркъ химическихъ явленій. Примѣнительно къ программѣ краткаго очерка химическихъ явленій для реальныхъ училищъ составилъ *А. Рождественскій*, преподаватель Скопинскаго реальнаго училища. Изданіе книжнаго магазина *М. Д. Наумова*. М. 1897. 80 стр. Цѣна 40 коп.»—одобрить какъ учебное пособіе при прохожденіи курса физики въ реальныхъ училищахъ.

Книгу: «Растенія, какъ источникъ органической жизни на землѣ. Главнѣйшія свѣдѣнія изъ жизни растенія. Составилъ *П. А. Матусевичъ*. Кіевъ. 1895. 46 стр. Цѣна 90 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Вредныя насѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. (Практическая энтомологія). Руководство для сельскихъ хозяевъ, сель-

ско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, народныхъ учителей и учительскихъ семинарій. Составилъ *К. Л. Брамсонъ*. Изданіе 2-е, пересмотрѣнное и значительно дополненное. Часть II съ 3 литографическими и 6 хромолитографическими таблицами рисунковъ. Екатеринбургъ 1896. Цѣна 2 р. 50 коп. Стр. IY+360—одобрить для ученическихъ библиотекъ реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій и для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ.

— Книгу: «Великокняжеская и царская охота на Руси съ X по XVI вѣкъ. Томъ I. Историческій очеркъ *Николая Кутепова*. Изданіе иллюстрировано профессоромъ *В. М. Васнецовымъ* и академикомъ *Н. С. Самокишемъ*. С.-Пб. 1896. Въ 4-ку, стр. XVI+212—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданныя книгопродавцемъ *М. Клокнымъ* книжки: 1) «Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. Душевный человекъ. Изъ волжскихъ сказаній *Н. А. Соловьева-Несмѣлова*. М. 1896. Въ 16-ю д. л., стр. 16. Цѣна 3 коп.», 2) «*Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ*. Дѣтскій Мірокъ. Разказы изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. Чтеніе для дѣтей отъ шести—до двѣнадцатилѣтняго возраста. Въ трехъ отдѣлахъ. Съ рисунками. М. 1896. Изд. 2-е. Стр. 184+II. Ц. 75 коп.», 3) «*Ив. Блюсовъ*. Малыши. Разказы и стихотворенія для дѣтей. Съ 35 рисунками въ текстѣ. Изд. 2-е. М. 1896. Стр. 54+II. Ц. 30 коп., въ папкѣ 45 коп.», 4) «*А. В. Кругловъ*. Первое говѣнье. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). М. 1896. Стр. 39. Цѣна 40 коп.», 5) «*Ил. Смирновъ*. Родное. Разказы для дѣтей. Рисунки *П. Е. Литвиченко*. М. 1896. Изд. 2-е. Стр. 142+II. Цѣна 75 коп., въ папкѣ 1 рубль»—первую книжку («Добрыя души» и т. д.) и пятую («Родное») одобрить для ученическихъ библиотекъ всѣхъ низшихъ училищъ, городскихъ и сельскихъ, и допустить въ бесплатныя народныя читальни, вторую («Дѣтскій Мірокъ») — допустить въ ученическія библиотеки начальныхъ народныхъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни, а третью («Малыши») и четвертую («Первое говѣнье») — допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Брошюру: «День добраго мира. Пасхальный разказъ изъ сельской жизни. *С. П. Миронова*. Хвалынскъ. 1896. Въ 16 д. л., стр. 16. Цѣна 3 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Изданіе: «Таблица для письменнаго грамматическаго разбора предложеній. (Части рѣчи, составъ, измѣненіе и правописаніе словъ. Практическое учебное пособіе для учениковъ сельскихъ, городскихъ, приходскихъ и др. элементарныхъ начальныхъ училищъ. Составилъ учитель *Н. Платоновъ*. Хвалынскъ. 1896. Цѣна 1 коп.»—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Книжку: «*Н. С. Лыкошинъ*. Мурадбекъ и Фатима. Хивинское

преданіе. Ташкентъ. 1896. Стр. 57. Цѣна 30 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: «Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. *Г. В. Штолля*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакцію *Я. Г. Гуревича*. Второе, исправленное изданіе. С.-Пб. 1896. Стр. 592. Цѣна 2 р. 50 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для раздачи воспитанникамъ сихъ заведеній въ видѣ награды.

— Брошюру: «Самовозгараніе угля, хлопка, замазьяннаго тряпья, сѣна, табака и проч. Сущность явленія, причины его и способы предупрежденія. Съ 6-ю рисунками въ текстѣ. Составилъ инженеръ-технологъ *Ф. А. Даниловъ*. М. 1896. Стр. 29. Цѣна 20 коп.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ реальныхъ училищъ и мужскихъ гимназій, а также учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: «Иліада Гомера. Переводъ *Н. М. Минскаго*. Изданіе *К. Т. Солдатенкова*. М. 1896. Стр. X+416. Цѣна 75 коп.»—рекомендовать для учительскихъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ, а также и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книги было обращено вниманіе на корректурную исправность ея.

— Книгу: «Нѣмецкая Азбука. Составилъ *Ө. Ө. Ясковскій*. Deutsche Fibel für den vereinigten Schreib-Lesse-und Sprachunterricht. Vorstufe zum deutschen Lesebuche von *Th. Iaskowsky*. Preis 30 kop. Riga. 1896. Стр. 84»—рекомендовать для первоначальнаго обученія нѣмецкому языку въ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ.

— Книгу: «Браткая физическая географія. Курсъ VI-го класса реальныхъ училищъ (одинъ недѣльный урокъ). Составилъ, примѣнительно къ планамъ и программѣ, утвержденнымъ г. министромъ народнаго просвѣщенія 1895 г., *И. Словицъ*, директоръ Тюменскаго реального училища. 109 стр. 41 рис. М. 1896. Цѣна 80 коп.»—рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и допустить въ качествѣ учебнаго руководства для реальныхъ училищъ, но съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была значительно сокращена, и чтобы необязательныя для изученія отдѣлы ея были отмѣчены особымъ знакомъ.

— Книгу: «Сборникъ примѣровъ и задачъ, относящихся къ курсу элементарной алгебры. Составилъ *Ө. Бычковъ*. Изданіе 14-е. С.-Пб. 1896. Стр. VIII+574. Цѣна 1 р. 35 коп.»—одобрить какъ весьма полезное учебное пособіе при прохожденіи алгебры въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: «Братскій курсъ лекцій по православному богословію. Про-

фессора богословія при Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, протоіерея *Александра Кудрявцева*. Въ 3-хъ частяхъ. Москва, 1889.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія. Священника *П. Свтлова*. Кіевъ. 1896»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книжку: «Сохраненіе здоровья. Общая гигиена въ примѣненіи къ обыденной жизни. Д-ра *Эйдама*. Съ 7-ю рисунками тѣ тексты. Перевелъ съ нѣмецкаго *А. Д. Карицкій*. Изданіе *Ф. Павленкова*. С.-Пб. 1891. Стр. 122+II. Въ 16-ю д. л. Цѣна 40 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни.

— Книгу: «Ученіе о богослуженіи христіанской православной церкви. Съ объяснительнымъ чтеніемъ церковныхъ пѣснопѣній. Примѣнительно къ программѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ преподаватель богословія въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и законоучитель (IV) Ларинской С.-Петербургской гимназіи священникъ *Павелъ Городцевъ*. С.-Пб. 1895. Стр. 156+II. Цѣна 60 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для III класса гимназій и реальныхъ училищъ.

— Брошюру: «Костромской Ипатьевской монастырь-колыбель Дома Романовыхъ. Составлено *С. Яцковской*. М. 1896. Стр. 51. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія библиотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ народныя читальни.

— Книги: 1) «*П. Цытковъ*. Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому порвонаначальному правописанію, съ приложеніемъ повторительныхъ диетовокъ, 1-й годъ обученія. Шестое, измѣненное изданіе. С.-Пб. 1896. Стр. 47. Цѣна 15 коп.» и 2) «Тоже, 2-й и 3-й годъ обученія. Съ приложеніемъ повторительныхъ диетовокъ и элементарныхъ свѣдѣній изъ этимологіи и синтаксиса. Правописаніе по руководству *Я. К. Грота*. Пятое, вновь исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1896. Стр. 142. Цѣна 35 коп.»—допустить въ начальныя училища для класснаго употребленія въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: «Свыше наказанные нарушители десяти заповѣдей Закона Божія и добрые примѣры въ дѣлѣ вѣры и надежды на помощь Божію. Сборникъ статей для чтенія при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ съ простымъ народомъ, составленный *П. Новгородскимъ*. Изд. 6-е. С.-Пб. 1896. Стр. IV+340. Цѣна 1 р. 40 коп.»—допустить въ библиотеки начальныхъ училищъ и въ народныя читальни.

— Изданныя Одесскимъ обществомъ для борьбы съ пьянствомъ брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: «Народныя изданія»: 1) «Вредъ спирт-

ныхъ напитоковъ. Пословицы и поговорки. Справедливость пьяницы. Цѣна 3 коп.», 2) «Какъ надлежитъ жить по христіански. Два мужика. Отчего происходятъ многія болѣзни. Цѣна 3 коп.», 3) «Мужъ и отецъ пьяница. Откуда горе и несчастье. Цѣна 3 коп.», 4) «Отравители. Пляшка. Одни лишь желанія. Цѣна 3 коп.»—допустить въ учительскія бібліотеки начальныхъ училищъ, въ ученическія бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ народныя читальни.

— Книжку: «*А. В. Круловъ*. Все пріятели. Разказы для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. М. 1896. Стр. 62. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія бібліотеки городскихъ и сельскихъ училищъ и въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также и въ народныя читальни.

— Изданныя *А. Д. Ступинямъ* книжки: 1) «*А. Д. Борисова*. Старый долгъ. (Быль). Съ рисунками. М. 1895. Стр. 43. Цѣна 30 коп.», 2) Того же автора: «Въ правдѣ Богъ милуетъ, а въ неправдѣ караетъ. М. 1893. Стр. 50. Цѣна 10 коп.—первую одобрить для ученическихъ бібліотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ, мужскихъ и женскихъ, учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій и допустить въ бесплатныя народныя читальни и для публичныхъ чтеній, а вторую—допустить въ ученическія бібліотеки мужскихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно и въ бесплатныя народныя читальни.

— Изданныя *Ф. Павленковымъ* книги: 1) «*А. В. Круловъ*. Всякому гвоздю свое мѣсто. Повѣсть для юношества въ 2-хъ частяхъ. Съ 46-ю рисунками художника *М. Е. Малышева*. С.-Пб. 1892. Стр. 222. Ц. 1 р. 25 коп. въ папѣ 1 р. 50 коп., въ переплетѣ 2 р.» и 2) «Послушаемъ! Сборникъ дѣтскихъ разказовъ для среднихъ и младшаго возраста *А. Нольде*. Съ 28-ю рисунками *М. Малышева*. С.-Пб. 1883. Стр. 141. Цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 коп.»—первую одобрить для ученическихъ бібліотекъ низшихъ училищъ, а вторую допустить въ ученическія, младшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи цѣна этихъ книгъ была понижена.

— Книгу: «Учебникъ геометріи, съ приложеніемъ; 1) вопросовъ для повторенія, 2) геометрическихъ упражненій и 3) развертокъ тѣлъ. Составилъ *П. Мироновъ*. Уфа. 1896. Изданіе 2-е. Часть I (курсъ 3-го отдѣленія городскихъ училищъ). Стр. III—110, Часть II (курсъ 4-го отдѣленія городскихъ училищъ). Стр. III—138. Цѣна каждой части 40 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ «Деревня», издаваемый подъ редакціей *П. Н. Елагина*—допустить къ обращенію въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ.

ОТКРЫТИЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, Тирлянского мужское начальное училище, Верхнеуральскаго уѣзда, Оренбургской губерніи, въ ознаменованіе дня священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, преобразовано въ двухклассное министерства народнаго просвѣщенія училище, по инструкціи 4-го іюня 1875 года.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 15-го минувшаго сентября въ городѣ Оренбургѣ, въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ, открыты два приходскихъ училища по уставу 8-го декабря 1828 года—VII мужское при 108 и V женское при 68 учащихся.

— 14-го сентября сего года въ городѣ Царицынѣ открыто ремесленное училище, по уставу 27-го сентября 1889 года, во временномъ наемномъ помѣщеніи. Въ первый классъ училища принято: по слесарному отдѣленію 34 ученика и по столярному 8.

— По донесенію начальства Московскаго учебнаго округа, 6-го минувшаго сентября состоялось преобразованіе существующаго въ селѣцѣ Киселевѣ, Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи, однокласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ двухклассное таковое-же, въ коемъ въ настоящее время числятся 106 учащихся (85 человекъ въ 3 отдѣленіяхъ перваго класса и 21 во второмъ).

— По донесенію начальства Московскаго учебнаго округа, въ с. Озерахъ, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, при фабрикѣ товарищества Федора Щербакова сыновей. открыто двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 76 учащихся (60 человекъ въ первомъ и 16 во второмъ классѣ).

— По донесенію г. попечителя Рижскаго учебнаго округа, 3-го минувшаго сентября состоялось открытіе Аромойзскаго 2 хъ класснаго училища министерства народнаго просвѣщенія Юрьевскаго уѣзда, Лифляндской губерніи.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 4-го минувшаго сентября состоялось открытіе Серебрянскаго двухкласснаго училища, Кунгурскаго уѣзда, Пермской губерніи, преобразованнаго изъ начальнаго училища, бывшаго горнозаводскаго.

Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи.

(Окончаніе *).

IV.

Обратимся теперь къ проектамъ женскихъ гимназій. Положеніемъ 24 мая 1870 г. о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ были установлены два начала, имѣвшія весьма важное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ женскаго образованія. Это—доступность женскихъ гимназій для дѣтей лицъ всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій и присвоеніе воспитанницамъ сихъ заведеній широкихъ правъ педагогической дѣятельности. Подъ вліяніемъ указанныхъ двухъ началъ, къ которымъ присоединилось также явившееся результатомъ положенія 24 мая 1870 г. отсутствіе низшихъ городскихъ женскихъ училищъ съ законченнымъ элементарнымъ курсомъ, женскія гимназіи наполнились воспитанницами изъ всѣхъ классовъ населенія. Возлагавшіяся, однако, на женскія гимназіи многими родителями надежды не оправдались. Частью по недостатку средствъ, но главнѣйше въ виду несоотвѣтствія женскихъ гимназій потребности въ образованіи ихъ дѣтей, большинство родителей, принадлежащихъ къ низшимъ классамъ населенія, принуждены были брать своихъ дочерей обратно изъ гимназій за долго до окончанія ими курса. Но и тѣ изъ нихъ, которымъ удалось окончить курсъ сихъ заведеній, часто не достигали желаемой цѣли. Нѣкоторые изъ нихъ получали возможность найти полезное примѣненіе приобрѣтенныхъ ими познаній на учительскомъ поприщѣ, большинство же оставалось безъ мѣстъ какъ по недостатку таковыхъ, такъ и по малоопытности и недостаточности познаній, вынесенныхъ ими изъ общаго курса гимназій для занятій съ дѣтьми въ качествѣ домашнихъ учительницъ.

Бывшею при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія комиссіею обращено было особое вниманіе на это ненормальное явленіе, зависѣвшее въ значительной мѣрѣ отъ неправильной поста-

---

*) См. «Образованіе» № 10.

новки женскаго средняго образованія. Исходя изъ того весьма правильнаго взгляда, что преслѣдованіе женскими гимназіями одновременно двухъ цѣлей—общеобразовательной и педагогической—является нецѣлесообразнымъ, комиссія полагала, что эти учебныя заведенія не должны имѣть своею цѣлью готовить учительницъ, а исключительно ихъ задачей должно быть сообщеніе воспитанницамъ того средняго общаго образованія и религиозно-нравственнаго воспитанія, которыя требуются отъ образованной женщины въ семьѣ и обществѣ. Согласно такой ихъ задачѣ, женскія гимназіи должны быть лишены права давать своимъ воспитанницамъ какія бы то ни было учительскія званія. Эта задача должна быть возложена на специально предназначенныя для сего учебныя учрежденія или педагогическіе классы и курсы. Тѣ же лица, которыя пожелали бы пріобрѣсти учительскія права помимо окончанія курса въ сихъ учрежденіяхъ, могли бы получать таковыя по особому экзамену въ испытательныхъ комиссіяхъ при учебныхъ округахъ и гимназіяхъ, но по программамъ, обнимающимъ весь кругъ свѣдѣній, которыя требуются отъ оканчивающихъ курсъ ученія въ педагогическихъ классахъ и курсахъ. Мѣру эту необходимо было бы примѣнить вообще къ среднимъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ всѣхъ вѣдомствъ. Въ видѣ исключенія, комиссія полагала возможнымъ представить воспитанницамъ институтовъ, въ виду особаго воспитательнаго вліянія этихъ заведеній, какъ интернативъ, право занимать мѣста воспитательницъ и классныхъ дамъ, а воспитанницамъ училищъ духовнаго вѣдомства—право на званіе начальныхъ учительницъ въ сельскихъ и городскихъ училищахъ, такъ какъ женскія духовныя епархіальныя училища, по устройству въ нихъ учебной части, вполне принаровлены къ подготовленію учительницъ, призванныхъ обучать и воспитывать дѣтей изъ той сельской и городской среды, къ условіямъ которой большая часть этихъ ученицъ привыкли съ малолѣтства и гдѣ онѣ, вполне естественно, должны являться наставницами подросткаго поколѣнія. За воспитанницами женскихъ гимназій и другихъ женскихъ учебныхъ заведеній могло бы быть сохранено лишь право заниматься первоначальнымъ обученіемъ въ частныхъ домахъ, безъ правъ на пенсію, такъ какъ для такого рода дѣятельности не требуется спеціальной педагогической подготовки и воспрещеніе оной можетъ повести къ большимъ затрудненіямъ для бѣдныхъ семействъ, не могущихъ готовить дѣтей своихъ даже въ первоначальномъ курсѣ, по неимѣнію времени или достаточныхъ средствъ.

Съ такимъ упрощеніемъ задачи женскихъ гимназій и соотвѣтственнымъ измѣненіемъ постановки въ нихъ учебной части, эти заведенія должны, по мнѣнію комиссіи, получить назначеніе служить для удовлетворенія образовательныхъ нуждъ преимущественно высшихъ классовъ населенія. Но чтобы не лишитъ и остальные классы возможности дать своимъ дѣтямъ соотвѣтствующее ихъ потребностямъ образованіе, комиссія находила не-

обходимымъ женскія прогимназіи, какъ не имѣющія законченнаго курса и потому не удовлетворяющія потребности къ подготовкѣ дѣвицъ для практической дѣятельности по рукодѣліямъ, ремесламъ и проч., тамъ, гдѣ онѣ имѣютъ значеніе самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, упразднить, а взамѣнъ ихъ учредить Маріинскія и профессиональныя женскія училища, имѣющія своєю цѣлью сообщать воспитанницамъ, вмѣстѣ съ законченнымъ общимъ элементарнымъ образованіемъ, также и извѣстныя профессиональныя знанія.

На этихъ основаніяхъ и было проектировано комиссіею положеніе о женскихъ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Къ этимъ общимъ соображеніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія мы считаемъ нужнымъ прибавить еще нѣкоторыя соображенія комиссіи, относящіяся собственно къ курсу преподаванія въ проектируемыхъ женскихъ гимназіяхъ.

По нынѣ дѣйствующему положенію 24 мая 1870 г. предметы курса женскихъ гимназій дѣлятся на обязательныя и необязательныя. Къ числу первыхъ относится: 1) Законъ Божій, 2) русскій языкъ (грамматика и знакомство съ важнѣйшими произведеніями словесности), 3) ариѳметика съ приложеніемъ къ счетоводству, и основанія геометріи, 4) географія всеобщая и русская, 5) исторія всеобщая и русская, 6) главнѣйшія понятія изъ естественной исторіи и физики, съ присовокупленіемъ свѣдѣній, относящихся къ домашнему хозяйству и гигиенѣ, 7) чистописаніе, 8) рукодѣліе и 9) гимнастика, если заведеніе имѣетъ необходимыя къ тому способы; къ числу вторыхъ принадлежатъ: языки французскій и нѣмецкій, рисованіе, музыка, пѣніе и танцованіе. Такое раздѣленіе предметовъ преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ дѣлало курсъ этихъ учебныхъ заведеній въ различныхъ мѣстахъ весьма различнымъ. Если къ этому прибавить, что въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи учебный курсъ былъ также отличенъ отъ курса гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, то станетъ очевиднымъ, какія затрудненія должны были происходить на практикѣ при переводѣ воспитанницъ изъ одной гимназіи въ другую, а также, насколько были различны результаты, достигаемыя не только гимназіями различныхъ вѣдомствъ, но и учебными заведеніями одного вѣдомства, находящимися въ различныхъ мѣстахъ. Признавая такой порядокъ ненормальнымъ, комиссія полагала необходимымъ точно опредѣлить тѣ предметы, которые должны входить въ курсъ женскихъ гимназій, составлять, такъ сказать, основу преподаванія въ среднемъ женскомъ учебномъ заведеніи. При этомъ комиссія находила, что въ среднемъ учебномъ заведеніи преподаваніе должно сосредоточиваться на извѣстныхъ предметахъ, около которыхъ затѣмъ должны группироваться остальные, какъ около центра. Такими основными предметами признаются въ курсѣ женскихъ гимназій русскій, древніе языки и математика. Комиссія

полагала, что женское среднее образованіе должно основываться на филологическомъ началѣ, а потому въ женскихъ гимназіяхъ, за отсутствіемъ древнихъ языковъ, основными предметами должны быть русскій и новые языки. Коммисія не находила возможнымъ оставить женскія гимназіи безъ этихъ основныхъ предметовъ, составляющій характерный признакъ средняго учебнаго заведенія. Обязательность изученія обоихъ новыхъ иностранныхъ языковъ не должна при томъ быть, по мнѣнію коммисіи, особенно обременительною для будущиѣхъ воспитанницъ женскихъ гимназій, такъ какъ со введеніемъ проектируемаго коммиссіею положенія значительно долженъ измѣниться составъ ученицъ женскихъ гимназій, въ смыслѣ пониженія процента ученицъ изъ низшихъ сословій и семействъ, для которыхъ изученіе обоихъ новыхъ языковъ, по неимѣнію вовсе домашней практики, является затруднительнымъ; между тѣмъ знаніе новыхъ языковъ для большинства воспитанницъ женскихъ гимназій будетъ весьма необходимо какъ въ семейномъ быту, такъ и для будущей практики въ частныхъ домахъ, гдѣ отъ гувернантокъ требуется одинаковое знаніе какъ французскаго, такъ и нѣмецкаго языка. Сверхъ сего, было бы весьма трудно отдать предпочтеніе какому либо изъ нихъ, ибо если французскій языкъ имѣетъ общепризнанное значеніе для школы, какъ языкъ международныхъ сношеній и почти обще-европейскій, то и нѣмецкій имѣетъ несомнѣнно важное значеніе, какъ открывающій доступъ къ пользова нію весьма богатою научною литературою. Исходя изъ указанныхъ выше соображеній, коммисія полагала сдѣлать оба иностранныхъ языка въ курсѣ женскихъ гимназій обязательными. Равнымъ образомъ коммисія находила необходимымъ включить въ курсъ этихъ учебныхъ заведенія обязательное преподаваніе церковно-славянскаго языка по крайней мѣрѣ въ томъ его объемѣ, который необходимъ для яснаго и правильнаго пониманія формъ русскаго языка. Въ видѣ также вспомогательнаго предмета, по мнѣнію коммисіи, должна быть преподаваема въ женскихъ гимназіяхъ и начальная алгебра, дающая возможность при помощи обобщенія значительно упрощать рѣшеніе ариметическихъ задачъ. Наконецъ, въ число обязательныхъ предметовъ женскихъ гимназій должны быть, по мнѣнію коммисіи, включены также педагогика, рисованіе, пѣніе, музыка и танцы, причемъ музыка и гимнастика вводятся лишь въ тѣхъ случаяхъ, если для сего найдутся необходимыя средства и приспособленія.

Такимъ образомъ, по мнѣнію коммисіи, обязательный курсъ женскихъ гимназій должны составлять слѣдующіе предметы: 1) Законъ Божій, 2) русскій и церковно-славянскій языки и словесность, 3) языки французскій и нѣмецкій, 4) математика (арифметика, геометрія и начальная алгебра), 5) географія русская и всеобщая, 6) Исторія русская и всеобщая, 7) главнѣйшія свѣдѣнія изъ естественной исторіи, 8) физика, 9) педагогика, 10)

чистописание, 11) рисованіе, 12) рукодѣліе, 13) пѣніе, гимнастика, музыка и танцы.

Таковы тѣ соображенія, которыя легли въ основу проекта преобразованій женскихъ гимназій, выработаннаго комиссіею кн. Волковскаго. Министерство Народнаго Просвѣщенія по всѣмъ почти пунктамъ согласилось съ этимъ проектомъ, за исключеніемъ вопроса о необходимости преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ обоихъ новыхъ языковъ; по этому вопросу Министерство высказалось въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ ввести обязательность изученія одного иностраннаго языка, съ тѣмъ, чтобы желающимъ было предоставлено право обученія и обоимъ языкамъ, какъ это принято въ мужскихъ гимназіяхъ. За такую постановку преподаванія этихъ предметовъ говоритъ и опытъ Западной Европы, которая въ педагогическомъ дѣлѣ стоитъ несомнѣнно выше насъ. При томъ же опытъ и нашей школы показываетъ, что изученіе обоихъ иностранныхъ языковъ требуетъ особыхъ способностей, при среднихъ же способностяхъ и безъ домашней поддержки, что имѣетъ мѣсто въ громадномъ большинствѣ случаевъ, оно является непосильнымъ для большинства, и потому не достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ учащіяся при такихъ условіяхъ не приобрѣтаютъ достаточныхъ знаній ни по одному языку. Поэтому представляется болѣе полезнымъ установить обязательное обученіе лишь одному языку, предоставивъ болѣе способнымъ, имѣющимъ къ тому возможность, обучаться и обоимъ. Опасеніе, что въ такомъ случаѣ нѣмецкій языкъ совершенно будетъ вытѣсненъ французскимъ, не имѣетъ достаточныхъ основаній; при томъ же, если бы это и случилось, то оно не могло бы повлечь за собою какихъ либо серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ всѣ лучшія произведенія на нѣмецкомъ языкѣ, въ области какъ литературы, такъ и различныхъ отраслей наукъ переведены и переводятся и на французскій языкъ.

Остальныя замѣчанія Министерства исключительно носятъ редакціонный характеръ, а потому мы ихъ касаться не будемъ и перейдемъ прямо къ вопросу о *профессиональныхъ женскихъ училищахъ*.

V.

Первый опытъ обученія ремесламъ въ школѣ былъ сдѣланъ Песталоцци, который, какъ извѣстно, посвятилъ свою педагогическую дѣятельность начальному воспитанію и обученію бѣдныхъ дѣтей. Для этой цѣли онъ основалъ начальную школу, въ которой, вмѣстѣ съ обученіемъ Закону Божію, чтенію, письму, начальному счисленію, естественной исторіи, географіи и черченію, обучалъ дѣтей и нѣкоторымъ ремесламъ, дабы они могли себѣ зарабатывать кусокъ хлѣба. Хотя это соединеніе обученія начальнымъ учебнымъ предметамъ съ ремеслами совершенно не удалось и Песталоцци впоследствии призналъ не возможнымъ обу-

ченіе ремесламъ въ начальной школѣ, но тѣмъ не менѣе во многихъ начальныхъ школахъ начали обучать ремесламъ, особенно въ Англіи, что и продолжалось до 1818 г. У насъ въ Петербургѣ были основаны два такихъ начальныхъ училища частными лицами и благотворителями въ 1802 г. для бѣдныхъ мальчиковъ. По окончаніи войнъ съ Наполеономъ I въ 1816 г., по почину нѣсколькихъ дамъ изъ высшаго общества въ Петербургѣ и Москвѣ, стали устраиваться начальныя школы для бѣдныхъ дѣвочекъ, дочерей павшихъ въ битвахъ воиновъ; въ этихъ школахъ введено было обученіе ручнымъ рукодѣльямъ, «особенно искусному вышиванію» гарусомъ, шелками и бисеромъ. Эти школы и положили начало школамъ патріотическаго общества въ Петербургѣ, получившимъ опредѣленную организацію въ учебно-воспитательномъ отношеніи въ срединѣ тридцатыхъ годовъ, и состоявшихъ подъ покровительствомъ Великой Княгини Елены Павловны. Программа профессиональнаго обученія въ патріотическихъ школахъ измѣнялась неоднократно; то она расширялась, разнообразилась, то сокращалась. Главнымъ образомъ имѣлось въ виду образовать грамотныхъ, искусныхъ камеръ-юнгферъ для богатыхъ и знатныхъ домовъ. Поэтому, кромѣ тонкаго шитья и вышиванья, учили дѣвочекъ стиркѣ тонкаго бѣлья, глаженью, мытью кружевъ, машиекъ, лѣтнихъ кисейныхъ платковъ, перчатокъ, уборкѣ головы и т. п. Этимъ тонкимъ рукодѣльямъ обучались болѣе способныя ученицы, но всѣ учились шитью простаго носильнаго бѣлья, вязанью чулокъ и штопанью.

Что же касается патріотическихъ школъ, то въ нихъ собственно профессиональное или специальное обученіе различнымъ женскимъ рукодѣльямъ и мастерствамъ производится отдѣльно послѣ общаго, такъ сказать, подготовительнаго обученія всѣхъ ученицъ простому домашнему шитью. Такое общее обученіе домашнему шитью обыкновеннаго носильнаго бѣлья, вязанью чулокъ, плетенью шнурковъ, штопанью, простому вышиванью, мѣткѣ бѣлья, и т. п., должно составлять необходимую принадлежность каждаго, правильно устроеннаго женскаго образовательнаго училища: какъ начальной школы, такъ и гимназіи и института.

Обратимся затѣмъ собственно къ *женскимъ* профессиональнымъ школамъ.

Не смотря на все разнообразіе этихъ школъ, онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы: *школы* такъ называемыхъ *либеральныхъ профессій* и *ремесленныя школы*. Къ первымъ относятся:

а) *Педагогическіе женскіе курсы и школы*: 1) для приготовленія учительницъ для начальныхъ училищъ и низшихъ классовъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній; 2) Фребелевскіе сады и школы, для приготовленія хорошихъ нянь, и 3) курсы и школы танцевъ и гимнастики для приготовленія учительницъ этихъ искусствъ.

б) *Художественныя курсы и школы*: 1) Школы и курсы музыки.

и пѣнія для образованія начальныхъ учительницъ этихъ искусствъ и притотвленія талантливыхъ ученицъ для высшихъ школъ живописи и скульптуры—академіи художествъ; 3) школы и курсы прикладного рисованія для художественныхъ промышленныхъ производствъ, и 4) курсы и школы рѣзбы и гравированія.

в) *Медицинскіе и санитарные курсы и школы*, для образованія акушеровъ, фельдшерницъ, фармацевтовъ, сестеръ милосердія и больничныхъ сидѣлокъ.

г) *Техническіе курсы и школы*: 1) счетоводства и бухгалтеріи; 2) телеграфные; 3) стенографическіе; 4) домашняго хозяйства (домоводства), садоводства, огородничества и т. п.

Ремесленные женскіе курсы, школы и мастерскія: 1) Швейныя: шитье и кройка бѣлья, платьевъ, пальто, мантилій и т. п. для приготовленія хорошихъ портнихъ; 2) различнаго вышиванія бумагою, гарусомъ, шелками, стеклярусомъ, бисеромъ и проч.; 3) вязальныя: чулочные, фуфаечныя, кружевныя и т. п.; 4) перчаточныя; 5) для приготовленія шляпъ, чепцовъ и вообще головныхъ уборовъ; 6) парикмахерскія; 7) для приготовленія искусственныхъ цвѣтовъ; 8) зонтичныя; 9) для приготовленія прачекъ и гладильницъ тонкаго бѣлья и лѣтнихъ платьевъ и т. п. 10) переплетныя и вообще картонажныя; 11) плетенья корзинъ; 12) типографическія и проч.

Всѣ профессиональныя женскія школы должны быть мѣстныя, вызываемыя мѣстными потребностями, дабы молодыя дѣвушки могли получить профессиональное образованіе, не покидая родительскаго дома и не отвыкая отъ своей семейной жизни.

Что касается практическихъ результатовъ обученія въ профессиональныхъ женскихъ школахъ, то, какъ показываетъ многолѣтній опытъ такихъ школъ для либеральныхъ профессій въ Германіи, Бельгіи, Франціи и Швейцаріи, изъ этихъ школъ выходятъ, большею частью, хорошія, нравственныя и знающія свое дѣло дѣвицы, не только честнымъ трудомъ обеспечивающія себѣ приличное существованіе, но и поддерживающія свои семейства.

Въ ремесленныхъ женскихъ школахъ ученицы научаются ремеслу, но не приучаются къ условіямъ рабочей жизни въ мастерскихъ, такъ что большинство ихъ не выносятъ этой жизни и работы. Особенно неудовлетворительные результаты въ этомъ отношеніи даютъ закрытыя женскія ремесленные школы. Поэтому за послѣднія 25 лѣтъ въ Западной Европѣ новыя подобныя закрытыя школы почти не учреждаются и вообще предпочитаютъ для изученія мастерства помѣщать дѣвицъ, получившихъ уже названное общее образованіе, приходящими ученицами въ настоящія частныя мастерскія на извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ, условіяхъ съ хозяйками или содержательницами такихъ мастерскихъ.

Окончательныя положенія Коммиссіи по вопросу о женскомъ „Образованіе“ Отд. 1. № 12.

№ 3061 ж.ф.

профессиональномъ образованіи могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ четырехъ пунктахъ:

1) Практическое изученіе основныхъ пріемовъ женскаго рукодѣлія, необходимыхъ въ домашнемъ быту, не только совмѣстимо въ школахъ съ начальнымъ общимъ образованіемъ, но и составляетъ необходимую принадлежность женскихъ общеобразовательныхъ училищъ.

2) Обученіе профессіямъ и ремесламъ, доступнымъ для женщинъ, должно, вообще говоря, составлять задачу особыхъ училищъ или классовъ, въ которыхъ однако не исключается преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ, отчасти съ цѣлью дополненія знаній прежде пріобрѣтенныхъ, а главнѣйше для лучшаго ихъ утвержденія.

3) Училища и классы для обученія профессіямъ и ремесламъ должны быть устраиваемы различно, смотря по профессіямъ и ремесламъ, составляющимъ предметъ ихъ назначенія.

4) Гдѣ при профессиональныхъ училищахъ оказывается необходимость въ интернатѣ, тамъ общежитія, отдѣльныя отъ школъ, представляются предпочтительнѣе, чѣмъ соединенныя со школами пансіоны.

Такимъ образомъ планъ женскаго образованія въ Имперіи, выработанный комиссіею и представленный ею въ проектахъ положеній и правилъ, состоитъ между прочимъ (приводимъ самыя существенныя пункты) въ слѣдующемъ:

1) Въмѣсто прогимназій, не имѣющихъ законченности курса, но дающихъ право начальной учительницы, комиссія проектируетъ какъ низшія общеобразовательныя Маринскія училища съ законченнымъ курсомъ и безъ правъ, такъ и профессиональныя школы двухъ видовъ. Эти учебныя заведенія предназначаются для дѣвицъ главнымъ образомъ низшихъ сословій всѣхъ вѣроисповѣданій. Новые языки въ нихъ не обязательныя предметы, обученіе не менѣе 4-хъ лѣтъ. Остаются и прогимназіи въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть женскія гимназіи, но безъ правъ для оканчивающихъ въ нихъ курсъ: а какъ параллельныя отдѣленія первыхъ четырехъ классовъ гимназій.

2) Женскія гимназіи Министерства Народнаго Просвѣщенія преобразовываются по типу нынѣшнихъ женскихъ гимназій вѣдомства Императрицы Маріи съ обязательнымъ изученіемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Такимъ образомъ учебный курсъ, изъ 7 классовъ, въ женскихъ гимназіяхъ обоихъ вѣдомствъ будетъ одинъ и тотъ же. Эти гимназіи предназначаются для образованія приходящихъ дѣвицъ высшихъ классовъ населенія, при томъ всѣхъ вѣроисповѣданій, хотя послѣдняго ясно въ положеніи комиссія и не выразила. Окончившимъ успѣшно учебный курсъ какъ въ женскихъ гимназіяхъ обоихъ вѣдомствъ, такъ и въ институтахъ, комиссіею дается, по прежнему, званіе домашней учительницы, но безъ правъ на пенсію и права быть преподавательницею въ проектируемыхъ женскихъ училищахъ, а за

воспитанницами институтовъ, какъ получающими не только образование, но и воспитаніе, сохраняется еще и право на занятіе мѣстъ классныхъ дамъ въ институтахъ и надзирательницъ въ женскихъ гимназіяхъ. Что же касается до училищъ духовнаго вѣдомства и епархіальныхъ, имѣющихъ учебный курсъ не тождественный съ гимназическимъ, то коммиссія умолчала о правѣ ихъ давать своимъ воспитанницамъ званіе домашней учительницы, а право выпускать воспитаницъ съ званіемъ начальной учительницы соединила съ открытіемъ при нихъ начальныхъ школъ для практики ихъ воспитаницъ.

Въ такомъ видѣ, снабженныя еще нѣкоторыми соображеніями и разъясненіями со стороны Министерствъ, проекты эти поступили на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который и разобралъ ихъ въ засѣданіи 8 января 1894 г. Государственный Совѣтъ въ общемъ одобрилъ эти проекты, которые встрѣтили возраженіе только со стороны Министерства Финансовъ; возраженіе это было изложено слѣдующимъ образомъ: Слѣдуетъ ожидать, что при проектируемой постановкѣ вопросовъ не только о приѣмѣ въ женскія гимназіи, но и объ управленіи ими, земства, а равно городскія и сословныя общества могутъ отказаться отъ учрежденія учебныхъ заведеній сего типа, а также отъ ассигнованія новыхъ пособій на ихъ содержаніе. Въ частности, для учрежденій, въ содержаніи коихъ участвуютъ земства и города, законъ (пол. зем. учр. ст., 6 прил. ст. 2 прим., город. полож., ст. 138, п. 4, прим.) правда, постановляетъ, что производство общественными управленіями денежныхъ пособій на состоящія въ вѣдѣніи Правительства учебныя заведенія, по принятіи сихъ пожертвованій, обязательно для земствъ и городовъ. Но тѣмъ же закономъ предусмотрѣна и возможность изъявленія Правительствомъ согласія на прекращеніе дальнѣйшаго отпуска подобныхъ пособій. Между тѣмъ, въ случаѣ осуществленія проектированнаго преобразованія, необходимость такихъ отказовъ можетъ возникнуть довольно часто. Затруднительнымъ окажется привлечь земскія и городскія учрежденія, имѣющія характеръ всесословный, къ расходамъ на содержаніе училищъ съ составомъ обучающихся изъ высшихъ, главнымъ образомъ, сословій, если, сверхъ того, будетъ сужена также и степень участія названныхъ учрежденій въ дѣлѣ завѣдыванія женскими гимназіями. Требования же, предъявляемыя проектомъ къ гимназіямъ, содержащимъ частными лицами, до того строги, что введеніе ихъ въ законъ несомнѣнно повлечетъ за собою закрытіе всѣхъ учебныхъ заведеній этой категоріи.

Министръ Финансовъ признаетъ, что развитіе народнаго образованія составляетъ одну изъ главнѣйшихъ задачъ правительства. Въ заботахъ своихъ по этому предмету оно не должно останавливаться даже передъ значительными пожертвованіями. Но, при настоящемъ уровнѣ просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, надлежитъ соблюдать извѣстную постепенность въ удовлетворе-

ніи заявляемыхъ въ семь отношеніи требованій,—соотвѣтственно степени ихъ настоятельности. Наибольше неотложными являются нынѣ мѣры, клонящіяся къ развитію начального народнаго образованія. Потребность эта и должна быть удовлетворена прежде всѣхъ другихъ. Далѣе, необходимо озаботиться распространеніемъ техническаго и профессиональнаго образованія въ народѣ. Тогда только, когда обѣ указанныя отрасли учебнаго дѣла будутъ удовлетворительно поставлены, наступить для правительства время и возможность удѣлять изъ казны новыя средства на среднее образованіе въ женскихъ гимназіяхъ. При такихъ условіяхъ, обходиться безъ содѣйствія земствъ, городовъ, сословій и отдѣльныхъ жертвователей въ доставленіи этихъ средствъ, а равно затруднять учрежденія женскихъ учебныхъ заведеній частными лицами, было бы, съ финансовой точки зрѣнія, крайне не желательно.

Возраженіе это оказалось настолько существеннымъ, что предрекло судьбу проекта—и Государственный совѣтъ рѣшилъ: возвратить дѣло Министерству Народнаго Просвѣщенія для новаго пересмотра. Такимъ образомъ дѣло реформы женскаго образованія является у насъ вопросомъ самаго недалекаго будущаго; мы здѣсь не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ приведенныхъ нами проектовъ, такъ какъ это не входитъ въ задачу нашей статьи,—цѣль которой сгруппировать важнѣйшіе матеріалы по исторіи женскаго образованія.

VI.

Совершенно отдѣльно отъ общаго теченія стоитъ у насъ вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи.

Начало медицинскому образованію женщинъ въ Россіи положено было, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, инструкціею медицинской канцеляріи 1757 г., которою предписывалось докторамъ и акушерамъ читать «цѣлый коллегіумъ о бабичьемъ дѣлѣ» бабкамъ и ученицамъ ихъ, съ анатоміею половыхъ органовъ на трупахъ, а также съ изложеніемъ неправильнаго устройства и болѣзней ихъ и съ ученіемъ о правильныхъ и неправильныхъ родахъ. Хотя со времени появленія у насъ первыхъ подготовленныхъ такимъ образомъ повивальныхъ бабокъ спросъ на нихъ постепенно усиливался, но объемъ сообщавшихся имъ знаній совершенствовался далеко не въ той степени, какъ это вызывалось общественною потребностью. Наибольшею заботливостью въ этомъ отношеніи отличался Виленскій университетъ, въ которомъ повивальнымъ бабкамъ читался отдѣльный отъ студентовъ курсъ анатомическихъ, фیزیологическихъ и клиническихъ свѣдѣній. Кромѣ Виленскаго университета образованіе повивальныхъ бабокъ у насъ сосредоточивалось почти исключительно въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и ограничивалось сообщеніемъ имъ лишь спеціальнаго круга свѣдѣній, дѣлавшихъ ихъ ремесленницами. Не смотря на

столь скромную подготовку повивальных бабок, не требовавшую особенных затрат, число ихъ было настолько незначительно, что далеко не могло удовлетворить спроса на нихъ особенно въ уѣздныхъ городахъ и селахъ, оставшихся почти безъ всякой въ этомъ отношеніи медицинской помощи. Это обстоятельство, обратившее на себя съ теченіемъ времени вниманіе, побудило медицинскія управленія допускать образованіе бабокъ при университетскихъ клиникахъ. Самостоятельныя учебныя заведенія для подготовленія повивальныхъ бабокъ стали появляться не ранѣе половины нынѣшняго столѣтія. Въ 1856 г. учреждена была первая отдѣльная акушерская школа при больницѣ въ г. Митавѣ.

Такимъ образомъ до конца 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія медицинское образованіе женщинъ ограничивалось лишь обученіемъ ихъ, и то далеко не совершеннымъ, повивальному искусству.

Примѣръ акушерской школы въ Митавѣ навелъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ на мысль учреждать подобныя же школы при земскихъ губернскихъ больницахъ; но только двѣ изъ нихъ (Могилевская и Тульская) отнеслись сочувственно къ этому важному общественному вопросу.

Затѣмъ въ школахъ стала увеличиваться объемъ преподаваемыхъ наукъ. Такъ въ повивальной школѣ въ Могилевѣ введено было преподаваніе практическаго акушерства, начатковъ фармакологіи, малой хирургіи, а также ознакомленіе бабокъ съ болѣзнями родильницъ и новорожденныхъ и съ сифилисомъ у женщинъ и дѣтей. Въ Московской акушерской школѣ при Воспитательномъ домѣ стали читать ученицамъ краткую анатомію, гигиену, малую хирургію и женскія и дѣтскія болѣзни. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые изъ повивальныхъ бабокъ привлечены были къ специальному изученію сифилиса у женщинъ и дѣтей въ учрежденномъ съ этою цѣлью особомъ училищѣ при Калининской больницѣ въ С.-Петербургѣ. Не смотря, однако, на всѣ указанныя улучшенія, положеніе у насъ образованія повивальныхъ бабокъ не имѣло прочнаго основанія, и воспитанницы акушерскихъ школъ, не получая надлежащей общемедицинской подготовки, не могли съ полнымъ успѣхомъ отправлять возлагавшіяся на нихъ въ послѣдствіи весьма серьезныя обязанности. При такой шаткой постановкѣ женскаго акушерскаго образованія и въ законѣ кругъ дѣятельности повивальныхъ бабокъ очерченъ весьма неопредѣленно. Съ одной стороны законодательство рассматриваетъ ихъ какъ помощницъ врачей при рѣшеніи, напримѣръ, вопроса о жизни и смерти роженицы или плода, а съ другой опредѣляетъ ихъ лишь какъ простыхъ подручницъ врача. Въ законѣ не дѣлается даже никакого различія между дѣятельностью повивальной бабки въ городѣ, гдѣ почти всегда имѣется возможность прибѣгнуть къ помощи врача, и сельскою повивальною бабкою; между тѣмъ какъ въ Пруссіи, гдѣ уже давно нѣтъ недостатка въ сельскихъ врачахъ, сельскимъ

повивальнымъ бабкамъ предоставляется болѣе обширное поле дѣятельности, чѣмъ городскимъ.

Этотъ пробѣлъ въ законѣ былъ, впрочемъ, пополненъ въ 1867 г. распоряженіемъ Медицинскаго совѣта, которымъ предоставлялось повивальнымъ бабкамъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности прибѣгнуть къ врачебной помощи, право налагать шипцы, дѣлать поворотъ, извлекать плодъ, отдѣлять дѣтское мѣсто и т. д. Право это, однако, было признано лишь за такими повивальными бабками, которыя при обученіи приобрѣли основательныя практическія познанія и по нравственнымъ качествамъ заслуживали такого отличія, о чемъ обыкновенно отмѣчалось въ ихъ аттестатахъ.

Такая неопредѣленность взгляда нашего законодательства на обязанности повивальныхъ бабокъ, а равно и неудовлетворительность образовательныхъ средствъ, предназначенныхъ для подготовки ихъ къ этой дѣятельности, побудили нѣкоторыхъ авторитетныхъ медиковъ, воспользовавшись предстоявшимъ въ концѣ 60-хъ годовъ общимъ пересмотромъ положенія о медицинскихъ учебныхъ степеняхъ, возбудить вопросъ о болѣе цѣлесообразной постановкѣ у насъ акушерской части и врачебнаго образованія женщинъ, посвящавшихъ себя повивальному искусству. Исходя изъ того положенія, что въ данномъ случаѣ возможенъ лишь двойной выходъ: или предоставленіе акушерской дѣятельности исключительно врачамъ, съ требованіемъ отъ нихъ обязательнаго изученія практическаго акушерства, или допущеніе женщинъ къ общему медицинскому образованію, насколько оно необходимо для полнаго акушерскаго образованія, эти медицинскіе авторитеты находили, что въ смыслѣ перваго предположенія вопросъ едва ли когда либо можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно, такъ какъ ни медицинская академія, ни университеты не въ состояніи будутъ подготовить достаточное число опытныхъ акушеровъ; что же касается допущенія женщинъ къ общему медицинскому образованію, то, по мнѣнію ихъ, вопросъ этотъ разрѣшается вполне утвердительно. Способность женщинъ съ полнымъ отверженіемъ помогать страждущему, ихъ выносливость и терпѣніе у постели больного, умѣніе нравственно подчинить себѣ больного и тѣмъ поддерживать въ немъ вѣру и надежду на исцѣленіе—эти качества, столь свойственныя женщинамъ, были съ такою пользою примѣняемы ими всегда и вездѣ, что не нуждаются ни въ защитѣ, ни въ похвалахъ.

Признавъ возможность допущенія женщинъ къ общему медицинскому образованію, ученые медики находили цѣлесообразнымъ установить у насъ двѣ акушерскія степени: 1) простой повивальной бабки, подготовляемой въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и 2) ученой акушерки съ общимъ врачебнымъ образованіемъ, получаемымъ на особыхъ курсахъ, могущихъ быть учрежденными какъ при медицинской академіи, такъ и при нѣкоторыхъ университетахъ, гдѣ найдутся необходимыя для того средства.

Означенныя предположенія были приняты медицинскимъ совѣтомъ, который по журналу 7 апрѣля 1870 г., за № 69, постановилъ:

1) Установить для женщинъ двѣ акушерскія степени: а) степень повивальной бабки и б) степень ученой акушерки.

2) Званіе повивальной бабки оставить на прежнемъ основаніи, какъ оно въ настоящее время достигается въ родовспомогательныхъ институтахъ, и съ тѣми же правами.

3) Желающихъ же посвятить себя болѣе широкой врачебно-акушерской дѣятельности допустить къ слушанію учебныхъ курсовъ въ медицинскихъ факультетахъ и въ медико-хирургической академіи.

4) Условіемъ для допущенія женщинъ къ слушанію курса врачебныхъ наукъ должно быть выдержаніе ими полного окончательнаго экзамена по программѣ женскихъ гимназій и институтовъ; этому же экзамену должны подвергаться и имѣющія степень повивальной бабки, коль скоро онѣ пожелаютъ слушать курсъ врачебныхъ наукъ.

5) Курсъ врачебно-акушерскаго образованія женщинъ продолжается 4 года.

6) Преподаваніе наукъ производится по слѣдующей программѣ: *въ 1-мъ курсѣ* должны быть излагаемы: физика, общая химія, медицинская ботаника, анатомія здороваго человѣка, фізіологія и гистологія нормальныхъ тканей; *во 2-мъ курсѣ*: медицинская химія, фізіологія, общая паталогія, методы изслѣдованія болѣзней, гигиена, фармакологія и фармація съ рецептурою; *въ 3-мъ курсѣ*: паталогическая анатомія съ гистологіею, акушерство, женскія и дѣтскія болѣзни, хирургія, въ примѣненіи къ гинекологической и дѣтской практикѣ, съ ученіемъ о повязкахъ, клиники: акушерская, женская, дѣтская, внутреннихъ и наружныхъ болѣзней; *въ 4-мъ курсѣ*: оперативное акушерство, разъясненіе судебно-медицинскихъ вопросовъ, встрѣчающихся въ акушерской практикѣ (какъ то: о дѣвственности, дефлорации, беременности, выкидышѣ, жизнеспособности младенца и опредѣленія живымъ ли родился ребенокъ или мертвымъ), ученіе о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ, насколько первое необходимо въ гинекологической, а послѣднее—въ дѣтской практикѣ, и клиники: акушерская, женская, дѣтская и сифилитическая.

7) По окончаніи курса ученія, ученицы, для полученія степени ученой акушерки, должны выдержать испытаніе по программѣ, установленной на званіе лѣкаря, съ тѣмъ притомъ различіемъ, что изъ предметовъ, не входящихъ полностью въ кругъ будущей ихъ дѣятельности, какъ то: изъ теоретической и оперативной хирургіи, судебной медицины, ученія о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ, онѣ испытываются лишь въ примѣненіи къ оной, — а изъ акушерства, ученія о женскихъ и дѣтскихъ (преимущественно грудныхъ дѣтей) болѣзняхъ подвергаются болѣе спеціальному,

какъ теоретическому, такъ и практическому испытанію, чѣмъ на степень лѣкаря.

8) Получившимъ по надлежащемъ испытаніи степень ученой акушерки предоставляется право самостоятельной, по преимуществу специальной, акушерской, гинекологической, врачебной практики, а также лѣченія сифилиса у женщинъ и дѣтей и подаванія пособій груднымъ дѣтямъ.

Это постановленіе медицинскаго совѣта было въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія передано на заключеніе университетскихъ совѣтовъ.

Изъ доставленныхъ въ теченіи 1870—71 гг. отзывовъ 6-ти университетовъ усматривается, что заключенія ихъ сводились къ тому, что не встрѣчается препятствія къ допущенію женщинъ, надлежащимъ способомъ къ тому подготовившихся, приобрѣтать и усваивать высшее медицинское образованіе на одинаковыхъ основаніяхъ съ лицами мужскаго пола.

По обсужденіи постановленія медицинскаго совѣта въ связи съ полученными отзывами университетовъ, совѣтъ Министра Народнаго Просвѣщенія, 15 марта 1872 г., постановилъ нижеслѣдующее заключеніе:

«Не отрицая пользы усиленія медицинскаго образованія повивальныхъ бабокъ съ тою цѣлью, чтобы удостоенныя изъ нихъ званія ученыхъ акушерокъ имѣли право на самостоятельное лѣченіе опредѣленнаго круга болѣзней и такимъ образомъ могли заступать мѣсто врачей, признать необходимымъ, чтобы при устройствѣ медицинскихъ курсовъ для образованія ученыхъ акушерокъ были соблюдены условія относительно женскихъ курсовъ акушерскихъ наукъ, Высочайше постановленныя въ Совѣтѣ Министровъ, 14 января 1871 г., при обсужденіи, въ присутствіи Его Императорскаго Величества, вопроса о допущеніи женщинъ на службу въ общественныя и правительственныя учрежденія. именно, чтобы женскіе медицинскіе курсы въ университетахъ были отдѣлены отъ курсовъ для студентовъ.

Не входя затѣмъ въ подробное обсужденіе вопроса о томъ, въ какомъ размѣрѣ удобно и полезно предоставить женщинамъ средства получать медицинское образованіе и съ какою предварительною научною подготовкою онѣ могли бы быть допускаемы къ слушанію устроенныхъ для нихъ медицинскихъ курсовъ, Совѣтъ Министра призналъ нужнымъ имѣть въ виду: 1) свѣдѣнія о томъ, при какихъ условіяхъ и въ какомъ размѣрѣ предоставляется женщинамъ право на медицинскую практику въ Западной Европѣ, и 2) мнѣніе медицинскаго совѣта, не будетъ ли признано полезнымъ, независимо отъ устройства медицинскихъ курсовъ для образованія ученыхъ акушерокъ, учредить медицинскіе курсы для образованія лѣкарскихъ помощниковъ, которые имѣли бы право на медицинскую практику въ опредѣленныхъ случаяхъ и размѣрахъ и могли бы, такъ-же какъ ученныя акушерки, заступать въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣсто врачей». Это заключеніе совѣта Ми-

нистра было сообщено для отзыва Министерству Внутренних Дѣлъ.

Между тѣмъ Военный Министръ, въ виду заявленія медико-хирургической академіи, что лица, являющіяся къ экзаменамъ для полученія званія повивальной бабки, не представляютъ достаточной научной подготовки, нашелъ необходимымъ испросить Высочайшее соизволеніе на учрежденіе при медицинской академіи особыхъ курсовъ для приготовленія ученыхъ акушеровъ на основаніяхъ, выработанныхъ въ 1870 году медицинскимъ совѣтомъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ 6 мая 1872 г. разрѣшено было означенные курсы учредить съ тѣмъ, чтобы окончательное положеніе о нихъ было своевременно представлено на Высочайшее утвержденіе. Временное же положеніе и росписаніе предметовъ преподаванія были утверждены Военнымъ Министромъ 8 іюля того же 1872 года.

На этихъ основаніяхъ курсы существовали до 1876 года, при чемъ число слушательницъ на нихъ доходило одновременно до 300. Въ четырехлѣтній періодъ своего существованія курсы, по заявленію Главнаго Военно-Медицинскаго Управленія, доказали, что слушательницы ихъ могутъ съ полнымъ успѣхомъ усваивать не только тѣ науки, которыя предполагалось первоначально читать на курсахъ, но и нѣкоторыя дополнительныя, которыя были введены на курсахъ съ теченіемъ времени по указаніямъ опыта.

Изъ имѣющихся въ дѣлахъ Министерства данныхъ усматривается, что, въ теченіе десятилѣтняго существованія курсовъ, заявили себя готовыми идти по этому нелегкому пути до 1,309 лицъ, а именно въ 1872 г.—109, въ 1873 г.—99, въ 1874 г.—111, въ 1875 г.—125, въ 1876 г.—146, въ 1877 г.—196, въ 1878 г.—176, въ 1879 г.—112, въ 1880 г.—111 и въ 1881 г.—127, не смотря на то, что матеріальныя средства значительнаго большинства поступавшихъ на курсы были крайне ограничены. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что значительное число желающихъ поступить на курсы не объясняется легкостью пріема, такъ какъ таковой, сколько извѣстно, производился по конкуррентнымъ испытаніямъ, программа которыхъ была значительно выше программы женскихъ гимназій, поэтому поступающія на курсы должны были дополнять свое образованіе усиленной домашней подготовкой. При всѣхъ этихъ затрудненіяхъ, число выдержавшихъ удовлетворительно экзамены всегда превышало число вакансій (70).

Такъ изъ допущенныхъ къ повѣрочному испытанію выдержало удовлетворительно экзаменъ и принято:

въ 1872 г.	изъ	109— 90	въ 1877 г.	изъ	196—121
» 1873 »	»	98— 89	» 1878 »	»	176—110
» 1874 »	»	111— 88	» 1879 »	»	112— 83
» 1875 »	»	123— 93	» 1880 »	»	111— 77
» 1876 »	»	146—130	» 1881 »	»	127— 78

Общее число слушательниц со времени открытія 5 курса, съ 1876 г., составляло постоянно около 450, а за послѣдній 1881 г.—460. Слушательницы курсовъ, по окончаніи пятилѣтняго обученія, подвергались испытанію примѣнительно къ установленному на степенъ лѣкаря и обнаружали, по засвидѣтельствуванію членова комиссіи и медицинскаго совѣта, достаточныя познанія и способность къ медицинскому мышленію; это вызвало со стороны медицинскаго совѣта ходатайство о предоставленіи слушательницамъ курсовъ права самостоятельной врачебной практики безъ ограниченія ея женскимъ поломъ и дѣтскимъ возрастомъ.

Практическая дѣятельность воспитанницъ курсовъ обнаружилась особенно въ послѣднюю восточную войну. Въ 1878 г. еще до наступленія перваго срока выпускныхъ экзаменовъ, 25 слушательницъ изъ окончившихъ пятилѣтній курсъ ученія отправились на театръ военныхъ дѣйствій: 20 изъ нихъ въ дѣйствующую армію и 5 въ учрежденія Краснаго Креста, въ тылу арміи. Первыя подъ руководствомъ командированныхъ на театръ войны профессоровъ, занимались въ военновременныхъ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ, вторыя работали въ эвакуаціонныхъ учрежденіяхъ Краснаго Креста. Полезная дѣятельность женщинъ-врачей обратила на себя вниманіе и подлежащаго начальства: полевой военномедицинскій инспекторъ въ своемъ докладѣ начальнику штаба дѣйствующей арміи, отзываясь самымъ лестнымъ образомъ о слушательницахъ курсовъ, просилъ его ходатайства передъ Его Императорскимъ Высочествомъ Главнокомандующимъ о награжденіи ихъ, не въ примѣръ другимъ, орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами или другимъ знакомъ отличія.

По имѣющимся о курсахъ свѣдѣніямъ, большинство слушательницъ посвятило себя службѣ по земству и, вообще говоря, пріобрѣло довѣріе бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Гораздо менѣе требовательныя, чѣмъ мужчины, относительно содержанія и жизненныхъ удобствъ, онѣ зачастую несли на себѣ даже черную работу фельдшерицъ, собственноручно омывая раны, дѣлая перевязки, словомъ являя собою тѣхъ же сестеръ милосердія, обогащенныхъ лишь знаніемъ. Нѣсколько женщинъ-врачей служатъ и въ больницахъ, содержимыхъ на счетъ С.-Петербургскаго городского общества, которое въ первый разъ обратилось къ женщинамъ-врачамъ въ 1882 г., во время эпидеміи дифтерита и скарлатины, пригласивъ ихъ временно для подачи врачебной помощи приходившимъ больнымъ и къ лѣченію на дому больныхъ, лишенныхъ возможности приходить къ нимъ за врачебною помощію.

Этотъ опытъ, давшій хорошіе результаты, послужилъ поводомъ къ учрежденію въ 1883 г. постоянной общедоступной врачебной помощи чрезъ особыхъ врачей, находившихся въ распоряженіи городского управленія, въ числѣ ихъ были и женщины-врачи. Въ 1884 г., изъ общаго числа 20 такихъ врачей женщинъ было 7, а въ 1887 г. изъ 24 врачей женщинъ было уже 14.

Въ теченіе семилѣтняго періода (1883—1889 г. г.) существо-

ванія этихъ, такъ называемыхъ въ народѣ «думскихъ», врачей къ нимъ сдѣлано 1.200.000 амбулаторныхъ посѣщеній больными, и сами врачи посѣтили больныхъ на дому болѣе 362.000 разъ. Изъ этого числа на долю каждой женщины-врача падаетъ, въ среднемъ выводѣ за семь лѣтъ, 49.645 амбулаторныхъ къ нимъ посѣщеній 14.970 визитовъ ихъ къ больнымъ на-дому, а на долю каждого мужчины-врача 47.970 амбулаторныхъ посѣщеній и 13.946 визитовъ.

Чтобы судить о постепенномъ расширеніи дѣятельности женщинъ-врачей въ дѣлѣ оказанія врачебной помощи нуждающемуся населенію столицы, всего удобнѣе взять цифровыя данныя за три послѣдніе года (1887—1889 г. г.), когда въ составѣ думскихъ врачей было не измѣнявшееся число: мужчинъ врачей 10 и женщинъ-врачей 14.

Въ эти три года сдѣлано больными амбулаторныхъ посѣщеній къ врачамъ:

мужчинамъ въ 1887 г.—73.329, 1888 г.—78.865 и 1889 г.—85.357.
женщинамъ въ 1887 г.—126.059, 1888 г.—126.544 и 1889 г.—137.562,

что составитъ въ годъ на каждого врача:

мужчину въ 1887 г.—7.732, 1888 г.—7.886 и 1889 г.—8.535,
женщину въ 1887 г.—9.004, 1888 г.—9.039 и 1889 г.—9.826.

Въ теченіе указаннаго же періода времени врачи сдѣлали визитовъ на домъ къ больнымъ:

мужчины въ 1887 г.— 20.940, 1888 г.—22.356 и 1889 г.—25.485,
женщины въ 1887 г.—33.182, 1888 г.—36.349 и 1889 г.—39.998,

что составитъ въ годъ на каждого врача:

мужчину въ 1887 г.—2.094, 1888 г.—2.235 и 1889 г.—2.548,
женщину " " 2.427, " 2.597 " " 2.857.

Изъ имѣющихся за первую половину 1889 г., когда еще въ столицѣ не появилось эпидеміи инфлуэнцы, сразу увеличившей число больныхъ до громадной цифры и потребовавшей усиленія личнаго состава врачебной помощи нуждающемуся населенію, свѣдѣній, видно, какіе больные по преимуществу предпочитаютъ обращаться къ женщинамъ-врачамъ.

За первое полугодіе 1889 г. лѣчилось:

у мужчинъ-врачей 896 мужч. и дѣтей и 1.314 женщ.
у женщинъ-врачей 890 " " " " 2.687 "

Такъ какъ въ число лѣчившихся у женщинъ-врачей больныхъ мужского пола входили и дѣти, то можно смѣло сказать, что женщины-врачи по преимуществу оказываютъ врачебную помощь женщинамъ и дѣтямъ.

Кромѣ амбулаторнаго лѣченія приходящихъ больныхъ и лѣченія нуждающихся больныхъ на дому на женщинахъ-врачахъ, совмѣстно съ городскими санитарными врачами, лежитъ санитарный надзоръ за начальными городскими училищами, а также лѣченіе учащихся и учащихся въ нихъ. При этомъ каждой жен-

щинѣ-врачу приходится въ среднемъ имѣть санитарно-врачебный надзоръ за 10 училищами съ 550 учащими и учащимися.

Сверхъ сего въ городскихъ больницахъ, со времени перехода ихъ въ завѣдываніе городского общественнаго управленія, женщины-врачи стали допускаться въ качествѣ экспертовъ и сверхштатныхъ врачей, и число ихъ нынѣ дошло до 20. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ больницъ женщины-врачи занимаютъ постоянныя мѣста съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Такія женщины-врачи имѣются въ больницахъ: св. Николая Чудотворца, св. Пантелеймона и во временной Мало-Охтенской. Женщины-врачи служатъ также въ Калининской сифилитической больницѣ, въ Обуховской Александровской больницѣ въ память 19 февраля 1861 г. и въ городской барачной больницѣ. Нѣкоторыя изъ женщинъ-врачей стоятъ даже во главѣ отдѣльныхъ учреждений! Такъ, три (изъ 10) родовспомогательныя пріюта находятся въ завѣдываніи женщинъ-врачей акушеровъ. Дѣятельность послѣднихъ, какъ видно изъ ежегодныхъ отчетовъ, не только не ниже, но нерѣдко по числу успѣшно произведенныхъ операцій даже превышаетъ мужчинъ-врачей-акушеровъ.

Вообще слушательницы женскихъ врачебныхъ курсовъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, приносятъ посильную помощь обществу по своей специальности или въ качествѣ вильнопрактикующихъ врачей или даже занимая штатныя медицинскія должности. Такъ, изъ донесеній врачебныхъ инспекторовъ за 1888 г. видно, что изъ 693 женщинъ-врачей состояло при больницахъ и думскими врачами въ С.-Петербургѣ 66, находились на земской службѣ при больницахъ и участкахъ 92 и занимались вольною практикою 540.

Изъ отчета Медицинскаго Департамента за 1887 г. видно, что къ 1888 году населеніе Россіи достигало 110.000000 душъ, а врачей числилось въ то же время 18.334 чел., т. е. приблизительно 1 врачъ на 6000 жителей, тогда какъ Германія имѣетъ 1 врача на 3000, Франція 1 на 1800 и Англія 1 на 1600. Ужъ эти первыя цифры показываютъ, насколько Россія отстала отъ Западной Европы относительно доступности врачебной помощи для населенія, но это отношеніе дѣлается еще неутѣшительнѣе, если мы вспомнимъ, что большая часть врачей проживаетъ въ столицахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ того же отчета, приходится 1 врачъ на 2700 чел., за то въ селахъ и деревняхъ мы имѣемъ 1 врача на 30.000 чел., а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ это отношеніе спускается до невѣроятной цифры—1 врача на 120.000 душъ сельскаго населенія. Изъ того же источника мы узнаемъ, что напримѣръ, на всю Архангельскую губернію имѣется 14 врачей, а на Приморскую область всего 8. Если сюда прибавить значительно худшія гигиеническія условія нашего отечества сравнительно съ Западною Европою, то окажется, что мы далеко отстали отъ нашихъ западныхъ сосѣдей въ средствахъ медицинской помощи населенію.

И дѣйствительно Россія по среднему коэффициенту смертности занимаетъ первое мѣсто среди европейскихъ государствъ. Этотъ коэффициентъ достигаетъ 37,3⁰/₀, въ то время какъ въ Даніи и Швеціи онъ равняется лишь 19,5⁰/₀—18,2⁰/₀.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія былъ разработанъ проектъ положенія о женскомъ медицинскомъ институтѣ,—основные пункты котораго сводятся къ слѣдующему: I) С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ имѣетъ цѣлю доставлять лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ акушерской дѣятельности и къ лѣченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. II) Устройство института въ хозяйственномъ отношеніи и обезпеченіе его матеріальными средствами возлагается на особый попечительный комитетъ, члены котораго назначаются Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія изъ лицъ, заявившихъ значительными пожертвованіями свое сочувствіе къ высшему медицинскому образованію женщинъ, а также изъ лицъ, способныхъ приносить особенную пользу институту по своимъ познаніямъ, общественному положенію и вліянію. III) Курсъ преподаванія въ институтѣ продолжается 4 года и распределяется на 8 полугодій. Учебныя полугодія продолжаются: первое—съ 20 августа по 20 Декабря, второе—съ 15 января по 30 мая. По окончаніи общаго медицинскаго образованія въ институтѣ, слушательницы обязаны, въ продолженіи отъ 1 до 3 лѣтъ, заниматься практикою въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и специальныхъ больницахъ или клиникахъ, женскихъ и дѣтскихъ, подъ руководствомъ опытныхъ врачей. IV) Въ институтѣ полагаются слѣдующія кафедры: 1) Анатомія. 2) Нормальная гистологія. 3) Эмбриологія. 4) Физиологія. 5) Общая патологія и врачебная діагностика. 6) Частная патологія и терапия. 7) Медицинская химія. 8) Химія органическая и неорганическая. 9) Физика. 10) Минералогія, ботаника и зоологія съ сравнительною анатоміею. 11) Фармакогнозія. 12) Фармація съ рецептурой и токсикологія. 13) Фармакологія съ ученіемъ о минеральныхъ водахъ. 14) Патологическая анатомія съ патологическою гистологіею. 15) Акушерство. 16) Женскія болѣзни. 17) Дѣтскія болѣзни. 18) Гигіена. 19) Хирургія съ десмургіею. 20) Оперативное акушерство (въ акушерской и гинекологической клиникахъ). 21) Сифилидологія и дерматологія. 22) Офтальмологія. 23) Нервныя и душевныя болѣзни. V) Удовлетворительно окончившимъ курсъ института выдается дипломъ на званіе «женщина-врачъ», дающій слѣдующія права: а) право повсемѣстно свободной практики по приглашенію желающихъ пользоваться ихъ совѣтами на основаніи постановленій о вольнопрактикующихъ врачахъ; б) право выписывать изъ аптекъ по рецептамъ сильно дѣйствующія средства, съ занесеніемъ ихъ именъ, согласно ст. 128, т. III уст. врач., въ Россійскій медицинскій списокъ; в) право, въ качествѣ специалистовъ по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, повсемѣстно занимать должности

врачей, безъ правъ государственной службы, при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ, школахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, а равно женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родовспомогательныхъ заведеній, а также и при учрежденіяхъ по надзору за проституціей; г) право быть допускаемыми губернскими врачебными управленіями по ходатайству земскихъ учрежденій, къ завѣдыванію земскими медицинскими участками, а равно находящимися въ этихъ участкахъ сельскими больницами, пріемными покоями и всякаго рода лѣчебными заведеніями.

Въ такомъ видѣ дѣло это поступило на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который подавляющимъ большинствомъ голосовъ (38 противъ 1) рѣшилъ вопросъ утвердительно. Дѣло оставалось только за матеріальными средствами,—но благодаря громадному сочувствію русскаго образованнаго общества средства эти найдены; пожертвованія полились щедрою рукою и вскорѣ образовался капиталъ, достаточный для содержанія такого учрежденія—какъ женскій медицинскій институтъ.

Такимъ образомъ дѣло женскаго медицинскаго образованія въ Россіи поставлено въ настоящее время кажется на надлежащую почву.

В. Винштокъ.

Наши воскресники.

Посвящается Христину Дамиловну Алчевской.

I.

Въ нашемъ городѣ открылась воскресная школа.

Съ любопытствомъ, съ ожиданіемъ чего то необычайнаго переступаю я ея порогъ. Интересной работы по горло. Что-то дастъ мнѣ эта работа? Принесетъ ли она и мнѣ, и ученикамъ то нравственное удовлетвореніе, котораго мы ждемъ взаимно другъ отъ друга?

При видѣ своей бородатой группы съ серьезными вопросительными лицами, у меня слегка екаетъ сердце. Ну, да «смѣлымъ Богъ владѣетъ!». Нужно это помнить хорошенько.

Самымъ интереснымъ ученикомъ кажется мнѣ Б. Это 38-лѣтній отставной солдатъ-земледѣлецъ, геркулесъ по сложенію. Въ выраженіи лица на первомъ планѣ чувство собственного достоинства. Къ дѣлу школы относится недоувѣрчиво. Полуграмотенъ.

На мое заявленіе ученикамъ своей группы, что кто желаетъ научиться грамотѣ въ воскресной школѣ, тотъ долженъ посѣщать ее три года, онъ очень откровенно разсмѣялся.

Чему же вы смѣетесь, Б.? Развѣ думаете, что ни у кого не станетъ на это терпѣнія? Онъ немножко смутился.

— Можетъ, молодежь ходить и будетъ, а гдѣ же намъ, семейнымъ людямъ столько времени тратить? Вѣдь это такъ только забава.

Мои требованія въ отношеніи первыхъ началъ каллиграфіи и ореографіи казались ему просто странными. Если ему напр., нужно было написать *a*, онъ писалъ прежде *и*, а потомъ соединялъ его сверху оваломъ, увѣряя, что ему писать такъ удобнѣе, а вѣдь все равно отъ этого не измѣнится.

— Зачѣмъ я буду, говорить, раздѣлять слова на кусочки, когда умѣю написать сразу цѣлое? И переносить словъ мнѣ не надо: если бумага будетъ, я напишу его цѣликомъ на новой строчкѣ.

И съ снисходительной улыбкой, чуть не пожимая плечами,

принимался выполнять требуемое. Память и сообразительность у него оказались тупыя. Успѣхи подвигались очень медленно.

Объяснительное чтеніе велось у меня по Баранову и началось со второй половины 1-ой части, т. е. съ географическаго обзора Россіи. (Группа свободно читаетъ и плохо пишетъ).

Б. оказался человѣкомъ бывалымъ: видалъ онъ Москву, Петербургъ, былъ въ польскихъ губерніяхъ, въ Одессѣ, плавалъ по Черному морю, жилъ на Кавказѣ. Къ описанію этихъ мѣстъ онъ непремѣнно прибавлялъ свои личныя впечатлѣнія. Впечатлѣнія эти передавались просто и правдиво. Тонъ богомолокъ отсутствовалъ. Неприятно было только неизмѣнное заключеніе: «это я все видѣлъ, знаю». Ничего, дескать, новаго у васъ не узнаешь.

Картины Животовскаго, которыя я очень часто приносила въ школу, занимали всѣхъ учениковъ. Занимали онѣ и Б., но, слишкомъ явнымъ выраженіемъ любопытства онъ какъ будто боялся уронить чувство собственнаго достоинства и всегда держался поодаль. Нужно было видѣть, какимъ довольствомъ свѣтилось его лицо, когда я начала показывать изображенья верблюда и львовъ. Рукой махнулъ: «это я все видѣлъ, знаю»—и отодвинулся даже на край скамьи.

— Да, что вы все видѣли, видѣли, вспылить на него, наконецъ, сосѣдь-плотникъ, такъ, можетъ быть, другіе не видѣли! Я невозмутимо продолжаю указывать ученикамъ на сходство льва съ домашней кошкой. Рассказываю о его характерѣ, о пустыняхъ, гдѣ онъ царить. На мѣсто одного верблюда вытаскиваю ихъ цѣлый караванъ. Сообщаю о способахъ перевозки товаровъ на верблюдахъ, объ ихъ удивительной способности переносить голодъ и жажду, объ ужасахъ Самума, наступающаго иногда караваны. Б. постепенно придвигается опять поближе къ центру.

— А это что же? проявляетъ онъ въ первый разъ любопытство, ткнувъ пальцемъ въ надутый, какъ пузырь, полосатый плащъ бедуина. Уйдетъ онъ, думаю. Непремѣнно уйдетъ и, пожалуй, на другихъ дурно повліяетъ. Меня одолеваетъ жажда побѣдить этого упряма, заставить его полюбить школу, отнестись къ ней серьезно.

Изъ двухъ часового урока я 1½ часа употребляю на диктовку и самостоятельныя письменныя работы, съ помощью этихъ работъ, силясь выяснитъ себѣ потребности и жизнь своихъ учениковъ. Заставляю ихъ давать отвѣты на такія темы: «Что вы работаете, сколько зарабатываете въ мѣсяцъ и свободно ли хватаетъ заработка на жизнь». «Когда испытывали въ жизни сильное горе и когда сильную радость». «Какъ узнали о школѣ и что вамъ въ ней больше всего нравится».

Барановъ былъ быстро оконченъ. За неимѣніемъ матеріала для чтенія, я веду простые рассказы по преимуществу изъ области естествознанія. «Не повторяться», твержу я себѣ, «это не дѣти». Кажется, цѣль достигнута. Вотъ уже два года прошло, а даже самый сомнительный изъ учениковъ Б. все

ходить въ школу, ходитъ даже съ лихорадкой и нарывомъ на рукѣ, умудряясь держать перо двумя пальцами. Только ярмарки да домашнія работы заставляютъ его пропускать уроки.

Въ отношеніяхъ со мной высказываетъ иногда большую деликатность. Зазѣвался онъ какъ-то, напр., во время раздачи книгъ, и все интересное было уже роздано, остались только нелюбимыя учениками пѣсни Кольцова.

— У меня больше ничего нѣтъ, говорю я ему, видя его недовольную мину, но я могу послѣ урока поискать вамъ чтонибудь другое.—Нѣтъ, зачѣмъ же васъ вторично беспокоить, отвѣчаетъ, я, вѣдь, самъ виноватъ. Въ другой разъ, какъ то въ продолженіи всего урока держать онъ у рта, не отрывая, носовой платокъ.

Для чего вы все платкомъ закрываетесь? Спрячьте его въ карманъ, говорю ему.

— Я, барышня, вчера былъ нехорошій, сознается онъ и прижимаетъ платокъ къ губамъ еще сильнѣе.

Читать Б. очень любитъ. Первые мѣсяцы своего пребывания въ школѣ онъ свѣтскихъ книгъ совсѣмъ не признавалъ и читалъ исключительно только «божественныя».

Дала я ему какъ то повѣсть Ковалевской «Назарычъ».

— Что, спрашиваю, понравилась?—Ничего, говоритъ, такъ, пустяки одни.—Ну, вотъ, предлагаю, попробуйте прочесть еще одну—вотъ эту: «Ночь передъ Рождествомъ». Принесъ назадъ улыбается.—Это хорошая, говоритъ, веселая.

Слѣдующую получилъ «Сорочинскую ярмарку». Совсѣмъ доволенъ остался.

— Дайте еще, просить, такую-же.

Я притворилась непонимающей.

— Какъ это, спрашиваю, такую же? Вы хотите опять получить описаніе ярмарки?

— Нѣтъ не ярмарки, а только такую же. Поясняетъ: такъ все, какъ настоящее.

Ага, думаю, оцѣнилъ, ну стоитъ порадовать и принесла ему «Тараса Бульбу».

На слѣдующее воскресенье Б. не возвратилъ Гоголя.

— Не успѣли прочесть? спрашиваю? — Нѣтъ, прочелъ, но позвольте мнѣ продержатъ еще недѣлю. Я вновь хочу прочесть его сначала. Это самая лучшая книга на свѣтѣ! Возвращая «Тараса Бульбу», онъ уже просилъ дать ему чтонибудь непременно Гоголя, а спустя нѣсколько воскресеній опять выпросилъ «Тараса Бульбу» и переписалъ изъ него цѣлыя страницы. (Прощаніе Андрея съ матерью, описаніе Запорожской Сѣчи, смерть Остапа). Теперь Б. знакомъ уже съ произведеніями Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Гаршина и др., но по прежнему упрямо повторяетъ, что Гоголь самый лучший писатель на свѣтѣ.

II.

Кто занимался преподаваніемъ, тотъ знаетъ, конечно, какъ мы учащіе симпатизируемъ всегда наиболѣе даровитымъ ученикамъ. На нихъ мы и вниманья больше обращаемъ, ихъ и неудачей сильнѣе огорчаемся, ихъ и развитіе хочется побольше. Несправедливо это, конечно, очень, да что же подѣлаешь съ природой человѣческой! Не даромъ же сложилась пословица: «на кого Богъ, на того и люди».

А вотъ передо мной случай, когда изъ цѣлой группы учениковъ (воскресниковъ) моимъ вниманіемъ и симпатіей завладѣваетъ самый бездарный. Зовутъ его Емельянъ Черный (фамилія вымышленна). Ему лѣтъ 25 отъ роду. По виду крѣпокъ, лицо добродушное, лобъ шириной въ три пальца. Родомъ онъ изъ Виленской губ. Языкъ смѣсь бѣлорускаго нарѣчья съ малороссійскимъ, съ примѣсю множества польскихъ словъ: цвѣтокъ у него «квята», листокъ—«листина». Слово переноситъ на другую строчку, когда буквы «не стовняца» и т. д. «Мнѣ, говоритъ, трудно, потому я и учусь плохо», замѣчаетъ онъ невозмутимо, покойно, нисколько не признавая за собой еще и тупого соображенья. Всѣмъ говорить «ты»—черта совсѣмъ не подходящая для уроженца западнаго края.

Господи! что за упрямая настойчивость и желанье учиться и учиться у этого человѣка! Нѣсколько разъ ему отказывали отъ мѣстъ, такъ какъ нерѣдко онъ бросалъ хозяйское дѣло и, присѣвъ гдѣ нибудь за бочкой, или на краю гряды, выводилъ свои каракули.

Уроки никогда не пропускались, что вообще, при неаккуратномъ посѣщеніи воскресниковъ, невольно обращало на себя вниманіе. Только разъ во время ростепели не пришелъ мой Черный. Въ слѣдующее воскресенье опоздалъ такъ, что почти пропустилъ двухъчасовой урокъ русскаго языка.

Что это, спрашиваю, Черный? Совсѣмъ на тебя не похоже?

— По низинамъ у насъ вода не пускаетъ. А прошлый разъ я чуть не затопъ; выше брюха было, такъ я и вернулся. Смотрю на него, онъ весь мокрый.

— Какія низины, что это рассказываешь. (Ромны на горѣ стоятъ).

А я давно уже не въ городѣ, отвѣчаетъ, а въ II—нѣ. Съ солнцемъ вышелъ, а все таки опоздалъ; трудно теперь очень брести.

А что, спрашиваю, ты берешь что нибудь съ собой поѣсть?

Вѣдь пока теперь доберешься опять домой, будетъ совсѣмъ темно?—Нѣтъ, отвѣчаетъ, съ экономіи хлѣба не дають, а я тутъ договорился у одного сапожника по 20 коп. за воскресенье и меня кормятъ.

II—на отстоитъ отъ Роменъ за 12¼ верстъ. Итакъ, чтобы пользоваться уроками, Черный послѣ трудовой недѣли дѣлалъ въ воскресенье 25 верстъ пѣшкомъ и за кормежку платилъ 80 коп. въ.

мѣсяцъ, что при 4-хъ-рублевомъ жалованьи составляло почти четверть мѣсячнаго заработка. Очевидно, уроки обходились ему не дешево. За то и дорожилъ же онъ этими уроками! Стоило ему только уткнуть носъ въ книгу или тетрадь, все окружающее переставало для него существовать. Что бы ни говорилось вокругъ него, кто бы ни приходилъ, онъ никогда не подымалъ головы. Отъ насъ онъ требовалъ не менѣе серьезнаго отношенія къ дѣлу.

Стоимъ мы какъ то и совѣщаемся. Объявлять ли ученье въ слѣдующее воскресенье? (Двунадесятый праздникъ и мѣстный храмовой приходился). Пожалуй, не придутъ. Наконецъ я обращаюсь къ ученикамъ и говорю: если васъ соберется много—ученье будетъ, если мало—мы устроимъ громкое чтеніе.

Черный тотчасъ выдѣлился изъ толпы. Нѣтъ, ужъ вы мнѣ навѣрное скажите, будетъ ли ученье, а то мнѣ не расчесть приходиться за 12 в. слушать громкое чтеніе.

Я невольно размѣялась.

— Приходи, успокаиваю его, если и никто не прійдетъ, я съ тобой заниматься буду.

Къ июлю ему удалось перебраться опять въ городъ и поступить водовозомъ на мѣстную фабрику.

На лѣтніе мѣсяцы занятія въ школѣ были прекращены, но выдача книгъ изъ крошечной школьной библіотеки продолжалась; только, для облегченія труда шкафъ съ книгами былъ принесенъ ко мнѣ на квартиру.

Я предложила самымъ рьянымъ изъ учениковъ продолжать занятія у меня на дому. и въ числѣ желающихъ первымъ оказался, конечно, все тотъ же Черный.

Благодаря тѣснотѣ моего помѣщенія, занятія продолжались при самой неблагоприятной обстановкѣ. Занимались мы въ палисадникѣ, черезъ который постоянно проходили, разговаривали. Вѣтеръ трепалъ листы книги, задувалъ насъ пылью.

Такъ какъ читалъ по русски Черный хотя «тупо», но правильно, мы съ нимъ и принялись за славянское чтеніе. Давалось оно ему гораздо скорѣе русской грамоты и занимало еще больше. «Такъ само Евангеліе написано» объяснялъ онъ свой особенный интересъ къ славянскому языку.

Всегда аккуратно обращавшійся съ книгами, онъ въ отношеніи Евангелія выказывалъ бережливость, даже меня удивлявшую. Черезъ два мѣсяца постоянного употребленія, оно было такъ чисто, какъ будто только что выдано на руки.

Какъ то была я на мѣстной ярмаркѣ, прихожу оттуда домой, мнѣ и говорятъ: «а тутъ приходилъ Черный съ тетрадкой подъ мышкой и пошелъ искать тебя на ярмарку».

Что за чудакъ, думаю, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ вообразилъ, что, отыскавъ меня тамъ, онъ присядетъ гдѣ нибудь на бревнѣ, и станемъ мы съ нимъ заниматься, благо привычка не развлекаться окружающимъ у насъ есть. Черезъ часъ возвратился Черный.

— Ну, спрашиваю, въ чемъ дѣло?

— Я, барышня, говорить, написалъ домой письмо, такъ ты сначала прочитай, а то тамъ такіе грамотѣи, что, пожалуй, и не разберутъ.

Разобрать его оказалось, дѣйствительно, довольно трудно. Однѣи тѣ же фразы повторялись въ нѣсколькихъ мѣстахъ; начиналось оно на лѣвой страницѣ маленькой буквой.

Начиналось оно такъ: «я нишу письмо домой самъ собственно-ручно...» Далѣе шли поклоны. «Я тутъ не балуюсь, а денегъ не шлю домой потому, что нѣту. Заработки плохіе, все проѣдаю». Затѣмъ опять поклоны, просьба не забывать его на чужой сторонѣ, не оставлять родительскимъ благословіемъ. «А держусь у Ромнахъ», оканчивалось письмо, «черезъ грамоту. Кабы не грамота, совсѣмъ бы тяжело жилось на свѣтѣ».

Можно ли думать, что такое стремленіе къ ученію скоро удовлетворится? Прошла еще одна зима. Черный уже знакомъ съ нѣкоторыми грамматическими правилами, умѣетъ дѣлать задачи на маленькія числа, можетъ передать содержаніе длинной статьи. Передъ Святой онъ говорить мнѣ: Поучусь еще до Троицы, а тамъ и домой пора. Слава Богу, теперь я уже грамотенъ! Читать и писать хорошо умѣю, а ариеметики съ меня довольно, она, чѣмъ дальше, все труднѣе становится, а сильно думать на голову вредно. У меня одинъ товарищъ, все думалъ, думалъ, да и ума рѣшился. Вотъ только 10 руб. нужно собрать на дорогу, да на гостинцы домашнимъ кое что скопить.

Что же это? Неужели при такомъ стремленіи къ знанію, можно удовлетвориться такъ малымъ?

А сборы въ дорогу идутъ такъ же рѣшительно, какъ и стремленіе къ грамотѣ. На страстной недѣлѣ, получивъ расчетъ и отказавшись отъ праздничныхъ обновъ, онъ принесъ мнѣ 3 руб. 50 коп.

Возьми, говорить, барышня, спрячь, а то, неравно у меня на фабрикѣ украдутъ; у насъ вѣдь тоже народъ разный. На праздникахъ принесъ спрятать еще полтинникъ, полученный отъ кого то на чай, чѣмъ крайне удивилъ случившагося въ кухнѣ работника: «какъ это можно деньги, данныя на чай, не пропить?»

Итакъ еще 6 руб. и я навсегда разстанусь съ своимъ страннымъ ученикомъ.

Ахъ, Черный, Черный! какъ бы я желала знать, что унесешь ты отъ насъ съ собою на родину? Одно ли только знаніе грамоты? Что посѣяно въ твоей душѣ добраго, честнаго, и какое сѣмя дастъ плодъ!

Е. Л. Остапенко.

Мишель Монтэнь и его «Essais»,

(Окончаніе).

VI.

Насколько намъ извѣстно, внѣшняя жизнь Монтэня не богата событіями. Хотя въ своихъ Опытахъ на ряду съ разсужденіями о разныхъ предметахъ онъ часто говоритъ о себѣ и хотя его показанія дышатъ небывалой откровенностью, до которой не доходилъ и Руссо, тѣмъ не менѣе по однимъ этимъ біографическимъ замѣткамъ рискованно высказаться объ его личности, ибо съ какой бы искренностью не составлялись личныя признанія, въ нихъ всегда много недосказаннаго. Отъ души человѣческой до матеріальнаго ея выраженія разстояніе такъ велико, что всякое чувство, перенесенное на бумагу, всегда является въ ослабленномъ и нервѣдко преобразенномъ видѣ. Кромѣ того у каждаго человѣка существуютъ тысячи часто мелкихъ, почти неуловимыхъ поводовъ, по которымъ онъ бессознательно многое не договариваетъ. Подчасъ авторомъ можетъ руководить та щепетильная, весьма не рѣдкая у великихъ писателей и вообще у людей возвышенныхъ, стыдливость сердца, которая не позволяетъ говорить о лучшихъ своихъ чувствахъ и благороднѣйшихъ поступкахъ, о послѣднихъ особенно. Не надо забывать, кромѣ всего этого, что Монтэнь жилъ въ такое смутное время, когда, чтобы не подвергнуть себя религіознымъ преслѣдованіямъ, приходилось о многомъ или совершенно умолчать, или замаскировывать свои мысли. Подобно тому, какъ Раблэ скрывался подъ шуточной формой, приправленной непристойностями во вкусъ того времени, Монтэнь, ради возможности выяснить обществу его заблужденія, облачался въ тогу холоднаго спокойнаго наблюдателя, въ тотъ индифферентизмъ, за который его упрекаютъ, по нашему мнѣнію, напрасно. Въ натурѣ Монтэня не было матеріала, изъ котораго создаются мученики, но онъ несомнѣнно скорбѣлъ о бѣдствіяхъ и своей страны, и всего человѣчества; его хладнокровіе и равнодушіе были лишь маской, безъ которой онъ не могъ бы безнаказанно проводить свои гуманныя идеи.

Монтэнь родился 26 февраля 1533 года въ наслѣдственномъ замкѣ отца своего въ Перигорѣ. Предки его нѣкогда носили фамилію Эйкэмъ (Eyquem), до сихъ поръ сохраняющуюся въ Англии.

Отецъ Мишеля, по увѣренію автора «Essais», въ царствованіе Франциска I участвовалъ въ итальянскихъ войнахъ. Философъ и себя причислялъ, по обычаю тогдашней французской аристократіи, къ военному сословію, не смотря на то, что онъ занималъ гражданскія должности.

По свидѣтельству биографовъ *) отецъ Монтэня, Пьеръ Эйкэмъ де-Монтэнь, былъ человекъ образованный, любившій литературу. Шестнадцати лѣтъ, онъ самъ выступилъ на этомъ поприщѣ, сочинивъ пьесу латинскими стихами, посвященную Жаннѣ-де-Дюфоръ-Дюрасъ (à Jeanne de-Dufort-Duras).

Весьма вѣроятно, что въ молодости своей онъ предпочиталъ охоту—чтенію и мечъ—перу, но въ бытность его мэромъ города Бордо въ домѣ его находили гостепримство по преимуществу представители тогдашней науки и литературы. Первый литературный трудъ Мишеля Монтэня—переводъ съ испанскаго извѣстнаго трактата Райманда Себондскаго, былъ исполненъ имъ по желанію и указанію отца **).

Судя по характеру воспитанія, которое Пьеръ Монтэнь далъ своему сыну, видно, что онъ былъ въ числѣ передовыхъ людей своего времени, усвоившихъ взгляды возрожденной гуманитарной цивилизаціи.

Современникъ его Раблэ, представившій въ ѣдкой сатирѣ чувствичныя стороны схоластическаго образованія и суроваго средневѣковаго воспитанія и ранѣе Монтэня проповѣдывавшій воспитателямъ необходимость лучшаго обращенія съ дѣтьми, не былъ однимъ воиномъ въ полѣ. «Отецъ мой, говоритъ Монтэнь, хотѣлъ, чтобы я приобрѣталъ знанія не по принужденію, а по собственной охотѣ и онъ стремился развить мою душу, безъ стѣсненій и строгостей».

«Онъ доводилъ свою систему до того, говоритъ Монтэнь, что считая вреднымъ для мозговой дѣятельности ребенка внезапное пробужденіе его отъ сна, будилъ меня звуками музыки». Съ младенческаго возраста, отецъ окружалъ его отличными учителями, которые обязаны были говорить съ нимъ не иначе, какъ на языкѣ Цицерона. Родители его обладали достаточнымъ знаніемъ этого языка и приучили даже слугъ къ необходимымъ для ежедневнаго обихода съ ребенкомъ латинскимъ выраженіямъ». Монтэнь былъ вѣроятно единственнымъ ребенкомъ, которому божественный языкъ римскихъ поэтовъ и знанія мудрецовъ не стоили слезъ,—говоритъ Жозефъ Дрозъ ***),

Пьеръ Эйкэмъ раздѣлялъ мнѣнія немногихъ, что на ребенка

---

*) Michel Montaigne son origine et sa famille par Theophile Malvezin.

**) La theologie naturelle de Raymond Sebond 1569.

***) Eloge de Montaigne p. Joseph Droze.

надо дѣйствовать не поученіями, а живымъ примѣромъ. Такимъ именно путемъ онъ приучалъ своего сына съ раннихъ лѣтъ сочувствовать тѣмъ, «которые нуждаются въ помощи», и чтобы въ немъ не зарождалось обычнаго въ то время высокообрнаго отношенія къ народу, онъ въ крестные къ нему пригласилъ совершенно простыхъ и бѣдныхъ людей и отдалъ его на воспитаніе въ деревню.

Такимъ образомъ за 200 лѣтъ до Руссо, первые годы Мишеля прошли согласно программѣ, написанной женевскимъ философомъ для его Эмиля.

Къ памяти отца своего Монтэнъ относится съ трогательною благодарностью и говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ высоко нравственномъ, умѣренномъ во всѣхъ своихъ убѣжденіяхъ, глубоко вѣрующемъ и до конца своей жизни сохранившемъ преданность къ «старой вѣрѣ» безъ всякихъ уклоненій въ сторону реформаціи, но и безъ фанатизма.

Распространяясь о своихъ предкахъ по мужской линіи, Монтэнъ ничего не говоритъ о происхожденіи его матери, Antoinette de Loure de Villeneuve; изъ «Essais» извѣстно только, что отецъ его женился въ 1528 году, 33 лѣтъ отъ роду, sur le chemin de son retour d'Italie.

Мальвезенъ въ своемъ изслѣдованіи доказываетъ, что мать Монтэна происходила отъ марановъ.

Въ концѣ XV вѣка на югѣ Франціи поселилось много выходцевъ изъ Испаніи и Португаліи. Эти выходцы были евреи, нѣкогда изгнанные изъ Франціи, принявшіе христіанство и вернушіеся на свою родину. Ихъ называли новыми христіанами или маранами, изъ которыхъ большинство совершенно слилось съ католическими семьями. Хотя они искренно исповѣдывали христіанскую вѣру и даже вносили большіе вклады въ католическія церкви, но тѣмъ не менѣе во время возникшихъ во Франціи религіозныхъ войнъ одинаково преслѣдовались, какъ католиками, такъ и протестантами, вслѣдствіе чего они тщательно должны были скрывать свое происхожденіе. Въ числѣ этихъ выходцевъ, кромѣ купцовъ, было множество ученыхъ, юристовъ и медиковъ, которые послужили родоначальниками многихъ могущественныхъ и знатныхъ семей во Франціи.

Когда во Францію проникли идеи реформаціи, большинство марановъ, которые не могли позабыть все, что они вынесли отъ старой католической церкви, присоединились къ новому ученію.

Достоверно извѣстно, что мать Монтэна и два брата ея были протестантами. И если вспомнить слова М. изъ «Essais», что мысли человѣка складываются съ колыбели и всасываются съ молокомъ кормилицы, то намъ становится понятно, почему М. вмѣстѣ съ склонностью къ старой вѣрѣ былъ проникнутъ духомъ свободы и протеста.

Французскій философъ въ своихъ «Essais» не упоминаетъ о происхожденіи матери, распространяясь объ отцѣ не по той при-

чинѣ, по какой Гете любить говорить о гофратѣ, отцѣ его, умалчивая о родственникахъ матери, отецъ которой, по словамъ Гейне, занимался починкой штановъ для гражданъ свободнаго города Франкфурта. Монтэнъ не упоминаетъ о своемъ происхожденіи съ материнской стороны не изъ ложнаго стыда, а вслѣдствіе тяжелой необходимости. Въ то время слишкомъ было бы опасно признаваться въ родствѣ съ преслѣдуемыми маранами.

Монтэнъ, по выходѣ изъ Гіенской школы, куда его помѣстили въ раннемъ дѣтствѣ, тринадцати лѣтъ поступилъ въ Тулузскій университетъ для изученія юридическихъ наукъ. Одинъ изъ извѣстныхъ біографовъ Монтэна, Грюнъ, останавливаясь подробно на этой эпохѣ жизни писателя, говоритъ, что каяедру Римскаго права при немъ занималъ блестящій ученый Куяцій, привлекавшій въ Тулузу многочисленныхъ слушателей.

У Монтэна рано проявилась охота къ чтенію; еще въ Гіенской школѣ онъ зачитывается метаморфозами Овидія, интересуется подвигами Ахилла, читаетъ Энеиду, Теренція, Плавта, затѣмъ увлекается итальянскими комедіями. Одно время онъ самъ принималъ участіе въ исполненіи трагедій Буканана и даже съ особой ревностью предается этому занятію. Въ его книгѣ мы находимъ проявленіе нѣкоторой нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ о его драматическихъ упражненіяхъ, нетерпимость, какую онъ никогда вслѣдствіи не высказывалъ ни въ какихъ другихъ случаяхъ.

Уже на двадцать первомъ году своей жизни онъ занимаетъ должность члена провинціального совѣта въ Бордо. Относительно юношескихъ лѣтъ М., кромѣ его собственныхъ указаній, Сентъ-Бевъ, пользуясь многими свидѣтельствами его современниковъ, говоритъ, что хотя Монтэнъ предавался обычнымъ увлеченіямъ молодости, но никогда не подчинялся страсти до самозабвенія. Монтэнъ смотритъ на любовь, какъ на величайшее наслажденіе, тѣмъ не менѣе выше любви онъ ставитъ чувство дружбы, какъ чувство «болѣе общее и менѣе требовательное», которое онъ самъ испыталъ въ такой мѣрѣ, въ какой это только можетъ быть доступно человѣку. Его дружба къ La Voetie, знаменитому автору трактата «*Servitude Volontaire*», послужила темой для наиболѣе блестящихъ страницъ его «Опытовъ».

«Если меня спросятъ, почему я его любилъ, говоритъ Монтэнъ въ своей знаменитой главѣ о дружбѣ*) я не сумѣю сказать. Просто потому, что это былъ онъ, потому что это былъ я»... «Мы искали другъ друга еще до нашей встрѣчи, зная другъ друга по наслышкѣ. Когда мы случайно встрѣтились на большемъ городскомъ празднествѣ, мы до того привязались другъ къ другу, такъ постигли одинъ другого, что никто не могъ быть для насъ ближе». Эта дружба, которой Монтэнъ отдалъ все свое сердце, продолжалась до самой смерти La Voetie, умершаго 30 лѣтъ отъ роду. До самаго конца своей жизни авторъ «Опытовъ» сохранилъ живое

*) *Essais et. ch. XXVII.*

воспоминаніе о другѣ. Черезъ много лѣтъ послѣ смерти La Voëtie Монтэнъ говоритъ: «если я сравню эту часть моей жизни съ четырьмя годами, въ которыхъ мнѣ выпало счастье пользоваться обществомъ пріятеля, то не смотря на то, что она прошла для меня въ спокойствіи и въ отсутствіи всякаго горя, время это кажется мнѣ лишь туманомъ, темной и скучной ночью».

Съ того дня, какъ я его потерялъ, я пересталъ жить и только влечилъ свое существованіе; сами удовольствія, которыя выпадали на мою долю, давали мнѣ еще сильнѣе чувствовать потерю друга.

33 лѣтъ отъ роду (въ 1566 г.) Монтэнъ вступилъ въ бракъ съ Франсуазой де Шассеинь.*)

Объ его семейной жизни изъ его автобіографическихъ замѣтокъ мы узнали только, что онъ всегда былъ вѣренъ своей женѣ, которую онъ глубоко почиталъ и которая во все время ихъ супружества дала ему «всего одинъ разъ поводъ къ неудовольствію». Такъ же мало свѣдѣній даетъ онъ намъ и о своей общественной дѣятельности. Лишь только онъ касается занимаемыхъ имъ должностей, политическихъ и общественныхъ связей, онъ обнаруживаетъ сдержанность и скрытность.

Такимъ образомъ о политической жизни Монтэна біографамъ приходится судить лишь по документальнымъ даннымъ. Извѣстно, что въ 1559 г. онъ находился вмѣстѣ съ дворомъ Франциска въ *Bar le Duc*, а на слѣдующій годъ онъ официально представляетъ при торжествѣ объявленія совершеннолѣтія Карла IX. Титулъ *gentilhomme ordinaire du roi*, которымъ онъ себя называетъ въ предисловіи и которымъ его величаетъ Генрихъ III въ письмѣ къ нему; все, что онъ говоритъ о королевскихъ дворахъ, при которыхъ онъ провелъ часть своей жизни; извѣстныя «*Instructions*», писанныя имъ подѣ диктовку Екатерины Медичи для Карла IX; его личная переписка съ Генрихомъ Наваррскимъ все доказываетъ, что онъ могъ бы занять весьма вліятельное положеніе въ странѣ.

Грюнъ увѣряетъ, что общественная дѣятельность Монтэна была гораздо значительнѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, и что онъ на общественныхъ должностяхъ непоколебимо слѣдовалъ своимъ гуманнымъ убѣжденіямъ. Общественная жизнь, какъ и частная, по мнѣнію Монтэна, могла бы вполне подчиниться благоразумію и справедливости, при чемъ однако онъ съ горечью признавался, что вѣковая порча общественныхъ нравовъ дѣлаетъ почти невозможнымъ, чтобы правительство руководствовалось одними побужденіями добродѣтели. Это и было главною изъ причинъ, которая заставила его на 38 году удалиться отъ общественныхъ дѣлъ. Самъ Монтэнъ по этому поводу скромно говоритъ

---

*) Отъ этого брака у него родилось 6 дочерей, изъ которыхъ одна только Элеонора дожидая до зрѣлаго возраста.

что чувствует себя болѣе способнымъ наблюдать людей, чѣмъ управлять ими.

VII.

Въ то время, когда вокругъ французскаго моралиста кипѣли страсти, онъ удалился въ тишину уединенія своего родного гнѣзда, чтобы въ сторонѣ отъ враждующихъ партій предаться размышленіямъ, которыя онъ безъ всякаго предварительнаго плана заносить въ свой дневникъ. На свободѣ Монтэнъ принимается изучать все, что останавливало на себѣ его вниманіе, въ томъ числѣ и явленія тогдашней литературы, отмѣчая все выдающееся, зорко слѣдя за движеніями мысли его эпохи. Рядомъ съ этимъ онъ продолжаетъ изученіе древнихъ писателей Овидія, Теренція, Катиллы, Аріоста и Лукреція, Плутарха, Тацита. Примѣняя прочитанное къ размышленіямъ о текущихъ событіяхъ, онъ дополняетъ мысль автора сообразно съ требованіями политической, общественной жизни того времени.

Не смотря на отсутствіе во всемъ этомъ плана и видимой цѣли, общая идея, говоритъ Паскаль, сквозитъ изъ каждой страницы его «Опытовъ».

Таково происхожденіе знаменитыхъ «Essais» Монтэна. Въ сохранившейся до нашихъ дней высокой башнѣ, въ которой единственными собесѣдниками Монтэна были книги, существуетъ надпись, на латинскомъ языкѣ: «въ 1571 году послѣдній день февраля на 38 году своей жизни въ день своихъ именинъ, на канунѣ Мартовскихъ календъ, Мишель Монтэнъ, давно утомленный отъ пребыванія въ рабствѣ королевскихъ дворовъ и общественныхъ должностей, рѣшился скрыться въ объятія музъ покровительницъ мудрости, для того, чтобы окончить остальную жизнь въ жилищѣ и наслѣдіи предковъ подъ сѣнью мира и свободы».

Однако оказалось, что намѣренія и мечты нашего философа окончить свою жизнь безъ тревогъ не осуществились вполнѣ. Бѣдствія страны и вопли страждущихъ достигали до той высокой башни, куда не имѣли доступа даже его родные и друзья, отравляя ему минуты отдыха и трудовъ. Мало того, не смотря на его исполненную гуманнымъ чувствомъ терпимость ко всѣмъ партіямъ, какъ Гизы, такъ и Гугеноты заподозрили его въ измѣнѣ, и пріютъ его два раза подвергался разграбленію со стороны сосѣдей его, дворянъ.

Первымъ литературнымъ трудомъ Монтэна, какъ уже сказано, былъ переводъ «Естественной Теологіи» Раймондо Себондскаго. Переводъ этотъ сдѣланъ имъ въ 1569 г. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1571 г. онъ издалъ сочиненіе своего друга Этьена Ла-Бозти и въ тоже время приступилъ къ своимъ «Опытамъ», которыхъ первое изданіе появилось въ Бордо, въ 1580 году. Такимъ образомъ, эта замѣчательная книга составлялась въ теченіи девяти лѣтъ.

Въ этомъ же году, почувствовавъ разстройство здоровья, а частью и для развлечения, Монтэнъ отправился путешествовать. Здѣсь кстати сказать, что мнѣніе Монтэня о медицинѣ и докторахъ весьма близко къ тѣмъ, какія высказывались въ наше время Львомъ Толстымъ, и что Мольеръ, рисуя типы своихъ медиковъ, не мало заимствовалъ красокъ съ палитры своего перигорскаго предшественника.

Путевыя замѣтки его не вошли въ «Опыты» и рукопись ихъ была найдена лишь послѣ его смерти каноникомъ Prunis, въ замкѣ Монтэнъ, въ одномъ изъ сундуковъ, принадлежавшихъ автору. Рукопись содержала въ себѣ 178 страницъ и написана частью рукой секретаря, частью рукой автора, то на французскомъ, то на итальянскомъ языкахъ. Въ такомъ видѣ, въ какомъ ихъ нашли — онѣ не назначались для печати и имѣютъ значеніе главнымъ образомъ для характеристики личности перигорскаго философа. Монтэнъ заноситъ въ свой дневникъ все то, что ему пришлось увидѣть, наблюдать, рѣдко позволяя себѣ сдѣлать какойнибудь выводъ. Во время путешествія онъ старался по возможности подчинить свой режимъ нравамъ и обычаямъ разныхъ странъ, которыя ему пришлось проѣзжать для того, чтобы лучше ихъ усвоить себѣ и постигнуть ихъ значеніе. Онъ наблюдалъ безъ всякой предвзятой мысли. Вопреки манерѣ обычныхъ путешественниковъ, которые повсюду везутъ съ собою «очки своей деревни», — Монтэнъ старается глядѣть на все сквозь стекла мѣстныхъ жителей.

Замѣтки объ этомъ путешествіи Монтэня быть можетъ грѣшатъ излишнею субъективностью. Онѣ возвращаются въ области житейской и практической и переполнены подробными отчетами о ходѣ болѣзни автора и мнѣніями его о дѣйствиіи того или другаго лѣченія. Но, рядомъ съ этимъ, съ обычнымъ остроуміемъ и наблюдательностью онъ изучаетъ нравы, обычаи, образъ жизни: домашнюю обстановку и учрежденія посѣщенныхъ имъ странъ, Швейцаріи, Германіи, Италіи.

Среди сухихъ бѣглыхъ замѣтокъ попадаются между прочимъ и страницы высокохудожественныя. Таково напр., описаніе римскихъ развалинъ. Описаніе это представляетъ собою рѣдкій по литературнымъ красотамъ образчикъ произведеній этого рода.

Монтэнъ путешествуетъ en grand seigneur, всюду его встрѣчаютъ съ почетомъ. Въ Римѣ, гдѣ онъ былъ уже извѣстенъ какъ авторъ «Опытовъ», ему вручили грамоту о дарованіи ему званія почетнаго гражданина города. Хотя нѣкоторыя мѣста его «Essais» подвергались неодобренію церковной цензуры, тѣмъ не менѣе Монтэнъ былъ допущенъ къ аудіенціи у папы, который обошелся съ нимъ очень милостиво и отпустилъ его съ увѣщаніемъ «и впредь продолжать служеніе на пользу церкви и христіанскаго короля».

Во время своего пребыванія въ Италіи, Монтэнъ навѣстилъ великаго Феррарскаго узника, Тассо, безсмертнаго автора «Осво-

божденнаго Іерусалима», находившагося съ 1579 г. въ больницѣ для умалишенныхъ Св. Анны *). Однако объ этомъ трогательномъ свиданіи двухъ великихъ людей, изъ котораго одинъ въ эту минуту могъ возноситься до самыхъ высокихъ областей человѣческой мысли, тогда какъ другой представлялъ собою безпомощную оболочку, которая еще такъ недавно освѣщалась свѣточемъ генія, о свиданіи этомъ Монтэнъ ничего не говоритъ въ своемъ *Journal de Voyage*, хотя въ «Опытахъ» мы находимъ мѣсто, очевидно вдохновленное имъ.

«Какъ незамѣтно разстояніе, отдѣляющее помѣшательство отъ возвышеннаго полета свободнаго ума и проявленіе высшей необычайной добродѣтели. Достаточно одного шага, чтобы перейти отъ одного къ другому»... «Многіе умы разстраиваются вслѣдствіе самой ихъ силы и гибкости. Какой скачекъ въ этомъ направленіи совершилъ одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Италіи. Можно ли радоваться такой губительной силѣ, такому ослѣпляющему свѣту, такой точности и ясности ума? Этой пытливости, любознательности, приведшей его къ безумію? Этой рѣдкой способности души къ могучимъ полетамъ, которые лишили его и души и крыльевъ? Не жалость, а скорѣе досаду почувствовалъ я, увидѣвъ его въ Феррарѣ, въ такомъ ужасномъ видѣ; онъ переживалъ уже самого себя, не будучи въ состояніи понимать ни себя, ни свои творенія, которыя выпускались въ свѣтъ безъ его вѣдома, въ неисправленномъ, часто искаженномъ видѣ» **).

Находясь еще на водахъ въ Виши, (въ 1581 г.) онъ получилъ извѣщеніе объ избраніи его мэромъ города Бордо и принялъ этотъ знакъ уваженія къ его личности съ дѣтской радостью.

Такимъ образомъ спустя десять лѣтъ послѣ того, какъ онъ начерталъ себѣ планъ окончить жизнь въ спокойномъ уединеніи, обстоятельства принудили его выступить на широкомъ полѣ общественной дѣятельности.

Хотя многіе біографы находятъ, что, какъ мэръ, какъ общественный дѣятель,—онъ оказался не на высотѣ задачи, но Грюнъ въ своемъ этюдѣ опровергъ ходячее мнѣніе, будто гениальный писатель непременно долженъ быть плохимъ администраторомъ.

Въ своей общественной дѣятельности Монтэнъ оставался вѣрнымъ знамени своей философіи. Принужденный дѣйствовать среди враждующихъ партій, онъ высказывалъ всегда умѣренность и терпимость ко всѣмъ безъ различія. Не принадлежа фактически ни къ одной изъ партій, онъ твердо исполнялъ законъ, употребляя свое вліяніе въ пользу смягченія вражды, вмѣсто того, чтобы

---

*) Въ музеѣ города Монпелье находится картина Маріуса Гранэ, представляющая посѣщеніе Монтэнемъ несчастнаго италіанскаго поэта. Въ Парижскомъ салонѣ 1853 года фигурировала картина Густава Гуде, написанная на этотъ же полный глубокаго драматизма сюжетъ.

**) *Essais* L. II ch XII.

разжигать ее, какъ это дѣлали многіе властолюбцы того времени.

Сложивъ съ себя послѣ вторичнаго служенія званіе мэра, онъ могъ со спокойной совѣстью сказать: «Я не оставилъ послѣ себя ни обидъ, ни ненависти».

Съ 1582—1587 года онъ продолжалъ свой трудъ, дополняя его новыми главами. Появился третій томъ «Опытовъ» и новое исправленное и дополненное изданіе этого сочиненія. Чтобы издать свою книгу, Монтэнъ поѣхалъ въ Парижъ. Это пребываніе въ столицѣ убѣдило его, что сочиненіе его пользуется громаднымъ успѣхомъ. Между литературными поклонниками «Опытовъ» была извѣстная своею ученостью дѣвица Гурней, которая приняла на себя послѣ смерти Монтэня изданіе его сочиненій *).

За два года до своей кончины, Монтэнъ, больной, снова удаляется въ свой замокъ, не прекращая, однако, своихъ политическихъ отношеній, но отказываясь отъ личнаго участія въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Король Генрихъ IV, высоко цѣнившій характеръ и силу ума моралиста, нѣсколько разъ призывалъ его ко двору.

Когда однажды король выразилъ предположеніе, что Монтэнъ отказывается отъ приглашенія вслѣдствіе недостатка въ средствахъ, то нашъ философъ отвѣтилъ ему: «Умоляю, Государь, не думать, что я сталъ бы жалѣть деньги тамъ, гдѣ я готовъ отдать жизнь. Я не пользовался щедростью королей, не просилъ да и не заслуживалъ ея. Я, Государь, богаче, чѣмъ могъ бы этого желать!».

Монтэнъ умеръ въ 1592 г. По описанію Паскье, перигорскій мыслитель угадъ, находясь до послѣдней минуты въ полномъ сознаніи. «Монтэнъ, говорить онъ, въ послѣдніе три дня жизни лишился рѣчи и выражалъ свои желанія, прибѣгая къ помощи пера. Чувствуя приближеніе смерти, онъ велѣлъ позвать своихъ сосѣдей, простился съ ними и пожелалъ, чтобы священникъ совершилъ богослуженіе. Во время молитвы онъ приподнялся на постели и сложивъ руки тихо скончался.

Такъ умеръ этотъ великій человѣкъ съ сильнымъ, яснымъ, но исполненнымъ сомнѣнія, умомъ и съ простой, дѣтски-вѣрующей душой.

IX.

Монтэнъ умеръ, но идеи его въ разнообразныхъ видахъ живутъ и донныѣ. Сокровищница человѣческой мысли и культуры—литература, въ теченіи всѣхъ трехъ столѣтій протекающихъ съ тѣхъ поръ, мало по малу извлекла изъ наслѣдія, оставленнаго этимъ

---

*) Въ 1595 году, черезъ три года послѣ его смерти, она издала ихъ, дополнивъ латинскими изреченіями и цитатами, а въ 1630 году выпустила новое изданіе ихъ in folio, предпославъ любопытное предисловіе, посвященное министру, кардиналу Мазарини.

мыслителемъ, всё разбросанныя въ немъ великія идеи и гуманныя понятія. Кладъ, оставленный намъ Монтэнемъ, вынесенъ на свѣтъ Божій, разрытъ и разобранъ по рукамъ. Въ общемъ, мысли Монтэня составляютъ одинъ изъ моментовъ умственнаго движенія, выразившагося въ трудахъ Бэкона, Декарта, Гассеида, Белля, Локка, Руссо, Паскаля и другихъ. Всѣ эти представители чело-вѣческой мысли составляютъ какъ бы одну цѣпь, первымъ звеномъ которой былъ Монтэнь, связавшій ее съ древне-греческой мудростью.

Идеи французскаго философа-моралиста отразились на цѣломъ рядѣ писателей, изъ которыхъ ближайшимъ къ Монтэню былъ Паскаль *), а изъ скептиковъ послѣдняго времени—родственнымъ по духу Монтэню намъ кажется Ренанъ, сходный съ нимъ и по темпераменту.

Отличіе выводовъ философіи Паскаля отъ Монтэневскаго міровоззрѣнія возникло главнымъ образомъ изъ несходства темпераментовъ этихъ писателей. Монтэнь могъ удержаться въ равновѣсіи среди самыхъ противоположныхъ теченій мысли. Оставаясь скептикомъ, онъ сохранилъ уваженіе къ вѣрѣ и на этомъ умѣлъ успокоиться. Это та же способность, которую проявилъ и Ренанъ.

Паскаль же, пройдя весь циклъ сомнѣній вслѣдъ за Монтэнемъ и встрѣтившись на этомъ пути съ идеей возможности найти спасеніе души въ вѣрѣ, не могъ спокойно лавировать между двумя теченіями мысли. Онъ со всею страстностью и неудержимостью иного темперамента отдался одному теченію. Онъ обратился въ вѣрующаго. Говоря о границахъ чело-вѣческихъ знаній, Паскаль опредѣлилъ ихъ формулой, ярко выразившей мысль, высказанную въ Монтэневскихъ «Опытахъ» и въ извѣстномъ изреченіи Сократа. По Паскалю, каждый отдѣльный умъ, отправляясь отъ незнанія къ предѣламъ недоступнымъ уму, описываетъ кругъ, по которому онъ возвращается къ прежней точкѣ отправленія—незнанію, но обогащенный лишь убѣжденіемъ въ полномъ безсиліи чело-вѣческаго ума проникнуть за черту этого круга. Въ каждомъ словѣ Паскаля чувствуется скорбь, которая такъ ясно выступаетъ въ сочиненіяхъ Монтэня и Ренана, раздѣленныхъ между собой тремя вѣками и приблизительно десятью поколѣніями людей.

Извѣстно, что творенія Паскаля переполнены мыслями, встрѣчающимися у Монтэня, котораго онъ изучилъ и усвоилъ себѣ до такой степени, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, говоря, напримѣръ, о свойствахъ чело-вѣческаго ума, повторяетъ всѣ аргументы перигорскаго мыслителя. Это не мѣшаетъ ему всякій разъ, когда онъ попадетъ въ водоворотъ противоположныхъ направленій въ исканіи истины, посылать упреки по адресу скептическихъ выводовъ Монтэня.

Позднѣе Ла Брюеръ **) вдохновляется Монтэнемъ, перелагая

*) 1623—1662.

**) 1695—1696.

многія мысли его на усовершенствованный въ теченіи протекшаго столѣтія языкъ.

Литература всего восемнадцатаго столѣтія обильно черпаетъ изъ того же источника. Разработывая идеи Монтэня о естественномъ правѣ (*du droit naturel*), Монтэсье, Дидро и особенно Ж. Ж. Руссо пользуются «Опытами» уже какъ забытымъ матеріаломъ.

Въ знаменитомъ трактатѣ, написанномъ женевскимъ философомъ въ отвѣтъ Дижонской Академіи, заключающемъ въ себѣ нападки на вліяніе наукъ и искусствъ, мы находимъ повтореніе многихъ изъ выводовъ Монтэня, возведенныхъ въ догматы вопреки образцу, который былъ далекъ отъ того, чтобы отрицать науку. Онъ возставалъ лишь противъ преувеличеннаго значенія, которое мы придаемъ приобрѣтенію познаній. Мысли Монтэня о воспитаніи, какъ мы уже сказали, почти цѣликомъ перешли изъ «Опытовъ» въ знаменитый педагогическій трактатъ Руссо, «Эмилъ».

Разбирая сочиненіе Руссо и встрѣчая у него множество страницъ, аналогичныхъ со страницами знаменитыхъ «Essais», Лаво *) восклицаетъ: «Это черезчуръ одно и то же. Если съ такими ничтожными переменными заимствуютъ чужія мысли, слѣдуетъ по крайней мѣрѣ упомянуть имя автора».

Вообще, комментаріи къ сочиненію Монтэня переполнены указаніями на заимствованныя у него другими писателями мысли.

Расинъ, Мольеръ, Корнель—переложили цѣлые періоды изъ М. въ богатыхъ и звучныхъ стихахъ.

Тѣ сѣмена мудрости, которыя мимоходомъ сѣялъ Монтэнь, касаясь разныхъ областей, человѣческаго духа, дали обильные восходы въ умахъ не однихъ только французскихъ мыслителей и поэтовъ, но и великихъ людей всего міра.

По изслѣдованіямъ Филарета Шаля **) и другихъ, сочиненіе Монтэня произвело на Шекспира столь глубокое впечатлѣніе, что по прочтеніи «Опытовъ», (переведенныхъ на англійскій языкъ итальянцемъ Флоріо, жившемъ при Аннѣ Датской, супругѣ Якова I, и посвятившемъ ей свой переводъ), рѣзко измѣнился характеръ творчества великаго драматурга. Время этой перемены совпадаетъ съ годомъ, отмѣченнымъ на экземплярѣ «Опытовъ», принадлежавшемъ Шекспиру и хранящемся въ Британскомъ музеѣ. Переводъ Джузеппе Флоріо сдѣланъ былъ въ 1600 г., а Шекспировскій экземпляръ «Опытовъ» помѣченъ 1603 г. Въ этомъ году «Опыты» были напечатаны вторымъ изданіемъ. Изъ этого можно заключить объ успѣхѣ, какимъ пользовалось это сочиненіе у англичанъ, въ то время очень мало интересовавшихся французской литературой. Предисловіе къ англійскому изданію

*) Etudes sur les Essais de Montaigne p. Alphons Leveaux Paris 1870.

**) Etudes sur W. Shakspeare par Philarète Chasles.

было написано въ стихахъ наиболѣе популярнымъ поэтомъ того времени Самюэлемъ Даніелемъ, а политипажъ заглавной страницы сдѣланъ первымъ граверомъ того времени Мартиномъ Дрекшетомъ. Но всѣ эти виѣшнія украшенія изданія не столько говорятъ воображенію, сколько собственноручная надпись Шекспира на экземплярѣ «Опытовъ»: Willm Shakspeare 1603. До этого года великій драматургъ написалъ: «Ромео и Джульетту», «Много шума изъ ничего», «Виндзорскія кумушки», «Укрощеніе строптивой». Все это произведенія, блистающія граціей и остроуміемъ. Страсть, проявляющаяся въ этихъ созданіяхъ, носитъ характеръ измѣнчивый, капризный. Изобиліе сонетовъ, попадающихся даже въ «Ромео и Джульеттѣ» обнаруживаетъ въ авторѣ молодого человѣка легко воспламеняющагося, легкомысленнаго. Между тѣмъ гениальному писателю былъ уже 41 годъ. Послѣ 1603 года въ драмахъ его открываются новыя горизонты, и болѣе широкій захватъ въ изображеніи природы человѣка. Шекспиръ проникается новыми задачами въ искусствѣ: онъ осмѣиваетъ пороки и оплакиваетъ безцѣльность жизни.

Съ этого года онъ создаетъ: «Отелло», «Макбетъ», «Коріоланъ», «Юлій Цезарь», «Антоній и Клеопатра», «Гамлетъ», тогда какъ до 1600 года въ произведеніяхъ его мы еще не видимъ того глубокаго изобразителя человѣческихъ страстей, какимъ онъ явился послѣ указаннаго нами года. Въ самомъ замыслѣ позднѣйшихъ его драмъ обнаруживается громадное различіе. Гамлетъ, напр., не только является какъ бы воплощеніемъ скептической философіи Монтэня, но въ разныхъ мѣстахъ этой драмы почти цѣликомъ повторяются слова французскаго мыслителя. Такъ напр., Монтэнь говоритъ: «то, что мы называемъ зломъ и мукой, только потому и становится зломъ и мукой, что наше воображеніе придаетъ ему эти свойства... а Гамлетъ говоритъ: «само по себѣ ничто ни хорошо ни дурно; мысль дѣлаетъ его тѣмъ и другимъ». Монтэнь говоритъ словами Сократа: «Тѣ, которые боятся смерти, предполагаютъ, что они знаютъ ее... Можетъ быть смерть вещь совершенно безразличная, можетъ быть она желательная. Надо думать, что, если она только переселеніе съ одного мѣста на другое, она есть улучшеніе... и, во всякомъ случаѣ она, прекращаетъ зависимость нашу отъ плохихъ и развращенныхъ судей. Если же смерть есть уничтоженіе нашего бытія, то она также улучшеніе въ длинной спокойной ночи. Мы не знаемъ ничего пріятнѣе въ жизни, какъ спокойное отдохновеніе, тихій и сладкій сонъ безъ сновидѣній». Не напоминаютъ ли намъ эти строки всѣмъ извѣстный монологъ: «быть или не быть», въ которомъ мысль поэта залетааетъ еще дальше творца философіи «que sais-je»?

Впрочемъ, что знаменитый поэтъ сердцевѣдъ черпалъ мысли изъ богатаго сборника Монтэня, тому существуютъ и многія другія доказательства. Такъ напр., мысль о возвращеніи человѣка въ «золотой періодъ» наивнаго первобытнаго состоянія, начертанная имъ лишь вскользь и затѣмъ подробнѣе развитая Паска-

лемъ, а впоследствии черезъ два вѣка Жанъ-Жакомъ Руссо, заимствована въ свое время и Шекспиромъ. Въ «Бурѣ» мы находимъ почти полный переводъ тирады изъ главы о Каннибалахъ *), въ которой Монтэнъ одновременно осмѣиваетъ и республику Платона и современный ему строй образованныхъ обществъ и утопистовъ. «Мнѣ кажется, говоритъ Монтэнъ, что истинная утопія находится у дикихъ, нашихъ антиподовъ. Тамъ нѣтъ ни торговли, ни литературы; имъ не извѣстны ни цифры, ни богатство, ни бѣдность, ни наслѣдство, ни раздѣлы; они не знаютъ ни труда, ни рабства, ни одежды; они не обрабатываютъ полей, не знаютъ употребленія металловъ, вина и хлѣба. Даже слова: ложь, измѣна, притворство, жадность, зависть, клевета, прощенье и др. имъ не извѣстны». Этотъ золотой вѣкъ по Монтэню находится на одномъ островѣ антарктической Франціи, о которомъ будто рассказывалъ ему одинъ изъ наивныхъ его обитателей «homme simple».

Вліяніе Монтэня на многихъ великихъ людей послѣдующихъ эпохъ вплоть до нашей легко объясняется. Писатель, проповѣдывавшій съ такой силой терпимость, состраданіе, требовавшій гуманнаго обращенія съ дѣтьми и народомъ, отмѣны пытки и смертной казни не могъ принадлежать одному народу и одной эпохѣ.

Философы разныхъ эпохъ и направленій причисляли Монтэня къ своему лагерю. Паскаль въ своемъ «Entretien avec de Sacy», отмѣчая два характеристическихъ направленія въ этикѣ: рациональное, которое, не смотря на разнообразіе человѣческихъ понятій, признаетъ существованіе единого, твердо опредѣленнаго идеала, и утилитарное съ его воззрѣніями на человѣческую нравственность, какъ на временное и относительное представленіе — видитъ въ Монтэнѣ представителя послѣдняго направленія и притивупоставляетъ ему Эпиктета. Другіе же считаютъ его апостоломъ абсолютной нравственности и противникомъ утилитаристовъ. Сентъ-Бевъ называлъ нашего философа «l'auteur à double ou triple fond». Позднѣйшіе же изслѣдователи считаютъ Монтэня однимъ изъ глубочайшихъ мыслителей, оставившимъ во всякомъ случаѣ благотворный слѣдъ на всей слѣдовавшей за нимъ эпохѣ. Такое мнѣніе высказываютъ между прочимъ Vincent и Albert Desjardin, этотъ знатокъ философіи Франціи XVI столѣтія.

Всѣ эти разнорѣчивыя мнѣнія о Монтэнѣ происходятъ вслѣдствіе особенностей его сочиненія.

Авторъ «Essais» чуждъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній о какомъ бы то ни было предметѣ. Онъ не навязываетъ свои представленія объ истинѣ, а ищетъ ее «вмѣстѣ съ читателемъ».

«Ce n'est pas ici ma doctrine,—говоритъ онъ, et ce n'est pas la leçon d'autrui, c'est la mienne».

Прѣво-Пародоль сравнилъ «Опыты» съ густымъ лѣсомъ раз-

*) Essais L. I ch XII.

Образованіе. Стд. I. № 12.

нообразной растительности, перерѣзаннымъ оврагами, рытвинами, ручьями и широчайшими рѣками съ шумными величественными водопадами. Тропинки его, говоритъ Прево, подчасъ не только не ведутъ къ выходу, но заводятъ въ самую глушь и иногда не туда, куда намѣренъ былъ привести въ началѣ авторъ. Въ «Essais» попадаются главы, въ которыхъ вы найдете все кромѣ того, что обѣщало вамъ ихъ заглавіе: одна мысль рождается изъ другой, подтверждаемая цѣлымъ рядомъ примѣровъ. Такимъ образомъ, среди непрерывныхъ отступленій, онъ даетъ намъ массу любопытныхъ свѣдѣній изъ самыхъ разнообразныхъ областей знанія.

Всѣ критики Монтэня одинаково сознаются въ трудности дать о немъ всестороннее представленіе. Историкъ Мартэнъ находитъ, что его такъ же трудно уловить, какъ обликъ вѣчно движущагося, измѣняющагося океана. Итальянецъ Фелоріо, вышеупомянутый переводчикъ Монтэня, намъ кажется, остроумнѣе всѣхъ справился съ этой задачей. Опасаясь, что англичане, застигнутые врасполохъ необычайностью этого оригинальнаго сочиненія, не понявъ его, съ первыхъ страницъ откажутся послѣдовать за авторомъ, онъ придумалъ способъ сразу, нагляднымъ образомъ, предупредить читателей о достоинствахъ и недостаткахъ предлагаемаго сочиненія. На заглавномъ листѣ книги онъ награвировалъ въ видѣ виньетки слѣдующую эмблему, вполне характеризующую это оригинальнѣйшее произведеніе: она изображаетъ перспективу руинъ древнихъ зданій и храмовъ, среди которыхъ виднѣются башни, витыя лѣстницы, опрокинутыя въ безпорядкѣ, колонны рѣдкой красоты и т. п.). Войдите подъ эти портики — говоритъ онъ тутъ же въ стихахъ, поясняющихъ значеніе гравюры, войдите, вы имѣете въ рукахъ англійскій ключъ, который широко открываетъ вамъ къ нимъ двери. Дать вамъ отчетъ о томъ, какія сокровища вы найдете въ этихъ закоулкахъ, но перепутанныхъ, извилистыхъ тропинкахъ—слишкомъ тяжелый трудъ. Обозрѣвая всѣ эти зданія, созданныя мыслью и воображеніемъ Монтэня, намъ придется восхищаться столькими неожиданными вещами, вкусить столько неизвѣданныхъ наслажденій, что составить имъ перечень невозможно. Войдите, вы сами сумѣете изъ подъ безпорядочной груды руинъ извлечь высокую мудрость».

И когда явится достойный переводъ этого геніальнаго произведенія, мы можемъ сказать то же самое и русскому читателю.

Сами недостатки, по мѣрѣ того, какъ вчитываешься въ это сочиненіе, ступенчатою геніальностью его автора, и мы должны повторить слова упомянутаго Самюэля Даніеля, который замѣтилъ: «всѣ критики должны быть согласны съ тѣмъ, что «нашъ король» Монтэнъ даетъ намъ драгоцѣнные образчики гуманизма, хотя и набросанные въ безпорядкѣ и въ разбитой рамѣ»...

Съ тѣхъ поръ какъ человѣчество стало мыслить — оно вра-

щается около небольшого числа истинъ, приближаясь къ нимъ то съ одной, то съ другой стороны, по временамъ какъ бы овладѣвая ими, по временамъ удаляясь отъ нихъ. Мысль человѣческая разрабатываетъ эти истины съ непрерывностью морскихъ волнъ и съ такимъ же, какъ они, разнообразіемъ «*Alles war gesagt, doch alles bleibt zu sagen*» справедливо восклицаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы Гущкова «Уриель Акоста». Въ большинствѣ случаевъ насъ поражаетъ, насъ захватываетъ высказанная къ намъ либо идея не одной только глубиной или новизной ея содержанія, но и формой ея выраженія. Нерѣдко старая, какъ мѣръ истина, являясь въ новомъ видѣ, съ новой силой овладѣваетъ нашей душой, воспаляетъ наше сердце. Не даромъ гениальные мыслители заботливо относятся къ стилю, къ формѣ, въ которую они отливаютъ свои мысли.

Если относительно значенія Монтэня въ нравственной эволюціи человѣчества не всѣ писатели раздѣляютъ мнѣніе англійскаго переводчика его «Опытовъ», то всѣ безъ колебанія признаютъ за нимъ огромныя заслуги, оказанныя имъ французскому языку, всѣ видятъ въ немъ величайшаго художника слова.

На языкѣ, еле зародившемся, представлявшемъ мозаику разныхъ нарѣчій—онъ создалъ безсмертныя страницы, дышашія такою энергіей, такимъ горячимъ потокомъ жизни, что за исключеніемъ попадающихся въ нихъ архаизмовъ—они кажутся только что вышедшими изъ подъ типографскаго станка.

Главы, въ которыхъ онъ говоритъ о воспитаніи, дружбѣ, добродѣтели, героизмѣ, терпимости, жестокости, смерти и многія др., являются лучшими страницами въ литературахъ всѣхъ народовъ и могутъ до настоящаго времени служить намъ образчиками выраженія мысли.

«Стиль, говоритъ о Монтэнѣ Сентъ-Бевъ,—это его волшебная палочка, ибо стиль—это тотъ скипетръ, которому въ концѣ концовъ все подчиняется въ этомъ мѣрѣ».

Въ стилѣ Монтэня отразился весь образъ самого мудреца, величавый, спокойный, съ сердцемъ чуткимъ и мягкимъ, съ умомъ генія, взиравшимъ на мѣръ съ такой высоты, что человѣкъ со всѣми его желаніями, страстями и смѣлыми порывами, кажется ему существомъ мелкимъ и ничтожнымъ, заслуживающимъ только жалости, какъ и все, что копошится на этой маленькой землѣ.

И. Гриневская.

Характеръ и нравственное воспитаніе.

Ф. Кейра.

(Окончаніе).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Воспитаніе характера.

Противорѣчивыя мнѣнія философовъ о роли воспитанія: Гельвецій и Спиноза.—Дѣйствительность воспитанія.—Случай герцога Бургундскаго.—Благопріятныя мнѣнія различныхъ физиологовъ.—Важность самовоспитанія.—Примѣры.—Необходимость идеала.—Какіе приемы слѣдуетъ примѣнять воспитателю.—Возможное дѣйствіе на темпераментъ.—Методъ, прилагаемый по отношенію къ склонностямъ: смотря по обстоятельствамъ или одобреніе и поощреніе, или обузданіе и борьба.—*Воспитаніе чувствованій*.—1. Необходимость пробуждать въ ребенкѣ чувство симпатіи, доводя его до пониманія страданій другихъ,—выказывая ему чувство привязанности,—а также прибѣгая къ помощи пригодныхъ для этой цѣли разсказовъ;—2. Борьба противъ *апатіи*; 3. Регулированіе чувствительности посредствомъ подавленія наклонности къ гнѣву и гордости, къ *противорѣчивому и неустойчивому* расположенію духа.—*Воспитаніе воли*—Необходимость этого воспитанія.—Необходимость соблюдать при этомъ двойную предосторожность: 1. Уважать самостоятельность ребенка;—2. Не уступать всѣмъ его капризамъ.—Польза разумной дисциплины.—Вліяніе правильной работы на развитіе воли.—Вниманіе и привычка.—Средства къ развитію энергіи:—1. Надо способствовать тому, чтобы ребенокъ приобрѣлъ довѣріе къ своимъ силамъ;—2. Надо пробуждать въ немъ такія чувствованія, которыя сдѣлаютъ для него усиліе менѣе тягостнымъ;—3. Слѣдуетъ приводить ему въ примѣръ жизнь великихъ благодѣтелей человѣчества;—4. Необходимо изгонять изъ школы все, что можетъ явиться причиною разслабленія, и напротивъ выдвигать то, что можетъ научить мужеству;—5. Слѣдуетъ пользоваться физическимъ воспитаніемъ.—*Внушеніе, какъ средство нравственнаго воспитанія*. Заключение.

Въ вопросѣ о роли воспитанія въ эволюціи нравственности мыслители очень далеки отъ согласія между собою. «Въ прошломъ вѣкѣ значеніе воспитанія преувеличивалось; многіе, вмѣстѣ съ Гельвеціемъ, питали наивную увѣренность въ томъ, что вся разница между людьми обусловливается различнымъ воспитаніемъ и различіями среды, въ которой эти люди жили, что талантъ и добродѣтель могутъ быть преподаваемы. Въ наше время, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ законовъ наслѣдственности, мы

бросились въ противоположную крайность. Многіе изъ современныхъ ученыхъ и философовъ вполне увѣрены, что воспитаніе совершенно безсильно, когда дѣло идетъ о радикальной переработкѣ темперамента и характера расы, выражающихся въ индивидуумѣ. По ихъ мнѣнію, люди рождаются преступниками *), такъ же какъ и поэтами, что вся судьба ребенка присуща ему уже въ утробѣ матери, и затѣмъ только развивается роковымъ образомъ въ жизни. Противъ *нейрастени*,—этого страданія, общаго для всѣхъ неуравновѣшенныхъ натуръ, сумасшедшихъ, преступниковъ, поэтовъ, истеричныхъ,—средствъ никакихъ не имѣется; раса сходитъ по лѣстницѣ жизни и нравственности, но вновь подняться по ней не можетъ **).

Такъ думалъ уже Спиноза, когда онъ сводилъ характеръ къ теоремѣ, изъ которой внѣшняя судьба выводитъ послѣдствія съ математической необходимостью; въ болѣе недавнее время такъ думали Галль, Шопенгауеръ, Тэнъ, Гербертъ Спенсеръ ***)) и Рибо ****)) по мнѣнію котораго «истинные характеры не мѣняются».

Такого впрочемъ мнѣнія былъ и Вольтеръ: «Можно ли, писалъ онъ *****), измѣнить свой характеръ? Да, если измѣнить

---

*) См. именно Ломброзо, *L'homme criminel*. Исходя изъ этого принципа, этотъ философъ доходитъ до утвержденія, что общество имѣетъ право сажать въ тюрьму на всю жизнь тѣхъ, которые оказали виновными въ первомъ преступленіи, будь то простое воровство или убійство.

**) Гюйо, *Воспитаніе и наследственность*, стр. XXI и XXII.

***)) Спенсеръ (*О воспитаніи умственномъ, нравственномъ и физическомъ*, стр. 140—141) допускаетъ только, что человѣчскій характеръ можетъ измѣниться современемъ въ теченіе столѣтій, подъ дѣйствіемъ внѣшнихъ силъ и условій жизни. Однако онъ согласенъ, что если и невозможно уничтожить природныя недостатки дѣтей, то по крайней мѣрѣ возможно ихъ ослабить. И возражая противъ мнѣнія лицъ, полагающихъ, что совершенная система воспитанія могла бы произвести идеальное человечество, онъ прибавляетъ: «Но все же нельзя не сочувствовать людямъ, питающимъ такія черезъ-чуръ смѣлыя надежды. Энтузіазмъ, который доходитъ до фанатизма, является полезнымъ и, можетъ быть, даже необходимымъ двигателемъ... Поэтому мы смѣло можемъ сказать, что чрезмѣрные надежды тѣхъ людей, которые считаютъ умственное и нравственное воспитаніе всеисцѣляющимъ средствомъ,—не безполезны; очень можетъ быть, что ихъ непоколебимая вѣра въ успѣхъ имѣетъ большое вліяніе на благотѣльный ходъ вещей». Это значитъ признать въ концѣ концовъ, что усилія воспитателя не безполезны.

****)) Рибо также дѣлаетъ довольно большую уступку тѣмъ, которые, по его выраженію, имѣютъ сильную вѣру во всемогущество воспитанія: «Помѣстимъ на одинъ конецъ, говоритъ онъ, ясныя рѣдкія формы, которыя я назвалъ чистыми типами. Ничто ихъ не измѣняетъ, не разрушаетъ; дурные или хорошіе, они тверды какъ алмазъ. Поставимъ на другой конецъ аморфныхъ; уже по самому своему понятію они—воплощенная пластичность. Между этими двумя крайностями расположимъ въ рядъ всѣ виды характера, чтобы незамѣтнымъ образомъ перейти отъ одного конца къ другому. Очевидно, что по мѣрѣ того, какъ мы будемъ спускаться къ аморфнымъ индивидуумамъ, все менѣе и менѣе способнымъ противиться вліянію среды, и приобретенная часть характера возрастаетъ въ той же пропорціи». («Образованіе», январь 93, стр. 44).

*****) *Dict. philosophique*, гл. Caractère.

тѣло. Возможно, что человѣкъ, отъ рожденія сварливый, непреклонный и буйный, будучи разбитъ въ старости параличемъ, сдѣлается глупымъ ребенкомъ, плаксивымъ, робкимъ и кроткимъ. Его тѣло уже другое. Но куда его нервы, его кровь и продолговатый мозгъ будутъ въ одномъ состояніи, его природныя свойства такъ же мало способны къ измѣненію, какъ инстинктъ волка или куницы. Хотите вы совершенно измѣнить характеръ человѣка, пичкайте его каждадневно разжижающими кровь лѣкарствами, куда его не убьете. Карлъ XII, страдавшій гнилой лихорадкой на Бендерской дорогѣ, былъ уже не тотъ человѣкъ. Имъ распоряжались какъ малымъ ребенкомъ... Если бы можно было измѣнить свой характеръ, то мы сами давали бы себѣ тотъ или другой, смотря по желанію, и были бы господами природы. Но можемъ ли мы задаваться чѣмъ либо подобнымъ? Попробуйте возбудить лѣниваго къ продолжительной дѣятельности или вселить апатію въ пылкую душу горячаго человѣка, и вы увидите, что это такъ же невозможно, какъ невозможно сдѣлать зрячимъ слѣпо-рожденнаго *).

Такое пониманіе имѣло бы своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ провозглашеніе безсилія, а слѣдовательно и бесполезности морали. Но къ счастью противъ него говорятъ какъ опытъ всего человѣчества, такъ и опытъ воспитателей и наше внутреннее сознаніе.

Въ дѣйствительности наклонности далеки отъ того, чтобы быть такими неизмѣнными. Можно, напр., укрѣпить или подавить чувствованіе, смотря по тому, дается ли ему удовлетвореніе, или нѣтъ. Наши склонности получаютъ силу и возрастаютъ, если мы имъ обыкновенно слѣдуемъ; но разъ только мы стараемся ихъ обуздать или просто не обращаемъ на нихъ вниманія, онѣ ослабѣваютъ и исчезаютъ; нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть сознаны вновь, какъ это доказываетъ вкусъ, переходящій иногда въ страсть къ табаку, къ крѣпкимъ напиткамъ или къ опиуму. Вольтеръ самъ признаетъ эти слѣдствія привычки, когда послѣ приведенныхъ словъ прибавляетъ: «Мы совершенствуемъ, мы смягчаемъ, мы скрываемъ то, что вложила въ насъ природа». Развѣ это не обширное поле дѣйствія для воспитателя? Впрочемъ, если бы весь свѣтъ не придерживался этого мнѣнія, то никто не старался бы воспитывать дѣтей; всѣ предоставили бы этотъ трудъ, часто весьма неблагодарный, самой природѣ.

---

*) Жанъ-Жакъ Руссо, въ „*Новой Элоизѣ*“ высказывается въ выраженіяхъ, почти тождественныхъ. „Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, рождается съ присущимъ ему характеромъ, гениемъ, талантомъ... Чтобы измѣнить душевный складъ, надо было бы перемѣнить внутреннюю организацію; чтобы измѣнить характеръ, надо было бы перемѣнить темпераментъ, отъ котораго онъ зависитъ. Слышали вы когда нибудь, чтобы запальчивый человѣкъ сдѣлался флегматикомъ, или чтобы умъ методичный, холодный, приобрѣлъ вдругъ пылкое воображеніе? Что касается меня, то я считаю это равносильнымъ тому, какъ если бы вдумали сдѣлать изъ блондина брюнета, или глупца обратить въ умнаго человѣка“.

Но кто не знаетъ примѣра герцога Бургундскаго, внука Людовика XIV, примѣра, показывающаго, до какой степени могутъ быть улучшены при помощи воспитанія природныя свойства человѣка. «Этотъ принцъ, говоритъ Сень-Симонъ въ своихъ *Мемуарахъ*, былъ отъ рожденія ужаснымъ, и его первая юность заставляла трепетать за будущее; онъ былъ въ высшей степени грубымъ и гнѣвливымъ даже по отношенію къ предметамъ неодушевленнымъ, буйнымъ до неистовства, неспособнымъ переносить ни малѣйшаго сопротивленія, даже со стороны времени и стихій, безъ того, чтобы не придти въ ярость, заставлявшую бояться, что все порвется въ его тѣлѣ, упрямымъ до крайности, пристрастнымъ ко всякаго рода наслажденіямъ... Настолько же онъ любилъ и вино, хорошій столъ, бѣшеную охоту, музыку, приводившую его въ состояніе экстаза, и игры, въ которыхъ онъ не терпѣлъ пораженія, такъ что играть съ нимъ было крайне опасно; наконецъ, одержимый всѣми страстями, преданный всякимъ удовольствіямъ, онъ былъ часто свирѣпымъ и по природѣ склоннымъ къ жестокости; онъ былъ безжалостенъ въ шуткахъ, подмѣчалъ смѣшныя стороны съ убійственной вѣрностью. Съ высоты своего величія онъ смотрѣлъ на людей, какъ на пылинки, съ которыми у него нѣтъ ни малѣйшаго сходства, каковы бы они ни были. Даже своихъ братьевъ онъ съ трудомъ признавалъ за существа среднія между нимъ и человѣческимъ родомъ».

Нельзя не сознаться, что воспитаніе подобнаго принца представляло дѣло нелегкое. Однако герцогъ Бовилье при помощи Фенелона, аббата Флери и даже Маро, перваго камердинера «который, не зазнаваясь, тѣмъ не менѣе стоялъ много выше своего положенія», замѣчаетъ Сень-Симонъ, работая безъ усталы, исправляли этотъ ужасный нравъ и съ Божьей помощью закончили свой трудъ, когда принцъ достигъ восемнадцатилѣтняго возраста, и изъ этого омута вышелъ принцъ, привѣтливый, кроткій, человѣчный, умѣренный, терпѣливый, скромный, способный къ раскаянію и, насколько дозволяло ему его положеніе, а иногда и болѣе этого, смиренный и строгій къ себѣ» *).

Одинъ этотъ примѣръ самъ по себѣ одержалъ бы верхъ надъ всѣми теоріями, если бы ученые, болѣе склонные подчеркивать значеніе темперамента, т. е. физиологи, не провозгласили бы первые всю важность воспитанія. Разсуждая объ одной изъ вышеупомянутыхъ формъ характера, нѣмецкій профессоръ Ни-

---

*) См. *Vie de Fenelon*, par de cardinal de Bausset. Извѣстно, что именно для борьбы съ каждымъ изъ недостатковъ своего воспитанника, Фенелонъ сочинялъ свои столь правоучительныя *Басни* и *Диалоги*. „Почти всѣ онъ, говоритъ біографъ, относились къ только что бывшему событію, впечатлѣніе отъ котораго было еще настолько свѣжо, что не позволяло воспитаннику уклоняться отъ примѣненія ихъ къ себѣ: это было зеркало, въ которомъ онъ былъ вынужденъ узнавать самого себя, и которое часто представляло черты, мало лестныя для его юнаго самолюбія“. Изобрѣтательный Менторъ, желая внушить ему болѣе кротости, предполагаетъ, „что солнце хочетъ по-

мейеръ пишетъ: «Тягосложеніе и темпераментъ не оказываютъ очень чувствительнаго вліянія на большее или меньшее расположеніе къ истерическимъ аффектамъ. Напротивъ, наибольшее вліяніе на расположеніе къ истеріи имѣютъ образъ жизни и воспитаніе. Если дѣти не приучены обуздывать себя, если имъ позволяютъ погружаться въ безнадежную печаль по поводу сломанной игрушки и боятся прибѣгнуть къ наказанію, когда при малѣйшемъ отказѣ или разочарованіи они предаются неумѣреннымъ взрывамъ отчаянія или гнѣва, топчутъ ногами и катаются по полу, тогда эти дѣти подвергаются большей опасности сдѣлаться впослѣдствіи истеричными, такъ какъ истерія вызывается не внѣшними условіями, но тѣмъ способомъ, какъ индивидуумъ реагируетъ противъ этихъ условій. Приучайте дѣтей прилежно работать, быть добросовѣстными, обуздывать самихъ себя, не позволяйте подросткамъ вышивать по цѣлымъ днямъ или заниматься другими предметами, позволяющими имъ предаваться своимъ мыслямъ и мечтаніямъ, предохраняйте ихъ отъ дурного чтенія, возбуждающаго воображеніе, и такимъ путемъ вы примите наилучшія мѣры для устраненія опасности истеріи *).

Такъ какъ воспитаніе способствуетъ такимъ образомъ формированію характера, то изъ этого слѣдуетъ, что каждый человѣкъ, если захочетъ, можетъ самъ измѣнить свой нравъ болѣе

падать сонъ молодого принца, чтобы кровь его могла освѣжиться, желчь успокоиться; чтобы онъ могъ приобрести силу и здравье; въ которыхъ нуждается, и нѣкоторую нѣжную кротость, которой могло бы ему не доставать». Желая побудить его къ болѣе тщательнымъ выраженіямъ въ рѣчи и сочиненіяхъ, онъ изображаетъ его подъ видомъ молодого Вакха, ошибки котораго Фавнъ подымаетъ на смѣхъ. «Какъ осмѣливаешься ты надсмѣхаться надъ сыномъ Юпитера?» спрашиваетъ божественный ребенокъ.— «А какъ сынъ Юпитера смѣетъ дѣлать ошибки?» отвѣчаетъ фавнъ. Точно также въ прекрасной баснѣ *Fantastique* герцогъ Бургундскій долженъ былъ прочитать правдивую исторію всѣхъ своихъ неровностей и увлеченій.

*) *Elements de pathologie interne et de thérapeutique*, т. II, стр. 353.— Ср. слѣдующія строки d'Espine'a и Picot (*Manuel pratique des maladies de l'enfance*, стр. 494): «Въ борьбѣ противъ истеріи, которая есть преимущественно недугъ психическій, на первомъ мѣстѣ должны стоять воспитательныя средства, дѣйствующія на характеръ ребенка: надо начинать борьбу съ первыхъ симптомовъ болѣзни и даже стараться предупредить ихъ у расположенныхъ къ этому субъектовъ. Надо укрѣплять тѣло ребенка правильной гигиеной, стараться развивать его разумъ и умственные способности и противодействовать всему, что можетъ преждевременно возбуждать его нервную чувствительность. Слѣдовательно, должны быть рекомендованы тѣлесныя упражненія, а романическое чтеніе должно быть изгнано, и въ особенности слѣдуетъ прежде всего остерегаться баловства ребенка или поворота его капризамъ». — Отсюда логическое слѣдствіе: если худо направленное воспитаніе можетъ такъ совратить съ пути нормальный отъ природы характеръ, то почему же надежащее воспитаніе не можетъ его усовершенствовать? Никто не думаетъ отрицать вліяніе дурныхъ примѣровъ; какой доводъ можно привести противъ того, что хорошіе будутъ дѣйствительными?

или менѣе глубоко *). Къ привычкамъ, источникъ которыхъ лежитъ внѣ насъ, мы можемъ присоединить свои собственныя привычки и настойчивой борьбой противъ всѣхъ своихъ страстей можемъ если и не преобразовать себя вполне, то по крайней мѣрѣ стать существомъ нравственно весьма различнымъ отъ прежняго. Къ тому же такое самовоспитаніе еще болѣе плодотворно и прочно вслѣдствіе того усилія, какого оно требуетъ и которое глубоко запечатлѣваетъ его въ нашей душѣ. Прежде всего важно, слѣдуя правилу Сократа, *хорошо познать самого себя*, различить, какія наклонности, хорошія или дурныя, преобладаютъ въ насъ, чтобы узнать, съ чѣмъ воля должна бороться, что искоренять или обратно, поддерживать и укрѣплять; знаніе нашихъ естественныхъ склонностей, и сознательное направленіе ихъ,—вотъ задача, выпадающая на нашу долю. «Какъ бы ни было трудно достиженіе такой власти надъ собою, но оно возможно. Напримѣръ, Рахиль Варнгагенъ, д-ръ Джонсонъ, Генриетта Мартино родились съ темпераментомъ меланхолическимъ: они принадлежали къ числу тѣхъ унылыхъ людей, которые хотѣли бы бѣжать отъ непрерывнаго трепета жизни и сказать своему сердцу: «усни!» Но при помощи разума и воли они дѣлали похвальные попытки побѣдить эту органическую склонность къ унынію и, наконецъ, восторжествовали надъ этимъ тайнымъ врагомъ своего внутренняго міра» **).

Въ подобномъ случаѣ идеалъ необходимъ, какъ вспомогательное и руководящее средство; надо поставить себѣ возвышенную цѣль и преслѣдовать ее: «Понятіе о лучшемъ, замѣчаетъ Фулье ***)», является для насъ средствомъ осуществить это лучшее. Разумъ въ концѣ концовъ направляетъ все къ опредѣленнымъ цѣлямъ. А такъ какъ большая часть этихъ цѣлей далеко не безразлична съ точки зрѣнія морали, то съ этой высшей точки зрѣнія характеръ является системою конечныхъ цѣлей или, по выраженію Эмерсона, «системою нравственности», введенною въ природу индивидуума дѣйствіемъ его разумной воли; такъ что сильно развитое пониманіе моральныхъ и соціальныхъ вещей, допускающая непрерывную эволюцію характера, допускаетъ въ то же время возрастающій прогрессъ самой нравственности... Не говоримъ уже объ основателяхъ религій, но и Сократъ жилъ и умеръ согласно своимъ принципамъ, причемъ, какъ онъ самъ свидѣтельствуешь, ему приходилось идти наперекоръ нѣкоторымъ склонностямъ своего темперамента. Развѣ онъ не признается, что былъ чрезвычайно склоненъ къ крайностямъ любовной страсти, а жилъ цѣ-

---

*) Относительно типа наименѣе, можетъ быть, поддающагося воспитанію, т. е. типа непостояннаго или безсвязнаго, Полянъ пишетъ: «Нравственное вліяніе начальства, правильность, даже рутинна, обычной жизни, вѣрованія и религіозныя постановленія, страхъ передъ полиціей, забота о будущемъ, заставляютъ многихъ людей не нарушать нравственнаго кодекса». (*Психологія характера*, стр. 44).

**) Фулье. *Характеръ и разумъ*, Міръ Божій, январь 1895 г. стр. 69.

***) Тамъ же, стр. 93 и 94.

ломудренно? Развѣ онъ не соглашался съ фізіономистомъ Зоппромъ, приписавшимъ ему много грубыхъ склонностей, которыя Сократъ подавилъ силою своей воли? А Кантъ, не осуществивъ ли онъ всею своею жизнью категорическій императивъ? «Я спалъ, пишетъ онъ, и грезилъ что жизнь—красота, проснулся и увидѣлъ, что она—долгъ». Что же пробудило его, если не работа мысли? Мы видимъ множество примѣровъ громаднаго вліянія нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій. Св. Августинъ, котораго темпераментъ влекъ ко всевозможнымъ наслажденіямъ, сталъ, однако, однимъ изъ образцовъ святости, подъ вліяніемъ идеала, который онъ понялъ и полюбилъ.

Какія же средства долженъ употребить воспитатель, чтобы, согласно требованіямъ необходимости или полезности, измѣнять различные характеры и дѣлать дѣтей способными къ самоусовершенствованію вполнѣдствіи?

Мы скажемъ сначала нѣсколько словъ о томъ, что возможно попытаться по отношенію къ темпераменту.

«Духъ, писалъ Декартъ *), такъ сильно зависитъ отъ темперамента и отъ расположенія органовъ тѣла, что если бы было возможно найти какое либо средство, которое сдѣлало бы вообще людей болѣе умными и болѣе способными, чѣмъ они были до сихъ поръ, то слѣдовало бы, я думаю, искать его въ медицинѣ». Слова, замѣчательныя во всѣхъ отношеніяхъ и имѣющія тѣмъ болѣе вѣса, что были сказаны великимъ философомъ спиритуалистомъ. Дѣйствительно, при помощи именно медицины и гігіены и надо стараться подчинить съ самаго начала человѣческую машину хорошимъ привычкамъ, вырвать пороки съ ихъ органическимъ корнемъ и сдѣлать тѣло послушнымъ орудіемъ разума. Такъ думали Паскаль и Руссо; такого же мнѣнія держится и Фулье, полагающій, «что можно было бы спасти разумъ отъ многихъ заблужденій, воспрепятствовать появленію многихъ пороковъ, если бы только умѣли заставить животную организацію содѣйствовать нравственному порядку, который такъ часто ею нарушается»; однимъ словомъ, если бы признали «необходимость нравственности въ примѣненіи къ жизни чувствъ и аффектовъ, которая дѣйствовала бы не отвлеченными предписаніями, но посредствомъ конкретнаго вліянія на матеріальную часть нашего существа **»).

Медицина, напр., рекомендуетъ для борьбы съ лимфатическимъ темпераментомъ и для измѣненія его употребленіе пищи, доставляющей большее количество крови и желчи; для этой цѣли она предписываетъ такъ же тепло и движеніе, именно гимнастику и игры;—по отношенію же къ темпераментамъ желчнымъ и нервнымъ, она, напротивъ, совѣтуетъ растительную пищу, воду для

---

*) *Discours de la méthode*, VI часть.

**) *Le tempérament physique et moral*, стр. 304.

питья *), холодъ, покой и т. п.—Надо ли еще упоминать, что въ пенитенціарной системѣ Соединенныхъ Штатовъ для смягченія или успокоенія свирѣпныхъ характеровъ прибѣгаютъ къ кровопусканіямъ, къ ваннамъ, къ разжижающему кровь питью, къ растительной пицѣ, къ успокаивающимъ занятіямъ!

Удовольствуемся этими примѣрами, взятыми изъ практики. Такъ какъ прямое воздѣйствіе на нравственную сторону бесспорно болѣе ощутительно и болѣе сильно, то важно заняться имъ особо. Здѣсь мы оставимъ въ сторонѣ все, что касается до воспитанія умственныхъ способностей, о чемъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ **), а постараемся лишь опредѣлить, какимъ образомъ воспитатель долженъ дѣйствовать по отношенію къ чувствительности и волѣ дѣтей.

Прежде всего ему необходимо хорошо распознать природу тѣхъ характеровъ, на которые ему приходится воздѣйствовать ***) такъ какъ, чтобы заставить эти характеры приблизиться къ уравновѣженности, представляющей желаемымъ идеаломъ, воспитателю часто придется у одного развивать извѣстную способность, находящуюся въ зачаточномъ состояніи, и, наоборотъ, сдерживать или даже обуздывать ее у другого, гдѣ, въ силу своего чрезмѣрнаго развитія, эта способность становится недостаткомъ, какъ это бываетъ, напр., съ мягкостью, переходящей въ слабость, и твердостью, обращающейся въ упрямство. Жюльсье ясно указываетъ методъ, которому надо слѣдовать въ этихъ двухъ случаяхъ: «Способность развиваютъ, говорятъ онъ, доставляя индивидууму, обладающему ею, частые случаи къ ея упражненію; устраняя же эти случаи, останавливаютъ ея развитіе. Мнѣ

---

*) Всѣмъ извѣстно, какъ дѣйствуетъ вино; вліяніе кофе на нѣкоторыхъ людей также весьма значительно: оно приближаетъ ихъ къ импульсивному типу. Сень-Савесъ пришелъ къ убѣжденію, что чашка чаю, которую онъ выпивалъ послѣ завтрака, вызывала въ немъ сварливость. «Ежедневно, раскаяваясь онъ, я садился завтракать съ твердымъ намѣреніемъ не раздражаться; но всѣ мои усилія ни къ чему не приводили, дѣло непременно кончалось тѣмъ, что наступалъ припадокъ безъ всякаго повода съ чѣей бы то ни было стороны». (Полякъ, *Психологія характера*, стр. 44—45). — См. Saint-Saens, *Le Métronome et l'espace céleste*, въ *Revue bleue*, 9 августа 1890 г.

**) См. по этому предмету наши сочиненія *L'imagination et ses variétés chez les enfants* (есть русскій переводъ *Воображеніе и память*) и *L'abstraction et son rôle dans l'éducation intellectuelle*.

***) «Чтобы управлять ребенкомъ, надо прежде всего его узнать, а для этого необходимо *прямодушное, обходительное и дружеское, безъ заискиванія обращеніе* съ нимъ, которое давало бы ему полную возможность обнаружить свои наклонности. Изъ всѣхъ недостатковъ, лицемѣріе самый худшій, потому что независимо отъ зла, которое оно причиняетъ само по себѣ, оно служитъ еще прикрытіемъ для другихъ недостатковъ: нѣтъ ничего опаснѣе тѣхъ «политическихъ характеровъ», рассчитанное повиновеніе и кажущаяся протость которыхъ скрываетъ упрямую волю, обнаруживающуюся только тогда, когда уже нѣтъ времени исправить ее. Какое бы ни потребовалось усиліе со стороны наблюдательности и терпѣнія, чтобы ясно читать въ душѣ ребенка, все должно быть принесено въ жертву для достиженія этой цѣли». Gréard, *L'éducation des femmes*, стр. 31).

кажется, что этотъ принципъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть выпускаемъ изъ виду лицами, взявшимися за воспитаніе юношества. Для нравственнаго воспитанія нѣтъ абсолютныхъ методовъ, потому что оно состоитъ собственно въ содѣйствіи и противодѣйствіи развитію, но то, что надо развивать или, обратно, подавлять въ одномъ случаѣ, не будетъ тѣмъ же въ другомъ *). Вотъ въ чемъ заключается великая, благородная задача воспитателя. Эта сторона воспитанія происходитъ во всякое время, она распредѣляется между часами занятій и часами забавъ. Все должно содѣйствовать этой цѣли, не надо упускать ни одного случая, и поэтому необходимъ постоянный и бдительный надзоръ **).

Наставникъ первымъ дѣломъ долженъ подавлять въ порученныхъ ему дѣтахъ склонности эгоистическія и поощрять или возбуждать склонности альтруистическія. Приходится признать, что за неизбѣжными исключеніями дѣти по природѣ скорѣе злы, чѣмъ добры, такъ какъ по существу они эгоисты; и положеніе, высказанное Лафонтаномъ «*Сей возрастъ жалости не знаетъ*», хотя и слишкомъ безусловно, но выражаетъ великую истину. Главная причина этого та, что развитіе наклонности къ симпатіи требуетъ извѣстной степени умственнаго развитія, котораго недостаетъ маленькому ребенку, что и препятствуетъ ему понимать зло, которое онъ причиняетъ самъ, или о которомъ онъ слышитъ отъ другихъ. Вотъ поэтому то и надо пользоваться моментами, когда онъ самъ страдаетъ, чтобы пробудить въ немъ чувство состраданія къ тѣмъ, кто страдаетъ такъ же, какъ и онъ.

Руссо не оставилъ этого обстоятельства безъ вниманія: «Чтобы стать чувствительнымъ и жалостливымъ, читаемъ мы въ IV книгѣ *Эмиля*, ребенку необходимо знать, что есть на свѣтѣ существа, подобныя ему, страдающія такъ же, какъ страдалъ онъ, и чувствующія такую же боль, какую испытывалъ и онъ, а также чувствующія и другія страданія, о которыхъ онъ долженъ имѣть представленіе, какъ о страданіяхъ, могущихъ выпасть и на его долю. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ можемъ мы пробудить въ себѣ жалость къ другимъ, если мы не перенесемъ на ихъ мѣсто, не отождествимъ себя съ страдающимъ живымъ существомъ, не покинемъ, такъ сказать, нашу сущность, чтобы воспринять въ себя то, что составляетъ его сущность? Мы страдаемъ только постольку, поскольку считаемъ его страдающимъ; мы страдаемъ не въ себѣ, но въ немъ. Поэтому мы становимся чувствительными лишь тогда, когда наше воображеніе пробуж-

---

*) По этому поводу Ал. Стюартъ дошелъ недавно до того, что предложилъ дѣлить классы въ школахъ на 4 отдѣленія, чтобы соединять вмѣстѣ дѣтей одного и того же темперамента и примѣнять къ каждому отдѣленію спеціальныя методы.

***) *Exposé analytique des méthodes de l'abbé Gaultier*, гл. XIII.

дается и стремится перенести насъ изъ внутренней сферы во внѣшнюю *).

«Что же можемъ мы дѣлать, чтобы возбуждать и давать пищу этой зарождающейся чувствительности, руководить ею и слѣдить за ея естественнымъ развитіемъ? Мы можемъ только предоставить молодому человѣку **) объекты, на которые могла бы направляться экспансивная сила его сердца, которые расширяли бы его нравственный горизонтъ, заставляли бы его принимать въ соображеніе другія существа, а не сосредоточиваться на самомъ себѣ; мы можемъ тщательно устранять отъ него все, что его ограничиваетъ, суживаетъ и напрягаетъ пружины человѣческаго я; т. е., другими словами, мы можемъ возбуждать въ немъ доброту, человѣчность, состраданіе, милосердіе и искоренять всѣ отталкивающія страсти, которыя дѣлаютъ чувствительность не только, такъ сказать, равной нулю, но даже отрицательной, и составляютъ мученіе для тѣхъ, кто ихъ испытываетъ».

Опытъ подтверждаетъ вышеизложенные взгляды: замѣчали, что дѣти становятся болѣе нѣжными послѣ болѣзни. Правда, можетъ быть, что наряду со страданіемъ, производящимъ въ нихъ эту перемѣну, дѣйствуетъ и другая причина: проявленіе нѣжности, объектомъ которыхъ они были впродолженіе этого времени, могли вызвать въ нихъ соотвѣтствующее настроеніе, такъ какъ нѣжность заразительна. Поэтому новое и превосходное средство внушить ребенку симпатію состоитъ въ постоянномъ проявленіи ея по отношенію къ нему самому, потому что знаки нѣжности, оказываемые ребенку, вызываютъ его на такіе же, и сердце его мало по малу открывается. Тогда надо очень остерегаться, чтобы не выказать равнодушія къ словамъ и дѣйствіямъ, въ которыхъ выражаются его нѣжныя чувства, такъ какъ вѣрное средство заглушить ихъ—это принимать выраженія нѣжности съ холодной сдержанностью. Напротивъ, показывая ребенку, что мы испытываемъ дѣйствительное удовольствіе, получая выраженіе ея, мы тѣмъ самымъ поощримъ въ немъ желаніе воспроизводить въ своихъ родителяхъ или учителяхъ тѣ эмоціи, которыя они воспроизвели въ первый разъ въ немъ ***). Г-жа

---

*) Случай, происшедшій въ нашемъ сосѣдствѣ, волнуетъ насъ больше, нежели отдаленная катастрофа. Дювальдъ Стюартъ замѣчаетъ, что безсердечность многихъ дѣтей происходитъ единственно отъ бѣдности ихъ воображенія, поэтому надо сперва развить ихъ воображеніе, чтобы такимъ образомъ пробудить ихъ чувствительность.

**) Руссо пишетъ «молодой человѣкъ», потому что, по его убѣжденію, развитіе нравственныхъ чувствъ должно быть приурочено къ пятнадцатилѣтнему возрасту. Мы думаемъ, наоборотъ, что этимъ слѣдуетъ заняться какъ можно раньше и, дѣйствительно, нравственное чувство способно къ воспріятію наилучшихъ впечатлѣній преимущественно въ раннемъ дѣтствѣ, когда природныя душевныя свойства наиболѣе гибки и легче поддаются управленію.

***) Само собой разумѣется, что надо избѣгать при этомъ всякой крайности, чтобы не привить дѣтямъ съ живымъ воображеніемъ болѣзненной

Ментенонъ была олицетворенный разумъ; но *Ея Основательности*, какъ называлъ ее Людовикъ XIV, не доставало чувствительности и кротости, и конечно, если жестокость и сухость, въ которыхъ ее упрекали, и происходили частью отъ продолжительныхъ испытаній, перенесенныхъ ею въ дѣтствѣ, то въ этомъ, кромѣ того, виновато и ея воспитаніе; ея мать, говоритъ M-elle д'Омаль, только два раза поцѣловала ее въ лобъ, и то послѣ довольно долгой разлуки.

Можно также, имѣя въ виду расшевелить сердца дѣтей, прибѣгать къ маленькимъ сценамъ, почерпнутымъ изъ басенъ, изъ исторіи или дѣйствительной жизни, и выбранныхъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ясно выдѣлилось все, что есть безобразнаго въ злобѣ, жестокости, въ угнетеніи, напр., слабого сильнымъ. Дѣти часто не отдають себѣ отчета въ страданіи, которое они причиняють сами, но они очень быстро улавливають то, что есть дурного въ поступкѣ другихъ. Кто изъ нихъ не былъ тронутъ участіемъ маленькаго ягненка, про котораго говоритъ Лафонтенъ, и не возмущался недобросовѣстными доводами, приводимыми волкомъ, чтобы сдѣлать его своей добычей? Кто не содрогался при чтеніи разсказа объ убійствѣ дѣтей Клодомира? Учитель не только долженъ вызывать или изощрять въ дѣтяхъ подобныя чувства, но онъ долженъ еще внушать имъ, что тотъ, кто не испытывалъ бы ихъ, являлся бы печальнымъ исключеніемъ въ *человѣчествѣ*.

Г-жа Неккеръ де-Соссюръ разсказываетъ случай съ однимъ ребенкомъ, который, находясь въ саду, гдѣ ручная перепелка свободно бѣгала около клѣтки какой то хищной птицы, вдругъ неизвѣстно по какимъ побужденіямъ схватилъ несчастную перепелку и бросилъ ее на растерзаніе хищнику. Герой этого приключенія самъ разсказываетъ о послѣдствіяхъ его: «За обѣдомъ, гдѣ было въ этотъ день много гостей, глава дома сталъ хладнокровно и безъ комментарій разсказывать эту сцену и называлъ меня. Когда онъ кончилъ, то наступило всеобщее молчаніе, и взоры всѣхъ обратились на меня съ выраженіемъ нѣкотораго рода страха. Я слышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ собесѣдниками, и хотя прямо ко мнѣ никто не обращался, но всетаки я могъ понять, что производилъ на всѣхъ впечатлѣніе чудовища *)».

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ урокъ прошелъ не

или ложной чувствительности. Слѣдуетъ принимать съ удовольствіемъ ласки нашихъ дѣтей, замѣчаетъ миссъ Эджвортъ (*Essais sur l'éducation pratique*), но «ватѣмъ слѣдуетъ осторожно умѣрять живость и частое повтореніе этихъ проявленій изъ опасенія, чтобы это не привело ихъ къ аффектаціи... При воспитаніи дѣвушекъ надо весьма умѣренно пользоваться всѣмъ, что относится къ отдѣлу романовъ, каковы напр., сентиментальные разсказы, вызывающіе сильныя душевныя движенія. Этотъ родъ чтенія расслабляетъ характеръ и внушаетъ равнодушіе къ обычнымъ удовольствіямъ, совокупность которыхъ составляетъ однако значительно наибольшую долю счастья».

*) Приведено у Поля Жана, *Traité de philosophie*, стр. 572.

безъ пользы для ребенка, получившаго его; несомнѣнно также и то, что подобные случаи не были бы бесполезны и для всѣхъ.

Благодаря этимъ различнымъ приемамъ наставникъ не только разовьетъ въ дѣтяхъ чувствительность и дастъ ей хорошее направление, замѣняя эгоистическія наклонности наклонностями безкорыстными, но одновременно съ этимъ онъ будетъ содѣйствовать излѣченію ихъ отъ *apatii*, которая можетъ быть свойственна ихъ природѣ. И когда онъ имѣетъ дѣло съ натурами по существу вялыми и сонными, то для достиженія этой послѣдней цѣли онъ не долженъ опасаться подстрекать и возбуждать въ дѣтяхъ даже самолюбивыя чувствованія. «Эгоистическія побужденія могутъ быть настолько слабы, что встрѣтится надобность прибѣгнуть по отношенію къ нимъ къ положительному возбужденію. Встрѣчаются дѣти безпечныя, находящіяся, такъ сказать, въ летаргіи, въ которыхъ полезно укрѣплять сознание собственной личности. Въ этомъ случаѣ желательно пробуждать въ нихъ чувства *гордости, честолюбія* и даже (въ крайнихъ случаяхъ) антиобщественное чувство соперничества, чувство *удовольствія отъ победы* надъ другими. Даже когда и не наблюдается природнаго недостатка въ этихъ чувствахъ, задача воспитателя заключается не столько въ томъ, чтобы ихъ подавлять, сколько въ томъ, чтобы направлять ихъ къ наиболѣе возвышеннымъ цѣлямъ. Онъ старается преобразовать ихъ, превращая въ чувства болѣе чистыя. Поэтому его усилія должны быть направлены къ тому, чтобы заставить ребенка перейти отъ боязни зла физическаго къ страху передъ зломъ нравственнымъ, отъ соревнованія въ физическихъ качествахъ къ соревнованію въ качествахъ духовныхъ, отъ гордости, внушаемой обладаніемъ матеріальными предметами къ гордости болѣе благородной, происходящей отъ обладанія предметами порядка интеллектуальнаго *)».

Въ то же время воспитатель долженъ заботиться объ *урегулированіи* чувствительности ребенка и объ упроченіи въ немъ *равнаго расположенія духа*. Это послѣднее предполагаетъ прежде всего известную мягкость, известную снисходительность, готовую допустить въ другихъ то, чего на самомъ дѣлѣ имъ не достаетъ; оно требуетъ кромѣ того нѣкоторой душевной силы, способной противустоять мелкимъ неприятностямъ, возникающимъ ежедневно по множеству поводовъ. Наиболѣе надежное средство обезпечить ребенку ровность характера — это укрѣпить его волю, о чемъ мы будемъ говорить дальше, и уничтожить въ немъ наклонность къ гнѣву. «Когда человекъ любитъ только себя, то обыкновенно онъ не можетъ держаться по отношенію къ другимъ въ положеніи равнодушнаго нейтралитета; въ зрѣломъ возрастѣ къ этому можетъ привести большой жизненный опытъ и нѣкоторый практический скептицизмъ; но это слишкомъ тонко для дѣтей, которыя

---

*) Sully, *Outlines of psychology*, стр. 505. — Ср. Compaugé, *Cours de pédagogie théorique et pratique*, ур. IX.

всегда дѣйствуютъ по первому побужденію даже въ своихъ эгоистическихъ уловкахъ. Все, что стѣсняетъ ребенка, то онъ ненавидитъ; посмотрите, какъ онъ бьетъ даже неодушевленные предметы, животныхъ и наконецъ людей. Всѣ его проявленія въ раннемъ возрастѣ сопровождаются всегда гнѣвомъ...» И вотъ, «ребенокъ легко приучается къ гнѣву, и тогда вспыльчивость становится постояннымъ недостаткомъ его характера; во первыхъ потому, что онъ въ состояніи самъ по себѣ собственными силами бороться противъ этой страсти, во вторыхъ потому, что хотя ей и предшествуетъ тягостное чувствованіе, но тѣмъ не менѣе въ своемъ проявленіи она сопровождается нѣкоторымъ удовольствіемъ. Спросите у ребенка, который кричитъ, барахтается, бросаетъ или ломаетъ попадающіяся ему подъ руку вещи, не находитъ ли онъ нѣкотораго облегченія въ этихъ беспорядочныхъ движеніяхъ. Разъ это удовольствіе станетъ настолько живымъ, что возмѣститъ собою неудобства, естественно неразлучныя съ увеличеніемъ преобладающей страстью, то получится натура, равновѣсіе которой никогда не будетъ устойчивымъ, умъ, всегда затемненный страстью, воля, никогда не владѣющая собою. Необходимо значить во что бы то ни стало воспрепятствовать тому, чтобы наклонность къ гнѣву обратилась въ привычку: все вліяніе родителей и наставниковъ едва достаточно для этого. Стѣсненіе, налагаемое ихъ присутствіемъ, бываетъ лишь кратковременнымъ, оно даже не всегда способно предупредить взрывы гнѣва; и къ тому же, ребенокъ легко находитъ случай освободиться отъ этого присутствія. Гнѣву слѣдуетъ противопоставить, въ качествѣ первой преграды, отрицательное и выжидательное отношеніе: ничто такъ сильно не дѣйствуетъ на порывы запальчивости, какъ хладнокровіе присутствующихъ лицъ, особенно, если это хладнокровіе имѣетъ оттѣнокъ горестнаго удивленія и молчаливаго, граничащаго съ презрѣніемъ, неодобренія. Гнѣвъ, не находя пищи въ упрекахъ и не встрѣчая передъ собою ничего, кромѣ молчанія, расходуется въ пустоту и уничтожается самъ собою. Только по окончаніи припадка своевременно будетъ активное вмѣшательство. Общимъ средствомъ воздѣйствія явится порицаніе, приложимое въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ; обращеніе къ чувству личнаго достоинства, указанія на печальныя послѣдствія этой страсти, вотъ средства болѣе спеціальныя. Но самое дѣйствительное средство состоитъ въ развитіи чувствъ симпатіи и благожелательства. Противоположенностью раздражительности будетъ такое настроеніе духа, которое располагаетъ насъ забывать причиненное намъ или воображаемое зло, и думать лишь о злѣ, которое мы сами дѣлаемъ другимъ» *).

---

*) Rousselot, *Pédagogie à l'usage de l'enseignement primaire*, стр. 146—148.— Ср. M-elle de Sauban, *Cours normal des institutrices*, гл. XVIII: «Приучайте вашихъ дѣтей терпѣливо переносить несправедливость, противопоставлять надменности лишь мягкость, грубости вѣжливость; и они такимъ образомъ обезоружатъ заносчивость и смягчатъ грубость. Угрюмое или зложела-

Склонность къ гнѣву далеко не единственное препятствіе для достиженія ровности характера; для этого придется еще подавлять наклонности къ гордости, тщеславію, являющуюся причиною характера *противорѣчиваго*. Если человѣкъ постоянно и во что бы то ни стало оспариваетъ мнѣнія и поступки другихъ, то это объясняется или тѣмъ, что онъ считаетъ себя лучше и разсудительнѣе, или желаетъ показаться таковымъ, или еще тѣмъ, что въ глазахъ многихъ наиболѣе вѣрное средство отличиться отъ другихъ, это никогда не думать, какъ всѣ *). «Роль цензора требуетъ громаднаго превосходства въ умѣ и званіяхъ. Поэтому тщеславный человекъ спѣшитъ принять на себя эту роль не для того, чтобы исправлять заблужденія своихъ ближнихъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ къ этому неспособенъ, да и не заботится объ этомъ,

тельное настроеніе, при отсутствіи раздраженія, успокоивается само собой, чувствуя свою бесполезность. Терпѣніе дѣлаетъ вѣжливымъ, такъ какъ помогаетъ выслушивать безъ скуки или, по крайней мѣрѣ, безъ ея видимыхъ признаковъ, рассказы утомительные или по своей малозначительности, или въ силу непомѣрной длинноты. Терпѣливый человѣкъ не прерываетъ разговора; онъ даетъ каждому время высказаться, онъ слушаетъ все и хорошо понимаетъ; онъ переноситъ претензіи глупости, капризы больного, повторенія и медленность старика, рѣзвость и вѣчные вопросы ребенка; онъ поддерживаетъ свое мнѣніе безъ рѣзкости, не раздражаясь противъ мнѣнія, противоположнаго его собственному, онъ умѣетъ заставить себя слушать, такъ какъ выбираетъ для этого моментъ, когда надо отвѣчать; онъ часто убѣждаетъ, потому что не торопится съ доказательствами. Такимъ образомъ терпѣніе соединяетъ преимущество благоумія съ достоинствомъ доброты».

*) «Тщеславіе, говоритъ Balmès, преобладающій порокъ этого рода умовъ. Дурно понятое самолюбіе побуждаетъ ихъ отличиться во всемъ отъ другихъ, и не желая ни думать, ни говорить, какъ остальные люди, они кончаютъ тѣмъ, что неважѣтно вступаютъ въ борьбу съ самимъ здравымъ смысломъ. Самое постоянное оппозиціи доказываетъ, что ихъ странности обусловливаются не столько ошибками сужденія, сколько смѣшнымъ стремленіемъ къ оригинальничанью, обратившимся въ привычку. Если бы этотъ недостатокъ происходилъ отъ сужденія, то они не противорѣчили бы во всѣхъ вопросахъ. Странное дѣло! Вѣрнѣйшее средство обратить ихъ къ истинѣ состоитъ въ томъ, чтобы защищать въ ихъ присутствіи ошибочное мнѣніе. Я скорѣе думаю, что въ большинствѣ случаевъ люди такого характера не даютъ себѣ отчета въ своемъ поведеніи: они не имѣютъ яснаго понятія о подчиняющемъ и направляющемъ ихъ тщеславіи; тѣмъ не менѣе они дѣйствуютъ подъ его вліяніемъ. Если они это замѣтятъ, то зло еще излѣчимо, особенно если *возрастъ*, общественныя отношенія, лѣтъ не развратили еще ихъ разума. Часто большія неприятели, жестокія униженія являются послѣдствіями такого злоупотребленія своимъ умомъ. Удрученные несчастіемъ, наученные опытомъ и страданіемъ, они имѣютъ свѣтлые промежутки, которыми можетъ воспользоваться искренняя дружба. Но покуда дѣйствительность не образумила ихъ самолюбія, *не противорѣчьте имъ...* Такъ какъ нельзя вразумлять, когда нѣтъ болѣе противника, то часто случается, что несоговорчивые спорщики, встрѣчая молчаніе, становятся хладнокровными, приходятъ въ себя и извиняются въ своихъ рѣзкостяхъ. Эти пылкіе, безпокойные умы, живущіе противорѣчіемъ, въ свою очередь чувствуютъ потребность въ возраженіяхъ, и теряютъ охоту къ противорѣчію, когда оно не является уже болѣе поводомъ къ борьбѣ, особенно когда они начинаютъ понимать, что вмѣсто убѣжденнаго противника, всегда готового къ борьбѣ, они имѣютъ передъ собою человѣка, играющаго роль добровольной жертвы ихъ печальнаго недостатка» (Balmès, глав. XXII, § 12).

„Образованіе“. Отд. I № 12.

а для того, чтобы занять болѣе видное мѣсто и придать себѣ въ глазахъ другихъ отпечатокъ мудрости и проницательности». (Паффъ). Необходимо приводить дѣтей къ вѣрной оцѣнкѣ, какъ самихъ себя, такъ и другихъ людей и напоинать о скромности и такимъ путемъ бороться противъ этой прискорбиой наклонности, и бороться противъ нея, какъ только она обнаружилась *). Позже она такъ прочно укрѣпляется, что вырвать ее съ корнемъ очень трудно. И, однако, она причиняетъ большое зло тому, кого она обуяла, такъ какъ общество относится всего нетерпимѣе къ порокамъ, задѣвающимъ всѣхъ и каждого: отсюда это единодушiе, съ которымъ оно защищается противъ нихъ. Напротивъ того, какую привлекательность придаетъ ровность характера тому, кто ею одаренъ: какъ не любить и не стремиться къ тому, кого видишь всегда съ яснымъ лицомъ и улыбкой на устахъ!

Регулируя чувствительность ребенка, мы тѣмъ самымъ достигаемъ и другого результата; мы устраняемъ изъ его поведенiя капризы и фантази, однимъ словомъ *неустойчивость*. «Мы можемъ предупредить непостоянство ребенка, подавая ему примѣръ постоянства. Ребенокъ естественно подражаетъ тѣмъ, кого любить и уважаетъ, и если онъ видитъ, что воспитатель неизмѣненъ и упоренъ въ своихъ начинанiяхъ, онъ самъ становится такимъ же. Перемѣна въ ребенкѣ должна быть слѣдствiемъ постоянства; такъ, его чувствованiя, его занятiя должны быть разнообразными, чтобы онъ отъ нихъ не зависѣлъ; но именно потому, что я желаю видѣть его свободнымъ, я не хочу, чтобы онъ былъ непостояннымъ. Одно дѣло — не быть въ состоянiи окончить сряду начатое, хотя бы и желалъ этого, а другое дѣло бросать то, что хотѣлъ, потому что оно надѣло. Въ послѣднемъ случаѣ человекъ — рабъ своей измѣнчивости, въ первомъ же случаѣ человекъ является измѣнчивымъ для того, чтобы быть независимымъ отъ нѣкоторыхъ привычекъ. Отложить работу съ тѣмъ, чтобы снова за нее приняться, не значить бросать ее, потому что она надѣла. Больше постоянства въ томъ, чтобы возвратиться къ начатой работѣ послѣ того, какъ пришлось ее прервать, чѣмъ въ томъ, чтобы продолжать ее безъ перерыва.—Къ *мыслимъ* можно приложить то же, что я говорилъ о *дѣйствiяхъ*; желательно, чтобы ученикъ оставался вѣрнымъ воспринятымъ имъ идеямъ, пока разумъ или чувство не заставятъ его отказаться отъ нихъ, и разъ онъ отказался отъ нихъ, то пусть это будетъ на нѣкоторое время, чтобы онъ не могъ немедленно вернуться къ покинутому мнѣнiю, не заслуживъ упрека въ непостоянствѣ и не услышавъ, когда высказываетъ свое чувство, вопроса, какова будетъ его продолжительность **).—Прибавимъ къ этому, что

---

*) Тѣмъ болѣе должны мы остерегаться, чтобы не создать ее самимъ въ ребенкѣ, неразумно противорѣча ему на каждомъ шагѣ; поэтому также мы должны старательно избѣгать тѣхъ лицъ, которые любятъ дразнить дѣтей.

**) Girou de Buzareingues, *Education des garçons*.

разъ какое нибудь наказаніе наложено или какая либо награда обѣщана, то ребенокъ долженъ быть увѣренъ въ неизбѣжности ихъ; никогда не надо допускать, чтобы какая нибудь внезапная отмѣна могла его сбить съ толку и заставить думать, что въ его наказаніи или наградѣ есть извѣстная доля произвола или каприза *).

Надо, говорили мы, призвать на помощь рефлексію и волю ребенка, чтобы сдѣлать его способнымъ обуздывать свой гнѣвъ и укрощать свою гордость, и чтобы предохранить его одновременно и отъ характера противорѣчиваго и отъ характера неустойчиваго. Но нельзя быть увѣреннымъ въ успѣхъ, пока ребенокъ не приобрѣтетъ такой силы воли, что, начавъ борьбу, онъ будетъ способенъ настойчиво ее продолжать. Поэтому на воспитателѣ лежитъ обязанность научить ребенка хотѣть и сильно хотѣть. Трудная задача! Нравственную свободу (а подъ ею мы подразумѣваемъ господство надъ самимъ собою, прочное преобладаніе благородныхъ чувствованій и нравственныхъ идей надъ животными порывами) нравственную свободу, какъ и свободу политическую, какъ и все, что имѣетъ какую нибудь цѣнность на землѣ, приходится завоевывать трудной борьбой и постоянно отстаивать. Она—награда за силу, настойчивость и умѣнье. *Только тотъ помучаетъ свободу, кто ее заслужилъ.* Свобода не есть ни право, ни фактъ; свобода есть награда, высшая награда, дающая наибольшую сумму счастья: свобода для жизни—то же, что солнечный свѣтъ для пейзажа. Кто не сумѣлъ ее завоевать, тотъ никогда не узнаетъ глубокихъ и прочныхъ радостей бытія *).

Теперь надо намъ разсмотрѣть, какими способами можемъ мы поддерживать и укрѣплять волю въ дѣтяхъ, уже одаренныхъ ею, возбуждать желаніе имѣть ее въ тѣхъ, у кого ея нѣтъ, и создавать ее въ этихъ послѣднихъ.

Въ своей Автобиографіи Стюартъ Милль дѣлаетъ замѣчаніе, имѣя въ виду самого себя, что дѣти энергичныхъ людей страдаютъ отсутствіемъ энергіи, потому что ихъ родители взяли привычку постоянно хотѣть за нихъ. Здѣсь заключается драгоцѣнное указаніе для наставниковъ. Они прежде всего должны стараться не заглушать въ ребенкѣ инициативы, самостоятельности, подмѣняя безъ пощады его волю своей собственной и требуя отъ него насильнаго послушанія, такъ какъ въ этомъ случаѣ они готовятъ характеры слабые и дряблые, неспособные управлять собою въ жизни и беззащитные противъ всевозможныхъ увлеченій.

«Помните, пишетъ Спенсеръ, что главной цѣлью вашей дисциплины должно быть воспитаніе такого существа, которое было бы способно *управлять самимъ собою и не нуждалось бы въ упра-*

---

*) См. относительно этого Спенсера, *Воспитаніе умственное, нравственное и физическое*, стр. 180

**) Жюль Пейо, *Воспитаніе воли*, стр. 22. Мы очень рекомендуемъ изученіе этого сочиненія, которое всѣ молодые люди должны бы имѣть въ рукахъ.

вленіи друиакъ. Если бы вашимъ дѣтямъ предстояла жизнь рабовъ, вамъ нужно было бы съ раннаго дѣтства приучать ихъ къ рабству, а такъ какъ они рождаются людьми свободными, съ правомъ не имѣть надъ собою контролера и не давать отчета въ своихъ ежедневныхъ дѣйствіяхъ, то вы никогда не приучите ихъ въ достаточной степени къ самоуправленію, пока они находятся у васъ на глазахъ... Теперь, когда англійскіе граждане не имѣютъ основанія бояться кого бы то ни было, когда добро и зло, которымъ они подвергаются по ходу вещей, исключительно зависятъ отъ ихъ личнаго поведенія,—имъ необходимо съ раннаго дѣтства собственнымъ опытомъ изучить хорошія и дурныя послѣдствія, которыя естественнымъ путемъ вытекаютъ изъ ихъ поступковъ. Старайтесь поэтому сокращать по мѣрѣ возможности вліявіе родительской власти, когда ваши дѣти настолько подростутъ и разовьются, что станутъ понимать важное значеніе самоуправленія, которое основано на предусмотрѣнни результатовъ. Пока ребенокъ еще очень малъ, неограниченная родительская власть необходима. Трехлѣтняго мальчугана, который играетъ съ бритвой, нельзя допустить подвергнуться дисциплинѣ послѣдствій, такъ какъ эти послѣдствія могутъ быть для него очень гибельны, но по мѣрѣ развитія дѣтскаго разсудка, число строгихъ запрещеній можетъ и должно быть уменьшено; затѣмъ мало по малу, съ приближеніемъ зрѣлаго возраста, они должны прекратиться совсѣмъ. Всѣ рѣзкіе переходы опасны, но самый опасный изъ нихъ—это переходъ изъ тѣсной рамки семейныхъ ограниченій къ полнѣйшей свободѣ—жизни въ обществѣ. Вотъ почему такъ важно придерживаться того метода, который мы отстаиваемъ *); онъ развиваетъ въ мальчикѣ способность самообладанія, такъ какъ старшіе постепенно все болѣе и болѣе предоставляютъ ему свободу дѣйствій и, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ онъ вырабатываетъ въ себѣ независимость воли и характера и сглаживаетъ тѣмъ внезапный и рѣзкій переходъ отъ юности, когда имъ управляла внѣшняя сила, власть родителей и наставниковъ, къ зрѣлому возрасту, когда онъ отданъ на произволь самому себѣ... Не огорчайтесь проявленіемъ нѣкотораго своеволія у вашихъ дѣтей... Независимый англійскій мальчикъ—будущій отецъ независимаго англичанина; послѣдній не мыслимъ безъ перваго. Нѣмецкіе педагоги говорятъ, что для нихъ лучше имѣть дѣло съ дюжиной нѣмецкихъ мальчиковъ, чѣмъ съ однимъ англійскимъ. Должны ли мы вслѣдствіе этого желать, чтобы наши мальчики обладали податливостью нѣмецкихъ мальчиковъ, и чтобы со временемъ изъ нихъ выработывались, по примѣру нѣмцевъ, покорные и раболѣпные слуги отечественной политики? Не лучше ли намъ допустить въ англійскихъ дѣтяхъ развитіе тѣхъ чувствъ,

---

*) Методъ естественныхъ послѣдствій, поддерживаемый также и Руссо.

изъ которыхъ создаются свободные люди, и измѣнять, сообразно тому, наши методы воспитанія? *)»

Но если необходимо не ломать воли ребенка, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы нужно было, впадая въ противоположную крайность, уступать всѣмъ его фантазіямъ; желая угодить ему такимъ путемъ, мы точно также сдѣлаемъ его неспособнымъ управлять собою впослѣдствіи. Воля весьма отлична отъ каприза и состоитъ не въ томъ, чтобы дѣлать, что нравится, единственно въ силу того, что это нравится, но въ томъ, чтобы поступать согласно съ разумомъ. Въ этомъ и заключается польза дисциплины: оказывая ребенку сопротивленіе, мы тѣмъ самымъ приучаемъ его не поддаваться самому себѣ. И когда онъ привыкнетъ къ повиновенію, не къ тому насильственному повиновенію, основанному на чувствѣ страха, но къ свободному внутреннему повиновенію, исходящему изъ глубины сознанія, то послѣдствіи онъ окажется способнымъ повиноваться единственно своему разуму.

Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему регулярная работа, правильныя школьныя занятія въ высшей степени благоприятны для образованія и развитія воли. Постоянное усиліе, котораго они требуютъ, трудности, которыя приходится при этомъ преодолевать, готовятъ ребенка къ борьбѣ въ будущемъ. «Трудиться—значитъ напрягать вниманіе. Къ несчастію, вниманіе не принадлежитъ къ числу состояній устойчивыхъ, длящихся, неподвижныхъ. Его нельзя сравнить съ туго натянутымъ лукомъ, гдѣ напряженіе непрерывно. Оно состоитъ скорѣе изъ цѣлаго ряда повторяющихся усилій, изъ отдѣльныхъ моментовъ болѣе или менѣе сильнаго напряженія, съ большей или меньшей скоростью слѣдующихъ одно за другимъ *). При напряженномъ энергичномъ вниманіи, эти усилія такъ близко слѣдуютъ одно за другимъ, что даютъ намъ иллюзію непрерывности, и эта кажущаяся непрерывность можетъ длиться по нѣскольку часовъ ежедневно. И такъ, *выработать въ себѣ способность къ энергичному и продолжительному усилію вниманія*—вотъ цѣль, которую мы должны себѣ поставить. Добиться того, чтобы изо дня въ день, неуклонно и мужественно, возобновлять извѣстный рядъ усилій,—вотъ безъ сомнѣнія одинъ изъ самыхъ великихъ результатовъ, къ какимъ только можетъ привести сознательная работа надъ собой, выработка власти надъ своимъ «я», ибо такія усилія всегда тягостны», но они становятся все болѣе и болѣе легкими, даже необходимыми, благодаря привычкѣ». Разъ дѣйствіе выполнено, хотя бы и съ трудомъ, во второй разъ оно выполняется уже легче. Съ каждымъ разомъ усиліе уменьшается и наконецъ перестаетъ существовать. Да что я говорю: перестаетъ существовать. То самое дѣйствіе, выполненіе котораго было сначала тягостно, неприят-

*) *Воспитаніе умственное нравственное и физическое*, стр. 181—183.

**) Ср. Рибо, *Психологія вниманія*, пер. Цомакіона, Спб. 1890 г.

но, прекращается мало по малу въ потребность, такъ что теперь уже не выполнить его становится тяжело. Да, привычка—драгоценный союзникъ хорошо направленной воли. Поразительно, съ какой быстротой превращаетъ она для насъ въ широкую гладкую дорогу каменистыя тропинки, по которымъ намъ бываетъ иногда такъ трудно заставить себя идти. Дѣйствуя мягкимъ насиліемъ, она ведетъ насъ туда, куда мы и сами рѣшили идти, но куда насъ не пускала сначала наша лѣнь *).

Есть еще одна выгода въ томъ, что ребенку назначаютъ *опредѣленную задачу*; такимъ путемъ мы принуждаемъ его сдѣлать усиліе воли и *немедленно* сейчасъ же исполнить работу, какой бы непріятной она ему ни казалась! Этимъ мы предохраняемъ его отъ безсилія воли, побуждающаго откладывать на завтра то, что должно быть сдѣлано тотчасъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы излѣчиваемъ его и отъ *нерпшительности*. Кромѣ того, если мы тщательно позаботимся, чтобы задача не превышала его силы, то, приучая его успѣвать въ томъ, что онъ *хочетъ*, мы убѣждаемъ его, что онъ *можетъ* это сдѣлать; такимъ образомъ онъ приобретаетъ *доверіе къ собственнымъ силамъ*, являющееся тѣмъ рычагомъ, который даетъ ему возможность исполнять самую трудную работу. Никогда не надо забывать, что ребенокъ, проникнутый убѣжденіемъ, что *хотѣть* значить *мочь*, становится дѣйствительно сильнымъ.

Не бесполезно также возбуждать такія чувства, которыя могутъ сдѣлать работу болѣе привлекательной. «Всѣ мы знаемъ и повторяемъ, что трудъ даетъ намъ много радостей и самыхъ разнообразныхъ: во-первыхъ, глубокое удовлетвореніе самолюбія, затѣмъ, болѣе высокое наслажденіе, наслажденіе чувствовать, какъ развиваются наши способности, наконецъ, удовольствіе дѣлать счастливыми близкихъ людей, пріятное сознаніе, что мы готовимъ себѣ счастливую старость и т. д.». Но наставникъ не долженъ удовлетворяться такимъ чисто словеснымъ, отвлеченнымъ перечисленіемъ, не оставляющимъ никакого отголоска во внутренней жизни. Онъ долженъ выучить ребенка представлять себѣ ясно, въ подробностяхъ, образы, скрывающіеся въ словахъ. Напр. вмѣсто простой мысли о томъ, что его родители будутъ довольны, ребенокъ долженъ вызывать у себя въ памяти своего отца, вообразить радость, испытываемую имъ по поводу каждаго его маленькаго успѣха, мысленно видѣть, какъ онъ принимаетъ поздравленія отъ друзей дома; представить себѣ гордость своей матери и пр. Другими словами, онъ долженъ стремиться вызывать въ себѣ точныя представленія о такихъ-то подробностяхъ, такихъ-то жестахъ, словахъ, глубоко прочувствовать счастье этихъ любящихъ существъ, которыя приносятъ ему самыя тяжелыя жертвы, не чувствуя ихъ, лишаютъ себя многихъ радостей, чтобы устроить ему болѣе счастливую жизнь, и несутъ на себѣ всю тягость су-

*) Жюль Пайо, *Воспитаніе воли*, стр. 12, 13 и 105.

ществованія, ради того, чтобы ему жилось легче. «И если только человекъ часто и подолгу останавливался на такихъ и подобныхъ имъ мысляхъ, если душа его пропиталась ихъ ароматомъ, то я не допускаю возможности, чтобы все его существо не прониклось спокойнымъ, но стойкимъ энтузіазмомъ, и чтобы энтузіазмъ этотъ не оживилъ его воли» *).

Чтобы еще болѣе воспламенить этотъ нравственный энтузіазмъ, направляйте мысль на героическую жизнь этихъ великихъ труженниковъ, которыми гордится человечество. Разсказъ объ ихъ борьбѣ и усиліяхъ производитъ въ томъ, кто его читаетъ или слушаетъ, наряду съ глубокимъ впечатлѣніемъ восхищенія, порывъ пылкаго мужества. «Я помню, говоритъ Мишле (*Ma Jeunesse*, стр. 99), какъ въ самый разгаръ бѣдствія, среди лишеній въ пастоящемъ, опасеній за будущее, когда непріятель былъ въ двухъ шагахъ (въ 1814 году), а мои личные враги не уставали надо мной издѣваться,—помню я, какъ въ одинъ прекрасный день,—это было утромъ, въ четвергъ,—я какъ-то собрался съ духомъ и ободрился: топить было нечѣмъ, кругомъ лежалъ снѣгъ; я даже не былъ увѣренъ, будетъ ли къ вечеру хлѣбъ; казалось, все для меня кончается,—и вдругъ я ощутилъ въ себѣ стопческую бодрость: я ударилъ по своему дубовому столу окоченѣлою отъ холода рукой, и сердце мое наполнилось доброю радостью молодости и надеждой на будущее... Кто же далъ мнѣ этотъ мужественный, здоровый порывъ? Тѣ, съ кѣмъ я жилъ изо дня въ день, мои любимые авторы! Съ каждымъ днемъ меня все больше влекло къ этому великому обществу». — Если наставники, желая усилить благотворное дѣйствіе біографій труженниковъ, дадутъ еще въ руки своихъ учениковъ книги, изображающія, какъ эти энергичные изобрѣтательные люди борются съ серьезными препятствіями и побѣждаютъ ихъ вродѣ напр. *Робинзонъ Крузо*, или описывающіе путешествія знаменитыхъ изслѣдователей новыхъ земель,—то съ каждой книгой они доставляютъ своимъ воспитанникамъ новый случай закалить свою энергію.

Есть ли надобность упоминать, что, обратно, воспитатели должны устранять всякій поводъ къ унынію и расслабленности. «Никогда еще не было настоящей необходимости образовывать поколѣнія здоровыя и мужественныя, всегда готовыя къ дѣйствію и даже самопожертвованію. Поэтому учителя должны неумолимо изгонять изъ своихъ школъ всѣ современные литературныя произведенія, въ которыхъ встрѣчается извѣстная изысканность, софизмы, все, въ чемъ чувствуются безсиліе и болѣзненныя претензіи; особенно они должны исключать изъ употребленія всѣ книги, какъ бы ни были знамениты имена ихъ авторовъ, способныя развить въ молодыхъ людяхъ склонность къ ироніи или скептицизму. Если и можно извинить эти пороки ума,

---

*) Ж. Пейо, *Воспитаніе воли*, стр. 75—77.

то развѣ только у разочарованныхъ старцевъ, ищущихъ иногда въ ироніи—мщенія, а въ скептицизмъ—успокоенія; но было бы весьма печально, если бы подобныя свойства ума встрѣчались теперь въ нашей странѣ у молодыхъ людей, предъ которыми только что открывается жизнь. Учитель, который по легкомыслию или въ силу болѣе, чѣмъ смѣшнаго диллетантизма, посовѣтовалъ бы своимъ ученикамъ прочесть хотя бы одну страницу, способную ослабить ихъ нравственную силу и внушить отвращеніе къ дѣятельности, измѣнилъ бы своему долгу и притомъ самому безусловному... Молодое французское поколѣніе обладаетъ доброй волей, великодушіемъ, понятливостью и чистосердечнымъ умомъ. Но его необходимо предохранять отъ духа равнодушія, отъ скептицизма, отъ недовѣрія къ себѣ, отъ того гибельнаго мнѣнія, что отдѣльный человѣкъ имѣетъ мало значенія, и что усилія одной личности не приводятъ ни къ чему. Нужно пробуждать въ этомъ подростающемъ поколѣніи охоту къ дѣятельности... Учитель можетъ доказать значеніе личной дѣятельности указаніемъ на то, какъ въ извѣстное время такой-то человѣкъ или такая-то группа людей, силою своей воли, внесли измѣненіе въ ходъ исторіи... Географія также показываетъ намъ значеніе усилія и прославляетъ энергію. Когда мы перечислимъ всѣ нужды, тяготящія надъ человѣкомъ, то въ большинствѣ случаевъ намъ стоитъ только перевернуть страницу, чтобы показать, какъ этотъ самый человѣкъ восторжествовалъ надъ враждебными ему силами и своимъ безустаннымъ трудомъ извлекъ изъ земли благосостояніе, знаніе, нравственность. Итакъ, вмѣсто того, чтобы держать нашихъ дѣтей на печальной и унижительной исторіи борьбы человѣка съ человѣкомъ и заставлять ихъ безпрестанно пересчитывать погибшихъ на поляхъ сраженій, мы лучше обратимъ ихъ вниманіе на болѣе утѣшительное зрѣлище человѣчества, борющагося съ природою, духа, пытающагося покорить матерію». (Maigne, *L'Éducation de la bourgeoisie sous la République* *).

Наконецъ, даже и физическое воспитаніе само по себѣ содѣйствуетъ воспитанію воли. «Сила воли,—сила воли, дѣйствующая непрерывно—подразумѣваетъ возможность продолжительнаго усилія. А если нѣтъ здоровья, продолжительное усиліе невозможно. Слѣдовательно, здоровье есть необходимое условіе нравственной энергіи **). «Сюда входятъ только геометры», говорилъ Платонъ; сюда входятъ только тѣ, могли бы мы сказать, это слѣ-

---

*) *Instructions, programmes et règlements de l'enseignement secondaire: Lecture et explication des textes français, — Enseignement de l'histoire, — Enseignement de la géographie.*

***) Съ другой стороны, физическія упражненія особенно пригодны для развитія энергіи вслѣдствіе того хладнокровія, смѣлости или находчивости, которыхъ они обыкновенно требуютъ.—См. д-ръ F. Lagrange, *L'hygiène de l'exercice*, 4 часть, гл. V (есть русскій переводъ) и Max Leclerc, *L'Éducation physique et morale en Angleterre. (Revue des Deux-Mondes, 15 Февраля 1894 г.)*.

дуетъ правиламъ гигиены въ томъ, что есть въ нихъ безспорно доказаннаго. Насколько вѣрно, что воля слагается изъ маленькихъ, но безпрестанно возобновляемыхъ усилій, настолько же вѣрно и то, что она въ своихъ основаніяхъ слагается изъ мелкихъ непрерывныхъ заботъ относительно гигиены питанія, дыханія и кровообращенія. Дѣятельность воли предполагаетъ отдыхъ и цѣлесообразныя физическія упражненія... Если душа, какъ говоритъ Боссюэ, владычица тѣла, которое она оживляетъ, то она не долго остается владычицей въ ослабѣвшемъ, разрушающемся тѣлѣ. Конечно, геройское усиліе воли возможно и при такихъ условіяхъ, но это усиліе остается одинокимъ, ибо за нимъ неизбежно наступитъ истощеніе. А въ жизни, какою ее сдѣлала цивилизація, случаи для совершенія геройскихъ подвиговъ представляются рѣдко, такъ рѣдко, что не могутъ идти въ счетъ, и не для нихъ должны мы готовить себя, а для мелкой, постоянной борьбы, требующей непрерывнаго возобновленія усилій изо дня въ день, изъ часа въ часъ. И когда пробьетъ часъ для геройскаго подвига, то въ результатѣ окажется, что воля, закалившаяся въ этой мелкой борьбѣ, совершить его легче, чѣмъ воля героя минутнаго порыва. Но для постояннаго возобновленія усилій нужны послѣдовательность, настойчивость, постоянство; а постоянство усилія воли подразумѣваетъ постоянное развитіе силъ. Мало у насъ думаютъ, до какой степени вѣрно знаменитое изреченіе древности: *mens sana in corpore sano*. Будемъ же беречь свое здоровье, чтобы воля наша располагала запасомъ физической энергіи, безъ которой всякое усиліе—къ какому бы разряду дѣятельности оно не относилось, — останется немощнымъ и безплоднымъ *)».

Мы не считаемъ возможнымъ закончить изученіе столь важнаго вопроса, какъ нравственное воспитаніе, не указавъ на одно средство, къ которому въ послѣдніе годы прибѣгали въ исключительныхъ случаяхъ, и которое, повидимому, будетъ играть иногда важную роль въ измѣненіи характера; мы говоримъ о *ипнотическомъ внушеніи*.

Чтобы подготовиться къ пониманію его дѣйствія, рассмотримъ сперва, что можетъ производить внушеніе въ состояніи бодрствованія. «Внушеніе есть введеніе въ человѣческое сознание *практическаго вѣрованія*, которое уже послѣ само собою реализуется въ дѣйствіи, такъ что способность дѣлать моральныя внушенія можетъ быть названа искусствомъ *измѣнять личность, вселяя въ нее убѣжденіе, что она есть или можетъ быть другою, нежели она есть въ дѣйствительности*. Это искусство должно служить глав-

*) Жюль Пайо, *Воспитаніе воли*, стр. 143—144.—О важности воспитанія воли для ума, нравственности и счастья, см. тамъ же, стр. 181—189.—Относительно воспитанія чувствительности и воли у маленькихъ дѣтей можно прочитать съ пользой и интересомъ въ *Education morale dès le berceau*, de M. B. Pérez, особенно I и IV части — и *Solidarité morale*, de M. Marion, I часть, гл. II.

ной точкой опоры для воспитанія. Всякое воспитаніе должно поставить себѣ цѣлью убѣдить ребенка въ томъ, что онъ *способенъ на добро и неспособенъ на зло*, для того, чтобы на самомъ дѣлѣ вложить въ него эту способность и неспособность; убѣдить его въ томъ, что воля его сильна для того, чтобы на самомъ дѣлѣ снабдить его сильной волей: убѣдить его въ томъ, что онъ нравственно вполне свободенъ, чтобы «идея нравственной свободы» стремилась въ немъ прогрессивно реализоваться... Иногда достаточно бываетъ намекнуть дѣтямъ или молодымъ людямъ на то, что ихъ считаютъ способными совершить тотъ или другой хороший поступокъ, и они его совершаютъ въ дѣйствительности. Дурное же къ нимъ отношеніе, дурное объ нихъ мнѣніе и незаслуженные выговоры приводятъ къ результатамъ противоположнымъ. Совершенно справедливо говорится, что все искусство воспитывать дѣтей состоитъ въ томъ, чтобы предполагать ихъ такими хорошими, какими бы мы желали ихъ видѣть. Внушите гипнотизированному субъекту, что онъ свинья — и онъ начнетъ хрюкать. То же самое происходитъ и съ тѣми, которые теоретически цѣнятъ себя не выше поросенка,—на практикѣ ихъ поведение вполне оправдываетъ теорію. Таковъ эффектъ самовнушенія. Тѣ же принципы могутъ быть приложены и къ искусству управлять взрослыми людьми. Множество фактовъ изъ тюремной жизни доказываетъ, что поведение арестанта обуславливается хорошимъ или дурнымъ о немъ мнѣніемъ тюремнаго начальства. Поднять человѣка въ его собственномъ мнѣніи и во мнѣніи его окружающихъ—есть лучшее средство измѣнить его въ хорошую сторону. Одного пожатія руки, даннаго энтузіастомъ адвокатомъ закоренѣлому вору-рецидивисту, достаточно было для того, чтобы произвести на этого послѣдняго сильное и продолжительное нравственное впечатлѣніе... Проявленіе уваженія есть одна изъ могущественнѣйшихъ формъ внушенія, равно какъ и презрѣніе, только это послѣднее достигаетъ противоположныхъ цѣлей, т. е. дѣлаетъ человѣка еще хуже, чѣмъ онъ былъ. Поэтому, воспитывая ребенка, всегда слѣдуетъ помнить вышеустановленное правило — предполагать въ немъ хорошія качества и добрую волю. Всякое заключеніе о нравственности ребенка, высказанное ему въ лицо, немедленно становится внушеніемъ. «Какъ онъ золъ или лѣнивъ... ему ни за что не сдѣлать того или этого»—сколько пороковъ получили свое начало вовсе не изъ-за *наслѣдственнаго* предрасположенія, а изъ такихъ вотъ фразъ, вообще изъ неумѣлаго воспитанія... Никогда не слѣдуетъ давать дѣтскимъ *инстинктамъ готовую формулу*, изъ опасенія не только дать имъ исходъ въ дѣйствіи, но даже создать ихъ заново. Воспитатели вообще не должны забывать слѣдующаго важнаго правила: насколько полезно дѣлать сознательными добрыя инстинкты ребенка, настолько же вредно вносить сознаніе въ дурныя его наклонности *).

*) Гюйо, *Воспитаніе и наслѣдственность*, стр. 25—29. — См., впрочемъ,

Если простое внушеніе способно производить подобныя результаты, то чего только нельзя ожидать отъ внушеній гипнотическихъ! Извѣстно, въ чемъ состоятъ эти послѣднія. Когда, вслѣдствіе различныхъ приѣмовъ, субъектъ погружается въ состояніе *сомнамбулизма* или *ипноза*, въ немъ происходитъ полное отреченіе отъ своей воли въ пользу экспериментирующаго надъ нимъ лица. Тогда внушенія становятся легкими. Ихъ можно раздѣлить на два основныя рода: на внушенія, которыя могутъ быть названы *положительными*, имѣющія слѣдствіемъ воспроизведеніе явленій характера активнаго или импульсивнаго, какъ напр. ощущеніе боли, галлюцинація, различныя дѣйствія; и внушенія *задерживающія*, производящія паралитическія явленія, какъ напр. вялость какого-либо члена, потеря памяти, анестезія одного изъ высшихъ чувствъ.

Вотъ примѣръ перваго рода. Говорятъ загипнотизированному субъекту: «Посмотрите, у васъ на передникѣ сидитъ птица». Едва только произнесены эти простыя слова, какъ онъ видитъ птицу, осязаетъ ее своими пальцами, а иногда долго слышитъ, какъ она поетъ.

Вотъ два примѣра внушеній втораго рода: одно, представляющее систематическую анестезію чувствъ и другое—параличъ двигательныхъ мышцъ. Говорятъ загипнотизированному субъекту: «При вашемъ пробужденіи вы не увидите, не услышите, вообще никакимъ образомъ не будете воспринимать присутствіе г-на X., который теперь передъ вами; онъ для васъ окончательно исчезнетъ». Какъ сказано, такъ и выходитъ. По пробужденіи больная видитъ всѣхъ лицъ, ее окружающихъ, кромѣ г-на X. Когда онъ говоритъ, она не отвѣчаетъ на его вопросы; если онъ кладетъ ей руку на плечо, она не чувствуетъ его прикосновенія; если онъ становится на ея дорогѣ, она продолжаетъ идти прямо передъ собой и пугается, встрѣчая невидимое препятствіе... Можно внушить усыпленной, что у ней рука парализована. Стоитъ повторить нѣсколько разъ съ достаточной авторитетностью: «Ваша рука парализована», и вскорѣ затѣмъ можно наблюдать полную неспособность къ движенію. Сначала сомнамбула дѣлаетъ отрицательный знакъ, пробуетъ поднять руку и успѣваетъ въ этомъ, но ей продолжаютъ говорить: «Вы не можете поднять руку, она упадетъ», и немного спустя наступаетъ параличъ, распространяющійся на всю руку. Больная не можетъ болѣе ею двигать: наступаетъ полная вялость *).

Можно получать еще болѣе поразительныя результаты: посредствомъ тѣхъ же самыхъ приѣмовъ *измѣняютъ личность* загипнотизированнаго субъекта, превращая его въ другое лицо.

1-ю главу, такъ же какъ и страницы, посвященныя д-ромъ Collinbeau «Внушенію въ педагогикѣ» въ его превосходномъ трудѣ «*L'hygiène à l'école*».

*) Binet et Féré, *Le magnétisme animal*, гл. VIII, стр. 148—152.

Пьерръ Жанэ *) послѣдовательно внушалъ Леоніи, что она—генераль, командующій арміей, затѣмъ—старуха, наконецъ—важная дама;—Шарль Рише **) подобнымъ же путемъ превращалъ г-жу А. почтенную мать семейства въ крестьянку, въ актрису, въ епископа, въ монахиню и пр., и обѣ онѣ съ полнымъ убѣжденіемъ играли внушенныя имъ роли, приспособляя въ каждой изъ нихъ свой голосъ, выраженія, манеры и жесты.

У субъектовъ средней способности къ внушенію или еще не привыкшихъ къ нему, внушеніе не дѣйствуетъ послѣ пробужденія отъ гипнотическаго сна. Можно, однако, сохранить за нимъ продолжительность, усиливая его внушеніемъ другого рода. Внушая усыпленному субъекту извѣстную галлюцинацію, надо прибавить: «Когда васъ разбудятъ, вы еще увидите этотъ предметъ» и часто этого приказанія оказывается достаточно, чтобы обезпечить исполненіе этого послѣ-гипнотическаго внушенія. Бергеймъ видѣлъ примѣръ исполненія внушенія черезъ 63 дня; докторъ Бани—черезъ 72 дня; Льежуа—черезъ годъ.

Это одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ съ занимающей насъ точки зрѣнія. Если измѣненія личности, которыя мы только что отмѣтили, могутъ сохраняться и послѣ пробужденія, «то логично предположить, что во внушеніи мы имѣемъ дѣйствительное средство, чтобы воздѣйствовать на нѣкоторые характеры и темпераменты и ихъ видоизмѣнять. Отсюда эти чрезвычайно поучительные эксперименты, сдѣланные въ послѣдніе годы, результаты которыхъ заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, полного вниманія. Мы приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ. Докторъ Льебо заявляетъ, что изъ 77 дѣтей-подростковъ, страдавшихъ ночнымъ недержаніемъ мочи, въ 1886 г. были излѣчены посредствомъ гипнотизма 56 человекъ, въ 16 случаяхъ было замѣтно улучшеніе, и только 8 дали отрицательные результаты. Докторъ Берильонъ удостовѣряетъ, что онъ излѣчилъ много маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ отъ нервныхъ болей, отъ влеченія ко лжи и отъ привычекъ, еще болѣе прискорбныхъ. Докторъ Льебо достигъ даже большаго: онъ сдѣлалъ прилежнымъ отъявленнаго лѣнтяя! Аналогичные эксперименты были продѣланы надъ взрослыми людьми и дали такіе же результаты, т. е. излѣченіе отъ дурныхъ привычекъ, каковы лѣность, морфиноманія и проч.» ***). «Жанна С., 23 лѣтъ, воровка, проститутка, грязная и лѣнивая, благодаря гипнотическимъ внушеніямъ Voisin'a въ Сальпетриерѣ превращается въ честную, послушную, трудолюбивую и чистоплотную особу. Не прочитавъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ни одной строчки, она вдругъ начинаетъ заучивать наизусть цѣлыя страницы нравственныхъ книгъ; всѣ луч-

---

*) *L'automatisme psychologique*, стр. 162.

**) См. *Revue philosophique*, мартъ 1884 г.,—и *L'homme et l'intelligence*, стр. 233—250.

***) Ср. Тома, *Внушеніе и воспитаніе*, пер. Е. Максимовой, Спб. 1896, стр. 44.

шія чувства ея какъ бы просыпаются. Въ концѣ концовъ она осталась сидѣлкою въ госпиталѣ и до сихъ поръ отличается «безупречнымъ поведеніемъ»... Такихъ превращеній въ Сальпетриерѣ было произведено множество. Но Voisin говоритъ, что даже и въ городской своей практикѣ онъ успѣлъ, при помощи внушеній, исправить невыносимый характеръ одной дамы, сдѣлавъ ее кроткой, нѣжной и терпѣливой. Метаморфоза замѣчательная! *).

Въ виду такихъ удивительныхъ результатовъ естественно возникаетъ вопросъ, нельзя ли воспользоваться гипнотическимъ внушеніемъ при воспитаніи дѣтей и установить такимъ образомъ, благодаря ему, то, что было названо *нравственной ортопедіей*. Наряду съ горячими сторонниками этого мнѣнія мы имѣемъ еще и много противниковъ. Несомнѣнно, что «подчиненіе нормальныхъ дѣтей правильному внушенію было бы мѣрой черезчуръ опасной; при этомъ мы сильно рисковали бы превратить ихъ въ автоматовъ, что, конечно, никоимъ образомъ не можетъ быть цѣлью воспитанія» **). Скорѣе можно оправдать примѣненіе гипнотическаго внушенія къ дѣтямъ, глубоко порочнымъ. «Если гипнотизмъ есть единственное дѣйствительное средство исправить ихъ и улучшить, то должны ли мы отказаться отъ него, не смотря ни на что, и ждать, пока какой нибудь тяжелый проступокъ не заставитъ насъ запретить ихъ, чтобы лишить возможности вредить? Говорятъ объ уваженіи къ свободѣ ***)», но свободны ли въ дѣйствительности эти несчастные, появляющіеся на свѣтъ съ прирожденнымъ порокомъ, дурные инстинкты которыхъ затемняютъ ихъ разумъ?.. Мы спрашиваемъ, не способствуетъ ли, наоборотъ, гипнотизмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ освобожденію ребенка, обезпечивая ему правильное функціонированіе мозга и умственныхъ способностей, отъ него зависящихъ. Слѣдовательно, отказываться впередъ, какъ это иногда дѣлаютъ, отъ услугъ, которыя въ этомъ отношеніи можетъ оказать медицина педагогикѣ, значитъ одновременно игнорировать права науки и ребенка. Два важныхъ заключенія можно сдѣлать на основаніи всего вышеизложеннаго: первое—что гипнотическія внушенія могутъ быть не только дѣйствительными, но и законными; второе — что примѣненіе ихъ слѣдуетъ предоставить компетентнымъ людямъ. Учителя не могутъ пользоваться ими, какъ средствомъ для воспитанія; къ тому же и законъ запрещаетъ имъ это» ****).

Въ заключеніе еще одно слово. Изыскивая средства, наиболѣе пригодныя для преобразованія характера, мы обращались исключительно къ законамъ психологіи; однако наставники не должны

*) Гюйо, *Воспитаніе и наследственность*, стр- 10 и 11. Сообщенія объ этихъ наблюденіяхъ и нѣкоторыхъ другихъ можно найти у Azam'a, *Le caractère dans la santé et dans la maladie*, стр. 320, 322 и въ *Revue de l'hypnotisme*, Іюль и Августъ 1886 г.

***) Binet et Féré *Le magnétisme animal*, гл. XIII.

****) Возраженіе, сдѣланное Вундтомъ, *Гипнотизмъ и внушеніе*, гл. IV.

****) Ср. Тома, *Внушеніе и воспитаніе*, II часть, гл. 76.

забывать, что не достаточно еще просвѣтить умъ ребенка, развить въ немъ чувствительность и сдѣлать его волю энергичной, но что кромѣ того, и это особенно важно, необходимо дать этимъ способностямъ надлежащее направленіе; не надо забывать, что существуетъ еще идеальное велѣніе, къ исполненію котораго должны стремиться эти способности, такъ какъ только оно одно можетъ осуществить душевную гармонію: это — *домг*. Когда ребенокъ пойметъ значеніе добра, онъ будетъ его желать и стремиться къ нему, когда, наконецъ, онъ будетъ обладать достаточной силой для его осуществленія, тогда можно считать, что полученное имъ нравственное воспитаніе достигло своего совершенства; его душа, открытая благороднымъ мыслямъ, великодушнымъ чувствованіямъ, мужественнымъ рѣшеніямъ, сдѣлается способной къ самымъ высокимъ добродѣтелямъ, къ величайшему самоотверженію.

Пер. Е. Максимовой.

«Бѣдность не порокъ»

на деревенской сценѣ.

Въ числѣ другихъ пьесъ, разыгранныхъ на любительскихъ спектакляхъ въ селѣ К., Б. . . . скаго уѣзда была два раза поставлена комедія: «Бѣдность не порокъ» Островскаго.

Въ первый разъ эта пьеса была сыграна осенью 94-го года и повторена лѣтомъ 95-го года.

Въ отношеніи декорацій, бутафоріи и костюмовъ постановка комедіи «Бѣдность не порокъ» не представляетъ затрудненій. Внутреннее содержаніе 2-го и 3-го дѣйствій позволяетъ играть эти два дѣйствія, ради упрощенія, при одной и той-же декораціи, что и было сдѣлано въ данномъ случаѣ. Декорацію перваго дѣйствія—контору устроили очень небольшихъ размѣровъ, за ней стояла уже совсѣмъ готовая декорація двухъ послѣднихъ дѣйствій, такъ что перемѣна совершилась очень быстро. Декорація второго и третьяго дѣйствій, гостиная въ домѣ Торцова, состояла изъ трехъ деревянныхъ рамокъ, на которыя набили парусину, оставивъ отверстія для оконъ и дверей; парусину оклеили обоями. Вставныя двустворчатыя двери были написаны на картонѣ, рамы для оконъ обтянуты бѣлой марлей. Эта декорація была приготовлена ко второму представленію «Бѣдность не порокъ». На первомъ спектаклѣ вмѣсто рамъ были употреблены деревянные щиты, оклеенные обоями, очень тяжелые и громоздкіе. Къ сожалѣнію, большинству устраивающихъ спектакли въ деревнѣ приходится, за неимѣніемъ какого нибудь руководства по устройству сцены, бродить въ потемкахъ и, затрачивая много труда и матерьялу, дѣлать часто ошибки.

Обстановка, необходимая для комедіи «Бѣдность не порокъ» тоже не сложна: кровать, диванъ, мебель стараго фасона въ очень небольшомъ количествѣ можно найти вездѣ. Специально для спектакля была сдѣлана домашнимъ способомъ только конторка.

Пьеса требуетъ много участвующихъ; но нѣкоторыя роли могутъ съ успѣхомъ быть исполнены крестьянской молодежью. Въ данномъ случаѣ роли няньки Арины, Егорушки, старика вожака

медвѣдя и ряженныхъ были поручены дѣвушкамъ и парнямъ изъ окончившихъ мѣстную школу. Хоръ дѣвушекъ составленъ былъ также изъ бывшихъ ученицъ школы, подблюдныя пѣсни и величанье онѣ пѣли на мѣстные мотивы.

Оба раза на представленіе «Бѣдность не порокъ» зрителей крестьянъ собралось много, около 300 человѣкъ. Главную часть публики составляли бабы и подростки, въ числѣ которыхъ много грамотныхъ; были и взрослые мужики.

Какъ пьеса необстановочная, «Бѣдность не порокъ» дѣйствуетъ на зрителя исключительно своимъ внутреннимъ содержаниемъ; это обстоятельство имѣетъ особенное значеніе для деревенской публики, еще не вполне привыкшей слѣдить за тѣмъ, что происходитъ на сценѣ. Въ пьесѣ нѣтъ необычныхъ костюмовъ и необычныхъ декораций, которыя могли бы привлечь и занять зрителя. Еслибы публика не поняла содержания пьесы, она бы скучала и этого боялись устроители спектакля. Сомнѣвались также, заинтересуются-ли зрители личностью Любима Торцова; хорошо ли будутъ слушать его длинные монологи, не будетъ-ли раздаваться неумѣстный смѣхъ.

Въ пьесѣ есть много такихъ мѣстъ, гдѣ серьезное драматическое теченіе главной интриги перебивается веселыми комическими сценами; публика должна быть заинтересована содержаниемъ пьесы, чтобы во время остановить смѣхъ и перейти опять къ серьезному настроенію.

Опасенія эти въ общемъ не оправдались. Публика прослушала пьесу очень сосредоточенно, неумѣстнаго смѣху было совсѣмъ мало. Въ первомъ дѣйствіи слова Разлюляева и его пѣсни вызвали хохотъ, но затѣмъ сцену Любовь Гордѣвны съ Митей и монологи Любима Торцова слушали съ серьезнымъ вниманіемъ. Во второмъ дѣйствіи очень смѣялись на ряженныхъ, особенно, когда они, перепуганные появленіемъ Гордѣя Карпича, бросаются въ дверь, но тишина водворилась очень скоро и сохранялась до конца дѣйствія. Въ третьемъ дѣйствіи два раза прорывался неумѣстный смѣхъ: разъ въ сценѣ прощанья Мити съ Пелагеей Егоровной, когда онъ кланяется ей въ ноги, другой разъ, когда Любимъ Торцовъ говоритъ брату: «Вотъ погляди, каковъ я франтъ». Но во время его монолога на колѣняхъ была полная тишина.

Общее настроеніе зрителей, во время перваго представленія «Бѣдность не порокъ» сдержанное и сосредоточенное, свидѣтельствовало о томъ, что пьеса ихъ заинтересовала.

Когда черезъ годъ комедія «Бѣдность не порокъ» была поставлена во второй разъ, ее прослушали съ такимъ же вниманіемъ, что объясняется долгимъ промежуткомъ времени между двумя спектаклями, а кромѣ того многие смотрѣли пьесу въ первый разъ. Послѣ второго спектакля были собраны отзывы зрителей о видѣнномъ ими на сценѣ и изложенія того, что они запомнили и что имъ больше всего понравилось, отъ неграмотныхъ устныхъ, отъ грамотныхъ, окончившихъ школу, письменныхъ. Послѣдніе пи-

сали свои изложенія мѣсяць спустя послѣ спектакля, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства или напоминанія содержанія пьесы. Въ той же серіи спектаклей были сыграны еще двѣ другія пьесы кромѣ «Бѣдность не порокъ». Пишущимъ предложили рассказать содержаніе которой-нибудь изъ нихъ. Одиннадцать человѣкъ взялись написать «Бѣдность не порокъ», причемъ семь человѣкъ прямо мотивируютъ свой выборъ, тѣмъ, что эта пьеса имъ понравилась больше другихъ.

Нельзя было-бы и требовать передачи всѣхъ трехъ дѣйствій комедіи въ подробностяхъ, безъ пропусковъ отдѣльныхъ сценъ: для этого понадобилось-бы слишкомъ много времени. Каждый писалъ то, что считалъ важнымъ, что болѣе запечатлѣлось въ его памяти. Но отъ этого письменный матеріалъ приобрѣлъ только большую цѣнность. Не всѣ написали одинаково, и это позволяетъ судить о различныхъ вкусахъ публики; а съ другой стороны, тотъ фактъ, что многіе упоминаютъ и передаютъ одни и тѣже мѣста пьесы, показываетъ, какія сцены произвели впечатлѣніе на большинство зрителей.

Изложенія распадаются какъ бы на двѣ группы: одни сосредоточены главнымъ образомъ на романѣ между Любовью Гордѣевой и Мишей, и сватовствѣ Коршунова, другія на личности Любима Торцова.

Соотвѣтственно этому пересказываются тѣ или другія сцены.

Приведемъ сначала отрывки изъ письменныхъ отзывовъ, которые можно причислить къ первой группѣ.

Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не упоминается о приходѣ Любима Торцова и его монологахъ въ первомъ дѣйствіи.

Дѣвочка 13 лѣтъ рассказываетъ это дѣйствіе слѣдующимъ образомъ *).

«...Митя разговариваетъ съ мальчикомъ, а мальчикъ говорить, что вчера хозяинъ разсердился на дядю: потому мальчикъ уходитъ, а приходятъ два товарища Мити; одинъ очень веселый. Когда они пришли и сказали Митѣ, что онъ такой невеселый. Тогда Митя сказалъ: лежитъ у меня на сердцѣ одна забота». Здѣсь вкратцѣ упоминается о приходѣ Пелагеи Егоровны, дѣвушекъ и парней. «А потомъ они ушли и оставили только Любушку съ Митей, тогда Митя говоритъ ей, что онъ ее любитъ и даетъ прочесть ей стихи. Когда она эти стихи прочитала, то сказала: «Дай мнѣ бумажки, я напишу нѣсколько словъ», а потомъ сама уходитъ. Этимъ кончается первое дѣйствіе.

Вотъ еще отрывокъ изъ письменнаго отзыва, гдѣ тоже пропущенъ конецъ 1-го дѣйствія дѣвочки 14 лѣтъ.

«...Товарищи стали у Мити спрашивать: «что онъ такой скучный, а мы всѣ веселимся». Тогда Митя говоритъ: «у меня есть на сердцѣ такая дума, что я не могу веселиться»... Когда его товарищи ушли, вдругъ приходитъ Пелагея Егоровна», она при-

*) Въ приведенныхъ отрывкахъ измѣнена только орѳографія.
„Образованіе“. Отд. I. № 12.

глашаетъ Митю придти вечеромъ, онъ соглашается, приходятъ дѣвушки и парни. «Потомъ дѣвушки ушли, а только оставили одну Любочку съ Митей и они остались одни. Митя говоритъ: «Любовь Гордѣвна, любишь-ли ты меня? а не любишь-ли ты кого другого»? А она говоритъ, что я васъ люблю, только не знаю любишь-ли ты меня. Тогда Митя приноситъ Любочкѣ какіе-то стишки и даетъ прочитать, а Любочка сказала: тамъ, небось, что плохое написано? а онъ сказалъ: тутъ плохого ничего не написано. Тогда Любовь Гордѣвна сказала Митѣ: «теперь я вамъ напишу стишокъ», а онъ сказалъ: «ну, напишите и она стала писать».

Дальше начинается уже изложеніе второго дѣйствія.

Одна дѣвушка 16 лѣтъ рассказываетъ первое дѣйствіе очень подробно, приводя цѣликомъ отрывки изъ ролей дѣйствующихъ лицъ. Но особенно тщательно она передаетъ все, что касается душевнаго состоянія Мити, его любви, а также его разговоровъ съ Любовью Гордѣвной. О приходѣ Гордѣя Карпыча она умалчиваетъ и, упомянувъ, что «взошла Пелагея Егоровна и рассказывала Митѣ свою жизнь», тутъ-же прибавляетъ: «Но мнѣ этотъ разговоръ не такъ понравился». Зато сцена когда Любочка остается послѣ ухода дѣвушекъ, передана почти дословно: «... Митя вытаскиваетъ изъ кармана бумажку и читаетъ: Не цвѣточекъ въ полѣ вянетъ, ни былинка, вянетъ сохнетъ добрый молодецъ дѣтника. «Хорошо, дай мнѣ бумажку я тебѣ сама напишу; только я, Митя, стихами не умѣю». Любовь Гордѣвна пишетъ, а Митя смотритъ. «А ты не смотри, а то я изорву и брошу. Ну, на, Митя; только ты при мнѣ не читай, а я уйду, тогда можешь читать. Я теперь иду, Митя, только ты приходи къ намъ на верхъ».—Приду.—«Прощай, Митя».—Прощайтесь.—Какъ только Любовь Гордѣвна стала подходить къ двери, вдругъ отворяется дверь и идетъ Любимъ Торцовъ; Любочка испугалась и отступила назадъ. Любимъ Торцовъ говоритъ: «А это ты здѣсь»?—Это вы, дяденька?—«Я, племянница, иди; я сказывать никому не буду». Слѣдующая сцена передана очень коротко, упомянуто только, что Любимъ Торцовъ рассказалъ Митѣ про свою жизнь, какъ онъ раньше былъ богатъ, а теперь сталъ бѣденъ, и проситъ у Мити позволенія переночевать. Конецъ дѣйствія рассказанъ опять подробно: «Только что онъ (Любимъ Горцевъ) уснулъ, Митя сталъ подходить къ двери потихоньку; у него была въ рукѣ записка; эта записка та самая, которую написала Любовь Гордѣвна. Вотъ Митя подошелъ къ двери и сталъ читать: «я тебя люблю, Любовь Торцева». И писавшая добавляетъ отъ себя: «Мнѣ Бѣдность не порокъ въ первомъ дѣйствіи очень и очень даже понравилось».

Къ сожалѣнію дѣвушка не успѣла изложить письменно послѣдующія дѣйствія, но изъ устныхъ разспросовъ видно было, что и остальное также хорошо запомнилось, и что все время интересъ ея былъ весь сосредоточенъ на судьбѣ Любови Гордѣвны и Мити, которымъ она отъ души сочувствовала.

Кромѣ приведеннаго еще въ четырехъ другихъ изложеніяхъ о Любимѣ Торцовѣ упоминается только мелькомъ. Устные разспросы писавшихъ показали, что пропуски зависѣли не отъ непониманія словъ Любима Торцова, а оттого, что имъ больше понравились другія сцены. То же самое замѣчается и въ пересказѣ двухъ слѣдующихъ дѣйствій. Лучше всего переданы сцены, относящіяся къ сватовству Африкана Савича и горю Мити, Любовь Гордѣвны и ея матери.

Одинъ взрослый крестьянинъ начинаетъ излагать второе дѣйствіе послѣ ухода ряженныхъ и появленіе Гордѣя Карпыча съ Коршуновымъ. Дальнѣйшій разговоръ переданъ въ формѣ діалога. «Гордѣй Карпычъ оттолкнулъ отъ себя вино. Жена, аль не знаешь, что подаешь? Подала какое нибудь зелье, подай намъ шампанскаго, на серебряномъ подносѣ принеси, и музыканты пушай играютъ. Жена, а ты знаешь, нашель я себѣ зятючка, Африкана Савича». Что-ты, что-ты, Гордѣй Карпычъ задумалъ! не отдамъ я свою дочь за немилаго.—«Жена, ты не знаешь, какъ она будетъ въ Москвѣ жить, да въ каретахъ разѣзжаться, не такъ, какъ въ деревнѣ, и намъ съ нимъ будетъ хорошо».

Изъ третьяго дѣйствія переданы, главнымъ образомъ, тѣ сцены, въ которыхъ выражается горе Пелагеи Егоровны, по поводу сватовства Коршунова; такъ напримѣръ, переданы въ формѣ діалога, разговоръ Пелагеи Егоровны съ нянюшкой Ариной. Въ немъ, а также и въ другихъ сценахъ ходъ дѣйствія нѣсколько спутанъ, нѣкоторыя слова приписаны не тѣмъ лицамъ, которыя ихъ говорили, но эти добавленія изъ головы автора не противорѣчатъ дѣйствительному содержанию пьесы. «Служанка спрашиваетъ Пелагею Егоровну: «Чего ты такъ горько плачешь, и рвешь свое сердце?»—Какже мнѣ не плакать, отдають мою дочку за немилаго, да за стараго, а материнское сердце и все сохни, да болѣй. Когда отецъ ея, Гордѣй Карпычъ не хочетъ отдать за бѣднаго, а хочетъ за стараго московскаго богача, Африкана Савича. А вотъ дочка полюбила Митю, и Митя объ ней сохъ и болѣлъ и дни и ночи не спалъ». Прощанье Мити съ Пелагеей Егоровной, разговоръ Любовь Гордѣвны съ Коршуновымъ рассказаны подробно съ явно-непріязненнымъ тономъ по отношенію къ Коршунову. Когда писавшему это изложеніе задали вопросъ: какая пьеса ему больше всего понравилась, онъ отвѣтилъ: «Лучше всѣхъ *Бѣдность не порокъ*, потому что въ ней такъ хорошо выходитъ: бѣдный противъ богатаго правъ и лучше богатаго».

Тѣ же сцены изъ второго и третьяго дѣйствія пересказаны въ другомъ изложеніи дѣвушки 17 лѣтъ, которая въ первомъ дѣйствіи останавливается особенно подробно на любовной интригѣ. Второе дѣйствіе начинается съ прихода ряженныхъ, входитъ Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ; дѣвушки величаютъ послѣдняго. «Тогда Коршуновъ подошелъ къ Любови Гордѣвнѣ и сталъ цѣловать ее; она отъ него отвертывается. Онъ подарилъ дорогія

6.

серьги, она все отказывалась, не брала. Потомъ Коршуновъ говорилъ Гордѣю Карпычу: говори зачѣмъ мы пріѣхали? Гордѣй Карпычъ увидѣлъ Митю и велѣлъ ему сейчасъ же уйти отсюда. Гордѣй Карпычъ сталъ говорить, что ему не съ кѣмъ здѣсь компанію водить, что онъ поѣдетъ въ Москву, а тамъ у насъ будетъ не чужой человѣкъ, а зятюшка Африканъ Савичъ. Пелагея Егоровна испугалась, схватила Любовь и говоритъ: «дочь моя, не отдамъ». Африканъ Савичъ говоритъ, что у насъ дѣло слажено. Тутъ Гордѣй Карпычъ велѣлъ принести вино въ гостиную и самъ ушелъ туда. Дѣвушки подошли къ Любови Гордѣевнѣ, она очень плакала, и дѣвушки пѣли печальную пѣсню».

Изъ третьяго дѣйствія передано подробно прощанье Мити съ Пелагеей Егоровной, разговоръ Коршунова съ Любови Гордѣевной и сцена съ Любимомъ Торцовымъ: «Онъ не взялъ денегъ у Коршунова, а рассказалъ про него какой онъ человѣкъ. Онъ, говоритъ, меня обманулъ, онъ меня настроилъ пьянствовать, а ты, братъ, дочь за него отдаешь». Заканчивается это изложеніе слѣдующими словами: «Гордѣй Карпычъ благословилъ (Митю и Любовь); тутъ всѣ сошлись вмѣстѣ, такъ всѣ обрадовались и Любимъ Торцовъ тоже, всѣ дѣвушки стали пѣть свадьбинную». Изображенное на сценѣ радостное настроеніе видимо передалось писавшей.

Испугъ матери при извѣстіи о намѣреніи Гордѣя Карпыча выдать дочь за нелюбимаго человѣка, горе ея и дочери упомянуты во многихъ изложеніяхъ. Изъ этого, а также изъ устныхъ разспросовъ послѣ спектакля, можно заключить, что эти сцены произвели большое впечатлѣніе, показались очень «жалостными». Особенное сочувствіе онѣ возбудили у бабъ и дѣвушекъ. Передавая свои впечатлѣнія о спектаклѣ, женщины всегда особенно хвалили «жалостныя» сцены, тогда какъ нѣкоторые парни прямо заявляли, что «мѣста гдѣ голосать», имъ не нравятся. Вѣроятно, изображеніе въ пьесѣ зависимаго, рабскаго положенія матери и дочери по отношенію ко главѣ семейства, ихъ безропотнаго подчиненія его прихотямъ затронуло за живое, напомнивъ нѣкоторыя стороны жизни, слишкомъ хорошо извѣстныя каждой крестьянкѣ. Одна неграмотная баба рассказывала послѣ спектакля все содержаніе пьесы, чрезвычайно увлекалась воспоминаніями, ярко выражая свои впечатлѣнія. Она начала съ того, что все видѣнное въ этотъ разъ въ театрѣ было «какъ взаправду» и оттого ей такъ понравилось. «Отецъ хотѣлъ выдать свою дочь за нехорошаго жениха», говорила она,—а былъ у дочери женихъ хорошій, молодой, а отецъ у нея такой строгій, сердитый, приказалъ идти за нехорошаго. А потомъ сидитъ она съ матерью и голосить, да такъ хорошо, жалко ихъ: и мать голосила и она голосить, а тутъ пришелъ женихъ молодой прощаться». Эта-же баба похвалила Любовь Гордѣевну за то, что она «изъ отцовской воли не вышла».

Во всѣхъ словахъ рассказчицы чувствовалось, что пьеса поразила ее именно своей жизненной правдой, изображеніемъ со-

бытій и положеній, постоянно встрѣчающихся въ дѣйствительности.

И не она одна такъ прочувствовала содержаніе пьесы. Одно письменное изложеніе молодой, замужней женщины всецѣло проникнуто сочувствіемъ къ положенію дѣйствующихъ лицъ комедіи.

Приводимъ его цѣликомъ, такъ какъ оно очень характерно:

«Мнѣ очень понравилось, какъ сватался Митя за Любовь Гордѣвну и очень жалостное положеніе было ихъ, какъ сватался Африканъ Савичъ, старый такой и цѣловаль руку Любовь Гордѣвны, но имъ было не по любви. Грозно отецъ укорялъ свою жену, чтобы отдать свою дочь за Африкана Савича, потому что онъ былъ московскій, и Гордѣю Карпычу хотѣлось отдать свою дочь въ Москву, но жена его упрашивала и голосила. Мать и дѣвушки упрашивали его, чтобы не отдавать за такого стараго жениха, но Гордѣй Карпычъ топнулъ ногой и велѣлъ подать шампанскаго. Когда Митя услышалъ, что сосватался Африканъ Савичъ, то онъ пришелъ проститься и мнѣ очень жалко было положеніе это, когда онъ началъ прощаться, съ Любовью Гордѣвной. Такъ жалко мнѣ показалось, что обидѣть такого сиротливаго Митю. Какъ они поцѣловались оба, заплакали, и бѣдный Митя закрылъ глаза руками и, сильно обиженный, вышелъ вонъ. Потомъ на наше счастье пришелъ Любимъ Карпычъ и рассказалъ своему брату про Африкана Савича. Тогда Африканъ Савичъ всталъ и сказалъ Гордѣй Карпычу, что ты, говорить, придешь ко мнѣ поклониться и ушелъ. Тогда Гордѣй Карпычъ всталъ и крикнулъ. «Что? я ему поклонюсь! Никогда». Тогда мать и Любовь Гордѣвна и всѣ дѣвушки ихъ обрадовались этому случаю. Потомъ услышалъ Митя и, очень обрадованный, взшелъ въ комнату, подошелъ къ Любовью Гордѣвнѣ и взялъ ее за руку и подошелъ къ отцу и стали кланяться въ ноги, а Гордѣй Карпычъ благословилъ ихъ, и потомъ дѣвушки заплѣли веселья пѣсни, и меня очень обрадовало это, что ихъ любовь не осталась въ разлукѣ, и это мнѣ такъ въ сердцѣ внушило, что это бѣдность не порокъ: лучше выйти за бѣднаго, да за милаго; а за немилаго, да за стараго, хоть онъ и богатъ будетъ и богатство будетъ не въ прокъ».

Пишущая, очевидно, такъ живо переживала во время спектакля горе и радость героевъ комедіи, что совершенно вошла въ ихъ положеніе, и у ней получилась полная иллюзія—идеаль театральнаго впечатлѣнія. Съ живой симпатіей отнеслась она къ страдающимъ въ пьесѣ лицамъ, и мораль пьесы не только ею была понята, но и глубоко прочувствована.

Изъ приведенныхъ отзывовъ о спектаклѣ ясно, что романтическая сторона комедіи заинтересовала зрителей и была ими понята. Какъ отнеслись они къ Любиму Торцову, самому выдающемуся характеру всей комедіи?

Три изложенія почти исключительно посвящены личности Любима Торцова. «Въ скорости услышалъ Торцовъ, что Любушку выдаютъ замужъ», пишетъ мальчикъ 15 лѣтъ, «и пришелъ къ

брату и увидалъ этого жениха, онъ былъ ему знакомый, и онъ же смутилъ Любима, чтобы онъ пилъ водку. Въ первый разъ не послушался Гордѣй Карпычъ. Черезъ нѣсколько времени Любимъ опять пришелъ и сталъ на колѣни и заплакалъ, чтобы Гордѣй Карпычъ не отдавалъ Любушку за этого стараго старика. Гордѣй послушался и не сталъ отдавать Любушку за стараго, а отдалъ за молодого».

Это изложеніе начинается съ того, что изъ всей пьесы больше всего пишущему понравился разсказъ Любима Торцова о его жизни; онъ подробно передаетъ, какъ «Любимъ былъ раньше богатъ, а потомъ пропиль все состояніе и сталъ собирать милостыню, которую тоже пропивалъ», причѣмъ все время проглядываетъ сочувствіе къ Любиму Торцову, какъ человѣку несчастному.

Другой парень 17 лѣтъ пишетъ, что больше всего ему понравилось, «какъ Любимъ Торцовъ стоялъ на колѣняхъ передъ своимъ братомъ, и какъ онъ просилъ его, чтобы отдалъ дочь за Митю». Дальше онъ разсказываетъ жизнь Любима, его дѣлежъ съ братомъ, кутежи съ Африканомъ Савичемъ, заступничество за Митю. «Митя былъ бѣдный и ходилъ очень плохо одѣтымъ и за это его Гордѣй Карпычъ ругалъ, Митя послалъ свои деньги маменькѣ. Любимъ былъ очень добродушный и онъ заступался за Митю». Авторъ относился къ Любиму не только симпатично, но и съ уваженіемъ; онъ его называетъ умнымъ человѣкомъ, а Коршунова глупымъ за то, что онъ обобралъ Любима. Надо замѣтить, что слова умный и глупый употреблены здѣсь не въ настоящемъ смыслѣ; онѣ въ мѣстномъ нарѣчій означаютъ отсутствіе и присутствіе всякихъ хорошихъ свойствъ человѣка, а не исключительно умственныхъ.

Въ третьемъ изложеніи, сосредоточенномъ на Любимѣ Торцовѣ, дѣвочки 14 лѣтъ, разсказано содержаніе монологовъ изъ перваго дѣйствія, въ заключеніе она характеризуетъ Любима: «Онъ былъ человѣкъ пропившійся, но добрый, честный, его обобралъ Африканъ Коршуновъ. Когда онъ сталъ собирать милостыню, братъ его, очень богатый купецъ, не принималъ его къ себѣ въ домъ. Онъ уговорилъ брата не отдавать дочь свою за стараго замужъ, а отдать за бѣднаго молодого прикащика Митю и сказалъ, что бѣдность не порокъ».

Вообще, участіе Любима Торцова въ благополучной развязкѣ комедіи, а также его отношенія съ Коршуновымъ упомянуты во всѣхъ изложеніяхъ.

Устные отзывы послѣ спектакля подтверждаютъ то, что видно также изъ письменныхъ отвѣтовъ: теплое, сочувственное отношеніе зрителей къ Любиму Торцову. Они его поставили въ нравственномъ отношеніи выше прочихъ лицъ комедіи, жалкое положеніе Любима Торцова, его пьянство получило характеръ независимаго отъ его личности несчастья, въ которомъ виноватъ не онъ, а Гордѣй Карпычъ и его братъ. Еще

послѣ перваго спектакля зрители много говорили про Любима Торцова, его называли хорошимъ человѣкомъ, умственнымъ, онъ былъ, по ихъ словамъ, гораздо лучше брата и что такое ужъ его несчастье было, погубили его злые люди (Коршуновъ и братъ). Послѣ втораго спектакля слышались подобны же мнѣнія.

Можно сказать, что образъ Любима Торцова произвелъ на публику сильное впечатлѣніе и занялъ видное мѣсто въ воспоминаніяхъ въ пьесѣ. Попытки охарактеризовать личность Любима Торцова въ письменныхъ изложеніяхъ указываютъ на то же самое, Тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ писавшихъ сдѣлали Любима Торцова центромъ своего разсказа, особенно свидѣтельствуетъ о яркости, съ которой этотъ образъ запечатлѣлся въ ихъ памяти, если принять во вниманіе, что выдѣленіе одного лица изъ ряда другихъ лицъ и событій, характеристика, даются трудно на той степени развитія и умѣнья излагать свои мысли, на которыхъ находятся писавшіе.

Сцены съ ряжеными и пѣсни дѣвушекъ упомянуты почти во всѣхъ изложеніяхъ. И устные отзывы показали, что онѣ очень понравились публикѣ, не затемняя, однако, содержанія пьесы. Въ нѣсколькихъ изложеніяхъ говорится о веселомъ, кудрявомъ плясунѣ Разлюляевѣ. Появленіе его на спектакляхъ вызывало много смѣху, а его шутки и пѣсни и до сихъ поръ еще повторяются на деревнѣ.

Въ двухъ коротенькихъ письменныхъ отзывахъ только перечислены тѣ мѣста изъ пьесы, которыя больше понравились писавшимъ. Они интересны, такъ какъ указываютъ, именно, на тѣ сцены, которыя понравились и большинству публики. Оба написаны взрослыми женщинами.

Вотъ одинъ изъ нихъ: «Очень интересно, какъ Митя былъ влюбленъ въ Любовь Гордѣвну, откровеніе ихъ въ любви, прощаніе Мити съ Любовью Гордѣвной и ея маменькой, сватовство Африкана Савича и какъ была опечалена этимъ Любовь Гордѣвна, появленіе Любима Торцова и его рѣчь о его жизни, какъ онъ былъ богатъ и сталъ бѣденъ, и какъ упрашивалъ брата, чтобы выдать Любочку за Митю, и какъ Любовь Гордѣвна просила отца, чтобы онъ пожелалъ ея счастья и выдалъ бы за Митю. Дѣло сошлось по согласію и Любовь Гордѣвна была очень довольна. Дѣвушки пропѣли пѣсенку, а мы похлопали въ ладоши и сказали bravo».

Другое изложеніе еще болѣе коротко: «Изъ этой пьесы «Бѣдность не порокъ» понравилось какъ Любовь Гордѣвна осталась съ Митей въ его конторѣ и разговаривали, еще какъ Яша игралъ пѣсни и плясалъ (здѣсь Яша названъ вмѣсто Разлюляева), какъ Гордѣй Карпычъ просваталъ Любовь Гордѣвну за Африкана Савича и дѣвушки и тетушка Арина играли пѣсню. Изъ послѣдней сцены понравилось, какъ Гордѣй Карпычъ отказалъ Африкану Савичу и поладилъ за Митю, какъ играли пѣсню и плясали».

На основаніи письменныхъ и устныхъ отзывовъ о представленіи «Бѣдность не порокъ», можно судить, что зрители вникли въ содержаніе комедіи, они вполне хорошо его поняли и усвоили. Кромѣ того они сдѣлали извѣстную нравственную оцѣнку дѣйствующимъ лицамъ, причѣмъ лица, страдающія отъ самодурства Гордѣя Карпыча: Пелагея Егоровна, Митя, Любовь Гордѣвна, Любимъ Торцовъ, возбудили симпатію, состраданіе, тогда какъ къ самому Гордѣю Карпычу и въ особенности къ Коршунову зрители отнеслись отрицательно. Распредѣляя такимъ образомъ свои симпатіи, зрители, значить, вполне раздѣлили моральный выводъ, вытекающій изъ пьесы, что бѣдность не порокъ. Изъ письменныхъ и устныхъ отзывовъ видно, что они придали этому выводу цѣнность хорошаго поученія. Съ этой стороны комедія «Бѣдность не порокъ» имѣетъ для деревенской публики нѣсколько другое значеніе, чѣмъ для людей интеллигентныхъ. Они видятъ въ пьесѣ изображеніе ихъ собственной жизни: хотя дѣйствующія лица одѣты не по крестьянски, но ихъ слова, поступки, весь складъ жизни близокъ крестьянской средѣ, правдивые образы комедіи производятъ на зрителя сильное впечатлѣніе и вызываютъ въ немъ сильныя чувства одобренія или порицанія, они являются для него хорошими или дурными жизненными примѣрами; вслѣдствіе этого пьеса получаетъ поучительный оттѣнокъ, который не скученъ и не мертвъ, такъ какъ сама пьеса высоко художественна. Этимъ объясняется, что всѣ, понявшіе пьесу, сдѣлали изъ нея моральный выводъ, который кажется для нихъ особенно важнымъ и былъ многими глубоко прочувствованъ. Для интеллигентной публики прелесть комедіи «Бѣдность не порокъ» заключается, конечно, не въ моральномъ выводѣ, а въ типичности образовъ, вѣрнымъ изображеніемъ извѣстной среды. Многія важныя въ этомъ отношеніи черты ускользнули отъ зрителей совершенно. Никто, напримѣръ, не обратилъ никакого вниманія на слова Гордѣя Карпыча въ первомъ дѣйствіи и рассказъ Пелагеи Егоровны въ томъ же дѣйствіи о новыхъ затѣяхъ мужа, а между тѣмъ эти двѣ сцены очерчиваютъ Гордѣя Карпыча, именно, какъ извѣстнаго рода типъ.

Но въ общемъ комедія «Бѣдность не порокъ» была понята, и, благодаря своей высокой художественности, она произвела несомнѣнное, глубокое впечатлѣніе.

Было бы неосторожно заключить, что всѣ, безусловно, зрители, вникли въ содержаніе пьесы. Въ числѣ ихъ есть такіе, которые слѣдятъ только за внѣшней стороной спектакля: какъ взвился занавѣсъ, какъ одѣты дѣйствующія лица, какъ тотъ или другой повернулся, поклонился и т. п. Недаромъ же раздается иногда неумѣстный смѣхъ, этотъ безусловно вѣрный показатель степени пониманія пьесы. При началѣ спектаклей въ селѣ К — ѣ, за два года передъ постановкой «Бѣдность не порокъ», когда зрители еще не умѣли слушать того, что говорилось со сцены и смотрѣли на играющихъ какъ на ряженыхъ, такого смѣху было не-

сравненно больше. Тогда большинство публики было занято исключительно тѣмъ, «какъ это все хитро устроено».—Изъ перваго спектакля «Ночное», Стаховича никто почти не усвоилъ содержанія, да все время стоялъ какой то гулъ; такъ что часто нельзя было разобрать слова дѣйствующихъ лицъ. Только послѣ нѣсколькихъ спектаклей, состоявшихъ изъ небольшихъ вещицъ и живыхъ картинъ, зрители привыкли вникать въ смыслъ того, что происходитъ на сценѣ. Это далось не сразу. Къ первому спектаклю «Бѣдность не порокъ» публика показала уже большее умѣнье слушать, но все таки неумѣстный смѣхъ иногда прорывался, тоже было и на второмъ спектаклѣ. Соотвѣтственно этому, послѣ спектаклей приходилось слышать отзывы, свидѣтельствующіе о полномъ непониманіи пьесы.

Одна баба, первый разъ бывшая на представленіи, съ большимъ чувствомъ говорила: «Ужъ такъ хорошо, такъ хорошо». А когда ее просили рассказать хоть чтонибудь изъ того, что она видѣла, она отвѣтила: «ужъ этого я не могу сказать, не вспомню ничего», и дѣйствительно, она ничего не усвоила изъ содержанія пьесы.

Другая баба рѣшила, что Любовь Гордѣевну все таки выдали за старого, и это на слѣдующемъ основаніи: когда всѣ исполнители послѣ спектакля вышли передъ занавѣсомъ, игравшіе Коршунова и Любовь Гордѣевну случайно стали рядомъ.

Но, конечно, такихъ непонимающихъ зрителей меньшинство, а съ каждымъ спектаклемъ ихъ становится еще меньше.

Послѣ второго представленія комедіи «Бѣдность не порокъ», въ тотъ же вечеръ былъ данъ «Шемякинъ судъ», (передѣлка изъ стариннаго сказанія Н. Попова). Эта маленькая вещица чрезвычайно понравилась публикѣ, хохотавшей все время до упаду. «Шемякинъ судъ» поняли и оцѣнили безусловно всѣ; старый и малый, грамотный и неграмотный, бабы и мужики; крестьянскія дѣти послѣ представленія играли въ шемяку на деревнѣ, причемъ оказалось, что многое запомнилось ими наизусть.

Вообще нельзя не признать очень желательнымъ постановку на деревенской сценѣ пьесъ съ комическимъ содержаніемъ, онѣ пользуются большимъ успѣхомъ. На сценѣ въ селѣ К. вскорѣ послѣ «Бѣдность не порокъ» была разыграна комедія «Пройдоха» (адвокатъ Пателень въ передѣлкѣ для народнаго театра). Письменные изложенія ея содержанія показали, что вся комическая сторона «Пройдохи» была усвоена очень хорошо. Во время спектакля стоялъ неудержимый хохотъ, нѣкоторые зрители даже выходили изъ театра-сарая, чтобы успокоиться отъ смѣха и; отдышавшись, принимались слушать дальше.

Очевидно зрителю-крестьянину нравятся такія веселыя пьесы. И дѣйствительно, этотъ всеобщій, здоровый, заразительный смѣхъ дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ на всѣхъ присутствующихъ, чувствуется, что для того, чтобы отдаться такому смѣху, надо на время откинуть всѣ заботы, всѣ огорченія сѣрой, будничной жизни.

Е. Лаврова.

Критика и библиографія.

Францискъ Ассизскій. Его жизнь и общественная дѣятельность. Биографическій очеркъ Е. Пименовой. (Биографическая библіотека Ф. Павленкова). Спб. 1896. Ц. 25 к.

Въ сжатомъ написанномъ биографическомъ очеркѣ г-жа Пименова знакомитъ русскую публику съ одной изъ выдающихся фигуръ ранняго Итальянскаго Возрожденія, съ основателемъ францисканскаго монашескаго ордена, Францискомъ Ассизскимъ. Роль этого святаго въ исторіи культуры совершенно особая, и біографія его имѣетъ первостепенное значеніе для ознакомленія съ основными элементами эпохи Возрожденія. Если весь дальнѣйшій ходъ Возрожденія поражаетъ развитіемъ индивидуализма, проявленіемъ сильной воли и самосознанія на всѣхъ поприщахъ духовной жизни, то начало этой духовной эмансипаціи сказалось уже въ концѣ XII и въ началѣ XIII вѣка въ личности Франциска. Онъ былъ монахомъ, проповѣдывалъ отреченіе отъ всего мірскаго, былъ безконечно строгъ къ себѣ и къ другимъ, и въ этой строгой дисциплинѣ такъ же, какъ и въ проповѣди аскетизма, воплотилъ стремленіе къ свободѣ и истинное пониманіе ея.

Жизнь Франциска нужно разсматривать въ связи съ развитіемъ монашества въ средніе вѣка. Непосредственные дѣти католической церкви, монахи же сдѣлались первыми разрушителями ея, и въ этомъ отношеніи Франциску Ассизскому принадлежитъ починъ. Реформы, которыя онъ вносилъ въ религиозную жизнь своего времени, тѣмъ сильнѣе подкапывали авторитетъ католической церкви, что онѣ какъ бы опирались на нее. Но показывая, чѣмъ должно быть истинное религиозное чувство, основатель францисканскаго ордена тѣмъ самымъ показывалъ, какъ евангельскіе заветы извращены господствующей церковью. Въ этой внутренней борьбѣ свободной вѣры монаховъ и рабской дисциплины католицизма все значеніе эпохи Возрожденія для развитія религиозныхъ идеаловъ. Римская курія сразу почувствовала враговъ въ покорныхъ схимникахъ, которые къ ней же обращались для освященія своихъ обѣтовъ. Но открытое противодѣйствіе этимъ безкорыстнымъ служителямъ Бога могло бы только подорвать авторитетъ церкви, и поэтому папская власть оставалась наружно покровительницей монашескихъ орденовъ и сдѣлала возможной побѣду

последнихъ. Подъ санкціей церкви свободные монахи францисканскаго ордена ходили изъ города въ городъ, проповѣдуя вѣру и спасеніе внѣ церковной дисциплины, на пути самопознанія и отрѣшенія отъ свѣтской суеты. Побѣда монашескаго идеала была побѣдой свободолюбія и предвозвѣстникомъ духовной эмансипаціи, которая началась для человѣчества съ концомъ среднихъ вѣковъ и началомъ Возрожденія. Но если эта побѣда стала возможной, если церковь должна была уступить, обезоруженная нравственнымъ величіемъ будто бы покорныхъ еретиковъ, то значительную роль играла въ этомъ сама личность основателя движенія, кроткаго Франциска.

Займствуя свѣдѣнія у лучшихъ біографовъ католическаго святого, г-жа Пименова рассказываетъ трогательную исторію жизни и подвижничества Франциска. Какъ извѣстно, Францискъ въ первой молодости былъ менѣе всего склоненъ стать духовнымъ учителемъ. Будучи сыномъ купца, онъ велъ разгульную и беззаботную жизнь тогдашней знати и обруженъ былъ товарищами, принадлежавшими къ лучшимъ семьямъ Умбрін, и выдѣлялся среди нихъ широтой натуры какъ въ разгулѣ, такъ и въ умѣнннн быть милосерднымъ и щедрымъ. Переворотъ въ немъ произошелъ внезапно. Онъ самъ приписываетъ его таинственнымъ голосамъ, призывавшимъ его на подвигъ любви во время болѣзни. Выздоровѣвши, Францискъ торжественно отрекся отъ прежняго образа жизни, призвалъ друзей будто бы на пиръ обрученія и предсталъ передъ ними въ рубищѣ, говоря, что его невѣста нищета. Жизнь вдали отъ свѣта и, главнымъ образомъ, свободная отъ всякихъ заботъ объ имуществѣ и скрывающихся человѣка отношеній къ другимъ людямъ сдѣлалась идеаломъ Франциска. Онъ еще разъ торжественно отказался отъ всякаго обладанія имуществомъ и даже отъ связи съ родными при особенно знаменательной обстановкѣ. Отецъ его пожаловался мѣстному епископу на строптиваго сына, отдающаго свое имѣніе бѣднымъ, и тогда передъ судомъ епископа Францискъ явился нагимъ и передалъ свою одежду отцу, говоря, что отнынѣ онъ ничѣмъ не владѣетъ и не признаетъ иного отца, кромѣ небеснаго. Вся жизнь Франциска отнынѣ становится проповѣдью любви свободы и отреченія и отличается полнымъ отсутствіемъ всякаго внѣшняго культа, всякой дисциплины. Только на пути внутренняго благочестія Францискъ видитъ возможность спасенія. Самъ онъ проникнуть какимъ-то особымъ пантеистическимъ чувствомъ вѣры и сливается со всей природой въ своихъ молитвахъ и гимнахъ. Въ оставшемся послѣ него поэтическомъ сборникѣ *Fioretti* (Цвѣточки) собраны всѣ произведенія его наивной, робкой музыки, и среди нихъ поражаютъ высотой экстаза его «Гимнъ солнцу», его обращенія къ птицамъ и цвѣтамъ, которымъ онъ тоже хочетъ внушить любовь и вѣру и съ которыми онъ сливается въ какомъ то стихійномъ обожаннн всѣхъ проявленій божественнаго духа природы. Не только обояніемъ своей личности онъ дѣйствовалъ на своихъ послѣдователей, число которыхъ все болѣе и болѣе росло; всей своей жизнью и радостью, преисполнявшей его существо, онъ воплотилъ идеаль свободы въ религіи, бывшей до того тяжкимъ игомъ для человѣчества, и весь его подвигъ имѣетъ значеніе внутренняго откровенія.

Русскій біографъ Франциска, намѣчая картину внутренняго подвига

Святого, говорить далѣе о вѣшнихъ фактахъ его жизни, о томъ, какъ ему удалось добиться утвержденія своего ордена въ Римѣ и упрочить свое вліяніе въ Италіи, о томъ, какъ настойчиво онъ проповѣдывалъ основную простоту своего ученія, стараясь завѣщать потомству свое отвращеніе отъ имущественныхъ и иныхъ свѣтскихъ благъ. Конечно, чистота его ученія могла сохраниться только при жизни его—и то, въ концѣ жизни Франциска стали основываться францисканскіе монастыри, т. е. являлись владѣнія у монаховъ ордена. Проживъ всю жизнь святымъ, Францискъ окончилъ свои дни съ той-же трогательной простотой. Больной, чувствуя приближеніе смерти, но не скорбя объ этомъ, онъ отправился въ Ассизы и передъ самой смертью велѣлъ вынести себя въ садъ, чтобы въ послѣдній разъ слиться съ природою, которую онъ любилъ, какъ древній грекъ, видящій божество въ каждой подробности вѣшняго міра. Онъ умеръ спокойный и радостный, вторя „Гимну солнцу“, который монахи пѣли вокругъ него. Въ русской біографіи упоминается о такъ называемыхъ стигматахъ, т. е. слѣдахъ Христовыхъ ранъ, появившихся на тѣлѣ Франциска, поглощеннаго въ мысли о страданіяхъ Христа. Наука, какъ извѣстно, вполне допускаетъ возможность этихъ явленій, относящихся къ области самовнушенія, и этимъ научнымъ объясненіемъ ограничивается г-жа Пименова, не указывая на ту высоту мистическаго экстаза, характеристикой котораго они являются.

Новичъ. Съ чужихъ полей. Сборникъ стихотворныхъ переводовъ. Спб. 1897 г.

Маленькій переводный сборникъ Н. Новича представляетъ симпатичную попытку познакомить русскихъ читателей не только съ корифеями западной поэзіи, но и съ менѣе извѣстными, но заслуживающими вниманія, ея представителями. Въ этомъ родѣ задуманы всѣ изданія г. Новича, составляющія серію подъ заглавіемъ „Маленькая антологія“. Въ настоящее время вышли въ свѣтъ сборникъ съ образцами экзотической поэзіи Китая и Японіи („Китай и Японія въ ихъ поэзіи“, 1896) и лежащій передъ нами сборникъ „Съ чужихъ полей“. Кромѣ того, готовятся къ печати образцы венгерской и провансальской поэзіи.

Въ сборникѣ „Съ чужихъ полей“ переводчикъ собралъ кое-что также изъ знаменитыхъ поэтовъ вѣка. Въ немъ помѣщено нѣсколько стихотвореній изъ Роберта Бернса, котораго въ послѣднее время такъ много переводятъ у насъ; переведенныя г. Новичемъ стихотворенія „Робинъ“ и „Роза“ принадлежатъ къ граціознымъ образцамъ поэзіи шотландскаго цѣвца. Эдгаръ По представленъ въ сборникѣ двумя характерными грустными стихотвореніями „Эльдорадо“ и „Сонъ во снѣ“. Изъ прежнихъ поэтовъ г. Новичъ взялъ для своего сборника нѣсколько стихотвореній Шелли и довольно много изъ знаменитаго венгерскаго поэта Петефи. Романтическій характеръ этого венгерскаго поэта ясно обрисовывается въ выбранныхъ стихотвореніяхъ.

Но наиболѣе интересны въ небольшомъ сборникѣ Новича образцы мало извѣстной у насъ скандинавской, польской и нѣмецкой поэзіи. Тѣ образцы, которые онъ приводитъ изъ Генриха Вельгеланда, Иогана Вель-

гавена, Христіана Винтера, Хольгеръ Драхмана, оправдываютъ извѣстность этихъ лириковъ на своей родинѣ и передаютъ своеобразную прелесть норвежскихъ пейзажей и того особаго настроенія мрака и холода и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственной силы, которымъ вѣетъ отъ всего сѣвернаго творчества, начиная съ его великихъ представителей, творцовъ древнихъ сагъ, а въ наше время—Ибсена и др., и до менѣе крупныхъ, но пренеполненныхъ національнымъ духомъ поэтовъ и писателей. Нѣмецкая поэзія представлена въ сборникѣ Новичъ: Баумбахомъ, Шамиссо и др. изъ прежнихъ, а изъ новыхъ Германомъ Конради, Детлефъ фонъ-Лиліенкроне и др. Лиліенкроне считается, хотя и незаслуженно, быть можетъ, однимъ изъ первыхъ нѣмецкихъ поэтовъ нашего времени, и русскимъ читателямъ полезно ознакомиться съ нимъ, хотя бы для того, чтобы съ знаніемъ дѣла отрицать его достоинства. Заслуживаютъ также вниманія собранные г. Новичемъ отрывки изъ польскихъ поэтовъ; они дышатъ горячимъ патріотизмомъ и непреклонной твердостью духа.

3. Венгерова.

Мережковскій, Д. С. Новыя стихотворенія (1891—95). Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле. Спб. 1896. 104 стр.

Одинъ психіатръ рассказывалъ, что, посѣтивъ однажды лѣчебницу для душевно-больныхъ, онъ встрѣтилъ въ саду прилично-одѣтаго, солиднаго господина и, принявъ его за коллегу-врача, завелъ разговоръ о его пациентахъ. Собесѣдникъ довольно долго съ живою и тонкою наблюдательностью рассказывалъ посѣтителю о различныхъ видахъ помѣшательства, которому подвержены кліенты заведенія, характеризовалъ каждого изъ нихъ, подробно излагая весь ходъ той или иной душевной аномаліи, связывалъ разныя соображенія относительно способовъ лѣченія и воздѣйствія на больныхъ, словомъ—прочелъ своему гостю цѣлую лекцію, которою тотъ былъ очень заинтересованъ. Вдругъ, на поворотѣ дорожки, встрѣчается имъ одинъ изъ больныхъ. „А вотъ этотъ“, говоритъ, указывая на него, мнимый докторъ, — „самый опасный и неизлѣчимый изъ здѣшнихъ субъектовъ: представьте себѣ только,—несчастный воображаетъ себя Наполеономъ I, между тѣмъ какъ еще до сотворенія міра всѣмъ и каждому было извѣстно, что Наполеонъ — я, а онъ—только герцогъ Веллингтонъ“...

Этотъ старый анекдотъ какъ-то невольно пришелъ намъ на память, когда мы перелистывали изящную книжечку новыхъ стихотвореній г. Мережковского, изданную въ форматѣ такъ называемыхъ „будуарныхъ“ фотографій и обернутую газированной палевой бумажкой на манеръ лайковой перчатки. Г. Мережковский, кажется, уже больше десяти лѣтъ подвизается въ литературѣ. Дебютировалъ онъ стихами, въ которыхъ, правда, всегда было больше звонкости, чѣмъ таланта, но, слава Богу, никогда не отсутствовалъ здравый смыслъ и чувство мѣры; затѣмъ онъ выступилъ съ книжкой объ упадкѣ современной литературы и критики, гдѣ было брошено не мало очень свѣтлыхъ и умныхъ мыслей по поводу живого и для всѣхъ интереснаго предмета. За этой книжкой слѣдовалъ историческій романъ изъ жизни Юліана-Отступника,—произведеніе, оригинальное по замыслу и

очень интересное по исполнению, встреченное, сколько знаемъ, всѣми съ большимъ сочувствіемъ. Наконецъ, г. Мережковскій далъ нѣсколько прекрасныхъ переводовъ изъ греческихъ трагиковъ. Словомъ, въ довольно разнообразныхъ областяхъ литературы г. Мережковскій показалъ себя писателемъ, если и не выдающимся по таланту, то, во всякомъ случаѣ, далеко не зауряднымъ,—писателемъ, котораго стоитъ читать и о которомъ стоитъ говорить. Сознаемся откровенно,—мы не слѣдили за развитіемъ собственно лирическаго дарованія г. Мережковскаго, во-первыхъ—потому, что считали эту сторону его писательства гораздо болѣе слабою, чѣмъ прочія и думали, что это „плѣнной мысли раздраженіе“ скоро пройдетъ само собою (кто малъ не бывалъ,—стиховъ не писалъ?) а во-вторыхъ—потому, что въ нашей бѣдной литературѣ послѣдняго десятилѣтія, не смотря чуть-ли не на сотни „поэтовъ“, совершенно отсутствуетъ поэзія, и чтеніе упражненій російскаго юношества въ версификаціи было-бы только неразумною тратой времени. Оттого и понятно, что мы, встрѣтивъ „на поворотѣ дорожки“ изящную книжечку г. Мережковскаго, озапались въ положеніи психіатра, неожиданно узнавшаго, что онъ бесѣдовалъ все время не съ врачомъ, а съ самимъ Наполеономъ: мы нечаянно натолкнулись на „пунктиръ“, котораго раньше не подозрѣвали, и сразу, съ первой же страницы, очутились въ сферѣ совѣмъ особенныхъ „идей“.

Г. Мережковскій становится во главѣ и поднимаетъ знамя новой „школы“ поэтовъ, которую онъ называетъ именемъ „дѣтей ночи“. Это названіе, конечно, надо толковать аллегорически: „дѣти ночи, дѣти скорби“—это юные поэты нашего мрачнаго, лишеннаго идеаловъ времени, которые чувтъ что-то „невѣдомое“; они „осуждены на смерть“ и, умирая, „тоскуютъ о несозданныхъ мірахъ“ (?). Они стремятся къ „новой красотѣ, ради которой „нарушаютъ всѣ законы“ (въ томъ числѣ, и прежде всего законы здраваго смысла), „преступаютъ всѣ черты“ („вѣдь еще до сотворенія міра всѣмъ было извѣстно, что я — Наполеонъ“), и потому (по сушей справедливости), являются „посмѣшищемъ людей“... Словомъ, это—тѣ же, „великолѣпные“, которыхъ выдумалъ одинъ изъ самыхъ яронелѣпныхъ французскихъ пустозвоновъ нашего времени, St.-Paul-Roux-le-Magnifique и о которыхъ онъ торжественно вѣшалъ: „Les Magnifiques, Argonautes de la Beauté, iront chercher la Toison Divine dans la Colchide de la Vérité“. Чего же, однако, они ищутъ?

Объ этомъ г. Мережковскій вѣщаетъ различно. Съ одной стороны,
 „Есть одна только вѣчная заповѣдь: *жить*
 Въ *красотѣ*, въ красотѣ, не смотря ни на что,
 Ужасъ міра понявъ, какъ не понималъ никто,
 Безпредѣльную скорбь безпредѣльно любить“.

Затѣмъ слѣдуетъ—

„Все пѣніемъ и смѣхомъ побѣждать,
 Чтобъ въ *красотѣ великой и холодной*
Безцѣльно жить, безцѣльно умирать“...
 ...„Пѣть и летать,
 Все побѣждать

Дерзостнымъ хохотомъ!“

Жизнь надо мѣрять „безцѣльной красотой“. Съ другой стороны—

„Съ младенчества любезное,
Намъ дорого—пойми—
Одно лишь бесполезное,
Забывтое людьми“...

Этотъ идеаль „безцѣльной жизни въ холодной красотѣ“ съ „дерзостнымъ хохотомъ“ и любовью къ одному только „бесполезному“, приводитъ, по сознанию самого проповѣдника, къ „пустой чашѣ“:

„Послѣднимъ ароматомъ чаши,
Лишь тѣнью тѣни мы живемъ,
И въ страхѣ думаемъ о томъ,
Чѣмъ будутъ жить потомки наши“...

Да неужели, господа, вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что у васъ будутъ еще потомки? Нѣтъ, ужъ увольте, пожалуйста! Припомните, что, по миеологическому представленію древнихъ, въ числѣ порожденій Ночи есть и Немезида, которая кого захочетъ покарать, того лишитъ разсудка и заставить принимать за поэзію мутную и грязную пѣну большого декадентства, за красоту—неестественные выверты жонглера, за идеаль—похотливое самораздраженіе уединеннаго неврастеника...

И вотъ, какъ будто въ насмѣшку, въ той же самой книжкѣ, гдѣ воспѣвается:

„Больной, усталый ледъ,
Больной и талый снѣгъ,
И все течетъ, течетъ“...

мы встрѣчаемъ, запрятанными въ концѣ, превосходные переводы изъ „Фауста“ („Прологъ на небѣ“ и „Пѣсня Маргариты“). Да пожалѣйте же себя, г. Мерешковскій! Неужели же вы, даже читая Гете, мысль и форму котораго вамъ удастся такъ поэтически воспроизводить, не видите, гдѣ и въ чемъ настоящая „красота“?

П. Морсзовъ.

М. А. Литвиновъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. Общеплезная бібліотека для самообразованія. Изданіе М. В. Ключкина. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к. Съ тремя портретами.

Приступая къ своему труду, авторъ настоящей книги имѣлъ, повидному, самыя благія намѣренія; перечитавъ относящуюся до его темы довольно объемистую литературу, онъ приложилъ извѣстное стараніе къ тому, чтобы изложить результаты своего чтенія съ возможно большей пользой для читателя, ищущаго самообразованія. И все же, мы не можемъ порадоваться за читателя, который доврѣчиво раскроетъ книгу г. Литвинова, прельщенный ея заманчивымъ заглавіемъ. Благія намѣренія автора разбились о два подводныхъ камня: полное отсутствіе специальной исторической подготовки и неумѣніе соразмѣрить поставленную себѣ задачу съ своими научными ресурсами.

Въ книгѣ есть страницы и даже цѣлые отдѣлы, пріятно выдѣляющіеся на общемъ фонѣ всего изложенія. Къ этимъ счастливымъ исключеніямъ мы можемъ отнести, напримѣръ, ту часть книги, гдѣ пересказана исторія крестьянской реформы. Здѣсь разсказъ автора живъ, интересенъ и со-

держателенъ. Причины очевидны: авторъ ограничился компилятивнымъ пересказомъ нѣкоторыхъ серьезныхъ работъ своихъ предшественниковъ, строго придерживаясь фактической части ихъ изложенія. Къ сожалѣнію авторъ поддастся искушенію значительно расширить рамки своей задачи и вмѣсто безпритязательной передачи нѣкоторыхъ важнѣйшихъ эпизодовъ изъ исторіи русскаго крестьянства задумалъ дать публикѣ „исторію крѣпостного права“ во всемъ ея объемѣ. Очевидно, авторомъ, руководило при этомъ то прискорбное убѣжденіе, что для составленія популярной книги нѣтъ никакой надобности въ специальной ученой школѣ, достаточно проявить нѣкоторую бойкость пера и наскоро пересмотрѣть литературу даннаго вопроса. Въ результатѣ книга г. Литвинова производитъ въ общемъ впечатлѣніе ученическаго опыта, гдѣ на каждомъ шагѣ бросаются въ глаза—наивная храбрость новичка въ категорическихъ рѣшеніяхъ труднѣйшихъ и сложнѣйшихъ вопросовъ, беззаботное смѣшеніе давно установленныхъ наукою терминовъ, какое-то торопливое стремленіе щегольнуть передъ читателемъ возможно большою дозой только что нахватанной учености въ ущербъ стройности плана и ясности основной нити изложенія. Въ ученическомъ опытѣ всѣ эти черты объяснимы и до нѣкоторой степени законны. Но когда подобный трудъ появляется въ качествѣ авторитетнаго руководства для публики, ищущей самообразованія, когда ученическая тетрадка выдается за научную популяризацию специальныхъ знаній, тогда по меньшей мѣрѣ становится грустно за будущаго читателя книги.

Компетентность автора въ сферѣ трагуемыхъ имъ вопросовъ обнаруживается со всей яркостью съ первыхъ же строкъ его книги. Авторъ начинаетъ съ общаго опредѣленія понятія крѣпостного права. Оказывается, что крѣпостное право есть не что иное, какъ „зависимость одного человѣка отъ другого“, причемъ,—прибавляетъ авторъ—„зависимость эта была экономическая и юридическая“ (с. 1.). Послѣ такого точнаго и отчетливаго опредѣленія природы крѣпостного права мы уже не удивимся ни тому, что авторъ относитъ первоначальное происхожденіе крѣпостныхъ отношеній къ моменту появленія „неравенства между людьми“, т. е. считаетъ необходимымъ начинать исторію крѣпостного права съ доисторической эпохи, ни тому, что на длинномъ рядѣ послѣдующихъ страницъ онъ набрасываетъ исторію древне-русскаго *рабства* въ томъ полномъ убѣжденіи, что онъ излагаетъ намъ исторію крѣпостного права. Благоразумно обойдя „неясный для насъ періодъ доисторическаго существованія человѣка, авторъ начинаетъ исторію крѣпостного права съ того момента, когда „человѣчество стало вести пастушеско-кочевой образъ жизни“. Съ этого момента для автора все настолько ясно, что онъ не считаетъ нужнымъ входить въ подробныя поясненія сообщаемыхъ данныхъ. Смѣлыми штрихами набрасываетъ онъ широкую картину эволюціи бытовыхъ формъ древнѣйшей эпохи. Здѣсь—бездна учености. Читатель ошеломленъ калейдоскопомъ глубокомысленныхъ обобщеній и ученыхъ терминовъ. Родъ, задруга, общественная дифференція, территориальная община, трудовое начало, равнодѣйствующая политическихъ силъ и проч., и проч.—всѣ эти „страшныя слова“ мелькаютъ одно за другимъ, смѣшиваясь въ какое-то неуловимое и расплывчатое цѣлое. Мы боимся, что неопытный читатель

окончательно оробѣетъ отъ первой же главы и уже не отважится слѣдовать далѣе за столь ученымъ авторомъ. Къ сожалѣнію, и мы съ своей стороны не можемъ помочь неопытному читателю: послѣ троекратнаго чтенія вступительныхъ главъ, мы окончательно заблудились въ наполняющихъ ихъ тирадахъ. Къ туманности изложенія присоединяется и еще одно осложняющее обстоятельство. Кутаясь въ ученныя фразы, мысль автора постоянно дѣлаетъ неожиданные скачки и зигзаги. Только что мы запомнили, напримѣръ, объясненіе автора, что замѣна пастушеско-кочевого быта осѣдло-земледѣльческимъ явилась въ результатѣ разложенія родового строя, какъ слѣдующая строчка спѣшитъ прибавить: „или *отрице* (курсивъ нашъ) родовой бытъ сталъ разлагаться потому, что новая земледѣльческая культура стала требовать иной организаціи, болѣе приспособленной къ новому порядку вещей“. Не напоминаетъ ли вамъ это „или *вѣрнѣе*“ тѣ знаменитыя проекты одного Салтыковскаго героя, которые неизмѣнно заканчивались припиской: „или наоборотъ“? На стр. 3 мы прочитали, что *семья* не существовало въ то отдаленное время, когда былъ только родъ, но затѣмъ имѣвъ неосторожность взглянуть на слѣдующую страницу, мы вдругъ узнали, что „въ основѣ *первобытной* славянской общины лежала *семья*“, а на слѣдующей строчкѣ мы усмотрѣли, что „славянская община есть семейная община или, лучше сказать, расширенная патриархальная семья, задруга“. Позвольте, однако, родъ, семья, задруга—это все совершенно самостоятельныя формы быта, совершенно различныя ступени народнаго развитія. Читатель не знаетъ, о какой стадіи развитія вы намѣрены говорить и какъ вы разграничиваете эти три отдѣльныя понятія? Или мы должны предположить въ древнемъ періодѣ русской жизни одновременное сосуществованіе и родâ, и семьи и задруги? Намъ кажется, что, авторъ, небрежно бросая на страницы своей книги гдѣ-то подхваченныя имъ на скоро термины, слишкомъ злоупотребляетъ самодѣятельностью читателя, предоставляя ему самому установить между этими терминами логическую связь.

Правда, изрѣдка авторъ допускаетъ нѣкоторую роскошь и пытается дать опредѣленіе тому или другому понятію. На стр. 3 авторъ хочетъ опредѣлить сущность родовыхъ отношеній. „Безспорно—говоритъ авторъ—здѣсь было извѣстное раздѣленіе труда. Родоначальникъ хранилъ родовую кассу, давалъ судъ и расправу, распоряжался общественными работами, вносилъ подати (кому, куда?) и т. д.“. Точка и больше ни слова. Читателю остается сдѣлать выводъ, что подъ раздѣленіемъ труда авторъ разумѣетъ сосредоточеніе всѣхъ функций рода въ рукахъ одного родоначальника. Впрочемъ, авторъ далеко не всегда такъ скупъ на формулировку своей мысли. Иногда онъ проявляетъ, наоборотъ, въ своихъ построеніяхъ и обобщеніяхъ рѣшительность и храбрость, совершенно необычную для простаго спеціалиста. Часто ему достаточно двухъ-трехъ строкъ для изслѣдованія такихъ обширныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ происхожденіе крестьянства (стр. 5), или историческій ходъ русскаго законодательства (стр. 42). Въ этихъ случаяхъ, стремясь захватить возможно глубже затрагиваемыя вопросы, авторъ на каждомъ шагѣ падаетъ жертвой своей ученой отваги.

Спеціалистъ улыбнется конечно надъ тѣмъ алломбомъ, съ которымъ „Образованіа“. Отд. II № 12.

авторъ выдвигаетъ свой „аппаратъ“, постоянно цитируя разнообразныя пособія и первоисточники и въ то же время испещряя свой текстъ самыми элементарными ошибками и комическими недоразумѣніями. Но насъ заботятъ тѣ неподготовленные читатели, которые не сумѣютъ разглядѣть прорѣхъ на „убогой роскоши“ ученаго наряда нашего автора и заучать на вѣру всѣ нововведенія и открытія г. Литвинова въ области древне-русской исторіи. Прочтя указаніе г. Литвинова о томъ, что „исторіи признаютъ только первыя 17 статей этого сборника («Русской правды») относящимися ко времени Ярослава“, эти читатели тотчасъ предполагаютъ у автора „тѣсное знакомство съ трудами историковъ“ и затѣмъ уже съ полнымъ довѣріемъ повторяютъ вслѣдъ за нимъ ту же стоящую фразу: «Русская правда есть, собственно говоря, сборникъ древнихъ законовъ» (стр. 9), не подозревая, что это старое и давно брошенное наукой заблужденіе. Они повѣряютъ далѣе, что уже въ эпоху русской правды существовало кабальное холопство (стр. 15), что въ древней Руси были какія-то особыя *городскія* земли, которыя иногда давались, какъ жалованье или просто въ аренду“ (стр. 16) (кому, кѣмъ?), что помѣстная система возникла у насъ въ княженіе Владиміра Св. (стр. 17), что въ древней Руси между классомъ купцовъ и классомъ крестьянъ стояли „мѣщане“ (стр. 24), что Псковская грамота признаетъ уже помѣстное и вотчинное владѣніе (почему же „уже“, вѣдъ выше мы узнали, что помѣстья возникли еще при Владимірѣ Св.?) и даже запрещаетъ продавать помѣстныя земли“ (стр. 37), что уложеніе царя Алексѣя Михайловича включило въ себя всѣ существенныя черты Русской Правды (стр. 42) и т. д., и т. д., все въ томъ же родѣ. На свѣдущаго человѣка весь этотъ отдѣлъ о древней Руси производитъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе. Невольно шевелится вопросъ: зачѣмъ было потрачено столько безпорно усидчиваго труда на чтеніе книгъ и источниковъ, на собраніе цитатъ и выдержекъ? Только затѣмъ, чтобы въ результатѣ получилась книга, которая способна лишь затуманить и безъ того неясныя и сбивчивыя историческія понятія, обрастающія въ нашемъ обществѣ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что по мѣрѣ приближенія къ болѣе близкимъ къ намъ временамъ, авторъ значительно совершенствуется и гораздо рѣже проговаривается такими вопіющими несообразностями, образчики которыхъ мы привели выше. Но и здѣсь читатель напрасно сталъ бы искать того, что обѣщано на обложкѣ: исторіи крѣпостного права; онъ ничего не узнаетъ отъ г. Литвинова о роли крестьянскаго закрѣпощенія въ общемъ строѣ московскаго государства, объ историческомъ значеніи этого института и о его связи съ общимъ ходомъ нашего государственнаго развитія. По нашему глубокому убѣжденію, г. Литвиновъ для спасенія своей книги долженъ былъ бы ампутировать всю первую ея половину и вмѣсто теперешняго заголовка «Исторія крѣпостного права въ Россіи» поставить на обложкѣ: «Краткій очеркъ крестьянской реформы». Въ такомъ видѣ его книга не только не была бы вредной, но и могла бы принести нѣкоторую долю пользы.

Ал. Кизеветтеръ.

И. И. ДИТЯТИНЪ. Статьи по исторіи русскаго права. (Чистый доходъ отъ изданія предназначается на сооруженіе памятника надъ могилой И. И. Дитятина и на благотворительныя дѣла его имени). Изд. О. Н. Половой. Спб. 1896. 631 стр. Ц. 2 р. 50 к.

„Не звонкія фразы бросаемоу мы читателю, ради красоты слога. Стоя много лѣтъ у всякаго рода вопросовъ, подобныхъ настоящему (*мѣстное самоуправленіе*), въ силу обычныхъ своихъ занятій, мы пришли къ высказанному заключенію путемъ болѣе или менѣе непосредственнаго знакомства съ историческимъ ходомъ развитія ихъ“ (стр. 387). Эти слова покойнаго ученаго можно было бы поставить эпиграфомъ къ его сочиненіямъ. Рѣдко можно прочитывать вещи, въ которыхъ отличающая ихъ глубокая и серьезная эрудиція соединялась бы съ широтою взгляда, живымъ интересомъ къ настоящему, для коего прошедшее служитъ источникомъ, скрываетъ его корни. Есть два рода вопросовъ, представляемыхъ исторіей, вызываютъ ихъ двѣ категоріи явленій. Одни совершили цѣль своего существованія, исчезли, имѣютъ лишь археологическое значеніе; другія, напротивъ, лишь видоизмѣнившись, живутъ до настоящаго времени. Знакомство съ первыми удовлетворяетъ лишь научной любознательности, знакомство со вторыми имѣетъ и *практическое значеніе*.

Чуткость изслѣдователя, умѣнье его выдѣлать важное изъ груди часто бесполезнаго, ненужнаго матеріала обусловливается широкимъ образованіемъ, талантливостью и жизненнымъ тактомъ. Дитятинъ умѣлъ затронуть такіе именно вопросы исторіи русскаго права, которые представляютъ живой интересъ для современной русской мысли.

Профессору государственнаго права, онъ занявъ основными вопросами своей науки въ примѣненіи къ русской исторіи и русской дѣйствительности,—объ отношеніи власти къ населенію, центральной правительственной власти къ мѣстному управленію, объ организаціи этого послѣдняго и верховной власти!

Это все вопросы не только научные; ими занималась русская государственная жизнь въ теченіи своей тысячелѣтной исторіи. Дитятинъ, въ отдѣльных своихъ статьяхъ, и старается прослѣдить историческія перипетіи этихъ вопросовъ. Вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи долженъ былъ занимать еще до—Рюриковскую Русь. Верховныя правительства отдѣльныхъ русскихъ волостей—вѣча—организовали свои отношенія къ подчиненнымъ имъ общинамъ. Съ одной стороны, являлось правительственное начало—чиновники, съ другой—мѣстное земское самоуправленіе. Городское вѣче вѣдало общія всей совокупности общинъ дѣла и не касалось внутренняго распорядка отдѣльной общины (конечно, практика должна была считаться съ тенденціей переступать границы своей компетенціи). Яснѣе взаимодействіе двухъ началъ послѣ Рюрика. „Князь постепенно вмѣшивается въ управленіе и расправу уже не какъ органъ самоуправления“, а какъ глава его, какъ носитель верховной власти; онъ является во время „полюдьа“,—развѣзда по волостямъ,—пова послѣднее практикуется, уже не какъ судья только, но и какъ собиратель дани, установленной фактомъ завоеванія. „Земли“, во главѣ которыхъ стоятъ князья, все расширяются: князь не въ силахъ все видѣть самъ, онъ создаетъ особыя

органы въ помощь себѣ, которые и сажаетъ по различнымъ пунктамъ сначала по городамъ, а потомъ и по областямъ“ (стр. 410) но „разореніе народа и казны мѣстными органами власти“ съ перваго же времени заставляютъ князей обращаться къ земскому началу. Народъ, выведенный изъ терпѣнія, возстаетъ (извѣстны факты убійства Игоря въ Кіевѣ XII в. и изгнаніе Ростиславичей изъ Суздальской земли). Борьба указавшихъ началъ „проходить, можно сказать, не преувеличивая, чрезъ всю нашу исторію“ (стр. 387). Въ царствованіе Ивана IV правительство прибѣгло къ радикальной мѣрѣ: оно рѣшилось земское самоуправленіе ввести во всѣхъ государствахъ Московскаго царства, такъ какъ „въ видѣ въ слухъ царю, что многіе грады и волости пусты учинили намѣстники и волостели, изъ многихъ лѣтъ презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, и много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ учиниша“ (стр. 428). Затѣмъ, правительство московское переходитъ отъ одного начала къ другому, какъ бы разочаровываясь то въ одномъ, то въ другомъ, хотя „нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что послѣ долгихъ колебаній между двумя началами внутренняго управленія,—земскимъ и приказнымъ,—въ теченіе цѣлаго столѣтія московское правительство, въ концѣ концовъ, послѣ уклоненія царя Алексѣя, въ послѣдніе годы XVII вѣка, несомнѣнно склоняется сильнѣе въ пользу начала земскаго“ (стр. 458). Несостоятельность земскаго самоуправления коренилась въ самой его постановкѣ, въ отношеніи къ нему правительства. „Земское общинное управленіе постепенно превращается въ государственное, тяглое; многіе *земскіе* органы остались таковыми только по способу назначенія ихъ и той средѣ, изъ которой они выбирались; дѣло же они вѣдали „государево“, казенное, къ мѣстному населенію ихъ избравшему, порой не имѣвшее никакого отношенія“ (стр. 456). Но правительство считаетъ его всетаки силой и обращается къ нему. „Оно не доросло лишь до сознанія, что сила эта, для того чтобы не истощиться окончательно, не превратится въ силу такъ же мало надежную, какъ и приказная, должна имѣть возможность самопитаться, если можно такъ выразиться, не должна отрываться отъ той почвы, изъ которой она родится, элементами которой она питается, живетъ“. Почва была не благоприятная.

„Какія громадныя силы оно (земство) должно было разработать лишь для того, чтобы подъ гнетомъ разъединяющихъ силъ создать хоть только сознаніе въ отдѣльныхъ элементахъ своихъ объ *общихъ цѣляхъ, интересахъ, общихъ* для всѣхъ ихъ,—*интересахъ своихъ, мѣстныхъ*, на сознаніи, разработкѣ и защитѣ которыхъ только и могло бы оно созидать свою силу, которая принесла бы и *въ государство живого, плодотворящаго дѣятеля*“ (стр. 465).

А земство было сильно, жизненно. Въ „смутное время“ оно сумѣло сплотиться, организовать и отстоять себя, создавъ собственное правительство въ видѣ „*совета всей земли*“, съ исполнительной властью въ рукахъ двухъ воеводъ. Земству не было непривычно участіе въ законодательствѣ, во внутренней политикѣ. Это участіе выражалось въ формѣ „челобитій“. Въ Московскомъ государствѣ право челобитія было широко распространено, и ни для кого не было ограниченій: всякій и всякіе и о всякихъ „*нуждахъ*“ имѣлъ и имѣли право бить челомъ царю, какъ едино-

лично, такъ и коллективно. Последняго рода челобитья вызывали необходимость общенія между отдѣльными общинами и классами населенія. „Смутное время не застало врасплохъ этого населенія: сноситься другъ съ другомъ городамъ было за обычай; добиться „одной мысли“ двумъ или нѣсколькимъ городамъ—дѣло заурядное; присылать изъ одного города въ другой „на договоръ лучшихъ людей“—не было дѣломъ незнакомымъ московскимъ людямъ и до смутнаго времени, въ періодъ котораго то, другое и третье послужило лишь особенно великую и нелегкую службу“ (стр. 286). Болѣе правильнымъ и организованнымъ являлось участіе земства въ законодательствѣ и управленіи на „земскихъ соборахъ“. Начало „земскихъ соборовъ“ относится къ царствованію Ивана IV, когда передъ представителями „всей земли“ молодой царь каялся въ ошибкахъ правительства и общалъ впредь „быти судіей и обороной и неправды разоряти, и хищенія возвращати“. „Съ этого момента отсрывается почти полутора-столѣтній періодъ земскихъ думъ, соборовъ,—періодъ нашей исторіи, когда царь московскій во всѣхъ трудныхъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ обращается къ силамъ и „мысли“ земли, въ нихъ черпаетъ свою „мысль“, свою силу и съ нею, землю, рѣшаетъ дѣло „съ общаго совѣта“ (стр. 287—288). Существеннымъ, капитальнымъ недостаткомъ и причиною ихъ слабости была невыработанность ихъ организаціи. Спутанная система представительства стоитъ рядомъ съ неопредѣленностью правъ и обязанностей. „Соборы созывалъ царь; онъ ихъ и распускалъ; отъ него же зависѣло и придать то или иное значеніе ихъ приговору или постановленію; и все это зависѣло, исключительно, отъ его усмотрѣнія, его доброй воли: никакихъ юридическихъ опредѣленій взаимныхъ отношеній этихъ двухъ факторовъ московскаго общественно-государственнаго строя мы не находимъ, да и не найдемъ: ихъ не существовало, какъ не существовало этихъ опредѣленій и по многимъ другимъ сторонамъ этого строя“ (стр. 295). Земскіе соборы являются представителями той же стадіи развитія государства какъ и *Etats généraux* Франціи и т. п. §

Строгое научное отношеніе къ предмету отличительная черта нашего ученаго. Старательно изъ изслѣдованія удалены элементы, враждующіе съ научной точностью,—въ родѣ романтическихъ представленій о національности, или поэтическія грезы о предначертаніяхъ судьбы. Историческая жизнь всюду одна, она подчинена единымъ законамъ развитія. Эта жизнь вырабатываетъ наиболѣе удобныя формы существованія, внѣ которыхъ жизнь тяжела и несносна. Человѣкъ не одаренъ даромъ пророческой прозорливости; онъ не всегда—и только на близкомъ разстояніи—способенъ видѣть цѣль пути; цѣли достигаются постоянно послѣ многихъ ошибокъ и часто на-ощупь, такъ сказать. Болѣе счастливые представители челоуѣчества, которымъ удалось скорѣе достигъ цѣли, играютъ роль примѣра, учителей для остальной части. Вотъ почему Дитятинъ не можетъ быть врагомъ Запада, почему онъ западникъ. „Съ этого Запада сталъ проникать къ намъ... тотъ свѣтъ, котораго... не доставало въ московскомъ государствѣ и который внесъ въ каверны московской жизни нѣчто новое, вступившее въ борьбу съ такими основами ея, какъ „плеть и палеа“ и внушаемый ими *страхъ*; оттуда пришелъ свѣтъ, заставившій еще въ XVIII столѣтіи заговорить, что рабство—гнуснѣйшее явленіе челоуѣческой жизни, что

рабъ-человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію; отсюда пришелъ свѣтъ, *освѣтлившій челоутка*, нашедшій и показавшій его всему міру—*въ голотѣ*. Подъ вліяніемъ этого свѣта начинаютъ измѣняться задачи государства. Постепенное развитіе этого свѣта, усиленіе его яркости, увеличеніе пространства, имъ освѣщаемого, хотя медленно, но все-таки ведетъ и, наконецъ, приводитъ къ 19 февраля 1861 года.—Мы отказываемся отъ обвиненія Европы *въ этой бѣдѣ*“ (стр. 590, *Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами“ и „народомъ“*).

На этомъ можно и закончить обзоръ статей Дитятина, обзоръ, не имѣющій конечно и слабой претензіи исчерпать ихъ содержаніе. Читатели найдутъ, безъ сомнѣнія, много поучительнаго и интереснаго, обратившись къ изданію г-жи Поповой; цѣна книги не высока въ сравненіи съ ея объемомъ и достоинствами.

Ник. Козьминъ.

А. Ф. графъ фонъ-Шаккъ. Исторія норманновъ въ Сициліи. Переводъ съ нѣмецкаго Н. М. Соколова. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣва. 1896. Въ 8-ю. Стр. 4+VIII+384. Ц. 2 р. 50 коп.

Норманны въ Сициліи—одинъ изъ очень спеціальныхъ вопросовъ Средневѣковья, одинъ изъ эпизодовъ въ исторіи норманновъ вообще, связанной очень причудливыми нитями съ ходомъ европейскаго историческаго процесса. Покидая школьную скамью, а вмѣстѣ съ ней по укоренившемуся у насъ постыдному обычаю и науку, мы уносимъ очень смутное представленіе о норманнахъ, какъ неумолимыхъ морскихъ разбойникахъ и знаменитыхъ основателяхъ государствъ, среди которыхъ упоминаютъ Русь и Польшу. Норманнская теорія происхожденія русскаго государства сдѣлалась у насъ настолько популярной, настолько живучей, что ее не въ силахъ были поколебать цѣлыя полчища ученыхъ патриотовъ, въ помощь которымъ недавно выступилъ И. П. Филевичъ въ своей *Исторіи древней Руси* (Варшава, 1896), щеголяя элементарными приемами робкаго ученика мнѣческихъ корифеевъ антинорманнизма; въ доброе старое время ее исповѣдовалъ такой чисто „русскій“ человѣкъ, какъ М. П. Погодинъ, а въ наши дни и прежде всего для западно-европейскаго читателя ее вновь съ достаточной симпатіей изложилъ проф. А. Г. Брикнеръ въ своемъ недавно вышедшемъ въ свѣтъ опытѣ научно-популярнаго изложенія общаго хода русской исторіи до конца XVIII столѣтія: *Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts* (Gotha. 1896. Band I, s. 226—241). Норманнская теорія, лучшее изложеніе которой русскій читатель находитъ въ книгѣ В. Томсена *Начало русскаго государства* (М. 1891. Перев. Н. И. Аммона), сумѣла даже заслонить отъ вниманія большой публики выдвигавшуюся за послѣднее время готскую теорію, которой нельзя отказать въ большомъ научномъ интересѣ, а нѣкоторымъ ея сторонамъ и въ научномъ значеніи (работы А. С. Будиловича, Ф. И. Успенскаго, В. Г. Васильевскаго). Такъ съ легкой руки кievскаго монаха Нестора, легенда котораго черезчуръ близка съ повѣстью о призваніи бритами Генгиста и Горзы, вѣрка и живуча у насъ норманнская традиція, окутанная горячими спорами чисто публи-

цистического характера, хотя вся история южно-русских княжений такъ называемаго кievскаго періода имѣеть сравнительно мало связи съ исторіей Россіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, представляетъ совершенно особый и вполне законченный историческій процессъ. Отсюда несомнѣнный интересъ къ исторіи норманновъ, который возникаетъ у читателя изъ публики, отсюда наша смѣлость рекомендовать послѣдней книгу Шапка, появившуюся въ нѣмецкомъ оригиналѣ въ 1889 г. и задуманную авторомъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въдѣ норманны на великомъ пути *изъ гарль въ греки* въ данномъ случаѣ только усиливаютъ интересъ къ живописной хроникѣ Шапка, которая посвящена эпизоду какъ будто аналогичному и едва-едва не совпадающему хронологически. Параллельное наблюденіе двухъ указанныхъ частныхъ историческихъ процессовъ, во многомъ сходныхъ между собою, но развивавшихся и закончившихся при совершенно различныхъ условіяхъ, черезчуръ соблазнительно какъ для картинности нашихъ историческихъ представлений, такъ и для теоретическихъ соображеній по вопросамъ непреложной законмѣрности общаго историческаго процесса.

Книга Шапка и написана, и переведена, и издана превосходно; она вполне доступна и интересна даже для очень малоопытнаго читателя какъ по постановкѣ темы, такъ и по приемамъ изложенія; въ этомъ ея особенное преимущество, которое становится тѣмъ ощутительнѣе, что авторъ далеко не лишенъ остроумія, ѣдкой прои и той граціозной тенденціозности, которая съ очевидной пользой руководитъ читателемъ, не позволяя въ то же время автору впадать въ слишкомъ грубыя преувеличенія. Словомъ, въ мѣру доброе настроеніе книги чувствуется на каждомъ шагу, равно какъ и обширная эрудиція автора, не лишенная, правда, односторонности. Прекрасное впечатлѣніе, испытываемое при чтеніи книги Шапка, не закрываетъ, конечно, крупныхъ, но чисто научныхъ, ея недочетовъ, до которыхъ обычному читателю, въ виду ихъ специальныхъ особенностей, не такъ уже много дѣла, хотя мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, что работа Шапка, написанная съ такой дѣятельной любовью къ сюжету, ничего не выиграла бы въ смыслѣ ея научно-популярной полезности, будь научный кругозоръ ея автора нѣсколько шире, а научные приемы его изслѣдованія свѣжѣе. Авторъ, надо замѣтить, и самъ признается, что до выпуска въ свѣтъ *Исторіи норманновъ въ Сициліи* онъ „стоялъ далеко отъ историографіи въ собственномъ смыслѣ слова“ (стр. VI) и вообще „не можетъ похвастать точнымъ знаніемъ скандинавскихъ сакъ“ (стр. 185—6 въ прим.). „Періодъ норманнскаго владычества въ Сициліи, когда арабы, греки и скандинавы объединились подъ свирепомъ властителей изъ дома Готвильей,—начинаетъ Шапкъ свою ученую хроникю, представляетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ эпизодовъ средне-вѣковой исторіи“; разработкѣ этого эпизода въ повѣствовательной формѣ и хронологической, за нѣкоторыми исключеніями, послѣдовательности, но въ достаточно слабой связи съ исторіей Средневѣковья и исторіей норманновъ вообще, и посвящена работа Шапка. Увлекаясь своимъ сюжетомъ, авторъ не серываетъ отъ читателя уже въ предисловіи, что матеріалъ, имъ изученный, обладаетъ и довольно неинтересными сторонами, и что самъ онъ лишенъ абсолютной объективности безстрастнаго изслѣ-

дователя. Ему „трудно подавить въ себѣ чувство скорби по поводу того, что норманское государство должно было погибнуть такъ ужасно подъ грубой мощью выродившихся Гогенштауфеновъ“ (стр. V). Шаккъ проводитъ затѣмъ различіе между поэтомъ, за которымъ „признается [почти безграничная свобода распоряжаться своимъ матеріаломъ, какъ онъ хочетъ“, и историкомъ, всегда связаннымъ своимъ матеріаломъ. „Утомительны, говоритъ онъ, по своему однообразію непрерывныя войны норманнскихъ повелителей съ мятежными баронами Апуліи, гдѣ почти вся почва полуострова—отъ горы Гаргана до мессинскаго Фарса, со всѣми своими городами и деревнями—чуть не каждое десятилѣтіе перерывалась сверху до низу. И все таки я долженъ былъ представить и ихъ,—по крайней мѣрѣ, въ ихъ общихъ очертаніяхъ. Впрочемъ, насколько это было возможно, я отодвигалъ на задній планъ эти постоянно повторявшіяся и безрезультатныя стычки, чтобы выиграть мѣсто для болѣе интересныхъ моментовъ этой исторіи,—для смѣлыхъ походовъ графа Рожера, которые почти напоминаютъ подвиги Карла Великаго, для благородной дѣятельности его великаго сына, его заботливости о процвѣтаніи наукъ и искусствъ и, наконецъ, для того величественнаго зрѣлища, которое представляетъ намъ правленіе Вильгельма Добраго, когда сфера норманнскаго владчества распространилась до дальняго Востока“. Приведенная выдержка (стр. V и VI; ср. стр. 56 и 234) отлично характеризуетъ намѣренія автора, работа котораго состоитъ изъ введенія, семи главъ и пяти приложений. Такъ какъ, по совершенно справедливому замѣчанію автора (стр. II), исторію сицилианскихъ норманновъ нельзя совершенно отдѣлять отъ исторіи ихъ предковъ на сѣверѣ Европы, то введеніе стр. 1—44 и занято общей исторіей норманновъ до 1000 года; это живой и любопытный очеркъ, въ которомъ при преобладаніи разсказа о вѣдшихъ событіяхъ бѣгло и черезчуръ поверхностно изложены религіозное міровоззрѣніе и социальный строй норманновъ. Этотъ недостатокъ отжившей свой вѣкъ исторической школы преслѣдуетъ читателя черезъ всю книгу Шаекка очень чувствительно; у него совсѣмъ мало вкуса къ изученію внутренняго строя сицилианскаго королевства, и тѣ немногія страницы, которыя свободны отъ битвъ, походовъ, давки и смертей, сжато трактуютъ вопросы (стр. 172—190, 278—294) науки, искусства, литературы у сицилианскихъ норманновъ, частью на основаніи большой работы того-же автора *Поэзія и искусство у арабовъ въ Сициліи и Испаніи*; общему взгляду на положеніе норманновъ въ Сициліи посвященъ едва десятокъ страницъ (131—140), которыя и отхватываются читателемъ съ весьма понятной въ наши дни жадностью, когда „изученіе основнаго социальнаго движенія“ твердо стало впереди „художественнаго и драматическаго изображенія отдѣльныхъ событій“, какъ встаетъ замѣчаетъ Дж. Ингрэмъ въ предисловіи къ *Исторіи рабства* (Спб. 1896); когда, по словамъ автора *Очерковъ по исторіи русской культуры* (Спб. 1896, I, 2), „исторія перестаетъ быть предметомъ простой любознательности, пестрымъ сборникомъ „дней прошедшихъ анекдотовъ“,—и дѣлается предметомъ, способнымъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу“. Представляя собой превосходную историческую хроніку, принужденную пересказывать вещи, до мелочей напоминающія усобицы южно-русскихъ князей XI и XII вѣвовъ, книга Шаекка

до конца читается съ неослабѣвающимъ интересомъ и даетъ такой матеріалъ для историческаго чтенія, надъ которымъ читатель съ пользой можетъ самостоятельно поработать: ему, при нѣкоторомъ руководствѣ автора придется сдѣлать нѣкоторые выводы изъ прочитаннаго и параллельныя сопоставленія, напр., съ исторіей завоеванія Англіи норманнами, съ появленіемъ и ролью послѣднихъ въ Нормандіи или на пути „изъ варягъ въ греки“ и т. п. Читатель замѣтитъ, конечно, что авторъ очень восторженно относится къ своимъ героямъ; эта восторженность подкушаетъ настолько, что сперва совсѣмъ не шокируетъ полное отсутствіе попытки объяснить, почему жизнь сициліанскаго королевства оказалась столь быстротечною, въ чемъ коренилась основная причина его эфемерности и какъ будто случайности. Вѣдь этой эфемерности нельзя объяснить фразой: „не часто близорукость и заблужденіе людей проявляются такимъ потрясающимъ образомъ“ (стр. 319, 320, 328), и только тѣмъ, что Констанца, дочь Рожера II, стала женою „выродившагося“ Гогенштауфена Генриха VI, для характеристики „возмутительной тиранніи“ котораго Шаккъ не щадитъ мрачныхъ красокъ (стр. 334), „возмущаясь „маніей нашего времени обѣлять деспотовъ прошлаго отъ ихъ преступленій“ (стр. 345—6). Тираннія и какою бы то ни было деспотизмъ возбуждаютъ страшное негодованіе Шакка, которое онъ всѣми силами души старается передать и своему читателю: послѣдній не можетъ не оцѣнить этого благороднаго стремленія автора. Этическія точки зрѣнія у Шакка, какъ историка, въ которомъ онъ видитъ судью, раздающаго титулы великихъ и позорныхъ, добрыхъ и злыхъ,—предающаго проклятію или призывающаго благословенія потомства, проводятся въ книгѣ умѣло и изящно (срв. стр. 40, 300, 310, 321, 324, 328 и мн. др.), не приводя совсѣмъ къ тѣмъ омерзительнымъ результатамъ, къ каковымъ можетъ приводить подобная отсталая, опасная и въ общемъ нежелательная поза историка. Двѣ черты норманнскихъ викинговъ особенно увлекаютъ Шакка и настойчиво имъ подчеркиваются: это—1) ихъ вѣротерпимость въ соединеніи съ нѣкоторой гуманностью, столь изумительная для Средневѣковья, богатаго преслѣдованіями и чисто языческимъ пониманіемъ христіанства (срв. у Н. В. Сперанскаго *Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ*. М. 1896) и 2) стремленіе назначать на высшія и отвѣтственные должности не по роду и племени, а по дѣйствительнымъ дарованіямъ и заслугамъ (стр. 140 и 248; срв. стр. 46, 116, 119, 125, 132, 208, 210 и др.). „Хотя Рожеръ и его норманнны такъ же, какъ и его преемники, были вѣрующими и набожными христіанами, но они вовсе не были фанатиками. Они отличались такою терпимостью, которая въ тѣ вѣка была безпримѣрной. Они не принуждали иновѣрцевъ принимать христіанство. При завоеваніи сарацинскихъ городовъ Рожеръ старался не допустить тѣхъ успѣховъ, каковыми запытали себя въ Иерусалимѣ благочестивый Готфридъ Бульонскій и его войско“—говоритъ Шаккъ (на стр. 137), и такихъ благородныхъ цитатъ изъ его книги можно было бы привести не двѣ и не три. Стараясь внушить своему читателю, что норманскіе викинги въ Сициліи не унижались до позора насиліемъ ввѣдрять благочестіе или грубо преслѣдовать евреевъ, Шаккъ не стѣсняется подчеркнуть добрыя черты мухаммеданъ, разъ онѣ попадаются въ его матеріалѣ, равно отмѣтитъ

вѣроломство, жестокость и преступность христіанскаго міра, и даетъ нѣсколько ѣдкихъ отзывовъ о тѣхъ или другихъ прославленныхъ его предшественникахъ (ср. стр. 17, 23, 35, 54, 63, 69 и др.). Византійскіе выходы, выродившіяся Гогенштауфены, выразители всякаго рода произвола, фальшивые герои неестественныхъ приключеній,—чудесь, по старой терминологіи, фізіономіи папъ и епископовъ выливаются изъ подъ пера Шафка въ соответствующія неприкрашенной дѣйствительности формы. Эти формы раздражающе дѣйствуютъ на умъ читателя и заставляютъ его серьезно задуматься, провести параллели и порой оглянуться на нѣкоторые архаическіе остатки, уцѣлѣвшіе въ современной дѣйствительности. Въ этихъ свойствахъ сказывается внутренняя цѣнность превосходной хроникѣ Шафка, въ которой мы съ удовольствіемъ отсылаемъ читателя, рекомендуя въ заключеніе обратить вниманіе, во первыхъ, на попытку норманскихъ викинговъ обосноваться въ Византіи (ср. ихъ походы въ Африку и Палестину) и, во вторыхъ, на цѣнный для историка фактъ яркаго взаимодѣйствія въ Сициліи христіанскаго и мусульманскаго элементовъ и послѣдствій, которыя изъ подобнаго взаимодѣйствія вытекали.

В. Сторожевъ.

В. Вундтъ. Очеркъ психологіи. Перевелъ съ нѣмецкаго Г. А. Паперна. Спб. 1897. VI+220+IV стр. Цѣна 75 к. (Изданіе Ф. Павленкова).

Имя профессора Лейпцигскаго университета Вильгельма Вундта извѣстно у насъ уже давно, еще въ 60-хъ годахъ былъ сдѣланъ переводъ одного изъ первыхъ его сочиненій „Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ“. Съ тѣхъ поръ были переведены на русскій языкъ другія сочиненія Вундта: „Основанія фізіологической психологіи“, „Этика“, 2-е переработанное изданіе „Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ“ (въ которомъ Вундтъ отказался отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ воззрѣній), а теперь переведенъ и только недавно вышедшій въ оригиналъ „Очеркъ психологіи“. Въ исторіи нѣмецкой психологіи нашего вѣка Вундтъ занимаетъ чрезвычайно видное положеніе. Унаслѣдовавъ отъ Канта нѣкоторыя общія точки зрѣнія и цѣлый рядъ отдѣльныхъ ученій (въ измѣненномъ, конечно, соответствующею теперешнему состоянію науки видѣ), ставъ на сторону Гербарта въ его борьбѣ противъ теоріи способностей, Вундтъ вслѣдъ за тѣмъ же Гербартомъ, съ одной стороны, и Гельмгольцемъ, съ другой, объявилъ себя въ психологіи сторонникомъ генетическихъ воззрѣній; въ то же время онъ далъ сильнѣйшій толчокъ развитію экспериментальной психологіи и психофізики, продолжая въ этомъ направленіи работы Вебера, Фехнера, Гельмгольца и другихъ. Въ настоящее время въ Сѣв. Америкѣ, Германіи, Франціи и почти во всѣхъ другихъ государствахъ европейскаго континента, включая сюда и Россію, существуютъ лабораторіи и кабинеты для психологическихъ изслѣдованій, основанные почти исключительно учениками Вундта. Возможность болѣе точнаго самонаблюденія и контроля психологическихъ анализовъ, какую даютъ условія эксперимента, ввела новые методы изслѣдованія и выдвинула въ психологіи цѣлый рядъ новыхъ проблемъ. Это оживленіе психологіи привлекло къ ней вниманіе и сочув-

стві публіки, способствовало ея теперешней популярности; однако, оно не обошлось и без нѣкоторыхъ излишествъ и увлеченій. Точныя цифры, тысячи и десятки тысячъ опытовъ хороши тогда, когда эти опыты производятся и цифры получаютъ для подтвержденія или опроверженія хорошо исполненнаго, до конца проведеннаго анализа и построенной на его основѣ теоріи. Между тѣмъ, у нѣкоторыхъ изслѣдователей вниманіе настолько сосредоточивалось на самой техникѣ опытовъ, они такъ увлекались цифрами вообще, цифрами для цифръ, безотносительно къ ихъ значенію для научнаго анализа, такъ усиленно производили эксперименты для экспериментовъ, что сами лишили свои труды опытовъ того значенія, какое они могли бы имѣть. Впрочемъ, за послѣднее время и въ этомъ отношеніи совершается поворотъ къ лучшему. Въ этомъ смыслѣ нельзя не отмѣтить изъ числа доступныхъ для русской публики пособій: книжку Бинэ и Анри „Введеніе въ экспериментальную психологію“, статью Анри о „Современномъ состояніи экспериментальной психологіи“, помѣщенную въ № 28 (май, 1895 г.) журнала „Вопросы философіи и психологіи“, и предисловіе къ „Психологическимъ изслѣдованіямъ“ проф. Н. Ланге. Возвратимся къ книгѣ Вундта. Въ „Основаніяхъ физиологической психологіи“ мы старались, говорить Вундтъ, подчинить психологическимъ цѣлямъ вспомогательныя средства естественно-научнаго, въ особенности физиологическаго, изслѣдованія и критически изложить экспериментальную психологическую методикѣ—въ томъ видѣ, въ какомъ она развилась въ послѣднее время—съ ея важнѣйшими результатами; въ виду этой спеціальной задачи, общія психологическія точки зрѣнія въ названномъ трудѣ отступаютъ до нѣкоторой степени на задній планъ. Второе, переработанное изданіе „Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ“ ставитъ себѣ задачей познакомить въ популярной формѣ съ сущностью и цѣлями экспериментальной психологіи и рассматриваетъ съ точки зрѣнія послѣдней такіе психологическіе вопросы, которые въ то же время представляютъ общій философскій интересъ. Если такимъ образомъ исходной точкой зрѣнія „Основаній“ является отношеніе психологіи къ физиологіи, а изложеніе „Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ“ опредѣляется общими философскими интересами, то въ настоящемъ „Очеркѣ“ излагаются важнѣйшія и существеннѣйшія данныя психологіи въ томъ сочетаніи, которое свойственно ей самой, и въ той систематической группировкѣ, которая вытекаетъ изъ природы предмета“. Назначеніе этого „Очерка“—прежде всего быть краткимъ руководствомъ слушателямъ въ дополненіе къ лекціямъ. „Но въ то же время я имѣлъ въ виду, говорить Вундтъ въ предисловіи, и болѣе широкій кругъ научно-образованныхъ читателей, интересующихся психологіей отчасти ради нея самой, отчасти ради ея приложений, и хотѣлъ дать имъ систематическій обзоръ воззрѣній современной психологіи и важнѣйшихъ достигнутыхъ ею результатовъ“. Соответственно такимъ цѣлямъ, въ „Очеркѣ“ введены лишь важнѣйшіе факты и простѣйшіе описательные примѣры, выпущены критическія и полемическія замѣчанія, описанія приборовъ и опытовъ, доведено до минимума анатомио-физиологическое описаніе нервной системы и т. п. Въ такомъ сокращенномъ и упрощенномъ видѣ сочиненіе это гораздо болѣе доступно для широкой публики, чѣмъ, напр., „Основанія физиологической психологіи“. Но и при всемъ томъ,

изложение Вундта нельзя назвать нагляднымъ, стройнымъ и безукоризненно яснымъ; не говоря уже о томъ, что Вундтъ измѣняетъ свои, даже основные, взгляды между каждыми двумя большими своими сочиненіями, даже въ одной и той же работѣ одинъ и тотъ же вопросъ трагугается далеко не всегда послѣдовательно и опредѣленно. Особенно это можно сказать про лично Вундту принадлежащую теорію „апперцепціи“. Апперцепція есть, по ученію, Вундта, *первичный*, основной и потому *неразложимый* фактъ духовной жизни это—актъ воли, въ немъ и состоитъ единство нашей души. На этомъ основаніи Вундтъ выдѣляетъ теорію апперцепціи въ особую главу, ставя ее рядомъ съ такими, до послѣдней степени *простыми* духовными явленіями, какъ воспроизведеніе представленій по сходству, по смежности и т. п., поэтому-то онъ и говоритъ объ особыхъ *законахъ апперцепціи*, относительно которыхъ явленія ассоціаціи являются лишь „психо-физическими законами, составляющими предварительное условіе для дѣятельности апперцепціи“. И вотъ такой-то на что ужъ казалось бы простой, основной, опредѣленный и односмысленный фактъ начинаетъ въ изложеніи Вундта показывать цѣлый рядъ совершенно несовпадающихъ другъ съ другомъ „сторонъ“, „оттѣн-ковъ“, „проявленій“, пока, въ концѣ концовъ всѣ контуры не начнутъ сливаться. Апперцепція у Вундта означаетъ то *фиксационную точку сознанія*, т. е. тотъ фактъ, что вниманіе въ каждый данный моментъ, не одинаково сосредоточивается на всемъ переживаемомъ психическомъ содержаніи, вслѣдствіе чего одна часть этого содержанія представляется наиболѣе ясно и отчетливо; то она означаетъ способность *цѣлесообразно направлять ума* (ведущаго къ образованію *логическихъ соединеній*) и *воли*, или двигательныхъ реакцій; то, наконецъ, опять простая *чувствованія активности*, сопровождающія одну часть состояній нашего сознанія. Такая неустойчивость и противорѣчивость взглядовъ Вундта по этому вопросу доказываетъ, по нашему мнѣнію, значительную выдуманность и произвольность его „теоріи апперцепціи“; по всѣмъ признакамъ надо думать, что она не удержится въ наукѣ. Планъ „Очерка“ таковъ: послѣ „Введенія“, говорящаго о задачахъ, направленіяхъ и методахъ психологій, Вундтъ посвящаетъ отдѣлъ „психическимъ элементамъ“. Здѣсь, казалось бы, должны были найти себѣ мѣсто волевыя явленія; такъ какъ Вундтъ много разъ (даже и въ этомъ сочиненіи) объявлялъ себя „волютаристомъ“,—между тѣмъ, въ числѣ элементовъ душевной жизни *волевыя явленія нѣтъ*, и они впервые фигурируютъ, уже какъ сложные факты духа, во второмъ отдѣлѣ („психическія образованія“) Вундтъ забываетъ здѣсь, что онъ—„волютаристъ“. Этотъ отдѣлъ — „о психическихъ элементахъ“ любопытенъ еще тѣмъ, что здѣсь Вундтъ высказываетъ совершенно новые, противорѣчащіе его прежнимъ заявленіямъ взгляды на простыя „чувствованія“. Раньше эти чувствованія играли у него скромную роль; теперь они выдвинулись на первый планъ: ихъ необычайно много, такъ какъ „всякая степень ощущенія принадлежитъ одновременно нѣсколькимъ измѣреніямъ чувствованій“, и такъ какъ, дажѣ, чувствованія соотвѣтствуютъ также и всѣмъ сложнымъ продуктамъ душевной жизни. Въ виду громаднаго количества этихъ чувствованій Вундтъ отказывается даже дать ихъ классификацію и различаетъ лишь три главныхъ *направленія* ихъ: чувствованія удовольствія и неудовольствія, возбужденія и подавленности, напряженія

и расслабленія. По нашему мнѣнію, эта вновь и только что созданная теорія едва-ли не основана на недоразумѣніяхъ; входитъ въ ихъ разборъ сейчасъ мы не имѣемъ возможности. Третій отдѣлъ посвященъ „сочетаніямъ психическихъ образованій“, четвертый—„психическимъ развитіямъ“, послѣдній, пятый—„психической причинности и ея законамъ“.

Хотя взгляды Вундта, и помимо указанныхъ пунктовъ, кое-гдѣ неясны и противорѣчивы, все же изученіе его „Очерка“ можетъ быть далеко не бесполезно, но только для лицъ, уже знакомыхъ съ приемами и главнѣйшими результатами научнаго анализа въ области психологіи. Начинать знакомство съ психологіей съ Вундта, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ, это можетъ произвести нѣкоторую путаницу въ понятіяхъ. Переводъ сдѣланъ очень хорошо, за это ручалось уже самое имя г. Паперны, какъ опытнаго работника въ области философскихъ наукъ; цѣна очень дешева сравнительно съ объемомъ и внѣшностью книги.

Влад. Ивановскій.

Полланъ, Физиологія ума. Переводъ съ французскаго. Москва. 1896 г. Стр. 144. Ц. 40 к. Изд. М. В. Ключина.

Физиологіей ума Полланъ называетъ новую психологію въ отличіе отъ старой. А въ чемъ заключаются характерныя черты новой психологіи въ отличіе отъ старой? Старая психологія составляла часть философіи и занималась изученіемъ души и ея способностей, разсматриваемыхъ въ ихъ сущности и познаваемыхъ посредствомъ одного сознанія. Для старой психологіи душа была субстанціей, а ея явленія—измѣненіями субстанціи, происходящими вслѣдствіе дѣятельности душевныхъ способностей. Такимъ образомъ изученіе касалось трехъ вещей: сперва явленій, затѣмъ способностей и наконецъ души.

Новая психологія упростила это изученіе. Она отказалась отъ душевныхъ способностей, какъ чисто воображаемыхъ, призрачныхъ причинъ душевныхъ явленій; она отказалась отъ изученія души, какъ субстанціи, предоставивъ это метафизикѣ, и ограничилась изслѣдованіемъ душевныхъ явленій—ощущеній, чувствованій, идей, какъ фактовъ совсѣмъ особаго порядка, развивающихся параллельно съ физиологическими. При изученіи этихъ своеобразныхъ фактовъ новый психологъ не ограничивается наблюденіемъ состояній своего сознанія, но пользуется и наблюденіемъ надъ другими и физиолого-анатомическими данными о своемъ тѣлесномъ организмѣ. Сочиненіе Поллана и есть не что иное, какъ введеніе въ эту новую психологію или физиологію ума, это есть краткій учебникъ психологіи или подробный конспектъ по физиологіи ума.

Сначала авторъ даетъ очеркъ нервной системы (гл. 1), а потомъ дѣлаетъ обзоръ душевныхъ явленій съ статической точки зрѣнія, т. е. состава ума и тѣхъ различныхъ группъ явленій, совокупностью которыхъ онъ является. Въ этотъ отдѣлъ входитъ описаніе ума, чувствованій и воли. Затѣмъ съ динамической точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ вліянія, оказываемыя на умъ различными психическими явленіями и органами тѣла, и говоритъ о законахъ ассоціаціи идей, ощущеній и чувствъ, о памяти и о вліяніи ума на физическую дѣятельность.

Разсужденія автора кратки, конспективны. Авторъ пользуется данными преимущественно французской психологін и очень мало нѣмецкой. Въ книжкѣ совсѣмъ не упоминается объ экспериментативной психологін, ея задачахъ, методахъ и достигнутыхъ результатахъ; нѣтъ даже изложенія психофизическаго закона Фехнера. Въ этомъ отношеніи авторъ допустилъ весьма большой пробѣлъ, не отмѣтивъ весьма важнаго явленія въ области психологін. Вопросы о развитіи душевныхъ явленій въ жизни отдѣльныхъ людей и человѣчества авторъ почти тоже не касается (есть, наприимѣръ, замѣтки о развитіи нравственнаго чувства). Но то, что есть, изложено толково и сжато. Классификація автора душевныхъ явленій довольно искусственная: раздѣлять самыя душевныя явленія и ихъ связи и взаимныя вліянія довольно трудно.

Считаемо нелишнимъ отмѣтить взглядъ автора—совершенно справедливый—на волю, что воли собственно, какъ особой группы душевныхъ явленій, не существуетъ, что хотѣнія не составляютъ особой психической области. Увѣренность въ дѣйствительномъ и независимомъ существованіи воли и хотѣній есть одна изъ тѣхъ многочисленныхъ иллюзій, возможность которыхъ вытекаетъ изъ неточнаго толкованія данныхъ сознанія. Если мы будемъ разсматривать психическія явленія, предшествующія дѣйствию, называемому волевымъ, мы не найдемъ въ нихъ ничего, кромѣ элементовъ, образовъ, идей, чувствованій, которые слѣдуютъ другъ за другомъ, исчезаютъ, вновь возвращаются, укрѣпляются и обуславливаютъ поступокъ.

С. Сигеле, Преступная толпа. Опытъ коллективной психологін.

Перев. съ французскаго А. П. Аванасьева. 2-е изданіе Павленкова. Спб. 1896 г., 116 стр. Ц. 30 к.

Книжка Сигеле была издана въ первый разъ въ русскомъ переводѣ въ 1893 году; въ нынѣшнемъ году она издана во второй разъ, почти въ томъ же самомъ видѣ, съ незначительными лишь измѣненіями. За три года авторъ не надумался въ своей работѣ по такому интересному, новому и трудному предмету сдѣлать болѣе существенныя исправленія и дополненія, чѣмъ тѣ, которыя имъ сдѣланы. А между тѣмъ въ исправленіяхъ книжка очень и очень нуждается.

Свой трудъ авторъ называетъ опытомъ коллективной психологін. Между психологій, изучающей индивида, и социологій, изучающей цѣлое общество, есть мѣсто для особой части науки, которую можно назвать коллективной психологій. Эта послѣдняя имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи такія собранія индивидовъ, которыя не подчиняются ни законамъ индивидуальной психологін, ни социологическимъ законамъ, каковы судъ присяжныхъ, собранія, съѣзды, театры. По мнѣнію Спенсера, характеръ агрегата опредѣляется характеромъ единицъ, его составляющихъ. Но это положеніе примѣнимо во всей своей полнотѣ лишь въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ агрегатахъ, составленныхъ изъ однородныхъ и органически соединенныхъ между собою единицъ; оно перестаетъ быть совершенно точнымъ и можетъ быть понимаемо только въ очень узкомъ смыслѣ, когда говорится объ имѣющихъ малую однород-

ность и ничтожную органическую связь единицахъ. Наконецъ оно дѣлается совершенно ложнымъ и непрѣмимымъ, когда агрегатъ состоитъ изъ неоднородныхъ и неорганическихъ единицъ. Эти-то неоднородныя, неорганическія и кратковременныя соединенія отдѣльныхъ людей и составляютъ предметъ изученія коллективной психологіи. Между ними видное мѣсто занимаетъ толпа.

Главнѣйшая основа всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій автора о толпѣ есть мысль о ея неоднородности и неограниченности, а эта основа не вполне твердая. Кратковременныя соединенія людей совсѣмъ еще не предполагаютъ ихъ полной разнородности. Возьмемъ для примѣра театральную толпу. Развѣ въ этой толпѣ нѣтъ извѣстнаго единства и цѣльности, въ метафорическомъ смыслѣ слова, органической? Есть. Всякому извѣстно, что если въ большомъ городѣ существуетъ нѣсколько театровъ съ различнымъ репертуаромъ, то публика, посѣщающая эти театры, бываетъ весьма не одинакова. Мало по малу совершится подборъ публики согласно репертуару, актерамъ и мѣстоположенію театра, что будетъ нравиться публикѣ одного театра, то будетъ не нравиться публикѣ другого и наоборотъ. Въ каждый театръ публика будетъ являться съ извѣстными требованіями, взглядами, вкусами, съ извѣстнымъ эстетическимъ и общимъ развитіемъ. Это не разношерстная толпа, а нѣчто однородное, органически цѣлое.—Кратковременныя соединенія людей на публичныхъ лекціяхъ, съѣздахъ и собраніяхъ по различнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ также однородны. На лекціи и собранія идетъ тотъ, кто интересуется извѣстнымъ предметомъ, лекторомъ, кто имѣетъ соответствующую подготовку. Прямо съ улицы идти на такія собранія невозможно и никто не идетъ.—Даже такіе факты, какъ истязаніе ломовичемъ своей лошади, сейчасъ же производятъ подборъ въ толпѣ: одни съ удовольствіемъ смотрятъ на процедуру и совѣтуютъ побольше ударить въ такое-то чувствительное мѣсто; другіе протестуютъ; третьи безразлично и торопливо проходятъ мимо.

Собственно толпы совершенно разнородной, ничѣмъ воедино не связанной и органически не объединенной, никогда не было и никогда не будетъ. Толпа всегда собирается около чего либо, болѣе или менѣе сильно ее затрогивающаго и привлекающаго, и на то время, когда она объединена предметомъ, она одинъ человѣкъ. Поэтому всѣ выводы Сигеле о толпѣ требуютъ ограниченія и поправки, которыя во второмъ-то изданіи можно-бы дать.

Точно также грустно во второмъ изданіи читать такія, ничѣмъ не оговоренныя тирады: „люди, по словамъ Тарда, это стадо овецъ, среди которыхъ рождается подчасъ глупая овца, гений, которая одною только силою примѣра увлекаетъ за собою другихъ“ (стр. 24). Что за рѣчи, что за мысли!

Конечно, и въ этой книгѣ можно найти кой-какія правильныя мысли о свойствахъ толпы, но авторъ совершенно справедливо замѣтилъ въ предисловіи, что успѣхъ его работы зависѣлъ „главнымъ образомъ“ „отъ очень удачно выбраннаго сюжета“, а не отъ разработки этого сюжета!

П. Каптеревъ.

Комиссія по організації домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній.—Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. М. 1896. Въ 8-ю. Стр. XVI+336+1 опросный листокъ. Ц. 40 коп., съ перес. 58 коп., налож. платеж. 75 коп.

Московская комиссія по організації домашняго чтенія имѣетъ цѣлю, во первыхъ, руководить домашнимъ самообразовательнымъ чтеніемъ, преимущественно систематическимъ, при посредствѣ ежегодно издаваемыхъ ею сборниковъ программъ и письменныхъ сношеній съ читателями по изучаемымъ послѣдними вопросамъ, а во вторыхъ, устраивать публичные курсы или отдѣльныя публичныя лекціи въ провинціи. Хотя устройство публичныхъ курсовъ въ провинціи и должно было бы стоять на первомъ планѣ, однако по современнымъ условіямъ комиссія вынуждена въ этомъ случаѣ ограничиваться пока ролью чисто посредническаго характера т. е. съ одной стороны составлять списки столичныхъ и провинціальныхъ лекторовъ, темъ, ими предлагаемыхъ, также районовъ ихъ передвиженія и времени, удобнаго для чтенія, а съ другой стороны собирать свѣдѣнія о всякаго рода мѣстныхъ организаціяхъ, желающихъ устроить отъ себя публичныя лекціи, и господствующихъ интересахъ той или другой мѣстности. Въ настоящее время спросъ на публичныя лекціи въ провинціи возрастаетъ такъ сильно, что нельзя пожаловаться на малочисленность требованій на курсы со стороны провинціальныхъ организацій и недостаточность предложеній со стороны лекторовъ. Точкой соприкосновенія тѣхъ и другихъ является комиссія. Гораздо шире и популярнѣе пока является руководство домашнимъ чтеніемъ при посредствѣ программъ домашняго чтенія, издаваемыхъ ежегодно въ формѣ систематическихъ курсовъ. И здѣсь комиссія вынуждена до времени суживать свою дѣятельность, останавливаясь на типѣ программъ большею частью соответствующихъ программамъ высшей школы и предназначенныхъ для лицъ, желающихъ серьезно и основательно познакомиться съ тѣмъ или другимъ научнымъ отдѣломъ, каждая изъ программъ, составленныхъ комиссіей, имѣетъ въ виду тотъ необходимый минимумъ познаній, безъ котораго немислимо овладѣть соответствующимъ отдѣломъ сколько нибудь толково. Комиссія начала съ оказанія помощи провинціальной аристократіи, если можно такъ выразиться; масса провинціальныхъ читателей, для которыхъ систематическіе курсы университетскаго образца и не подъ силу, и мало практичны по отсутствію въ нихъ педагогической перспективы и непосредственнаго приближенія къ текущей дѣйствительности, остается пока въ томительномъ ожиданіи. „Отказываясь отъ общеобразовательнаго курса, пишетъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, комиссія ео ірво отказывается отъ 9 изъ 10 читателей, которые при иной постановкѣ дѣла могли бы пользоваться услугами комиссіи, или по крайней мѣрѣ ставить въ затруднительное положеніе любознательнаго, но не вполне подготовленнаго читателя (а такихъ, кажется, у насъ не мало). Я думаю, что изъ 7 курсовъ, предложенныхъ комиссіей, выбрать и дать предпочтеніе одному какому нибудь мудрено для неподготовленнаго человѣка, такъ какъ такой

человѣкъ интересуется наукою вообще, у него нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о выборѣ специальномъ“. Приведенный сейчасъ взглядъ стоитъ не одиноко, можно было бы набрать не одинъ десятокъ болѣе картинныхъ его выраженій, и комиссія съ самаго же начала поставила вопросъ объ энциклопедическихъ (общеобразовательныхъ) программахъ; если же осуществленіе послѣднихъ отложено, то въ силу непреодолимыхъ практическихъ затрудненій: гдѣ у насъ руководства, которыя можно было бы класть въ основу такихъ программъ, гдѣ у насъ научно-популярная литература, приспособленная для очень невысокаго уровня развитія? Начиная прямо съ энциклопедическихъ программъ, комиссія рисковала попасть въ то странное нѣсколько положеніе, въ какомъ очутились *Программы чтенія для самообразованія*, изданныя „особымъ отдѣломъ комитета педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“ въ первомъ выпускѣ *Сборника для содѣйствія самообразованію* (Спб. 1895. 8-го. XVI+154. Ц. 40 коп.). Правда, за послѣднее время игра въ самообразованіе стала азартной, нарождается и научно-популярная литература, но тутъ большую роль играютъ не демократизація знаній, не пропаганда научныхъ идей, а просто апшегиты ловкаго издательства. Доходить до того, что неразборчивые издатели просто дискредитируютъ эту литературу въ глазахъ публики и послѣдняя теряетъ вѣру въ нашихъ популяризаторовъ знаній. Такимъ орудіемъ для дискредитированія идеи демократизаціи знаній отчасти служатъ, на примѣръ, *Общепользная бібліотека для самообразованія*, издаваемая М. В. Ключкинымъ. Составить программу энциклопедическаго характера не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ выработать систематическіе курсы университетскаго типа; этого не должна забывать ни критика, ни публика. Выработка одной программы общеобразовательнаго чтенія по всѣмъ отраслямъ знанія должна стоять и стоять у комиссіи на очереди: вѣдь нужно умышленно закрыть глаза, чтобъ не видать, что нынѣшній провинціальный читатель, поглощенный практической дѣятельностью, очень хлопочетъ о выработкѣ „опредѣленнаго, устойчиваго міросозерцанія и сознательнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности“. Эти слова въ кавычкахъ—не выраженіе пишущаго настоящій отзывъ, а подлинныя слова, заимствованныя изъ многочисленныхъ писемъ провинціальныхъ корреспондентовъ комиссіи. Итакъ, сознавая всю настоятельную необходимость энциклопедическихъ программъ, комиссія дѣлаетъ, что можетъ, при данномъ состояніи литературы и данномъ составѣ ея сотрудниковъ,—вотъ почему второй томъ сборника программъ продолжаетъ политику первой, вводя лишь частичныя облегченія присоединеніемъ концентрической программы по исторіи русской литературы, общеобразовательной по математикѣ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей. Въ *первую* часть вошли программы систематическаго чтенія по слѣдующимъ семи отдѣламъ наукъ: 1) математическимъ (двѣ программы—общеобразовательная и болѣе обширная специальная), 2) физико-химическимъ, 3) біологическимъ, 4) философскимъ (двѣ параллельныхъ программы—метафизическая и противоположнаго направленія), 5) общественно-юридическимъ, 6) историческимъ и 7) по исторіи литературы (по исторіи русской литературы двѣ концентрическихъ программы, причѣмъ вторая является простымъ обращеніемъ первой). *Вторая* часть сборника посвящена программамъ по отдѣльнымъ наукамъ, каждая изъ которыхъ

не может составить дѣлаго отдѣла, но не умѣщается также и въ рамкахъ отдѣльныхъ вопросовъ или темъ: здѣсь напечатана программа по этнографіи, которая скорѣе свидѣтельствуетъ объ учености ея авторовъ, чѣмъ о ихъ желаніи сообразаться съ потребностями, уровнемъ и запросами читателей. Наконецъ, *третья* часть сборника занята программами для чтенія по отдѣльнымъ вопросамъ; въ сборникѣ находимъ всего лишь двѣ темы и обѣ по біологіи, ибо коммиссія съ одной стороны устремляетъ главное вниманіе на составленіе систематическихъ программъ, а съ другой стороны имѣла въ виду программы для чтенія по отдѣльнымъ вопросамъ, напечатанныя въ третьемъ изданіи *Программъ домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса* (М. 1895. Ц. 25 коп.), которое уже выходитъ изъ продажи. Слѣдуетъ при этомъ не забывать, что коммиссія предлагаетъ своимъ читателямъ самимъ ставить отдѣльные вопросы, для нихъ интересные, и препроводять ихъ въ коммиссію для составленія къ нимъ программъ и напечатанія послѣднихъ въ слѣдующемъ сборникѣ на третій годъ систематическаго курса, теперь подготовляемомъ къ печати. Мы не станемъ дѣлать спеціальной оцѣнки программъ по отдѣламъ, что доступно лишь усиліямъ различныхъ спеціалистовъ и не въ бѣгломъ отзывѣ, а отдѣльныхъ статьяхъ; формулируемъ только общее впечатлѣніе, которое выноситъ читатель послѣ тщательнаго просмотра всего состава сборниковъ коммиссіи. Эти сборники представляютъ собою замѣчательную у насъ попытку коллективной ученой работы не въ интересахъ кабинета и академическихъ бібліотечныхъ полокъ, а въ интересахъ читающей публики. Коммиссія взяла верхи этой по преимуществу провинціальной публики и составила для нихъ программы очень высокихъ по своимъ требованіямъ систематическихъ курсовъ; если смотрѣть на коммиссію, какъ на учрежденіе, замѣняющее нескладные курсы и программы нашихъ университетовъ, которые давно перестали давать своимъ питомцамъ общее образованіе, то возражать придется только противъ философской программы г. Грота которую надо признать совершенно неудовлетворительной. Въ общемъ же научная эрудиція авторовъ программъ, равно способность и желаніе работать въ смыслѣ распространенія знаній остаются внѣ всякаго сомнѣнія. Побольше опыта, поменьше привычки къ кабинетности—и программы выиграютъ въ своей доступности, даже сохраняя свой высокой уровень. Особенно блестящей показалась намъ программа по исторіи, довольно сложная сама по себѣ, но очень бѣдная по своей литературной обстановкѣ; но, во нечю, нельзя же въ самомъ дѣлѣ разорваться и одновременно съ составленіемъ программы создавать научно-популярную литературу, которой у насъ нѣтъ благодаря постыдному пренебреженію большинства нашихъ профессиональныхъ ученыхъ къ запросамъ и нуждамъ читателя изъ народа. Быть можетъ это объясняется особыми свойствами русской учености, на три четверти дутой. Недавно *Русскія Вѣдомости* (№ 305) открыли одинъ изъ такихъ перловъ русской учености въ лицѣ г. Самозвасова, только что издавашаго два выпуска *Изслѣдованій по исторіи русскаго права*; оказалось, что почтенный авторъ въ руководство студентамъ-юристамъ перепечаталъ старый курсъ, осужденный, какъ выражается газета, юридической критикой болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, при чемъ скрылъ фактъ простой перепечатки. Если покопаться въ нашей ученой литературѣ, то подобныхъ указанному

найдется достаточно ученыхъ, которыхъ макулатуру комиссія не можетъ ввести въ кругъ пособій, ея рекомендуемыхъ. Вся надежда комисіи опирается здѣсь на молодыхъ русскихъ ученыхъ, которые самоотверженно и смѣло отворили двери своихъ кабинетовъ и вышли на улицу, смѣшались съ толпой и начинаютъ чутъ въ ней законный позывъ къ наукѣ, къ знанію, какъ основѣ всего жизненнаго строя, начинаютъ видѣть въ непросвѣщенной черни своего младшаго, горячо любимаго брата, которому пора наконецъ помочь свѣтомъ истины, а не розгой, этимъ излюбленнымъ орудіемъ древне-русскаго педагога и опекуна. Но программы—еще не все, вмѣстѣ со всѣми ихъ библиографическими указателями. Кто не знаетъ всей трудности доставать книги въ медвѣжьихъ углахъ нашей провинціи? „Правила для сношеній читателей съ комиссіей“, напечатанныя въ разбираемомъ сборникѣ, пытаются разрѣшить этотъ книжный вопросъ и, какъ намъ кажется, довольно удачно. Особенной цѣнной надо признать мысль объ организаціи въ провинціи подвижныхъ „подборовъ“ книгъ, рекомендуемыхъ комиссіей: подвижному университету всего естественнѣе оперировать подвижными „подборами“ книгъ, которые къ тому же могутъ концентрировать читателей въ группы, ибо изученіе цѣлага ряда научныхъ вопросовъ всего цѣлесообразнѣе при постоянномъ живомъ обмѣнѣ мыслей и обсужденіи читаемаго. Мы не будемъ выражать пожеланій услугамъ комисіи: они ей обезпечены, ея работа имѣетъ уже свои научные результаты,—и теперь совсѣмъ не въ томъ дѣло. Надо пожелать, чтобъ комиссія расширила свою дѣятельность въ смыслѣ большей демократизаціи программъ, большей ихъ доступности общественнымъ низамъ; желательно, чтобъ комиссія болѣе или менѣе скоро и настойчиво разрѣшила вопросъ объ изданіи дешевыхъ энциклопедическихъ программъ. Провинція ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ, и это объясняется зарождающимся умственнымъ оживленіемъ послѣдней. Комиссія совершитъ величайшую непростительную ошибку, если не пойдетъ на встрѣчу этому оживленію, за которымъ съ любопытствомъ слѣдитъ русская интеллигенція. При Николаѣ I, говоривъ одинъ изъ современныхъ русскихъ профессоровъ, изъ круговъ гвардейскаго дворянства общественное движеніе черезъ университетъ перешло въ круги разночинцевъ. Одновременно съ этимъ оно начало проникать изъ столицъ въ провинцію. Воспринявъ новое движеніе, наша провинція получила своеобразную роль въ исторіи нашихъ общественныхъ движеній. Въ провинціи это движеніе постоянно хранилось въ самыхъ центрахъ, вызвавшихъ движеніе. Провинція же въ благоприятныя минуты послала своихъ лучшихъ дѣтей для продолженія движеній въ столицахъ. Этотъ вѣчно полный резервуаръ общественныхъ чувствъ не давалъ со времени Николая I вполнѣ изсякать общественной жизни въ культурныхъ центрахъ; онъ такимъ образомъ восполнялъ отчасти изъ своего запаса то, чего недоставало русскому общественному мнѣнію въ органичности его развитія. Послѣдніе годы свидѣтельствуютъ о новомъ фактѣ подобнаго же рода. Провинція растетъ, растетъ на нашихъ глазахъ; не трудно предвидѣть, что наступитъ то время, когда она заживетъ самостоятельной духовной жизнью“. Это мнѣніе столичнаго профессора вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности. Провинція начинаетъ питаться серьезными книгами, составлять кружки для совѣстнаго чтенія и обсужденія науч-

ныхъ вопросовъ, вполне сознавая все жизненное значеніе науки. Если провинція вдругъ не броситъ науки, то она заживетъ самостоятельною жизнью: это извѣстно и ей самой. Словамъ столичнаго профессора любопытно противопоставить мнѣніе того или иного провинціального дѣльца. Вотъ на выдержку слова народнаго учителя изъ крестьянъ, сперва бывшаго въ сельской школѣ, а потомъ попавшаго учителемъ въ губернской городъ. „Теперь, пишетъ учитель, меня тянетъ изъ города назадъ въ село, въ школу. Но я хотѣлъ бы явиться туда съ возможно большимъ умственнымъ запасомъ, чтобы помочь своимъ сотоварищамъ учителямъ тѣснѣе сплотиться и облегчить самимъ себѣ путь къ самообразованію и самостоятельной дѣятельности среди современнаго уѣзднаго и деревенскаго уже просыпающагося заолустья, гдѣ при достаточной энергіи и выдержкѣ скоро будутъ возможны школы внѣ рутинной программы. Но для этого нужно, чтобы въ этомъ заолустѣ проснулася самодѣятельность, а самодѣятельность можно возбудить, возбудивъ жажду къ самообразованію; къ самообразованію же можно успѣшнѣе людей подвигнуть, когда располагаешь не одними прекрасными словами, а дѣйствительнымъ знаніемъ легчайшихъ дорогъ и указаніемъ ближайшихъ цѣлей (далекія цѣли не всѣмъ доступны)“. Это сопоставленіе мнѣній столичнаго профессора и народнаго учителя служитъ прекрасной иллюстраціей къ тому, какъ слѣдуетъ развиваться дѣятельности московской комиссіи по организациіи домашняго чтенія, если послѣдняя хочетъ вести дѣйствительно живое дѣло, а не удовлетворять лишь жаждѣ немногихъ аристократическихъ любителей знанія, какъ такового. „*Къ провинціи*, читаемъ въ предисловіи, по преимуществу и обращается комиссія съ предложеніемъ своей помощи“. Если такъ, то на первомъ планѣ должны стоять публичные курсы и лекціи т. е. подвижной народный университетъ, на второмъ распространеніе энциклопедическихъ программъ домашняго чтенія на ряду съ цѣлою сѣтью подвижныхъ библиотекъ и уже только на третьемъ мѣстѣ изданіе программъ домашняго чтенія по отдѣльнымъ наукамъ и въ широкомъ масштабѣ. Все это намѣчено въ первоначальныхъ предположеніяхъ комиссіи, все это рано или поздно должно осуществиться, сдѣлаться необходимымъ нервомъ нашей общестственности,—комиссіи *) слѣдуетъ лишь бодро и смѣло глядѣть въ глаза будущему и упорно идти по разъ намѣченному пути, какъ бы онъ ни былъ преграждаемъ неожиданными препятствіями: на ея сторонѣ будущее, на ея сторонѣ горячее сочувствіе культурной Россіи.

С. В. Николаевъ.

---

*) 1 марта 1897 г. истекаетъ четыре года со времени открытія работъ комиссіи; къ тому времени мы постараемся представить краткій очеркъ ея дѣятельности.

„Соціологія по даннимъ этнографіи“. Д-ра Шарля Летурно.
Пер. съ послѣдняго французскаго изданія подъ редакціей и съ
предисловіемъ проф. А. Трачевскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896.
Ц. 1 р. 50 к.

За послѣдніе годы въ нашей читающей публикѣ все болѣе и болѣе обозначается стремленіе къ изученію исторіи съ точки зрѣнія теоріи эволюціи. Это движеніе ведетъ свое начало со времени появленія въ нашей печати первыхъ трудовъ Дарвина и Спенсера и различныхъ популярныхъ толкованій ихъ; оно поддерживалось въ семидесятыхъ годахъ различными изданіями Тэйлора, Леббова, Мэна и др. и трудами русскихъ ученыхъ юристовъ по сравнительному правовѣдѣнію и обществовѣдѣнію. Въ настоящее время запросы на подобное изложеніе исторіи слышатся въ болѣе широкомъ кругѣ читателей, и для удовлетворенія этихъ запросовъ сочиненія по исторіи культуры, исторіи общественныхъ и семейныхъ отношеній и т. п. быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Изъ числа этихъ темъ, исторія развитія общества вызываетъ особенный интересъ, и сочиненія по соціологіи находятъ для себя наибольшее число читателей.

Это умственное направленіе является въ нашихъ глазахъ вполне понятнымъ, какъ результатъ воздѣйствія самыхъ плодотворныхъ идей нашего вѣка, и оно не можетъ не радовать насъ. Оно свидѣтельствуетъ о возрастающей зрѣлости его, объ ясности его взглядовъ, объ опредѣленности пути, по которому оно идетъ, не смотря на многія попытки отклонить его съ этого пути. Но эта ясно выразившаяся потребность въ чтеніи извѣстнаго рода тѣмъ болѣе налагаетъ серьезную отвѣтственность на издателей, посвящающихъ себя распространенію подобныхъ сочиненій въ публикѣ. Стремленіе къ самообразованію, къ освѣженію и пополненію знаній, вынесенныхъ изъ школы, замѣчается теперь въ небывалой до сихъ поръ степени. На него отозвались и программы систематическаго чтенія, и цѣлый рядъ переводныхъ сочиненій кружка московскихъ ученыхъ, издающихъ руководства англійскаго Общества распространенія университетскихъ знаній (University extension) и переводныя сочиненія другихъ издателей. Между этими издателями на первомъ мѣстѣ стоитъ г. Павленковъ, который много содѣйствуетъ распространенію полезныхъ книгъ, удовлетворяющихъ „жажду знанія“ въ нашемъ обществѣ. Однако, именно, въ виду этой жажды, серьезный издатель, желающій удовлетворить ее, долженъ быть особенно осмотрителенъ въ выборѣ книгъ, предлагаемыхъ имъ публикѣ. И среди европейскихъ извѣстностей есть не мало писателей хорошо образованныхъ, бойкихъ и талантливыхъ, но сочиненіями ихъ можно пользоваться только съ величайшею осторожностью и со многими оговорками. Къ числу такихъ писателей принадлежитъ между прочими и профессоръ Антропологической школы въ Парижѣ Летурно.

Его никто не назоветъ ни мало знающимъ, ни бездарнымъ. Онъ собралъ и систематизировалъ много цѣннаго научнаго матерьяла и высказалъ много остроумныхъ соображеній, которыя отводятъ ему замѣтное мѣсто въ наукѣ. Нѣмецкій ученый Ахелисъ, издавшій недавно большую книгу подъ названіемъ „Новѣйшее народовѣдѣніе, его развитіе и задачи“,

не могъ не посвятить Летурно особую главу, въ которой перечисляетъ его мнѣнія, заслуживающія вниманія этнографовъ. И тѣмъ не менѣе, многочисленныя сочиненія Летурно, изъ которыхъ многія уже переведены у насъ, едва ли пригодны для того, чтобы наша публика могла пользоваться ими въ ихъ непосредственномъ видѣ. Безъ критическаго отношенія къ нимъ они могутъ, многому научая, въ то же время во многомъ сбивать читателя. Яснѣе всего мы можемъ въ этомъ убѣдиться изъ „Соціологіи по даннымъ этнографіи“.

Русскій читатель прежде всего нуждается въ точномъ опредѣленіи самаго слова „соціологія“. Чтобы понять, что и какъ изучается въ этой области знанія, недостаточно усвоить греческо-латинскую этимологію этого слова и узнать, что оно значитъ „наука объ обществѣ“. Теперь и историки, и юристы, и экономисты, и специалисты по исторіи философіи называютъ свои труды „соціологическими“. Этотъ терминъ прилагается довольно безразлично ко всевозможнымъ изслѣдованіямъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ отношеній. Недаромъ переводчикъ говоритъ, въ своемъ предисловіи, что „соціологія все сильнѣе привлекаетъ къ себѣ, ученыхъ разныхъ профессій—антропологовъ, этнографовъ, натуралистовъ, археологовъ, миеологовъ, правовѣдовъ, лингвистовъ, экономистовъ и даже инженеровъ“ (X). „Но“ тутъ же прибавляетъ онъ, „люди чуждыхъ областей, люди всякихъ специальностей, кромѣ самихъ историковъ, воспроизводятъ увлеченіе древнихъ натуръ-философовъ: тутъ у біолога все дѣло въ клѣткѣ организма, у географа—въ градусахъ широты, у инженера—въ путяхъ сообщенія и т. д.

Изъ этихъ словъ проф. Трачевскаго, заимствуемыхъ имъ изъ его вступительной лекціи, прочитанной въ 1891 г. въ здѣшнемъ университетѣ, повидимому, слѣдуетъ заключить, что соціологію онъ считаетъ въ исключительномъ вѣдѣніи историковъ. Хотя онъ и говоритъ выше (на той же стр.), что „соціологія въ значительной степени обязана этнографіи тѣмъ, что становится теперь полноправной наукой“, но тѣмъ не менѣе, антропологовъ и этнографовъ, занимающихся соціологіей, онъ ставитъ въ одинъ рядъ съ миеологами, лингвистами и „даже инженерами“, т. е. представителями совершенно иной специальности, вторгающимися въ чуждую имъ область. Онъ не беретъ, однако, на себя опредѣленія соціологіи, съ своей исторической точки зрѣнія, и, повидимому, признаетъ это опредѣленіе невозможнымъ въ настоящее время, такъ какъ присоединяется къ мнѣнію Летурно, который высказываетъ, что „у насъ есть только названіе (да и то уродливое), но нѣтъ обозначаемаго имъ предмета“. Уже этотъ не совсѣмъ точный переводъ фразы „nous avons le mot sans la chose“, можетъ повести къ недоразумѣнію, такъ какъ Летурно имѣетъ въ виду соціологію какъ точную науку, а не какъ предметъ для изученія, которому онъ посвящаетъ цѣлую книгу; это недоразумѣніе еще возрастаетъ, когда г. Трачевскій, въ качествѣ соціолога, высказывается покровительственно по отношенію къ этнографіи. Признавая, что ни одна помощь со стороны не оказалась столь плодотворною для соціолога, какъ рука, протянутая ему этнографомъ, онъ признаетъ, что „этнографія, въ послѣднее поколѣніе, стала вдругъ, изъ ничего, крайне привлекательною и всѣмъ нужною наукой“. Этотъ счастливый оборотъ въ судьбѣ этнографіи авторъ „предисловія къ рус-

«свому издапію» приписываетъ «соціологическому движенію»; другими словами, онъ считаетъ этнографію дочерью соціологіи, и, видя, что первая оказываетъ помощь послѣдней, называетъ этнографію «Антигоной, питающей собственной грудью свою мать (соціологію)» (XII). Какъ первое положеніе о посторонней помощи, оказываемой этнографіей соціологіи, такъ и второе о нисходящемъ родствѣ первой по отношенію къ послѣдней, совершенно невѣрны. Если бы авторъ русскаго предисловія заглянулъ въ исторію антропологіи, онъ узналъ бы, что уже въ тридцатыхъ годахъ въ Парижѣ существовало Этнологическое общество, между тѣмъ какъ самое слово «соціологія» было придумано Контомъ въ томъ же городѣ гораздо позднѣе. Еще въ 1829 г. Вильямъ Эдвардсъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Амедею Тьери изложилъ основныя идеи этнологіи, и онъ самъ, и его послѣдователи, сгруппировавшіеся около него, занимались этнологіей, тогда какъ о соціологіи еще не было и рѣчи. Поэтому, соціологія, какъ наука, появившись на свѣтъ послѣ этнологіи или общей этнографіи никакъ не могла быть ея матерью. Точно также и «соціологическое движеніе», о которомъ говоритъ профессоръ, было не столько самостоятельнымъ, сколько вызваннымъ успѣхами антропологическихъ наукъ, начиная съ конца пятидесятыхъ годовъ. Не совсемъ правильно понимаетъ г. Трачевскій и «помощь», оказываемую «со стороны» этнографіей соціологіи. Эта помощь не столько же посторонняя, на сколько посторонней можно назвать поддержку, оказываемую дому его фундаментомъ. Выборъ Летурно, который по выраженію профессора «отмечивалъ себѣ только одну часть соціологіи—этнографическую», можно назвать не только «счастливымъ», но и единственно возможнымъ, такъ какъ соціологія есть не что иное, какъ часть антропологіи, изучающая человѣка, какъ коллективный организмъ. Никто не будетъ оспаривать, что всѣ некультурныя части человѣчества находятся, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ положеніи науки, въ исключительномъ вѣдѣніи антропологіи. Относясь къ соціологіи съ точки зрѣнія эволюціи, всѣ корни ея мы находимъ не иначе какъ въ первобытныхъ стадіяхъ развитія человѣчества, т. е. въ антропологической почвѣ. Правда, верхнія вѣтви этого дерева съ болѣе сложнымъ строеніемъ могутъ разрастаться только въ культурной атмосферѣ, но и въ этой сложности они сохраняютъ элементы болѣе простыхъ, первоначальныхъ побѣговъ. Поэтому этнографія, какъ часть антропологіи, изучающая обособленныя группы человѣчества, должна неизбѣжно являться основой науки о развитіи общества и различныхъ формахъ человѣческаго общежитія. Безъ сомнѣнія, исторія вѣдающая культурныя части человѣчества, должна была бы въ равной мѣрѣ служить опорой соціологіи, но если мы слышимъ изъ устъ историка, что «историки еще не въ силахъ оказать ей требуемую услугу», такъ какъ «они заняты своимъ гнетущимъ дѣломъ—дѣломъ черно-рабочаго, собирателя и очистителя стронительныхъ матерьяловъ» и до сихъ поръ еще «селоняются къ ветхимъ метафизическимъ терминамъ, какъ «философія исторіи, личность, субъективизмъ» и проч. (XIII), то соціологъ пока только и можетъ быть антропологомъ. Г. Трачевскій соглашается съ этимъ положеніемъ вещей, говоря: «итакъ остается повуда одна этнографія» и даже приговариваетъ: «и слава Богу», полагая, что «этнографія, усилившая пока преимущественно первобытность, составляетъ именно не-

обходимое, во всякомъ случаѣ, преддверіе будущаго дворца социологін“. Если бы въ этомъ заключеніи „преддверіе“, замѣнить словомъ „основаніе“, тогда намъ не о чемъ было бы спорить съ г. Трачевскимъ.

Дѣлая ему нѣкоторыя возраженія по поводу взгляда его на отношенія этнографіи къ социологін, мы ратуемъ не за іерархическое мѣсто первой относительно послѣдней, а хотимъ поставить на видъ методъ и содержаніе социологін, какіе видимъ въ ней въ настоящее время. Мы не находимъ никакого основанія называть ея состояніе «безпомощнымъ», имѣющимъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока исторіи окончатъ собраніе и очистку строительныхъ матерьяловъ и откажутся отъ «фаетопоклонства» и «мыслебоязни». Антропологи работаютъ дружно и послѣдовательно, изъ ихъ работъ вытекаютъ уже многія весьма важныя обобщенія, и имъ удалось бросить на отдаленное прошлое человѣчества свѣтъ, какимъ никогда еще не освѣщали его исторіи.

Матеріаль, собранный ими такъ великъ, что онъ подавляетъ автора разбираемой нами книги. Онъ засыпаетъ имъ читателя и не вездѣ удачно справляется съ нимъ. Увлекаясь интересомъ, какой онъ представляетъ, авторъ касается такихъ сторонъ жизни человѣчества, какія имѣютъ только косвенное отношеніе къ наукѣ объ обществѣ, какъ напр., пища, искусство, религія, міеологія, умственное развитіе, промышленность, языкъ, счисленіе времени и т. д. Такимъ образомъ, онъ слишкомъ широко раздвигаетъ рамки социологін и даетъ въ сущности, не трактатъ по этой отрасли знанія, а исторію культуры, какъ она излагается теперь. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить его книгу съ «Исторіей культуры» Липперта, гдѣ мы найдемъ тѣ же главные отдѣлы.

Книга Летурно, впрочемъ, далеко не новая: она вышла первымъ изданіемъ въ 1880 г., и планъ ея, и главные выводы въ послѣднемъ изданіи остались безъ измѣненія. Изъ сравненія въ обоихъ изданіяхъ его заключеній, въ которыхъ онъ резюмируетъ свои взгляды по тому или другому отдѣлу предмета, можно даже предположить, что послѣднее изданіе—не болѣе, какъ простая перепечатка перваго. Зная это, читатель, уже знакомый съ крупными и мелкими работами, появлявшимися на русскомъ языкѣ въ предыдущее и послѣднее десятилѣтіе по исторіи брака, семьи, общественныхъ группъ, собственности и т. п., не долженъ искать у Летурно чего либо новаго. Со времени появленія этой книги, взгляды на процессъ и формы развитія указанныхъ сторонъ жизни общества значительно разъяснились и пополнились, и въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь извѣстно, въ особенности, по эволюціи семьи и общины, книга Летурно является достаточно отсталой. За нею остается, правда, богатство собранныхъ въ ней фактовъ, но и ими можно пользоваться лишь съ извѣстнымъ критическимъ отношеніемъ къ дѣлу, такъ какъ они не во всѣхъ случаяхъ распределены и освѣщены сообразно нынѣшнимъ требованіямъ науки. Извѣстно, что нѣтъ болѣе обоюдоостраго оружія, какъ этнографическіе факты: при извѣстномъ подборѣ ихъ, можно доказать или подтвердить любой тезисъ. Можно доказать съ видимою неоспоримостью, что человѣкъ на первыхъ ступеняхъ развитія—не что иное, какъ злое, хитрое животное, и съ такимъ же успѣхомъ можно выставить его въ этомъ періодѣ невиннымъ ребенкомъ, не различающимъ еще добра отъ зла, но естественно склоняющимся къ первому.

Можно показать съ неопровержимой ясностью, что и мужчины, не говоря уже о женщинахъ и дѣтяхъ, всего болѣе порабощены въ это время, но не трудно изобразить ихъ и болѣе свободными въ сравненіи съ культурнымъ человѣкомъ. И общую картину первобытнаго состоянія, подбирая факты такъ или иначе, можно нарисовать или въ видѣ мрачной кровавой драмы или въ видѣ свѣтлой идилліи. Нашъ авторъ нерѣдко впадаетъ въ ту или другую крайность, руководясь часто личными воззрѣніями на дѣло. Развитие этнологіи, какъ науки, именно и заключается въ томъ, что она сопоставляетъ, провѣряетъ и примиряетъ взгляды отдѣльныхъ ученыхъ. У Летурно такой критической научной работы мы не видимъ: книга его остается выраженіемъ однихъ его личныхъ воззрѣній. Изъ нихъ вниманіемъ науки пользуются всего болѣе взгляды на взаимныя отношенія расы и среды, на общественное значеніе татуировки и украшеній, на социальный характеръ миѣческихъ представленій, на первыя ступени нравственности и т. д. Съ другой стороны, какъ мы упоминали, взгляды его на развитие семейныхъ и общественныхъ формъ являются или недостаточно обоснованными или устарѣлыми. Въ виду того, книга Летурно, какъ весьма богатая фактами и многими талантливыми и остроумными соображеніями, можетъ быть прочитана съ интересомъ и съ пользой читателями, уже знакомыми съ предметомъ, умѣющими отличить въ ней принятое наукой отъ отвергнутаго, рискованное отъ достовѣрнаго. Начинать же знакомство съ социологіей по книгѣ Летурно мы бы не совѣтывали: она можетъ сбить читателя, который еще не въ силахъ критически относиться къ ней, запечатлѣвъ въ его умѣ такую картину развитія человѣчества, которая далеко не во всѣхъ частяхъ соответствуетъ современнымъ представленіямъ науки. Для того, чтобы книга эта была полезна для такого читателя, ее слѣдовало бы снабдить многими примѣчаніями и разъясненіями.

Говорить о внѣшнемъ и внутреннемъ достоинствѣ русскаго изданія мы считаемъ излишнимъ въ виду почтенныхъ именъ издателя и переводчика. Хотя послѣдній не принадлежитъ къ специалистамъ по этнографіи, но мы, кромѣ литературныхъ качествъ его перевода, съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить и правильное чтеніе этнографическихъ именъ, которыя, по большей части, жестоко искажаются переводчиками. Мы не можемъ только признать удачнымъ русскую передачу термина «расы» словомъ «порода», которое нѣсколько странно звучитъ въ связи съ опредѣленіемъ «человѣческая». Слово «раса» у насъ настолько уже вошло въ употребленіе, что замѣнять его въ научныхъ сочиненіяхъ мы не видимъ никакой надобности.

Д. Корочевскій.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Дѣтскія сказки. Разказалъ. В. П. Авенаріусъ. Съ рисунками Н. Н. Каразина и др. Изданіе третье, книжнаго магазина П. В. Луковникова. Спб. 1896 г. Стр. 216. Ц. 1 р. 25 к.

Почти всѣ сказки, вошедшія въ составъ этой книги, были въ свое время помѣщаемы въ различныхъ дѣтскихъ журналахъ или выходили въ

свѣтъ отдѣльными изданіями и всегда встрѣчали симпатію и интересъ со стороны маленькихъ читателей, которые въ большинствѣ случаевъ очень любятъ сказки и въ особенности такія, гдѣ нѣтъ докучливой морали, гдѣ все такъ живо и доступно и въ то же время нѣтъ никакого подлаживанія подъ ихъ тонъ и понятія. Это-то умѣнье говорить съ малышами, какъ съ взрослыми мы и ставимъ въ особое достоинство автору, имя котораго занимаетъ видное мѣсто среди лучшихъ дѣтскихъ писателей.

Дѣтскія сказки состоятъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) *Оригинальныя сказки*, а именно: „Сказка о Муравьѣ-богатырѣ“, „Сказка о пчелѣ Мохнатѣѣ“ и „Что комната говоритъ“. 2) *Пересказы русскіихъ простонародныхъ сказокъ*, между которыми мы особенно отмѣтимъ „Молодильныя яблоки“, „Горе“ и „Жучекъ знахарь“ и 3) *Пересказы иностранныхъ сказокъ*, отличающихся удачнымъ выборомъ и, какъ и сказки втораго отдѣла изложенныхъ частью стихами, частью прозой. Но лучшимъ отдѣломъ надо признать „Оригинальныя сказки“.

Книга снабжена хорошенькими гравюрами и виньетками, издана очень аккуратно и изящно и можетъ послужить очень хорошимъ подаркомъ къ предстоящимъ праздникамъ.

„Дюжинка“. XII пьесокъ для дѣтскаго театра. В. Р. Ш. Спб. 1896 г.
204 стр. Ц. 1 р.

„Такъ какъ спросъ на пьески для дѣтскаго театра увеличивается, то я рѣшилъ пополнить первое изданіе (оно вышло въ 1889 году и состояло изъ трехъ пьесокъ) и написалъ еще девять пьесокъ“ — такъ говоритъ въ своемъ предисловіи авторъ „Дюжинки“. Мы льстимъ себя надеждою, что авторъ ошибся въ своемъ предположеніи, и что спросъ на пьески для дѣтскаго театра не только не увеличился, но уменьшился и будетъ уменьшаться съ каждыиъ днемъ. Надо думать, что взгляды какъ на литературу, такъ и на воспитаніе становятся все шире и осмысленнѣе. Всѣ старанія направлены на то, чтобы развить въ молодомъ поколѣннн хорошія, добрыя стремленія, и, по мѣрѣ силъ, искоренить въ немъ дурныя качества и наклонности. Къ которой же изъ этихъ цѣлей ведетъ „дѣтскій театр“? Да ни къ одной. Кромѣ кривлянія на сценѣ, желанія отличиться, порисоваться, превзойти товарищей, польстить своему мелкому самолюбію и тщеславію онъ ничего не вызоветъ въ душѣ дѣтей, неспособныхъ еще играть изъ одной любви къ драматическому искусству. Но со всѣмъ этимъ еще можно было бы помириться, если бы предлагаемыя пьесы могли дѣйствительно способствовать къ развитію въ дѣтяхъ эстетическаго вкуса, произвести на нихъ сильное впечатлѣніе своимъ содержаніемъ или изложеніемъ. Ничего подобнаго: пустой, чтобы не сказать больше, сюжетъ, плохіе стихи и не менѣе плохая проза. Возьмемъ для примѣра хотя бы пьеску „Стрекоза и Муравей“. Двое дѣтей собираются представить эту басню въ лицахъ, но у нихъ слишкомъ доброе сердце, чтобы не помочь бѣдной стрекозѣ, съ которой, по ихъ мнѣнію, муравей поступилъ слишкомъ жестоко; и вотъ, они не задумываются „поправлять“ дѣдушку Крылова и вмѣсто:

„Ты все пѣла—это дѣло—
Такъ поди-же попляши“

говорять:

„Ты все пѣла?.. Эко дѣло—
Такъ иди, я накормлю“.

Какія примѣрныя дѣти!

А вотъ и еще премиленькая пьеска „Что купить“:

Лиза—хозяйка и Глашенька—гостя—дѣвочки дѣтъ 13 — 14 сидятъ у стола, заваленнаго сладостями и наслаждаются ими, причеъ Глашенька „стрѣляетъ“ глазками (вакое литературное выраженіе!) по пакетамъ и поминутно икаетъ. Затѣмъ происходитъ разговоръ о томъ, что купить на кредитный билетъ (быть можетъ, это опечатка) полученный Лизою отъ тетки, и обѣ дѣвочки ничего не могутъ придумать, пока не является на сцену Машукъ, шестилѣтняя сестра хозяйки, которая и выводитъ барышень изъ затруднительнаго положенія, совѣтуя имъ купить для нея „внису“, таъ какъ она сама хотя еще и не цитаеть, но умѣетъ слушать, когда ей цитають.

Недурна также пьеска „Воевода“. Тринадцатилѣтній Алеша выбралъ себѣ для прочтенія „Воеводу“ Мицкевича, приписавъ сначала эту поэму Пушкину и декламируетъ ее съ „игрой“ сестрѣ, которая время отъ времени прерываетъ декламацию брата, изъясняя по своему непонятныя ей мѣста, таъ какъ напримѣръ, при словахъ:

„Въ бѣломъ платьѣ, видятъ панна
И мужчина передъ ней“.

Лида (сестра) восклицаетъ:

— Управляющій и экономка!—затѣмъ ее поражаютъ слова воеводы:

Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого—пуста кровать“.

И она увѣрена, что вмѣсто *никого* авторъ написалъ *ничего*, ибо его воевода, возвратившись „поздно ночью“ захотѣлъ спать. Велитъ слугамъ молчать, то есть (что-бы) они никого не будили, а онъ сейчасъ ляжетъ... И вдругъ—на кровати ни подушки, ни одѣяла... *Ничего!* „Хамье“ все растащили, потому что думали, что воевода не скоро вернется... Онъ и разсердился. Чего экономка смотрѣла? „Я-жъ ее!...“

Далѣе ее крайне удивляетъ, что воевода могъ купить „Бѣлой груди воздыханье“. Развѣ можно это купить? говоритъ она—вѣдь таъ, пожалуй, и чиханье и сморганье гдѣ-нибудь продають.

Намъ кажется что приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно, чтобы имѣть понятіе о достоинствахъ „Дюжинки пьесокъ для дѣтскаго театра“, ставить или не ставить на сцену которыя мы теперь уже представляемъ устроителямъ дѣтскихъ любительскихъ спектаклей.

Наташинъ садикъ (Rosengärtchen). Разказы для дѣтей средняго возраста *Патъ-Карпантье* и *Ф. Шмидта*. Изданіе второе книгопродавца *Ф. А. Битепажа* Спб. 1896. *Жемчужинка*. Шесть разказовъ для дѣтей средняго возраста *Хр. Шмидта*. Изданіе второе книгопр. *Ф. А. Битепажа*. Спб. 1896 г.

„Chaque sot trouve un plus sot qui l'admire“ говоритъ французская поговорка, которая невольно пришла намъ на память при взглядѣ на вновь выпущенныя изданія г. Битепажа: „Наташинъ Садикъ“ и „Жемчужинка“. Находятся же вѣдь слѣдовательно „потребители“ для подобнаго рода произведеній, если послѣ пятилѣтняго промежутка времени, они снова появляются въ печати. Расчетъ гг. издателей, предлагающихъ дѣтямъ такія неглѣпости, но въ красивыхъ переплетахъ, совершенно простой. Авось молъ, покупщикъ не поинтересуется содержаніемъ, а польстится обложкой, желая на елку подарить хорошенькую книжку; что за бѣда, что въ этой книжкѣ полное отсутствіе содержанія и одна только фальшь, дѣланность, невозможный слогъ и ко всему этому полная безграмотность. Для примѣра возьмемъ хоть „Вечеръ первый“ изъ книжки „Наташинъ Садикъ“ стр. 5. Читаемъ: „Въ *блаженной* странѣ, гдѣ протекаетъ рѣка Эльба, недалеко отъ *исполинскихъ* горъ (слѣдуетъ Исполинскихъ)... даже въ томъ же разказѣ на стр. 15 встрѣчаемъ слѣдующую фразу: „ее (дѣвочку) купилъ одинъ купецъ, чтобы она *забавлялась* и прислуживала его дочери; не много далѣе эта-же самая дѣвочка, никогда не путешествовавшая со своею хозяйкой, названа почему-то ея спутницей.—Мы не имѣемъ возможности привести здѣсь всѣ безграмотныя обороты и выраженія, которые встрѣчаются въ этой книжкѣ, потому что ихъ слишкомъ много какъ въ книжкѣ „Наташинъ Садикъ“, такъ и въ книжкѣ „Жемчужинка“ ничѣмъ не отличающейся отъ первой.

Мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь родителей и воспитателей отъ приобрѣтенія для дѣтей подобнаго рода изданій!

О. Лорисъ-Меликова.

„Библиотека дѣтскаго чтенія“. Ручей и его исторія. (По Элизе Реклю). Д. А. Корочевского. М. 1896 г.

Въ очередь вошли такія главы: „Ключъ. Вода пустыни. Горный потокъ. Пещера. Пропасть. Лощина. Источники долины. Пороги и водопады. Излучины и водовороты. Наводненіе. Берега и островки. Прогулки. Купанья. Рыбная ловля. Орошеніе. Мельница и фабрика. Лодка и плотъ. Городскія воды. Рѣка. Круговоротъ воды“. По поводу своей главной темы авторъ касается самыхъ разнообразныхъ явленій внѣшняго міра, затрагиваетъ выводы и обобщенія очень многихъ отраслей великой науки о природѣ. Передъ духовнымъ взоромъ читателя проходитъ цѣлый калейдоскопъ пейзажей какихъ угодно красокъ и освѣщеній, рядъ воспоминаній изъ временъ дѣтства и отрочества, когда человѣкъ такъ живо интересуется окружающею его „натурой“ и ея „стихійными“ силами. Приспосабливаетъ авторъ къ своимъ описаніямъ и указанія на тѣ или другія народныя молвы и преданія. Называетъ онъ и арабскаго поэта съ

его „Тысяча и одной ночью“, и Сципиона Младшаго, и Нептуна, „колебателя волнь“ и пр. И ни на одну минуту, кажется, не забываетъ чело-вѣка съ его радостями и горями, съ его общественными дѣлами, съ его лучшими идеалами. Авторъ—ученый, потому что и въ популярномъ очеркѣ онъ обнаруживаетъ массу познаній изъ области непрерывно работающей науки. Онъ видимо и искренній любитель природы, о которой онъ под-часъ говоритъ съ такой особенною пышностью. Онъ же и большой гу-маннистъ и убѣжденный моралистъ. Г. Коропчевскій, несомнѣнно, усерд-но поработалъ для литературной передачи Элизе Реклю русскому чита-телю. Но, всетаки, иногда хочется большей и силы и красоты выраженія. Встрѣчаются здѣсь и такіа неловкости: внезапныя „*оскитыванія*“, ручей замѣняетъ своей *силой силу* человѣческихъ рукъ“. А французская проза, какъ извѣстно, такъ безукоризненно изящна! Не совсѣмъ удовле-творительны и рисунки въ очеркѣ г. Коропчевскаго.

До сихъ поръ мы старались дать нѣкоторое понятіе о книгѣ „Ручей и его исторія“ вообще; что-же сказать о немъ, какъ объ изданіи „Библио-тека Дѣтскаго Читанія. Юнцы гораздо внимательнѣе взрослыхъ присматри-ваются къ природѣ на практикѣ,—знакомится съ этой природой по книж-камъ, описаніямъ, обыкновенно, для нихъ дѣло мало привлекательное. Излюбленный ими родъ изложенія—повѣствовательный. Очеркъ „Ручей и его исторія“, во всякомъ случаѣ, можно предложить только достаточно „старшимъ дѣтямъ“. Безъ извѣстной научной подготовки и степени разви-тія, онъ будетъ уже совсѣмъ недоступенъ. Вліянія въ высшей степени симпатичной и благородной личности автора, постоянно вмѣшивающагося въ изложеніе съ своими попутными замѣчаніями, въ этическомъ отноше-ніи, можетъ быть, разумѣется, только благотѣльно. Вопросъ въ томъ здѣсь, насколько сильна эта нравственная философія и очень не ма-ленькимъ дѣтямъ.

А непонятое, конечно, не затронется вниманіемъ или даже наведетъ одну скуку. Вотъ что читаемъ напр. мы про Сципиона Младшаго у Элизе Реклю: „Несмотря на эти злыя дѣла („военное ремесло), онъ не былъ бездушнымъ завоевателемъ; онъ не хотѣлъ, чтобы сограждане видѣли его всегда гордымъ и величавымъ: онъ позволялъ себѣ забавляться, какъ дѣ-тя, бросая палки въ потокъ и ловкимъ движеніемъ заставляя подпры-гивать плоскіе камни по рѣкѣ. Важные историки не имѣютъ обыкновенія упоминать объ этихъ свойствахъ великаго вонтеля, но, безъ сомнѣнія, благодаря любви къ природѣ, онъ всего болѣе заслуживаетъ добраго от-ношенія къ нему потомства“. Нелзымъ покажется подобное разсужде-ніе и современнымъ обыкновеннымъ „дѣтямъ“, всегда нѣсколько воин-ственнымъ. И такое мѣсто, очевидно, вовсе не для дѣтей: „Каждый изъ насъ, если *условность и ложь жизни* не вполнѣ извратили его, можетъ воз-вращаться къ радостямъ юности, оставляя свое платье на берегу. Что до меня касается, признаюсь, я чувствую себя всегда ребенкомъ, когда бросаюсь въ свой любимый ручей“. Но очеркъ г. Коропчевскаго—добрый полезный трудъ, и нельзя не сочувствовать его появленію на нашемъ небогатомъ книжномъ рынкѣ. И нецѣлесообразнѣ-ли предложить его для очень большой взрослой публики, для ждущихъ самообразования, для всѣхъ нуждающихся въ популярныхъ изданіяхъ? Наслушавшись вдоволь

призываетъ къ добродѣтельной жизни на лонѣ природы, многимъ нашимъ соотечественникамъ умѣстно бы было, кажется, поразмыслить и надъ такими предостереженіями. „Но я знаю, что у природы для поклонниковъ ея есть соблазны, которыхъ надо остерегаться, какъ голоса сирень. Слишкомъ полюбивъ красоту природы и прелести уединенія, мы удаляемся отъ людей, отъ жизни, покидаемъ поле битвы, на которомъ каждый изъ насъ долженъ бороться за торжество правды и добра“. Пока мы въ школѣ—намъ еще твердятъ—правда, съ холодкомъ подчасъ казеннаго догматизма,—о силѣ и важности знанія. Проза жизни учить совсѣмъ другому. И горячая вѣра Э. Реклю въ науку, его здоровый оптимизмъ прямо цѣлительны и для нашего взрослого читателя.

А. Налимовъ.

Нашему юношеству рассказы о хорошихъ людяхъ. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле.

Это изданіе, цѣль и задача котораго вполне опредѣляются его заглавіемъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и самаго широкаго распространенія. О хорошихъ людяхъ юношеству слѣдуетъ слышать какъ можно чаще и знать какъ можно больше: въ хорошихъ людяхъ, ихъ жизни и дѣлахъ оно видитъ руководящія примѣры себѣ, и на этихъ примѣрахъ оно воспитывается,—слѣдовательно, ихъ и приходится считать однимъ изъ вѣрнѣйшихъ факторовъ воспитанія. Поэтому, когда приходится говорить объ изданіи, подобномъ тому, какое затѣяно нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Ледерле и продолжается до настоящаго времени, остается сказать лишь о выборѣ „хорошихъ“ людей для ознакомленія съ ними юношества и объ изложеніи біографій.

И въ томъ, и въ другомъ отношеніи изданіе г. Ледерле вполне выдерживаетъ критику. До настоящаго времени въ него вошло 17 нумеровъ, причемъ лица, описываемыя въ нихъ, выбраны изъ разныхъ областей дѣятельности человѣческаго духа: тутъ есть и поэты („Изъ дѣтства Пушкина“, „Елизавета Кульманнъ“, „Теодоръ Кернеръ“), и путешественники („Христофоръ Колумбъ“, „Петръ Пахтусовъ“) и политическіе дѣятели („Вильямъ Гладстонъ“, „Авраамъ Линкольнъ“, „Джоржъ Вашингтонъ“, „Веніаминъ Франклинъ“), и люди, которые своею просвѣтительною дѣятельностью доставили славу своему отечеству („Ѳеодосій Печерскій“, Св. Нина“, „Св. Елизавета Тюрингенская“, „Янъ Амосъ Коменскій“, „Гансъ Эггеде“), наконецъ люди, которые для благотворительности жертвовали собой и были истинными друзьями человѣчества (Аббатъ Л'Эпе, Самуилъ Гейнике, Валентинъ Гей). Словомъ, предъ читателями проходитъ цѣлая галлерей лицъ благородныхъ, возвышенныхъ душою и являющихъ собою примѣры увлекательныя и въ высшей степени воспитательныя.

Что касается изложенія рассказовъ, то не во всѣхъ оно одинаково по достоинствамъ. Такъ, очерки, составленные г. Мижуевымъ, нѣсколько суховаты, изложеніе страдаетъ книжностью и не совсѣмъ приурочено къ возрасту читателей. Но очень хороши по своей живости и легко-читаемости рассказы, написанные г-жей Мунтъ-Валуевой, а также рассказы г-жи Разиной, г. Борисова, г. Ѳеогитисова и г. Черскаго. Отрывокъ

разсказъ г-жи Мунтъ-Валуевой „Изъ дѣтства Александра Пушкина“ и о Пушкинѣ, какъ поэтѣ и дѣятелѣ, не даетъ понятія.

Внѣшній видъ изданія весьма приличный, и книжки вообще недороги: есть, напримѣръ, книжки по 60 страницъ, а цѣна имъ всего только по гривеннику. Желательно-бы, однако, чтобы г. издатель обратилъ вниманіе на иллюстраціи; а то теперь не во всѣхъ книжкахъ есть портреты описываемыхъ лицъ; да и кромѣ портретовъ думается можно-бы помѣщать виды описываемыхъ мѣстностей и т. п., что навѣрно очень оживило-бы внѣшній видъ изданія.

Н. Позняковъ.

Журнальное обозрѣніе.

„Русскій Вѣстникъ“ 1896, № 2—5. „Новое Слово“ 1896—97, № 1—2. „Книжки Недѣли“, № 11. (Записки С. М. Соловьева. Переписка А. И. Герценъ и Н. А. Захарьиной. „Очерки по исторіи русской грамотности въ Россіи“. В. Петрова. „Въ мастерской Антокольскаго“ С. Ан-скаго. „Лжена-родничество“ Н. Энгельгардта. Манифестъ В. Гайдебурова).

Въ послѣднее время въ нашихъ общелитературныхъ журналахъ стали появляться чрезвычайно интересные историко-литературные документы, нерѣдко составляющіе чуть ли не всю цѣнность того или другого журнала. Такъ, напр., „Записки Смирновой“, недавно печатавшіяся въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ стоятъ всего остального, что появлялось въ томъ журналѣ за послѣдніе годы. Точно также „Записки“ извѣстнаго русскаго историка С. М. Соловьева до извѣстной степени спасаютъ „Русскій Вѣстникъ“ въ этомъ году. Записки эти послужили, какъ извѣстно, причиною открытой братской распри между сыновьями покойнаго историка. Владиміръ и Михаилъ печатно обвиняли своего брата Всеволода въ томъ, что тотъ печатаетъ оставшіеся послѣ отца матерьялы въ искаженномъ видѣ и обѣщали опубликовать ихъ въ настоящемъ видѣ въ „Вѣстникѣ Европы“. Всеволодъ Серг. энергично протестовалъ противъ этого обвиненія и грозилъ привлечь издателя „Вѣстника Европы“ къ суду за контрафакцію, если онъ рѣшится печатать принадлежащія ему, Всеволоду Соловьеву, „Записки“ С. М. Соловьева.

Не знаю, кто тутъ правъ, но въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ „неизданныя бумаги“ знаменитаго историка уже 6 мѣсяцевъ, какъ кончены печатаньемъ, а въ „Вѣстникѣ Европы“ онѣ все еще не появляются, и поневолѣ приходится пользоваться, можетъ быть, искаженнымъ текстомъ. Намъ, впрочемъ, думается, что искаженія заключаются исключительно въ тенденціозныхъ сокращеніяхъ, а не въ какихъ нибудь добавленіяхъ со стороны Всеволода Соловьева; по крайней мѣрѣ, Владиміръ Сергѣевичъ и Михаилъ Сергѣевичъ никакихъ прибавленій указать не могли.

„Записки“, главнымъ образомъ, рисуютъ русскихъ дѣятелей 40-хъ и 50-хъ годовъ, группировавшихся около московскаго университета, гдѣ С. М. Соловьевъ былъ профессоромъ; они обрываются, говоря словами Всеволода Сергѣевича, „на самомъ интересномъ мѣстѣ—на изображеніи

состоянія русскаго общества непосредственно вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ“.

Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ извѣстныхъ русскихъ дѣятелей 40-хъ годовъ, охарактеризованныхъ нерѣдко удивительно ярко и смѣло.

Всеволодъ Серг. совершенно правъ, когда говоритъ, что они создаютъ „въ представленіи читателя *совѣсть жизни образы*“.

Особенно хороша характеристика извѣстнаго друга и сподвижника М. Н. Каткова—П. М. Леонтьева. „Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ“—пишетъ С. М. Соловьевъ—маленькая, двугорбая фигура, съ четверугольнымъ матово-блѣднымъ лицомъ, густыми русыми волосами, съ карики холодными, не пронизательными, но внимательными, старающимися проникнуть и потому очень неприятными глазами. Первое, что поражало въ Леонтьевѣ наблюдательнаго человѣка, это напряженное вниманіе, съ какимъ онъ обращался ко всему, желаніе проникнуть, изучить человѣка, дѣлоотношеніе.

Все это было бы прекрасно въ человѣкѣ даровитомъ, съ благородными, чистыми свѣтлыми стремленіями; но въ Леонтьевѣ этого ничего не было. Онъ былъ способенъ заниматься постоянно, безъ усталы, причемъ ему помогала необычайная медленность въ словахъ и дѣлѣ. Начнетъ говорить—тяветъ, тянетъ и утомляетъ слушателя, но самъ не утомляется. Студенты смѣялись, что на лекціяхъ онъ дѣлалъ обыкновенно движенія руками, какъ бы загребалъ ими, помогая этимъ выходу словъ изъ рта, которыя шли чрезвычайно медленно, съ крайнимъ затрудненіемъ. Заговорившись, т. е. затянувшись, а не заболтавшись, онъ опаздывалъ совѣмъ и во всемъ; онъ постоянно опаздывалъ на лекціи, на желѣзныя дороги, во время экзаменовъ всегда нужно было послышать за нимъ солдата. Цѣпкость была отличительнымъ его качествомъ: вцѣпится во что нибудь, не отстанеть; „собака“ (растеніе) есть лучшее для него подобіе. Эта цѣпкость въ каждомъ дѣлѣ была драгоцѣннымъ качествомъ въ Леонтьевѣ для Каткова, когда они вмѣстѣ издавали журналъ, газету, завели Лицей: нетерпѣливый, впечатлительный Катковъ приходилъ въ отчаяніе отъ каждой неудачи, отъ каждой ошибки, отъ каждаго препятствія; но Леонтьевъ вцѣпится крѣпко въ дѣло, и ничѣмъ нельзя было его отцѣпить; всякую бѣду онъ надѣялся переждать, всякое препятствіе преодолѣть, всякую ошибку поправить, онъ всегда ровень, выдержливъ. Бѣшенный Катковъ опротивится на него съ упреками, — Леонтьевъ выдержитъ спокойно и успокоить.

Та же цѣпкость въ привязанности и во враждѣ. Хвалили его привязанность къ роднымъ; привязанность къ Каткову и семейству послѣдняго была изумительна, и вовсе не нужно объяснять ее чѣмъ-нибудь корыстнымъ. Но, какъ сказано, Леонтьевъ былъ цѣпокъ во враждѣ и здѣсь онъ былъ отвратителенъ по мелкости взгляда, по стремленію копать въ самыхъ дурныхъ мѣстахъ натуры человѣческой, обходя мѣста чистыя. *Это былъ художникъ клеветы*; всякій совершенно случайный поступокъ неприятнаго ему человѣка онъ перетолковывалъ въ дурную сторону и тутъ же робѣлъ ни передъ чѣмъ; *наглость, до какой онъ могъ доходить съ клеветы, ошеломляла*; честный человѣкъ поникалъ, совершенно падалъ духомъ

на первое время; тутъ Леонтьевъ являлся адскимъ существомъ, ибо заставлялъ вѣрить въ силу зла.

Интрига—было первое и послѣднее слово Леонтьева: все, по его мнѣнiю, интриговало, ничто не дѣлалось просто, каждое движенiе, каждое слово искусно подводилось подъ извѣстную интригу, каждый камешекъ искусно обтесывался и служилъ для мозаической работы. (Апрѣль, стр. 23).

На ряду съ характеристиками отдѣльныхъ личностей, авторъ набрасываетъ картину положенiя тогдашняго университетскаго преподаванiя и печати и не жалѣетъ при этомъ мрачныхъ красокъ; цензурныя придирки, отъ которыхъ сильно страдали его сочиненiя, были его большимъ мѣстомъ.

...Цензуру отняли у профессоровъ,—говорить онъ,—и отдали въ руки людей, занявшихся направлениемъ литературы изъ-за хорошаго жалованья, котораго они лишались, если пропускали что-нибудь, могущее быть заподозреннымъ, и оставались покойны, если марали. И вотъ на судъ невѣжды поступаетъ книга или статья, въ которой онъ ничего не смыслить; читаетъ онъ ее, спѣша на обѣдъ или на карты, и все, что кажется ему подозрительнымъ, зачеркиваетъ безответственно. Кажется ему подозрительными, недозволенными факты, давно уже извѣстные изъ учебниковъ,—и онъ мараетъ ихъ, ибо давно уже позабылъ учебникъ, если когда либо и держалъ его въ рукахъ.

Мараетъ онъ или даже самъ передѣлываетъ, самъ выдумываетъ небывальщину. Въ романахъ и повѣстяхъ нельзя было выставять лицъ, такъ называемыхъ, высшихъ сословiй.

Что же было слѣдствиемъ? Все остановилось, заглохло, загнило. Русское просвѣщенiе, которое еще надобно было продолжать, возвращать въ теплицахъ, вынесли на морозъ—и оно свернулось. Лѣнь, стремленiе получить какъ можно больше, дѣлая какъ можно меньше, стремленiе дѣлать все кое-какъ, на шеремугу, всё эти стремленiя, такъ свойственныя нашему народу вслѣдствiе неразвитости его, начали усиливаться“... Въ стѣсненiи университетскаго преподаванiя и печатнаго слова знаменитый историкъ видитъ причину быстрого развитiя у насъ отрицательныхъ направленiй—нигилизма, который ему, конечно, въ высшей стѣпени не симпатиченъ. Не будучи нигилистомъ, Соловьевъ былъ, однако, вполне сознательнымъ западникомъ, либераломъ и примыкалъ въ кружку Грановскаго, о которомъ онъ отзывался съ величайшимъ уваженiемъ. Но наступило новое царствованiе, наступило время реформъ, «раздался свистокъ судьбы, декорации перемѣнились, и авторъ „Исторiи Россiи“, по его собственнымъ словамъ, изъ либерала превратился въ консерватора. Онъ добавляетъ, что онъ при этомъ «нисколько не измѣнился». Къ сожалѣнiю, съ этимъ, судя по его «Запискамъ», трудно согласиться, потому что все то, что онъ говоритъ о великихъ реформахъ, въ особенности объ освобожденiи крестьянъ, представляетъ какой-то странный сумбуръ, который нельзя назвать ни либеральнымъ, ни консервативнымъ. Продуманная рѣчь талантливаго историка неожиданно обрывается, и начинается злобное брюзжанiе крѣпостника, ярость «барина», лишеннаго возможности повелѣвать своими «рабами», затѣмъ снова нѣсколько талантливыхъ строкъ, а за ними опять-таки безсильная злоба противъ реформъ Александра II. «Простого человѣка»,—говоритъ Соловьевъ—«свободою ошанить нельзя,

ему надобно показать осязательно, что выгодно. Но этого вдруг показать было нельзя; цѣлаго установленія, сколько-нибудь сложнаго, онъ не пойметъ, онъ не приготовленъ къ этому привычкою обращенія мысли въ широкихъ сферахъ школьнымъ и книжнымъ образованіемъ. Онъ озадачитъ васъ вопросомъ, который покажется вамъ страннымъ и мелкимъ, но этотъ вопросъ его прежде занималъ, онъ о немъ думалъ, а вы не думали и не хотите признать за мужикомъ права мысли, думанья, только не о тѣхъ предметахъ и отношеніяхъ, о какихъ вы думаете. У насъ, напримѣръ, толкуютъ о томъ, что англичане привязаны къ свободѣ, французы къ равенству; но простой человѣкъ всегда привязанъ къ равенству, а не къ свободѣ, потому что свобода отвлеченное равенство». (Май, стр. 134). Совершенно вѣрно! Но рядомъ съ этимъ превосходнымъ теоретическимъ разсужденіемъ стоитъ слѣдующая практическая оцѣнка реформы.

«Голоса помѣщиковъ были заглушены либеральными криками литературы, сосредоточенной въ столицахъ. Дѣло было произведено революціоннымъ образомъ; употребленъ былъ нравственный терроръ.

Человѣкъ, осмѣлившійся поднять голосъ за интересъ помѣщиковъ, подвергался насмѣшкамъ, клеймился позорнымъ именемъ крѣпостника, а развѣ у насъ была примѣчка поддерживать свое мнѣніе? Пошла мода на либеральничанье, люди, не сочувствовавшіе модѣ, видѣвшіе, что нарушаются ихъ самые близкіе интересы, пожимали плечами или въ тайнѣ яростно скрежетали зубами, но противиться потоку не могли, не смѣли— и молчали. Какъ бы то ни было, переворотъ былъ совершенъ, съ обходомъ самаго труднаго дѣла—земельнаго. Крестьянамъ подѣлили землю, заплативъ за нее помѣщикамъ. Красные торжествовали: у прежнихъ землевладѣльцевъ отняли собственность и подѣлили ее между народомъ, замазавъ дѣло выкупомъ,—но выкупъ насильственный. (Май, стр. 133).

Но еще *разительнѣе* характеристика печальныхъ результатовъ «революціоннаго» освобожденія крестьянъ.

«Намъ не стало сладу съ поварами, лакеями и кучерами; наниматели стали сидѣть безъ обѣда какъ нарочно въ самые большіе праздники, ибо, повара лежали пьяные въ кухнѣ. Стали трепетать за безопасность своихъ женъ и дѣтей, когда они куда-нибудь ѣхали съ кучеромъ и лакеемъ, напившимися въ то время, когда господа сидѣли въ гостяхъ. Кончалось тѣмъ, что люди средняго состоянія отказывались отъ порядочнаго стола, прогоняли поваровъ и нанимали кухарокъ (несчастные!), тѣмъ болѣе, что грабительство (о, ужасъ!) поваровъ, вслѣдствіе потребности постоянного оупьяненія, достигло высшей степени. Продавали лошадей и брали наемныхъ, что стоило гораздо дороже, требовали только отъ поставщика лошадей, чтобъ кучеръ былъ трезвый, хотя бы и не очень хорошій въ другихъ отношеніяхъ, неряшливый и т. п. Точно также искали и лакея какого-нибудь, только-бы не пьяницу, или замѣняли лакея женскою прислугой; о послѣднемъ жалѣть было нечего, еслибъ это измѣненіе происходило отъ другой причины, а не отъ качества мужской прислуги». (Май, стр. 138).

Эти жалкія слова напоминаютъ намъ одно мѣсто изъ сочиненій еще болѣе великаго мыслителя—Шопенгауера, который, раздраженный шумомъ проѣзжавшихъ мимо его оконъ извозчиковъ, писалъ о необходимости для низшихъ слоевъ народа тѣлеснаго наказанія.

Боже, какъ жалки люди, если даже для передовыхъ изъ нихъ достаточно маленькаго личнаго неудобства, чтобъ жалѣть объ освобожденіи миллионъ рабовъ или желать наказать розгами трудящагося челоуѣка.

Нельзя не поблагодарить Всеволода Сергѣевича, что онъ не пощадилъ своего отца и не вычеркнулъ его характерныхъ отзыовъ объ освобожденіи крестьянъ. Мы, благодаря этому, имѣемъ теперь новое доказательство, какъ осторожно нужно относиться къ отзывамъ «авторитетовъ» о тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя косвенно отразились на ихъ мелькой личной жизни.

Изъ другихъ историко-литературныхъ документовъ, печатающихся въ настоящее время, остановимся на перепискѣ Н. А. Захарьиной и А. И. Герцена, которая появляется въ „Новомъ Словѣ“ и далеко еще не окончена.

Мы имѣли возможность просмотрѣть подлинники писемъ, еще не напечатанныхъ, они гораздо интереснѣе уже опубликованныхъ, но и въ этихъ послѣднихъ иногда попадаются настоящіе перлы. Прочтите, напр., хоть встрѣчныя письма обоихъ влюбленныхъ, написанныя въ одинъ и тотъ же день, 3-го Апрѣля 1837 года.

. . . . . „Какъ еще молодъ ты, Александръ; какое поле передъ тобою! . . . . Широкое поле! Какъ засиротѣло ты, какую дичью поросло! и какъ уныло ты, какъ мрачно, сиротливо... И стада птицъ не вьются надъ тобою, на тебѣ нѣтъ для нихъ ни зернышка, и звонкихъ пѣсенъ ихъ не слышать, онѣ летятъ далеко отъ мѣстъ, гдѣ ждетъ ихъ смерть голодная, и слѣда людскаго не видно на тебѣ, люди боятся трудовъ, которыми ты грозилъ имъ (боятся, быть можетъ, и плодовъ!), но, не тоскуй ты, поле широкое, не грусти,—не долга твоя кручина, сиротство твое и безжизненность: соха ея вскошетъ, разобьетъ твою окаменѣвшую землю, и камень разсыпется въ рукахъ его, и посѣянное имъ окропитъ Господь дождемъ, и изъ далекихъ странъ придутъ за хлѣбомъ. Александръ! не ищи славы земной, ищи службы Богу, и я обмою ноги твои слезами и оботру волосами головы моей. Ты видишь это поле, ты знаешь его болѣе меня, болѣзнуешь болѣе—тебѣ, тебѣ предозначено превратитъ камень смерти въ хлѣбъ жизни и напитать тысячи . . . . . изломится желѣзо сохи . . . . . останутся руки; утомилъ, изнеможешь—тебя ждетъ твоя Наташа, приди къ ней и найдешь покой и отдохновеніе и почерпнешъ новыя силы и довершишь начатое!“

Такъ писала Наташа, вся просвѣтленная любовью къ своему Александру, полная вѣры въ его великую миссію!

И онъ, казалось, отвѣчаетъ ей тѣмъ же, и онъ вѣритъ въ великую силу любви, любви идеальной, не сходной съ той, которая живетъ въ душахъ обыкновенныхъ людей.

. . . . . „Кстати“—пишетъ онъ—между тысячами дурачествъ, которыя всѣ повторяютъ, находится общее правило всѣхъ романовъ: „путешествія усиливаютъ любовь“. Что за жалкій народъ, говорящій подобныя сентенціи. Какъ будто стройное, гармоническое чувство, спокойно, величественно развивающееся, ниже, слабѣе бѣшеннаго, сломаннаго чувства, въ которомъ звукъ отчаянія пересѣкаетъ звукъ блаженства.

Какъ будто океанъ въ тихую минуту менѣе изыщенъ, нежели потокъ,

сердцѣи на колесо мельницы. А можетъ эти путешествія и нужны для души безъ энергіи, чтобъ ихъ расшевелить. Плохіе поэты пьютъ водку для того, чтобъ придти въ восторгъ. Но гений Гете, Шекспира не унижить себя до насильственного средства, да оно ему и не нужно такъ, какъ не нужны костыли здоровому. Толпа имѣетъ свои афоризмы, свой катехизисъ, гдѣ все по ихъ мѣрѣ, все пригнано къ ихъ уродству, къ кривымъ глазамъ, къ горбамъ на ихъ душахъ. И они вѣрятъ въ свои правила твердо, неизмѣнно, и этихъ правилъ тѣма у нихъ на всѣ случаи. Слышала ли ты отъ нихъ, что послѣ брака любовь простываетъ, это pendant къ предыдущему, и опять въ своемъ отношеніи они правы: ежели въ *жизнь* видѣть одну физическую *женщину*, ежели любовь основывается на одномъ хорошенькомъ лицѣ, то правило вѣрно. А развѣ у нихъ бываетъ другая любовь? Но что тутъ и толковать, дай Богъ, чтобъ толпа поправила свою уродливую душу—это и будетъ, но когда?”

И какъ странно, что и у Герцена въ концѣ концовъ связалась эта „уродливая душа“, что и для него оказалось вѣрно „правило толпы“, и онъ не сумѣлъ донести до конца не загрязненнымъ прекрасный кубокъ чистой любви! Дальше, читатель, дальше, отъ этихъ красивыхъ словъ, которыми такъ легко обманываетъ человѣкъ самъ себя! Взглянемъ лучше на „мрачное, сиротливое поле, поросшее какою-то дичью“, о которомъ пишетъ „Наташа“, взглянемъ на него съвозъ сухія, дѣловыя статьи. Такихъ статей много въ послѣднихъ 2-хъ книжкахъ „Новаго Слова“. Уважемъ хотя бы на „Очерки по исторіи грамотности въ Россіи“ В. Петрова и „Составъ городскихъ избирательныхъ собраній при квартирномъ налогѣ“ Д. Семенова.

. . . . „Главнѣйшая задача, какъ для правительства и общества, такъ и для отдѣльныхъ личностей, заключается теперь не въ распространеніи одной только грамотности, которая будетъ распространяться и безъ этой помощи, въ распространеніи образованія и въ доставленіи возможности получать послѣднее, т. е. въ обезпеченіи народа такою степенью благосостоянія, которая позволила бы ему удовлетворять свои интеллектуальныя потребности, и въ устраненіи препятствій, которыя мѣшаютъ осуществленію этой задачи“.

Такъ заканчиваетъ свою статью Петровъ. Сходныя же слова стоятъ и въ концѣ работы Семенова.

„Ростъ интеллигенціи несомнѣненъ, увеличеніе правосознанія въ массѣ можетъ быть безусловно констатировано. Какіе бы примѣры невѣжества ни были во время холеры или голода, это еще не доказываетъ что не при исключительномъ положеніи горожане не будутъ склонны слушать голосъ просвѣщеннаго человѣка. Да, чтобы не повторялись недавніе случаи, необходимо сблизить непросвѣщенные классы горожанъ съ интеллигенціею. Однѣми школами никогда и нигдѣ никто не просвѣщаль всю массу народа. Просвѣщеніе такъ медленно растетъ повсюду, что однѣхъ школъ недостаточно. Мнѣніе, что раньше нужно образованіе, а потомъ дарованіе права участія въ общественныхъ дѣлахъ, сходно взгляду Карамзина, который говорилъ: дайте рабу просвѣщеніе, а потомъ его освободите. Надо возможно многочисленными путями развивать правосоз-

знание въ неразвитой массѣ. Тогда только замѣнится власть тьмъ господствомъ свѣта“.

Къ этимъ словамъ можно бы еще прибавить заключеніе статьи С. Ан—скаго („Новое Слово“, № 2), на которую мы обращаемъ особенное вниманіе читателей. Она вся—одинъ восторгъ передъ гениальными произведеніями Антокольскаго, которыя, по словамъ автора, — „торжественный гимнъ безсмертному, непобѣдимому разуму“ и девизъ которыхъ: „Да здравствуетъ разумъ—да скроется тьма“.

Таковы тѣ идеи, которымъ служить „Новое Слово“, журналъ, которому сынъ почтеннаго А. Н. Энгельгардта въ послѣдней „Книжкѣ Недѣли“ далъ названіе „Лже-народническаго“, проповѣдующаго *«застой мысли»* и «принимающаго на себя роль будочника либерализма».

Зато—писатели „Недѣли“, какъ они заявляютъ въ редакціонной статьѣ („Книжки Недѣли“, Ноябрь, стр., 336) являются *продолжателями*, а не *дражателями* писателей прежнихъ временъ и считаютъ (считаемъ) себя не только вправѣ, но и обязанными дѣйствовать съ тою же самою самостоятельностью, независимостью и свободой, съ которой дѣйствовали и они. Въ этой самостоятельности и заключается вѣрность самымъ главнымъ ихъ завѣтамъ, какъ самая нивная имъ измѣна есть проповѣдь *«рабства мысли»*, хотя бы и въ ихъ же плѣну“.

„Самостоятельность“ и „свободу мысли“ редакторъ-издатель „Недѣли“ „Василій Гайдебуровъ“ съ особою силою показалъ въ своемъ манифестѣ *«къ читателямъ»*, появившемся въ № 45 „Недѣли“. Сообщая *«важную новость»*—изданіе при „Недѣлѣ“ новой ежедневной газеты, Г. Гайдебуровъ рассыпается въ самыхъ необузданныхъ похвалахъ не только „Недѣлѣ“ и ея сотрудникамъ, но и будущей „Руси“ съ ея писателями.

„Русь“ будетъ такою же легкою и занимательною — строго-литературною по формѣ и въ то же время серьезною и содержательною по существу, какъ и „Недѣля“, въ подкрѣпленіе чего достаточно сказать, что въ ней постоянное участіе будетъ принимать одинъ изъ самыхъ глубокихъ и блестящихъ современныхъ мыслителей и публицистовъ—Вл. С. Соловьевъ. Она будетъ имѣть въ виду читателей *истинно интеллигентныхъ, съ серьезными запросами къ печатному слову...* (курсивъ всюду принадлежитъ подлиннику).

„Наибольшее развитіе въ „Руси“ будетъ дано двумъ главнѣйшимъ отдѣламъ: *общественно-жизнейскимъ* извѣстіямъ и живымъ личнымъ *руководящимъ беседамъ* талантливыхъ, умныхъ и передовыхъ писателей. По большей части, это будутъ писатели, хорошо знакомые читателямъ „Недѣли“, но которые выступать теперь въ новыхъ для себя роляхъ.

„Непосредственно завѣдывать редакціей „Руси“, какъ попрежнему и редакціей „Недѣли“, буду я самъ...“

„Судя по такому составу сотрудниковъ, можно надѣяться, что наша новая газета будетъ *самой литературной ежедневной газетой въ Россіи*“.

Въ концѣ Г. Гайдебуровъ проситъ тѣхъ доброжелателей „Недѣли“, которые сами почему-нибудь подписаться на „Русь“ не могутъ, постараться привлечь ей хотя-бы по одному подписчику, чтобы тѣмъ доказать ей важную поддержку на первыхъ ея шагахъ“.

Все это было-бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Грустно,

потому, что въ этой рекламѣ среди писателей „талантливыхъ, умныхъ и передовыхъ“ красуются имена людей, которые до сихъ поръ пользовались заслуженнымъ уваженіемъ, репутація которыхъ безукоризненна. Неужели имъ не стыдно? Неужели они не выступать съ протестомъ?

Своимъ протестомъ противъ подобной рекламы, которая до сихъ поръ находила себѣ мѣсто только въ мелкой прессѣ, писатели эти оказали бы истинную услугу русской журналистикѣ.

В. Поссе.

Новыя книги, поступившія въ редакцію:

Изданія Ф. Павленкова:

Вундтъ. Очеркъ психологіи. Переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Паперна. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Дж. Стюартъ Милль. Представительное Правленіе. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Р. Сементковскаго. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Лестеръ Уордъ. Психическіе факторы цивилизаціи. Переводъ съ англійскаго Л. К. Давыдовой. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

А. Мензисъ. Исторія религіи. Переводъ съ англійскаго М. Чепинской Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Томасъ Фаулеръ. Прогрессивная нравственность. Переводъ съ Англійскаго А. Погодина, подъ редакціей Влад. Соловьева. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Г. Греефъ. Общественный прогрессъ и регрессъ. Перевелъ съ французскаго Г. Паперна. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Жакъ Лурбе. Женщина передъ судомъ современной науки. Переводъ съ французскаго Е. А. Предтеченскаго. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Ибсенъ. Н. А. Минскаго. Спб. 1896 г. Ц. 25 к. **Шекспиръ.** И. И. Иванова Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Популярно-Юридическая бібліотека. № 1. Духовныя завѣщанія, составилъ Я. В. Абрамовъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к. № 2. Наслѣдство и Раздѣлъ, составилъ Я. В. Абрамовъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Г. Геттнеръ. Исторія Всеобщей литературы XVIII вѣка, томъ I.

В. А. Гольцева. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Изд. Поповой. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Переводъ А. Н. Пыпина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

В. П. Авенариусъ. Гоголь-гимназистъ. Изданіе П. Лузовникова. Спб. 1897 г. 1 р. 25 к.

К. Вагнеръ. Мужество, какъ идеаль дѣятельной жизни. Перевела съ 11 франц. изданія С. Леонтьева. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Федоръ Шперкъ. Діалектика бытія. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

К. Вагнеръ. Молодежь, ея настоящее и будущее. Пер. Трояниера. Изд. Богельмана. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Д-ръ Эльзенгансъ. Элементарное описаніе душевныхъ явленій. Пер. Столяровъ. Изд. Д. Д. Карчагина. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.

Викторъ Острогорскій. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Изданіе 2-ое журнала «Міръ Божій». Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Элизе Реклю. Физическія явленія на земномъ шарѣ. Переводъ Д. А. Корончевскаго. Спб. 1897 г. Изд. журнала „Міръ Божій“ Ц. 1 р. 60 к.

А. Шопенгауеръ. Метафизика любви. Пер. Крессина. Харьковъ. 1896 г. Ц. 30 к.

Проф. Келлеръ. Жизнь моря. Выпуски IV—VIII. Пер. Шмидта. Спб. Изд. Девриена. Ц. по 60 к.

К. Гофманъ. Ботаническій Атласъ. Спб. Изд. Девриена. 1896 г. Выпуски IV—VIII Ц. по 1 р.

Александръ Введенскій. Условіе допустимости вѣры въ смыслъ жизни. Ц. 50 к.

В. М. Бехтеревъ. О локализациі совнательной дѣятельности у животныхъ и человека. Спб. Изд. Ривкера. 1896 г.

Д-ръ В. Цигенъ. Вліяніе алкоголя на нервную систему. Пер. врачъ Братинъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Изданія К. И Тихомирова Москва. 1896 г.

Чарльзъ Бернардъ. Богатство отъ земли. кн. III: уходъ за растеніями. Ц. 50 к.

В. И. Виноградовъ. Объ удобреніяхъ. Ц. 8 к.

К. Вернеръ. Чѣмъ опредѣляется размѣръ удобренія Ц. 6 к.

Н. Н. Дерягинъ. Цыгайское овцеводство. Ц. 8 к.

М. А. Рыловъ. Кожевенное производство. II Ц. 25 к.

А. Мощанскій. Свѣтъ—не безъ добрыхъ людей. Ц. 10 к.

Д. Прянишниковъ. Кормовыя травы. Ц. 8 к.

Проф. Придорогинъ. Подготовка корма. Ц. 8 к.

„ „ „ Кормовыя средства. Ц. 10 к.

„ „ „ Кормовыя дачи. Ц. 5 к.

О. Тихомирова. Скорцонеръ, какъ кормъ шелкоичнаго червя. Ц. 5 к.

О. Тихомирова. Краткое описаніе жизни шелкоичнаго червя Ц. 10 к.

„ „ „ Краткое наставленіе къ выкормкѣ шелкоичныхъ червей шелкоичей и скорцонеромъ. Ц. 10 к.

М. Хитровъ. Евстафій Плакида. Ц. 50 к.

А. Адольфъ и С. Любомудровъ. Римскій міръ въ картинкахъ. Начальная латинская хрестоматія. Часть II. Ц. 60 к.

И. Т. Яхонтовъ. Руководство къ церковно-славянскому чтенію. Новгородъ. 1896 г. Ц. 10 к.

И. Т. Яхонтовъ. Руководство къ церковно-славянскому чтенію со сборникомъ задачъ и словаремъ. Новгородъ. 1896 г. Ц. 25 к.

Г. К. Дорофеевъ. О постановкѣ внѣкласснаго чтенія и литературныхъ бесѣдъ въ Ставропольской гимназіи въ 1890—91 г. Тифлисъ 96 г.

В. И. Васильевъ. Ариметика. III ч. М. 1896 г. Ц. по 25 к.

Комитетъ по устройству Сельскихъ Библіотекъ и Народныхъ Читаленъ. Руководство къ устройству бесплатныхъ народныхъ читаленъ. Харьковъ 1896 г. Ц. 25 к.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской комиссиі народныхъ чтеній за 1895—96 г. Воронежъ. 1896 г.

Отчетъ о дѣятельности Мотовилихинскаго Общества борьбы съ пьянствомъ съ 1-го Сент. 1894 г. по 1-ое Янв. 1896 г. Пермь 1896 г.

Paidagogifks kalendars fkolotajeem un wezakeem Baufká. 1897 g.

Т. Лубенецъ. Зернышко. Изд. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

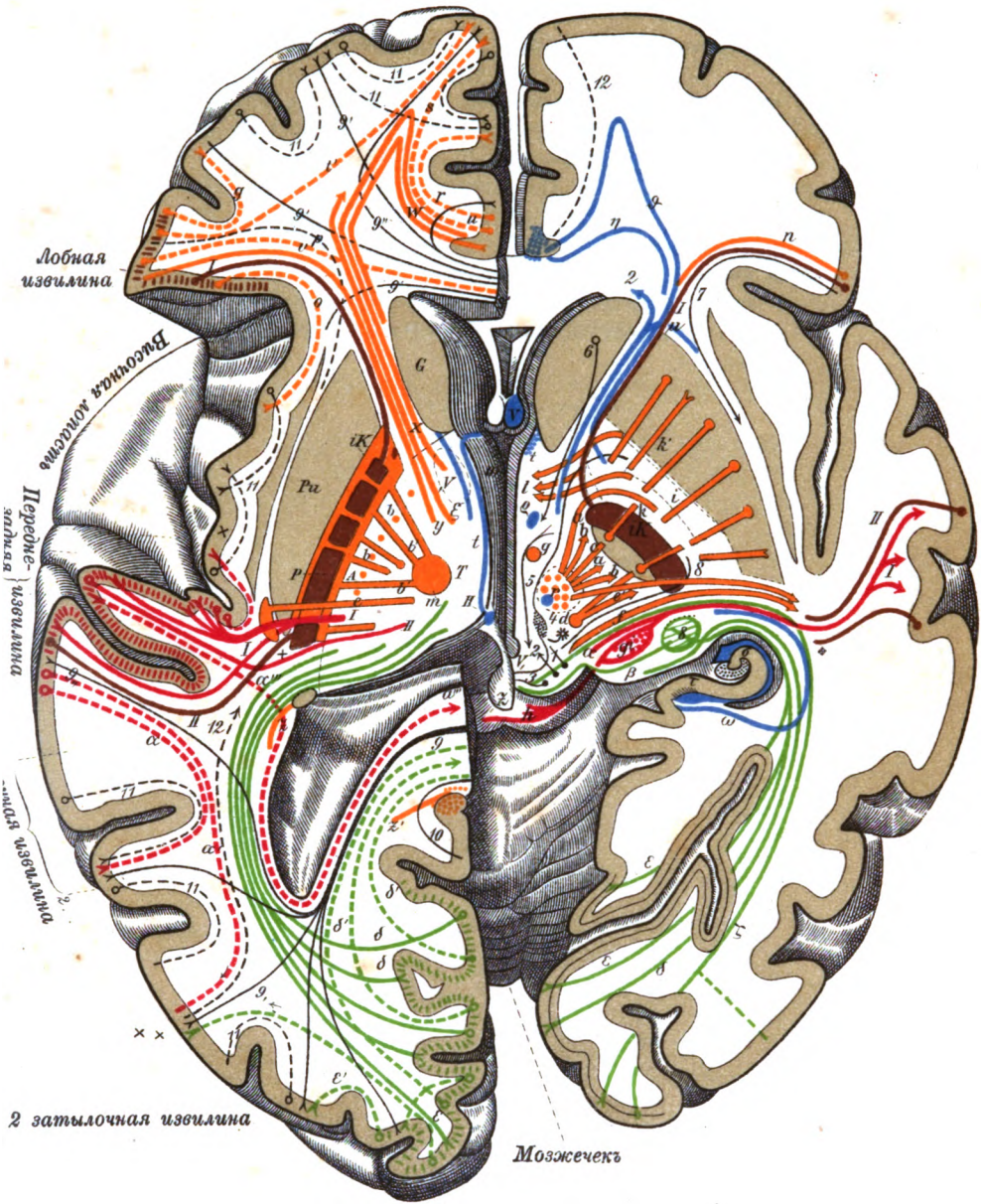
Издание Т-ва И. Д. Сытина въ Москвѣ:

Игры звѣрей. Для забавы. Гумпти-думпти. Изъ жизни животныхъ. Золушка. Наши друзья. Красная шапочка. Коть въ сапогахъ. Милымъ дѣтямъ. Спящее царство. Пернатое царство. Косматое чудовище. Дѣтская забава. Маленькимъ дѣтямъ. Всего понемногу. Горе и радость Маленькія кошечки.

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ РАЗРЪЗЪ МОЗГА.

- **Моторные проводники** от центральных и нижних частей мозга.
  - **Проводники, находящиеся в связи с областью слуха**, т. е. с слуховым нервом (*Nervus cochlearis*).
  - **Проводники, находящиеся в связи с областью зрения**, т. е. с зрительным нервом.
  - " " " " обонятель, " " обонятельным " и *Gyrus hippocampi*.
  - **Проводники, находящиеся в связи с областью осязания**, т. е. с чувствительными нервами кожи, сухожилий, мышц и внутренних органов.
  - **Системы ассоциационных нитей**, разветвляющиеся в одном полушарии лишь в центрах ассоциаций; переходя в другое полушарие, они большей частью вступают в связь с чувственными центрами.
- Корковый слой обозначен стрелой цепочкой. Соответствующие чувственные центры обозначены в нем короткими цепочными черточками.

М О З Г Ъ И Д У Ш А .

Рѣчь проф. Флексиа.

Милостивые государи!

Обычай нашего университета обязываютъ ректора, вступающаго въ эту должность по выбору своихъ коллегъ, произнести рѣчь изъ области хорошо знакомой ему науки. Привлекая Ваше вниманіе къ основной задачѣ интересующей меня области знанія, именно къ вопросу о значеніи мозга въ психической жизни, — я слѣдую лишь установившемуся обычаю

Съ тѣхъ поръ какъ медицинѣ стало присуще научное мышленіе, стремящееся перешагнуть за предѣлы практическихъ потребностей, врачи всѣхъ культурныхъ народовъ стремились отыскать въ человѣческомъ тѣлѣ мѣстообитаніе живой души и мыслящаго духа. Задачу эту пытались разрѣшить въ моменты научнаго возбужденія всякій разъ съ новыми силами. Еще недавно она составляла главный предметъ клиническаго изслѣдованія, пока не была оттѣснена на задній планъ бактериологіей, этимъ дѣтищемъ нашего времени, имѣющимъ столь важное значеніе для здоровья.

Философія, подобно медицинѣ, также стремилась въ теченіе тысячелѣтій познать соотношеніе, существующее между тѣломъ и духомъ; однако, философы и врачи не старались облегчить задачу другъ друга, наоборотъ, они нерѣдко были склонны отрицать доказательства противной стороны.

Обозрѣвая съ высоты современной науки пути, по которымъ двигались обѣ науки, мы должны будемъ признать, что медицина во всѣ времена подходила ближе къ современной постановкѣ вопроса, чѣмъ философія, не потому, чтобы врачи обладали болѣею силою мысли (кто бы осмѣлился это сказать передъ лицомъ Аристотеля или Декарта!), но исключительно потому, что главный предметъ наблюденія врача—человѣческое тѣло, въ здоровомъ и больномъ состояніи, при жизни и послѣ смерти, дѣйствительно, представляетъ естественное представленіе о «душѣ».

Врачи не могутъ заблуждаться въ своихъ доказательствахъ, хотя бы многочисленные философы-психологи отрицали внутреннюю основу и логическое построеніе медицинскаго ученія о мозгѣ и душѣ, хотя бы современный діалектикъ съ сожалѣніемъ взиралъ на из-

слѣдователей, которые собираются указать душѣ особое мѣсто въ человѣческомъ тѣлѣ.

Въ сущности подобное стремленіе покажется нелѣпымъ лишь тому, кто въ понятіи души предполагаетъ нѣчто существенно иное, чѣмъ совокупность внутреннихъ чувствованій каждаго индивидуальнаго сознанія. Но современная медицина вполне основательно держится въ сторонѣ отъ подобныхъ метафизическихъ воззрѣній; она разсматриваетъ исключительно доступныя изслѣдованію душевныя явленія и матеріальныя условія ихъ проявленія — разныя же разсужденія объ имманентныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ личныхъ сознаний къ міровой душѣ, объ всеобщемъ духѣ и т. п. она охотно и безъ зависти уступаетъ философін.

Исходя изъ факта, что сознаніе проявляется только у живого человѣка, и что единственная форма его, которую мы дѣйствительно познаемъ изъ собственнаго опыта, именно человѣческія чувствованія и представленія, измѣняются съ различными состояніями тѣла, — мы признаемъ душу отправленіемъ тѣла, а душевныя явленія считаемъ жизненными явленіями, которыя отличаются отъ другихъ, подобныхъ явленій (именно нервныхъ) тѣмъ, что связаны съ сознаніемъ. Медицина, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей видитъ въ сознаніи сопутствующее явленіе жизненныхъ процессовъ, а отнюдь не результатъ ихъ, понимаемый въ механическомъ смыслѣ.

Еще школа Гиппократъ учила, что изъ всѣхъ частей тѣла мозгъ имѣетъ ближайшее отношеніе къ душевнымъ явленіямъ, такъ какъ опытъ показалъ, что поврежденіе и болѣзни мозга наиболѣе правильно связаны съ болѣзнями души. Съ тѣхъ поръ врачи и физиологи въ общемъ установили твердо, что изслѣдованіе мозга представляетъ ключъ къ научному познанію души, такъ что современная медицинская психологія представляетъ въ сущности не что иное, какъ ученіе объ отправленіяхъ мозга. Какія части мозга приходятъ въ дѣятельность, когда мы думаемъ или чувствуемъ; какія химическія и физическія превращенія совершаются при этомъ? Вотъ вопросы, которые ставитъ себѣ врачъ.

Добытые пока результаты не составляютъ, однако, чего либо законченнаго: они ничтожны по сравненію съ размѣрами поставленной задачи. Наши достовѣрныя знанія ограничиваются существеннымъ видомъ, формой и тканями, связанными съ душевными явленіями, а также ихъ взаимнымъ отношеніемъ и локализацией въ мозгу. Но мы не можемъ еще дѣлать заключеніе объ основныхъ веществахъ и силахъ, мы знаемъ лишь, что химическіе элементы мозга участвуютъ въ дѣятельности его; мы предполагаемъ, что эти элементы соединяются въ живомъ мозгу въ самыя сложныя тѣла; но пока мы знаемъ лишь продукты разложенія психическаго вещества, а потому предѣлы возможнаго познанія представляются намъ въ этой области въ туманной дали.

Современное ученіе о мозгѣ утверждаетъ, что не всѣ части его имѣютъ одинаковое значеніе для душевной жизни. Отдѣлы его, различаемые простымъ глазомъ, можно для простоты разбить на двѣ

главныя группы, которыя можно противопоставить другъ другу, какъ высшія и низшія части его.

Низшія части мозга расположены между извилистыми полушаріями и спиннымъ мозгомъ и охватываютъ собою продолговатый мозгъ съ другими придатками, въ числѣ ихъ малый мозгъ, четырехолміе, а также часть сплетеній большого мозга. (См. табл.)

Изъ всѣхъ этихъ частей, по мнѣнію многочисленныхъ современныхъ изслѣдователей, лишь сѣрое корковое вещество большого мозга въ состояніи производить явленія сознанія. Это положеніе однако отнюдь не установлено окончательно, ибо пока патологія утверждаетъ съ извѣстной смѣлостью, что лишь способность представленія, представленіе о внѣшнемъ мірѣ и о тѣлахъ—отнюдь, однако, не всякое элементарное чувствованіе—связаны съ полушаріями большого мозга, и что въ немъ отдѣльныя области соотвѣтствуютъ различнымъ качественнымъ представленіямъ, какъ, на примѣръ, представленіямъ зрительнымъ, слуховымъ и другимъ.

Обыкновенно въ этой «локализационной» теоріи не-медики видятъ возвращеніе къ ученіямъ френологіи, которая связана съ именемъ Франца Юсефа Галля, и которая въ началѣ этого столѣтія была и превозносима, и презираема. Однако тѣ, кто собираются, при помощи клички «современная френологія», предать новую фізіологію мозга осмѣянію,—жестoko ошибаются; эти насмѣшки окружаютъ лишь новою славою имя Галля; новыя воззрѣнія на отправленія мозга кое въ чемъ сходятся со старою френологіей, ибо вѣдь она, хотя отчасти, покоится на наблюденіяхъ. Однако Галль вовсе не отецъ современной фізіологіи мозга, онъ лишь предтеча ея, и для правильной оцѣнки его необходимо принять въ расчетъ тогдашнее состояніе фізіологіи мозга.

Въ то время всюду господствовало еще Декартово ученіе о мѣстопребываніи души. Знаменитый и до сихъ поръ еще извѣстный анатомъ Земмерингъ попытался сто лѣтъ тому назадъ облечь построеніе Декарта въ оригинальную форму и доставить ему признаніе въ научномъ мірѣ, и не кто иной, какъ Кантъ, почтилъ это странное предпріятіе своей строгой, хотя нѣсколько иронической критикой.

Земмерингъ, подобно Декарту, училъ, что всѣ чувственные и двигательные нервы начинаются въ стѣнкахъ полостей, залегающихъ внутри мозга, и что всѣ эти пространства отдѣленные аппараты соединяются воедино водянистымъ содержаніемъ полостей или мозговой водой, которая одна только и можетъ быть мѣстопребываніемъ души.

Въ виду этого ученіе Галля, по которому извилины мозга являются главною областью душевной дѣятельности, представляетъ несомнѣнный шагъ впередъ. Въ этомъ своемъ положеніи, а также въ утвержденіи, что отдѣльныя извилины большого мозга не равнозначущи въ психическомъ отношеніи,—Галль приближается къ современной теоріи локализации отправленія. Съ другой стороны эта теорія совершенно оставляетъ въ сторонѣ его взгляды на отдѣль-

ныя душевныя способности и на его двадцать семь мозговых органовъ. вмѣстѣ съ этимъ падаетъ ученіе о черепѣ въ той особой формѣ, которую придавъ ему Галль; однако, это не исключаетъ возможности облечь ученіе въ новую точную форму.

Физиологъ Флурансъ (1842) считается въ наукѣ разрушителемъ ученія френологіи. Предполагаютъ, что онъ, подобно Земмерингу, заранѣе составилъ себѣ представленіе о душѣ, какъ о самостоятельной сущности, и что представленіе это оказало значительное вліяніе на его опыты надъ животными. По его словамъ, животныя, лишеныя большого мозга, лишаются всего того, что мы называемъ пониманіемъ и волей. Въ этихъ проявленіяхъ душевной жизни каждая часть большого мозга принимаетъ равное участіе, такъ что при удаленіи любого количества уменьшаются на соотвѣтственный процентъ всѣ душевныя отправленія, какъ то: зрительныя, слуховыя и другія представленія.

Возрѣнія Флуранса господствовали въ физиологіи въ теченіе цѣлаго поколѣнія, но въ концѣ концовъ оказались отчасти ложными, отчасти недостаточными. Патологи никогда не принимали ихъ по отношенію къ человѣку безусловно; ибо еще до Флуранса вниманіе врачей было привлечено своеобразной болѣзью — афазіей, т. е. неспособностью выражать свои мысли членораздѣльной рѣчью, — въ основѣ которой лежитъ пораженіе голосовыхъ мышцъ и слабоуміе. Послѣ того, какъ уже Галль и его ученикъ Бульо показали, что подобное состояніе можетъ быть вызвано разрушеніемъ частей большого мозга, особенно въ лобной его области, — французскій врачъ, Маркъ Дасъ, нашель, что афазія въ сущности есть результатъ заболѣванія лѣваго полушарія большого мозга; наконецъ, въ 1863 году Брока установилъ, что для членораздѣльной рѣчи имѣетъ особое значеніе третья лобная извилина, и что у всѣхъ людей, пользующихся преимущественно правою рукою (т. е. у 98%), способность рѣчи сосредоточена лишь въ лѣвой третьей лобной извилинѣ; между тѣмъ какъ у лѣвшеи она соотвѣтствующимъ образомъ заключается въ правой сторонѣ.

Въ настоящее время намъ извѣстны различныя виды афазіи; нерѣдко человѣкъ лишается рѣчи не вполне; иногда онъ не можетъ говорить громко, иногда болѣзнь распространяется на способность писать или поражаетъ память на слова, или же лишаетъ возможности выразиться правильно синтаксически.

Однако, во всѣхъ этихъ случаяхъ третья лобная извилина, или извилина Брока, не одна является отвѣтственной; она оказывается большою, когда пораженный афазіей человѣкъ не въ состояніи произнести слова, представляющіяся его сознанію, какъ звуковые образы. Другія формы афазіи зависятъ отъ пораженія височныхъ и теменныхъ частей. Однако, мы не можемъ здѣсь разобрать подробно различныя наблюденія, собранныя врачами. Они доказываютъ, что въ душевномъ отношеніи всѣ области мозга отнюдь не равнозначущи, и то же самое убѣдительно доказываетъ другой рядъ патологическихъ наблюденій, касающихся отношеній отдѣльныхъ

областей мозговой поверхности къ чувственнымъ впечатлѣніямъ и произвольнымъ движеніямъ. Въ настоящее время вполнѣ доказано, что задняя часть большого мозга заключаетъ область, разрушеніе которой совершенно уничтожаетъ всѣ зрительныя впечатлѣнія. Такимъ образомъ, мы «смотримъ» заднею частью большого мозга. Точно также доказано клинически, что слухъ связанъ съ височными частями, обоняніе съ нижнею поверхностью головного мозга, а осязаніе съ переднею лобной и переднею теменной частью (см. таблицу).

При заболѣваніи этихъ областей наступаетъ, обыкновенно, нарушение способности движенія: напримѣръ, поврежденіе коркового слоя области осязанія связано съ уничтоженіемъ осязанія на особенно чувствительныхъ частяхъ тѣла, напримѣръ, въ рукахъ. При поврежденіи областей, сосѣднихъ съ областью зрѣнія, наступаютъ временныя отклоненія въ движеніи глазъ. Точно также аномаліи различныхъ движеній, служащихъ для болѣе остраго воспріятія и различія чувственныхъ впечатлѣній, являются признакомъ поврежденія извилинъ большого мозга; между тѣмъ какъ способность общаго движенія и перемѣщенія тѣла исчезаетъ временно или навсегда лишь при заболѣваніяхъ, охватывающихъ ниже лежащія части мозга.

Натологія достигла въ короткое время этихъ результатовъ не однѣми своими силами. Лишь послѣ того, какъ врачи прибѣгли къ опытамъ надъ животными, вниманіе ихъ направилось на указанныя области человѣческаго мозга.

Новая эпоха въ экспериментальной физиологіи наступила съ момента, когда стали изучать поверхность мозга животнаго при помощи гальваническаго тока (Фритшъ и Хитцигъ 1870 г.); при этомъ тотчасъ обнаружилось, что движеніе частей тѣла наступаетъ при раздраженіи извѣстныхъ областей, притомъ, такимъ образомъ, что между мѣстомъ раздраженія и приходящей въ движеніе частью наблюдается строго законная зависимость. При этихъ первыхъ своихъ основныхъ опытахъ физиологія отнюдь не проникла еще въ область собственно душевныхъ болѣзней, она открыла лишь въ корковомъ слоѣ большого мозга, какъ это мы теперь знаемъ, сѣдалища отдѣльныхъ движеній; однако, дальнѣйшіе опыты проникали все глубже и глубже въ область душевныхъ движеній. При помощи гальваническихъ раздраженій Ферье вызывалъ (1873 г.) изъ поверхности мозга движенія, представлявшія характеръ пѣлесообразныхъ и сознательныхъ, движенія частей тѣла, которыя производитъ здоровое животное, когда собирается при помощи осязанія, зрѣнія, обонянія или слуха изучить окружающій міръ, т. е. познать матерію по ея чувственнымъ свойствамъ. Затѣмъ, путемъ систематически измѣняемыхъ удаленій извѣстныхъ извилинъ (Мункъ) удалось вызвать въ животныхъ поврежденія тѣхъ же душевныхъ свойствъ, которыя впоследствии наблюдали у человѣка, — и если фантазія нѣкоторыхъ физиологовъ при изображеніи нарушенныхъ функцій животнаго оторвалась отъ твердой почвы дѣйствительно познаваемаго, то все же

пѣнность прочно установленныхъ выводовъ оставалась весьма значительною.

Наконецъ, физиологу, шедшему по стопамъ Флуранса, который еще до того внесъ въ ученіе о мозгѣ много ясныхъ мыслей, удалось обогатить ее новой идеей. Именно Гольцу удалось наблюдать живую собаку, лишенную полушарій большого мозга; благодаря этому, онъ могъ точнѣе Флуранса установить, къ какимъ отправленіямъ способны нижнія части мозга, если нарушена связь ихъ съ большимъ мозгомъ. Гольцъ доказалъ ясно, что млекопитающее, лишенное большого мозга, отнюдь не лишается вмѣстѣ съ тѣмъ всякихъ душевныхъ движеній. Хотя въ немъ угасаютъ всякія движенія души, основанныя на понятіи и разсужденіи, хотя животное уже не способно находить съ помощью своихъ чувствъ необходимыя для удовлетворенія его потребностей внѣшніе предметы, однако, оно вовсе не превращается въ абсолютно лишенную воли машину, какъ это думалъ Флурансъ. Оно способно еще къ бѣгательнымъ движеніямъ и въ состояніи стоять прямо на ногахъ. При внѣшнемъ раздраженіи—нажимѣ, яркомъ свѣтѣ, потрясающемъ звукѣ—животное приходитъ въ движеніе, и по внѣшнему виду его можно заключить о переживаемыхъ имъ неприятныхъ чувствахъ. Если поднять животное на воздухъ, то оно приходитъ въ ярость, воетъ и кусается, и, что еще замѣчательнѣе, — будучи лишено пищи, стало быть въ состояніи голода, оно приводитъ все тѣло въ движеніе. Послѣ удовлетворенія голода наступаетъ покой, и во всей внѣшности этого лишеннаго большого мозга животнаго мы наблюдаемъ нѣчто вродѣ удовольствія. Итакъ, потребности тѣла, даже при полномъ отсутствіи большого мозга все еще дѣятельно вліяютъ на все тѣло животнаго и сверхъ того приводятъ въ движеніе отдѣльные аппараты, служащіе непосредственному удовлетворенію тѣлесныхъ нуждъ. Но лишь только онѣ удовлетворены, животное становится спокойнымъ, и тѣло его охватываетъ сонъ, лишенный, повидимому, всякихъ сновидѣній, пока сильное внѣшнее раздраженіе или же голодъ снова не пробудятъ въ немъ сознание или, по крайней мѣрѣ, не возбудятъ въ немъ соответствующихъ внѣшнихъ движеній.

Великое значеніе этого опыта заключается не въ томъ, что онъ даетъ указаніе на то, въ какомъ состояніи находится сознание послѣ потери большого мозга; объ этомъ мы не знаемъ ничего! Но онъ доказываетъ намъ ясно всю силу и самостоятельность тѣлесныхъ побужденій и доставляетъ намъ первые элементы для точнаго анализа дѣйствій животнаго. Эти опыты показываютъ, что большинство подобныхъ дѣйствій совершается исключительно подъ вліяніемъ тѣлесныхъ побужденій и не имѣютъ никакого отношенія къ «душѣ».

Различныя наблюденія учатъ, что для человѣка мы должны допустить совершенно подобную же зависимость; прежде всего мы наблюдаемъ это на новорожденномъ ребенкѣ. При преждевременномъ появленіи на свѣтъ, когда большой мозгъ почти совершенно лишентъ еще нервной массы, такъ что онъ въ химическомъ отношеніи рѣзко отличается отъ мозга взрослого, — человѣкъ похожъ

на животное, лишенное большого мозга — и все же потребности тѣла при первомъ же вздохѣ проявляются въ немъ съ такою силою, что тѣло ребенка съ крикомъ требуетъ ихъ удовлетворенія и не знаетъ ничего, кромѣ этой единой задачи, обуславливающей, впрочемъ, всякую возможность жизни. Но лишь только потребности удовлетворены, лишь только исчезло неудовольствіе, вызванное вѣшнимъ раздраженіемъ, какъ немедленно исчезаютъ всякіе признаки сознанія. Неограниченное господство низшихъ побужденій проявляется долго при послѣдующей жизни; долго еще органы чувствъ служатъ исключительно имъ, доставляя случай къ удовлетворенію ихъ; многіе люди вообще не выходятъ изъ предѣловъ подобной жизни.

Что касается взрослога человѣка, то патологическія наблюденія говорятъ за примѣненіе къ нему наблюденій Гольца надъ животными. Мы знаемъ многочисленныя состоянія, при которыхъ совершенно не существуетъ сознанія вѣшняго міра и собственного лица; несмотря на то, тѣло выполняетъ движеніе, свидѣтельствующее о живости чувствъ, оно можетъ даже правильно передвигаться съ мѣста на мѣсто и совершать обычные поступки безъ всякаго участія воображенія и сознанія.

Но, если мы желаемъ глубже заглянуть въ эти явленія, намъ необходимо познакомиться сперва съ другой важной областью современнаго ученія о мозгѣ: сюда относятся новыя изслѣдованія о внутреннемъ расчлененіи и внутренней зависимости частей чело-вѣческаго мозга. Анатомія мозга представляется, обыкновенно, не посвященному тѣмъ-то чуждымъ и врядъ ли достойнымъ вниманія. Вѣдь онъ не подозрѣваетъ, что въ ней заключается ключъ къ великому естественному представленію о душевной дѣятельности, и что вся наша культуроспособность основывается исключительно на устройствѣ нашего мозга. Дѣйствительно, въ устройствѣ мозга ясно отражается большая часть его отправленій.

Анатомія показываетъ намъ ясно, что въ нижнихъ частяхъ мозга заключаются аппараты, которые способны отражать внутри себя общее состояніе тѣла; малый мозгъ при помощи всѣхъ мышцъ, жилъ, сочлененій, при помощи слухового аппарата и другихъ отправленій непрерывно слѣдитъ за всякимъ перемѣщеніемъ подвижныхъ частей тѣла и создаетъ, такимъ образомъ, каждое мгновеніе полную статистически—механическую картину цѣлаго, такъ что мы не должны удивляться тому, что все тѣло наше въ состояніи производить цѣлесообразныя движенія безъ всякаго участія вѣшнихъ чувственныхъ впечатлѣній. Продолговатый мозгъ находится въ соединеніи съ нервами, спеціальной задачей которыхъ является доводить до свѣдѣнія сознанія путемъ локализованныхъ ощущеній голода жанды и страха потребность въ твердой пищѣ, въ водѣ, въ кислородѣ,—вообще во всякихъ химическихъ превращеніяхъ. Но въ созданіи душевныхъ движеній играетъ главную роль механизмъ собственно большого мозга. Еще недавно мы не имѣли ни одного вѣрнаго способа для изслѣдованія и анализа этого

органа съ миллиардами его ганглиозныхъ клѣтокъ и нервныхъ путей; въ настоящее время мы обладаемъ подобными методами; въ числѣ ихъ, для раскрытія общаго плана главную роль играетъ исторія развитія; подъ этимъ мы подразумѣваемъ однако не исторію первообразованія и первыхъ формальныхъ превращеній, но исторію совершающихся значительно позднѣе внутреннихъ построеній. Всѣ остальные методы изслѣдованія, особенно тѣ, которые основаны на наблюденіи уродствъ, могутъ служить лишь для дополненій изслѣдованій исторіи развитія, пользующихся естественнымъ расчлененіемъ мозга. При строго законѣрномъ и систематическомъ процессѣ дѣленія мозга на части рѣзко выдѣляются главныя основныя линіи, отдѣльныя части механизма послѣдовательно созрѣваютъ для дѣятельности, ясно отражая на ряду съ вошпоающимъ въ строеніи мозга идеями, бытіе и ростъ индивидуальнаго сознанія.

Въ то время, какъ нижнія части мозга, изъ которыхъ исходятъ первыя тѣлесныя побужденія, достигаютъ своего полнаго развитія уже при рожденіи, большой мозгъ даже впольнѣ зрѣлыхъ дѣтей имѣетъ лишь ограниченное число нервныхъ проводниковъ, которые служатъ исключительно для связи между внутренними чувствительными частями тѣла, главнымъ образомъ, мышцами, нѣкоторыми органами чувствъ и сѣрымъ веществомъ большого мозга — этимъ центральнымъ очагомъ сознанія. Чувственные проводники одинъ за другимъ, начиная со столь важнаго для выбора пищи обонянія и кончая слухомъ, направляются отъ поверхности тѣла къ этому корковому слою; при этомъ ясно обнаруживается, что всѣ тѣ области мозговой поверхности, которыя, по даннымъ патологіи, стоятъ въ извѣстной связи съ чувственными впечатлѣніями, представляютъ не что иное, какъ конечныя точки чувственныхъ проводниковъ на внѣшнемъ слоѣ большого мозга, или иными словами, внутреннія конечныя плоскости чувствительныхъ нервовъ. Разрушеніе этихъ внутреннихъ органовъ чувствъ сопровождается слѣпотой, глухотой и т. д. коркового слоя.

Послѣ того, какъ чувственные проводники ребенка получили эти органы въ корковомъ слоѣ, въ немъ начинаютъ развиваться новые пути въ обратномъ направленіи. Одни проникаютъ въ нижележащія части мозга, отчасти даже въ спинной мозгъ, по направленію къ началамъ двигательныхъ нервовъ; такимъ образомъ, одна чувственная область за другой снабжается проводниками, которые передаютъ тонкіе оттѣнки волевыхъ импульсовъ двигательнымъ аппаратамъ, главнымъ образомъ, мышцамъ периферическихъ органовъ чувствъ, особенно, осязательнымъ, которымъ у человѣка служатъ сотни тысячъ изолированныхъ проводниковъ, приводящихъ въ движеніе чувствующую поверхность кожи.

Уже это сильное развитіе внутреннихъ органовъ осязанія, стало быть, пониманія,—очевидно, обуславливаетъ общую форму человѣческаго мозга, не говоря уже про его душевныя отправления.

Внутреннія и конечныя плоскости внѣшнихъ чувствъ въ корковомъ слоѣ мозга вступаютъ также въ связь съ различными мѣстами

возникновения тѣлесныхъ побужденій при помощи нервныхъ проводниковъ, которые, по всей вѣроятности, допускаютъ взаимодѣйствіе между этими побужденіями и внѣшними чувственными впечатлѣніями. Если, какъ я предполагаю, сплетенія большого мозга заключены въ эти проводники, то корковый центръ органа слуха занимаетъ совершенно особое положеніе. потому что мы наблюдаемъ между нимъ и сплетеніями большого мозга лишь самую слабую связь; и, вѣроятно, изъ этого проистекаетъ идеальный характеръ слуховыхъ впечатлѣній, благодаря которому музыкальное искусство становится заранѣе естественнымъ посредникомъ между душевными чувствами. Наоборотъ, корковая область чувства обонянія, связаннаго столь тѣсно съ низшими побужденіями, стоитъ въ самой широкой связи со сплетеніями большого мозга.

Область въ передней лобной и передней теменной части представляетъ часть большой связанной корковой области, въ которой все наше тѣло вторично отражается во всемъ своемъ объемѣ, и изъ которой исходятъ психически, рефлекторно и произвольно всѣ движенія, служащія для удовлетворенія тѣлесныхъ нуждъ (глотаніе, жеваніе, дыхательныя движенія, также перемѣщеніе и схватываніе внѣшнихъ предметовъ). Здѣсь, въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ зачатками большинства психо-моторныхъ путей, лежатъ конечныя станціи всѣхъ проводниковъ, служащихъ для объективныхъ воспріятій осязанія, тѣлесныхъ чувствъ, чувства перемѣщенія въ пространствѣ отдѣльныхъ частей тѣла и т. д., — мы имѣемъ передъ собою область, въ которой заключается основа самосознанія, т. е. сознанія собственного тѣла. Поэтому было бы цѣлесообразно дать этой обширной корковой зонѣ, превосходящей по своимъ размѣрамъ всѣ остальные центры чувствъ, названіе «сфера тѣлеснаго ощущенія», которое отличить ее отъ другихъ чувственныхъ центровъ, служащихъ исключительно для воспріятія внѣшнихъ ощущеній, какъ, на примѣръ, сфера слуха.

Такимъ образомъ, тѣло отражается въ мозгу дважды: разъ въ нижнихъ областяхъ его. — этихъ автоматически рефлекторныхъ мѣстахъ возникновенія тѣлесныхъ побужденій; второй разъ во внѣшнемъ слои большого мозга, представляющемъ область высшихъ душевныхъ движеній; въ послѣднемъ случаѣ оно при помощи внѣшнихъ чувствъ представляется въ видѣ объекта, являясь въ то же время субъектомъ, непосредственно чувствующимъ себя съ помощью внутреннихъ впечатлѣній, особенно нервовъ зрительныхъ, мышечныхъ и нервовъ, исходящихъ изъ внутренностей.

Стараясь вообразить себѣ всю совокупность психическихъ управленій, связанныхъ исключительно съ этими внутренними областями чувствъ, мы не должны упускать изъ виду, что у нормальнаго взрослого человѣка всякія чувственныя впечатлѣнія немедленно связываются съ многочисленными воспоминаніями. Лишь благодаря этой связи возникаютъ представленія, и лишь этимъ путемъ мы правильно истолковываемъ себѣ наши чувственныя впечатлѣнія. Чувственныя впечатлѣнія безъ всякихъ воспоминаній врядъ ли

даже возникают у нормального взрослого человека, между тѣмъ, какъ при болѣзненномъ состояніи они являются нерѣдко. Такъ какъ у человека—а только его мы и можемъ принимать въ расчетъ—многочисленные воспоминанія исчезаютъ при заболѣваніи чувственныхъ центровъ не равномерно, то мы не можемъ приписать этимъ центрамъ способность связывать самостоятельно на ряду съ чувственными впечатлѣніями всѣ представленія памяти: однако они, безъ сомнѣнія, принимаютъ существенное участіе въ выработкѣ представленій въ томъ, что является чувственно, рѣзко и ясно ограниченнымъ, т. е. въ томъ, что носитъ на себѣ печать специфической энергіи; поэтому мы имѣемъ право обозначить эти чувственные области большого мозга, какъ центры пониманія.

Въ этихъ воспріятіяхъ, т. е. въ пониманіи, замѣчательна однако не только чувственная острота, но замѣчательно также и сліяніе болѣе или менѣе многочисленныхъ элементарныхъ ощущеній въ общіе психическіе образы, такъ что въ нихъ мы находимъ «связующую дѣятельность души».

Для правильнаго пониманія чувственныхъ впечатлѣній, для душевной переработки ихъ имѣетъ не меньшее значеніе вторая группа областей на поверхности большого мозга, которую мы можемъ рѣзко отграничить лишь съ помощью изслѣдованія дѣтскаго мозга. Лишь третья часть внѣшняго слоя человѣческаго мозга имѣетъ прямую связь съ проводниками, доводящими до сознанія чувственные впечатлѣнія и возбуждающими механизмы движенія, т. е. мышцы; остальные двѣ трети не имѣютъ къ этимъ отправленіямъ никакого отношенія; но значеніе ихъ иное,—болѣе высокое.

Объ этомъ до извѣстной степени свидѣтельствуетъ уже микроскопическое изслѣдованіе. Въ то время, какъ каждый чувственный центръ коркового слоя обладаетъ характернымъ строеніемъ, которое у нѣкоторыхъ ясно походитъ на нервныя расширенія въ каждомъ изъ подчиненныхъ внѣшнихъ чувственныхъ аппаратовъ,—эти высшіе центры,—которые я ради ясности буду называть духовными, противопоставляя ихъ въ качествѣ «органовъ мыслей» «внутреннимъ чувствамъ»,—имѣютъ болѣе однообразный видъ и представляютъ по своей микроскопической структурѣ болѣе равномерный типъ, несмотря на то, что они залегаютъ въ различныхъ областяхъ мозговой поверхности. Съ одной стороны они образуютъ въ тѣсномъ смыслѣ лобную область, т. е. занимаютъ части мозга, лежація непосредственно надъ глазами; далѣе значительную часть височной и затылочной долей, обширную область въ задней теменной части и, наконецъ, лежащую глубоко въ мозгу *Insula Reilii*. Итакъ, въ человѣческомъ мозгу находится нѣсколько большихъ, хорошо отграниченныхъ областей, которыя не имѣютъ прямого отношенія ко внѣшнимъ чувственнымъ и исходящимъ изнутри тѣла впечатлѣніямъ, и дѣятельность которыхъ, такимъ образомъ, носитъ совершенно особый внутренній характеръ.

Но эти области обнаруживаютъ еще дальнѣйшія особенности, которыя заранѣе позволяютъ заключать о ихъ болѣе высокомъ ду-

ховномъ назначеніи. Мѣсяць спустя послѣ рожденія, духовные центры еще не достигли зрѣлости и совершенно лишены нервнаго вещества, между тѣмъ какъ чувственные центры достигли уже зрѣлости, каждый независимо одинъ отъ другого. Лишь когда закончится образованіе чувственныхъ центровъ, начинается образованіе духовныхъ центровъ, и мы замѣчаемъ, что отъ каждого чувственнаго центра направляется безчисленное множество мозговыхъ нитей къ духовному центру, внутри котораго эти проводники, исходящіе изъ различныхъ чувственныхъ центровъ, располагаются въ корковомъ слое другъ около друга и вступаютъ, такимъ образомъ, во взаимную связь. Духовные центры представляютъ, слѣдовательно, аппараты, соединяющіе въ высшія единства дѣятельность многихъ внутреннихъ, а слѣдовательно, и вѣдшихъ органовъ чувствъ.

Они представляютъ центры соединенія различныхъ по качеству чувственныхъ впечатлѣній, какъ-то зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. д., они являются поэтому носителями «коагитаціи», (взаимодѣятельность), какъ латинскій языкъ пророчески обозначилъ мышленіе; въ спеціальному смыслѣ мы можемъ назвать ихъ центрами ассоціаціи или коагитаціи.

Эта гипотеза, навязывающаяся сама собою на основаніи анатомическаго изслѣдованія, считалась недостаточно обоснованной, пока ее не подтвердили клиническія наблюденія, доставившія въ пользу ея множество новыхъ доказательствъ.

Всякая душевная болѣзнь есть именно результатъ заболѣванія центровъ ассоціаціи, которые поэтому являются предметомъ изученія психіатріи. Мы находимъ ихъ въ измѣненномъ состояніи при такихъ душевныхъ болѣзняхъ, природа которыхъ намъ вполне ясна, ибо микроскопъ позволяетъ подмѣтить совершившіяся при этомъ измѣненія каждой клѣтки, каждой нити. Вотъ почему мы можемъ доказать, къ какимъ слѣдствіямъ душевной жизни приводятъ частичная или полная дезорганизація этихъ центровъ. При болѣзненномъ возбужденіи ихъ мысли сплываються, душа создаетъ новыя, чуждыя ей картины, а при полномъ разрушеніи ихъ исчезаетъ всякая способность вспоминать прошлое и предусматривать слѣдствія собственныхъ поступковъ. Центры эти—носители всего, что мы называемъ опытомъ, знаніемъ, познаніемъ, основными положеніями и высшими чувствами, отчасти также языка; лишь только какой нибудь ядъ прекратитъ возбуждаемость этихъ центровъ, какъ мы сразу теряемъ возможность пользоваться этими способностями.

Ученіе о «душевныхъ» центрахъ еще слишкомъ ново, такъ что пока невозможно выяснитъ его всестороннее значеніе; психологія будетъ въ будущемъ въ значительной степени зависѣть отъ изслѣдованія этихъ центровъ, и тогда то окажется, что человѣкъ имѣетъ нѣсколько особыхъ органовъ души. Психологія, если захочетъ достигнуть точности, не оставитъ безъ вниманія того обстоятельства, что поверхность большого мозга у человѣка представляетъ, подобно земной поверхности, составленной изъ материковъ и морей, семь рѣзко ограниченныхъ въ анатомическомъ отношеніи областей. Ор-

ганъ души ясно носить на себѣ характеръ коллегіального устройства; его совѣщательныя учрежденія группируются въ два сената, но только отдѣльные члены этихъ сенатовъ называются не дружбой, не добродушіемъ, остроуміемъ или твердостью, какъ въ прежней френологіи, а получаютъ свое названіе отчасти отъ чувствъ зрѣнія, обонянія, слуха, осязанія, тѣлеснаго самочувствія, отчасти представляютъ центры ассоціаціи и коагитаци; впрочемъ послѣдніе, въ зависимости отъ своихъ особыхъ отправленій, требуютъ особыхъ спеціальныхъ обозначеній. Пока же мы должны довольствоваться обозначеніемъ ихъ по ихъ мѣстоположенію; именно лобный или передній центръ, островной или средний, и затылочно-височный или задній центры ассоціаціи. Въ виду того, что послѣдній центръ самый обширный, ибо затылчныя, теменныя и височныя части его, распространяясь по поверхности мозга, не имѣютъ рѣзкихъ границъ, мы можемъ обозначить всю эту группу, какъ задній большой центръ ассоціаціи. Въ духовномъ отношеніи эти центры вовсе не равноцѣнны, ибо уже различныя положенія ихъ по отношенію къ отдѣльнымъ чувственнымъ центрамъ являются причиной извѣстныхъ особенностей; такъ задній центръ ассоціаціи вдвинутъ между сферами зрѣнія, слуха и осязанія (тѣлеснаго самочувствія), между тѣмъ какъ передній центръ располагается среди областей тѣлеснаго самочувствія и обонянія (вѣроятно, также вкуса), а средний центръ залегаетъ между сферами слуха обонянія и тѣлеснаго самочувствія. Но клиническія наблюденія показываютъ, что при поврежденіи задняго большого центра ассоціаціи, а также и другихъ, человѣкъ теряетъ способность правильно называть видимые и ощущаемые имъ внѣшніе предметы; онъ поэтому не въ состояніи правильно понимать ихъ и создавать правильныя общія представленія о внѣшнемъ мірѣ; между тѣмъ какъ при заболѣваніи обоихъ переднихъ центровъ ассоціаціи, дѣло доходитъ до того, что человѣкъ теряетъ представленіе о себѣ, какъ о существѣ, способномъ къ дѣйствию, и его личное участіе въ событіяхъ, совершающихся внутри его или вокругъ него, измѣняется въ томъ или иномъ отношеніи, порою даже исчезаетъ вовсе.

У человѣка центры ассоціаціи значительно превышаютъ абсолютно и относительно по своей массѣ и поверхности центры ассоціаціи высшихъ животныхъ и человѣкообразныхъ обезьянъ; этимъ областямъ мозга человѣкъ прежде всего обязанъ своимъ духовнымъ превосходствомъ; въ этомъ отношеніи главную роль играетъ задній большой центръ ассоціаціи, который позволяетъ человѣку связывать все его воззрѣнія со словами и облекать ихъ въ форму словъ; но способность произносить слова заключается въ сильно развитой третьей лобной извилинѣ, т. е. въ одной изъ областей тѣлеснаго самочувствія, которая даже у высшихъ обезьянъ далеко не достигаетъ такого развитія, какъ у человѣка. Опредѣлить, въ какой степени человѣкъ обязанъ своимъ духовнымъ превосходствомъ сильному развитію лобнаго центра ассоціаціи, станетъ возможно, когда удастся установить всю совокупность душевныхъ отправленій, свя-

занныхъ съ этою частью мозга; при этомъ придется, между прочимъ, обратить вниманіе на способность управлять вниманіемъ по личнымъ побужденіямъ, т. е. произвольно, ибо эта способность неизмѣнно утрачивается при заболѣваніи обоихъ лобныхъ центровъ.

При сложныхъ душевныхъ отправленіяхъ чувственные и душевные центры работаютъ одновременно, такъ какъ они соединены безчисленными нервными нитями. Большая часть большого мозга у человѣка состоитъ, въ сущности, изъ милліоновъ хорошо изолированныхъ проводниковъ, простирающихся въ общемъ на тысячи километровъ; эти проводники соединяютъ другъ съ другомъ чувственные центры, чувственные центры съ душевными и душевные между собою; лишь изъ подобнаго механическаго устройства вытекаетъ единство дѣятельности большого мозга.

Такъ какъ при разрушеніи «душевныхъ» центровъ неизмѣнно и въ значительной степени страдаетъ память, то мы должны искать въ нихъ значительную часть нервныхъ элементовъ, съ которыми связана способность вспоминать чувственныя впечатлѣнія — при этомъ однако возникаетъ вопросъ, въ состояніи ли мы будемъ съ помощью нашихъ физическихъ и химическихъ средствъ найти здѣсь какіе нибудь слѣды прежнихъ чувственныхъ впечатлѣній. Что эти слѣды воспоминаній матерьяльнаго характера, — вытекаетъ уже изъ того обстоятельства, что химическое дѣйствіе различныхъ веществъ, какъ, на примѣръ, алкоголь можетъ уничтожить ихъ на время или навсегда, послѣднее, впрочемъ, лишь въ томъ случаѣ, если ядъ растворитъ большое число гангліозныхъ клѣтокъ и нервныхъ нитей коркового слоя.

Мы относимъ эти слѣды воспоминанія, главнымъ образомъ, въ гангліозныя клѣтки, ибо, согласно опыту, только онѣ способны накоплять раздраженіе и заряжаться резервными веществами; но мы не можемъ узнать по клѣткѣ, дѣйствительно ли она скрываетъ въ себѣ слѣды воспоминаній, и если скрываетъ, то именно какія, или не принимаетъ ли она участіе въ выработкѣ представленія, на примѣръ, о солнцѣ или объ аккордѣ.

Поэтому мы еще далеки отъ момента, когда психологія въ состояніи будетъ раздѣлять представленія по числу одновременно участвующихъ въ нихъ нервныхъ элементовъ. Но мы можемъ предполагать, что тогда возможно будетъ различать представленія, въ которыхъ участвуютъ тысячи, сотни тысячъ и даже милліоны клѣтокъ; по анатомическимъ отношеніямъ мы однако никогда не допустимъ существованія одноклѣточныхъ представленій.

Такъ какъ мы пока не можемъ указать ни для одного представленія число участвующихъ въ немъ нервныхъ элементовъ, то мы наталкиваемся здѣсь на вторую преграду дальнѣйшаго познанія, которая не позволяетъ облечь движеніе мозговыхъ молекулъ, совершающееся параллельно съ душевными явленіями, въ математическія формулы или вообще точно разъяснить вопросъ о непрерывномъ параллелизмѣ между душевными и тѣлесными явленіями.

Итакъ микроскопическая анатомія и элементарная фізіологія пока бесполезны намъ; они также мало указываютъ намъ, гдѣ находятся слѣды воспоминаній, какъ не указываютъ, какіе элементы мозга обуславливаютъ сознание, и какіе участвуютъ въ выработкѣ представлений и въ выработкѣ чувствъ; поэтому мы съ сомнѣніемъ спрашиваемъ себя, въ состояніи ли мы будемъ достигнуть этой цѣли при помощи обстоятельныхъ химическихъ и физическихъ методовъ изслѣдованія.

Но за то мы знаемъ достоверно, что слѣды воспоминанія, запечатлѣвшіяся въ мозговыхъ элементахъ, стоятъ другъ къ другу въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости; память органически расчленена уже потому, что ея физическая основа распределяется между безчисленными хорошо отграниченными элементами, причемъ самыя слѣды воспоминанія представляютъ лишь особенности ихъ организаціи.

Зависимость между отдѣльными картинами памяти, лежащая въ основѣ всякаго здраваго мышленія, покоится въ концѣ концовъ и въ значительной степени на свойствахъ внѣшняго міра. Такъ какъ въ природѣ явленія совершаются закономѣрно, то ряды и группы чувственныхъ впечатлѣній часто повторяются въ томъ же порядкѣ, такъ что частыя совпаденія и повторенія одинаковыхъ впечатлѣній оставляютъ по себѣ прочныя и замкнутыя слѣды воспоминанія, между тѣмъ какъ явленія, совершающіяся случайно, уже вслѣдствіе своей рѣдкости связываются другъ съ другомъ слабо. Точно въ запискѣ Гельмгольцъ открылъ намъ въ своей послѣдней работѣ съ совершенствомъ и простотою творческаго духа, что все наше наглядное пониманіе внѣшняго міра проистекаетъ лишь изъ чувственныхъ впечатлѣній и изъ безсознательной работы памяти—это была послѣдняя дань наукъ недавно умершаго великаго естествоиспытателя, невозвратимую утрату котораго мы оплакиваемъ вмѣстѣ со всѣмъ образованнымъ міромъ.

Если умъ, познавшій съ такою ясностью закономѣрный порядокъ въ области дѣйствительности, соглашается видѣть въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ лишь послѣдствія столь элементарныхъ явленій, то и мы не будемъ колебаться связывать на основаніи нашего врачебнаго опыта понятія, образованныя путемъ сознательнаго расчлененія представлений, особенно группы представлений въ ихъ простыхъ отношеніяхъ къ словамъ, съ особой формой организаціи слѣдовъ воспоминанія; вѣдь понятія, подобно предметнымъ представленіямъ, рассыпаются въ прахъ при заболѣваніи душевныхъ центровъ.

Въ особенности интересенъ вопросъ, какія физическія силы превращаютъ слѣды воспоминанія снова въ представленія и въ явленія сознания. Обыкновенно, въ этомъ случаѣ придаютъ большое значеніе чувственнымъ впечатлѣніямъ, т. е. впечатлѣніямъ изъ внѣшняго міра; дѣйствительно, эти послѣднія при бодрственномъ состояніи непрерывно возбуждаютъ слѣды воспоминаній. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать объ иномъ важномъ факторѣ. Внѣшнія

впечатлѣнія возбуждаютъ особенно живо фантазію и размышленія, когда они пробуждаютъ особыя чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ особыя побужденія; то, что раздражаетъ, не только нравится, но и приводитъ въ сильное движеніе разныя представленія; половое влеченіе, голодь, жажда, страхъ и многія другія тѣлесныя чувствованія дѣйствуютъ также не посредственно изнутри, пробуждая точно по волшебству пріятныя и родственныя себѣ представленія. Здѣсь, стало быть, мы находимъ второй факторъ, приводящій въ порядокъ наши представленія, факторъ, отъ котораго несомнѣнно зависитъ значительная и отнюдь не самая плохая область искусства и поэзіи, тѣлесныя ощущенія и настроенія, являющіяся, въ сущности, родниками фантазіи; ихъ господство надъ міромъ идей проявляется прямо въ ужающемъ видѣ у душевно-больныхъ, въ случаѣ, если необычайно повышена возбудимость душевныхъ центровъ и областей, вмѣщающихъ въ себѣ слѣды воспоминаній. Болѣзненно повышенное чувство страха создаетъ тогда безъ участія сознательнаго разсужденія потрясающіе и трагическіе сцены и образы; подобно тому, какъ страхъ обнаруживается въ чертахъ лица и пластически преобразуетъ все тѣло человѣка, такъ онъ формируетъ изъ запаса памяти все подходящее для своихъ цѣлей для созданія самыхъ необычайныхъ, обманчивыхъ образовъ и новыхъ созданій воображенія, никогда не представлявшихся въ дѣйствительности взорамъ смертнаго; то же самое замѣчаемъ мы въ сновидѣніяхъ, при усталости или при болѣзненномъ состояніи тѣла.

Чувства поступаютъ въ этомъ случаѣ на службу тѣлеснымъ побужденіямъ въ качествѣ подчиненныхъ слугъ, въ качествѣ носильщиковъ, которые заранѣе доставляютъ имъ матеріалы для проявленія. Однако отъ предусмотрительности ихъ подготовительной работы, отъ ихъ чуткаго воспріятія дѣйствительности въ значительной степени зависитъ художественное совершенство въ созданіяхъ фантазіи; дѣятельность фантазіи носитъ на себѣ печать тѣмъ большаго единства, чѣмъ лучше снабженъ чувственный матеріалъ ясными, острыми ощущеніями и чѣмъ больше порядку въ категоріяхъ ощущеній.

Но даже самыя необузданныя созданія фантазіи въ значительной степени зависятъ отъ механическихъ явленій. Вѣдь при этомъ озяты такі принимаютъ участіе проводники, нервныя нити, которыя приводятъ въ связь механизмы тѣлесныхъ ощущеній съ центральными лабораторіями организованной памяти, т. е. съ центрами ассоціаціи. Нервы, которые доводятъ до сознанія чувственные побужденія, доходятъ до оболочки мозга и вступаютъ въ чувственные центры — вѣроятно въ сферу тѣлеснаго самочувствія — и сталкиваются здѣсь съ нервными путями, которые обнаруживаютъ намъ сокровища и прелести внѣшняго міра, а также и съ тѣми, которые доводятъ до сознанія въ формѣ желаній возникающія въ тѣлѣ потребности. Обѣ эти группы безъ различія возбуждаютъ изъ этихъ высшихъ точекъ съ одной стороны дѣятельность движущаго аппарата, съ другой стороны дѣятельность душевныхъ центровъ — и,

вѣроятно, въ этомъ заключается секретъ выраженія глазъ, въ которыхъ отражаются безчисленные оттѣнки чувствъ.

Однако, проводники между центрами побужденій и душевными областями оболочки большого мозга не только имѣютъ своимъ назначеніемъ облекать чувство въ форму представленій, идеализировать ихъ, не только облегчать ихъ удовлетвореніе при помощи пониманія соответствующихъ предметовъ; но въ то время, какъ тѣлесныя побужденія возбуждаютъ оболочку, — путемъ ассоціаціи и при участіи внѣшнихъ чувствъ возникаютъ тотъ обмѣнъ и работа представленій, въ которыхъ наше самосознаніе видитъ борьбу между чувствомъ и разумомъ. Наряду съ побуждающими представленіями появляются такія, съ которыми связаны сдерживающія чувства, и такимъ-то путемъ работа памяти, разрѣшающаяся черезъ тѣлесныя побужденія, приобретаетъ высоконравственный характеръ. Потому-то побужденія или желанія по необходимости лишаются всякаго идеальнаго значенія, потому-то прекращается всякая борьба между чувственнымъ и нравственнымъ элементомъ, связаннымъ съ идеями, въ тѣхъ случаяхъ, когда ослабѣваетъ сила душевныхъ центровъ, когда они лишаются своего душевнаго содержанія. Тогда наступаетъ господство страстей, лишенныхъ всякой сдерживающей силы; на первый планъ выступаютъ всѣ низменные побужденія—гнѣвъ, злоба, страхъ и всякія другія, господствующія до тѣхъ тѣхъ поръ, пока связанные съ ними механизмы не потеряютъ способности къ дѣятельности. Обычное злоупотребленіе алкоголемъ представляетъ намъ ужасную картину вырожденія самыхъ благородныхъ частей человѣческаго мозга. Но еще съ большей силой проявляется оно при общихъ заболѣваніяхъ душевныхъ сферъ. Для управленія страстями необходимъ крѣпкій мозгъ и, можетъ быть, главную роль при этомъ играетъ здоровое состояніе лобнаго центра ассоціаціи; безъ этого немыслима ни сила чувства, создающая героевъ, ни олимпійское спокойствіе мудреца, при томъ, впрочемъ, условіи, чтобы сила чувства соединялась съ мощной дѣятельностью желаній и съ неутомимой энергіей нижнихъ частей мозга, особенно сосудо двигательныхъ центровъ, регулирующихъ кровообращеніе.

Здоровое состояніе большого мозга допускаетъ господство надъ низменными побужденіями только тѣмъ, что оно способствуетъ ясному мышленію и постоянному бодрствованію сознанія; громадное значеніе имѣетъ здѣсь еще одинъ чисто механическій факторъ. Тѣлесныя желанія, по скольку онѣ не основываются на анатомическомъ возбужденіи центральныхъ гангліозныхъ клѣтокъ, относятся, въ сущности, къ разряду рефлекторныхъ явленій, и подобно всѣмъ прочимъ рефлексамъ (особенно половому чувству) они непрерывно подавляются большимъ мозгомъ. При возрастающей слабости послѣдняго, это механическое задерживаніе прекращается, вслѣдствіе чего тѣлесное возбужденіе получаетъ господство надъ душевными центрами.

Но мы сильно ошибемся, если будемъ думать, что слабость большого мозга проявляется всегда въ ослабленіи умственныхъ спо-

собностей, въ спутанности и въ помѣшательствахъ. Слабоуміе можетъ скрываться подъ другими, менѣ бросающимися въ глаза явленіями, въ числѣ которыхъ я прежде всего укажу на случаи, которые извѣстны у психіатровъ подъ именемъ нравственнаго помѣшательства, *moral insanity*.

Особенно характерно въ этомъ случаѣ, наряду съ болѣе или менѣ полнымъ отсутствіемъ социальныхъ инстинктовъ симпатіи и состраданія, временное повышеніе побужденій въ самой ужасной ихъ формѣ; совершенно такъ же, какъ и при слабости большого мозга, больные возбуждаются всѣми тѣлесными раздраженіями, легкой степенью недовольства, голода, полового возбужденія и т. д. въ такой же сильной степени, какъ подъ влияніемъ наибольшаго раздраженія; и въ то же время возбужденіе одного желанія вызываютъ въ дѣйствіе многія другія, такъ что уже въ силу этого удовлетвореніе должно совершаться неестественно. Къ счастью, однако, такія безчеловѣчныя натуры, появляющіяся исключительно при отравленіи плода или при задержкѣ мозгового роста, встрѣчаются не часто.

Но многія лица, не обнаруживая замѣтнымъ образомъ умственной и моральной слабости, иногда даже, наоборотъ, богато одаренныя, страдаютъ слабостью мозга въ формѣ неравномѣрности и недостаточной устойчивости его отправленій. Въ этомъ случаѣ опытный врачъ нерѣдко усматриваетъ недостаточное питаніе мозга вслѣдствіе неправильнаго кровообращенія; при извѣстной степени его ослабленія сознаніе, которое не можетъ пробыть ни одной секунды безъ притока богатой кислородомъ крови, помрачается и даже погасаетъ вовсе. Многіе изъ такихъ несчастныхъ при всякомъ сколько нибудь сильномъ возбужденіи или даже при легкомъ раздраженіи слишкомъ чувствительнаго нерва немедленно страдаютъ потерей энергіи въ значительной области мозговой оболочки, вслѣдствіе чего слабѣетъ сознаніе и теряется власть надъ собою; въ зависимости отъ свойства и продолжительности раздраженія, періодъ необузданнаго поведенія, столь противоположный основнымъ чертамъ характера даннаго лица, бываетъ долѣе или короче, или же, вмѣсто того совершаются отдѣльныя насильственные дѣйствія, которыя представляютъ, въ сущности, не что иное, какъ рефлекторныя явленія въ предѣлахъ сферы тѣлеснаго самочувствія, предъ лицомъ которыхъ сознаніе играетъ роль пассивнаго безсильнаго зрителя.

Такие люди нерѣдко совершаютъ преступленіе и составляютъ, обыкновенно, загадку для судьи. Ихъ нельзя постигнуть съ чисто психологической точки зрѣнія—для этого необходимо глубокое пониманіе врача и ясное представленіе задержекъ и возбужденій, совершающихся въ нервной системѣ—иными словами, основательное знаніе статики и механики душевнаго органа.

Зуда относятся случаи столь непонятныхъ на первый взглядъ болѣзней, которыя психіатрія, со временъ Пинеля, называетъ *Manie sans délire*, *Folie raisonnante*, *Monomanie instinctive* и проч., т. е. душевная болѣзнь безъ помѣшательства.

Они показываютъ намъ особенно наглядно, что прекрасная мечта Сократа, Лейбница и другихъ, будто ясное, прочное знаніе всегда идетъ рука объ руку съ нравственнымъ поведеніемъ, не всегда оправдывается суровой дѣйствительностью; нравственность въ поступкахъ непременно предполагаетъ совершенный и устойчивый мозговой механизмъ.

Не самообвиненіемъ ли будутъ звучать мои слова, если я въ заключеніе скажу, что, если ясное знаніе не обезпечиваетъ добродѣтели, то все же какое нибудь прочное знаніе не вредитъ нравственности, и что это получаетъ особое значеніе въ случаѣ, когда мы сводимъ душевныя движенія къ матеріальнымъ явленіямъ. Изслѣдованіе мозга вовсе не приходитъ къ тому положенію, что понять все—означаетъ простить все; наоборотъ, оно приводитъ къ твердому убѣжденію, что все въ мірѣ могло бы быть лучше, и что человѣкъ или, по крайней мѣрѣ, нравственное человѣческое общество обладаетъ способностью само создавать себѣ необходимыя условія нравственной жизни въ гораздо бѣльшей степени, чѣмъ это принято думать. Нѣтъ ничего, что бы указывало человѣку его отвѣтственность столь же наглядно, какъ научно-естественное ученіе о душѣ, такъ какъ оно открываетъ намъ тѣ физическія вліянія, при которыхъ человѣкъ неизбежно падаетъ нравственно.

Медицина вступаетъ путемъ изслѣдованія матеріальныхъ условій душевной дѣятельности въ непосредственную связь съ нравственными науками, и мы рѣшаемся думать, что, поставивъ себѣ эту задачу, она займетъ мѣсто въ первомъ ряду тѣхъ воздѣйствій, которыя поставили своею главною цѣлью нравственное совершенствованіе человѣческаго рода. Если баронъ Гольбахъ въ своей «Системѣ міра» говорить съ убѣжденіемъ, что ученія нравственности непремѣнно удастся обосновать физиологически, если главной задачей моральной физиологіи онъ ставитъ познаніе элементовъ, составляющихъ основу темперамента каждаго, для того, чтобы построить на нихъ законодательство, то несомнѣнно, что нынѣшняя медицинская психологія движется именно по пути къ этой цѣли.

Однако, современная наука о мозгѣ отличается отъ просвѣтительной философіи прошлаго вѣка главнымъ образомъ тѣмъ, что она не проникнута инстинктивной ненавистью къ догмату о нематеріальной сущности души; это нисколько не препятствуетъ намъ стремиться къ поднятію нравственности, исходя отъ тѣла; мы требуемъ только признанія, что сила духа также и въ нравственномъ отношеніи зависитъ отъ тѣла.

Запечатлѣть эту мысль въ умахъ большинства гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ предоставить массѣ необдуманно извращать путемъ подавленія ея самый благородный органъ нашего тѣла. Если въ наше время это направленіе проявило себя главнымъ образомъ въ борьбѣ съ алкоголемъ, который слишкомъ часто является самымъ страшнымъ врагомъ большого мозга, то задачи наши вовсе не ограничиваются однимъ этимъ.

Ужъ давно чувствуется потребность въ распространеніи свѣдѣній

по гигиенѣ мозговой дѣятельности, и если мы хотимъ внушить и укрѣпить въ будущихъ поколѣніяхъ естественныя основы нравственныхъ чувствованій, то намъ придется еще поработать много. Однако, всякая успѣшная дѣятельность требуетъ такого общественаго устройства, которое допускало бы духовно-нравственному меньшинству оказывать благотѣльное вліяніе на морально и умственно поврежденныхъ людей съ ихъ слѣпыми вождельніями.

Однако, механическое представленіе душевныхъ явленій отнюдь не стремится исключительно къ этимъ практическимъ цѣлямъ; подобно тому, какъ самая благородная часть нашего существа, духъ познанія, связанный съ душевными центрами нашего мозга, воплощается въ стремленіи ввести естественный порядокъ вещей въ области духа,—такъ истинные успѣхи знанія въ этой области изслѣдованія природы приводятъ съ неизбежной необходимостью естественнаго закона къ болѣе идеальному представленію о мірѣ. Чѣмъ лучше нашъ разумъ постигаетъ всю совокупность возможностей, воплощенныхъ въ одушевленныхъ твореніяхъ, тѣмъ яснѣе чувствуемъ мы, что за предѣломъ міра явленій господствуютъ силы, по отношенію къ которымъ наше знаніе является пока ограниченнымъ.

Пер. Н. Березинъ.

Общественно-воспитательное значеніе суда.

(А. Э. Кони. За послѣдніе годы.—Судебныя рѣчи.—Воспоминанія и сообщенія.—Юридическія замѣтки).

Возстановляя нарушенныя права и карая виновныхъ въ ихъ нарушеніи, правосудіе имѣетъ въ виду не однихъ только лицъ непосредственно потерпѣвшихъ и не однихъ правонарушителей. Судъ гласный, открытый вниманію публики, во всеуслышаніе раскрывающій мотивы своей дѣятельности, является главнымъ общественнымъ органомъ, утверждающимъ и развивающимъ въ окружающей средѣ, истинныя основы общежитія и начала общественной нравственности. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ, въ предшествующихъ имъ судебныхъ преніяхъ, во всей постановкѣ и теченіи судебного дѣла раскрываются опредѣленія праваго и неправаго, законнаго и незаконнаго. Оттуда незамѣтно для самихъ себя уносятъ слушатели и участники то уваженіе къ правдѣ и закону, которое составляетъ истинную силу культурнаго общества, необходимое условіе его правильнаго развитія и благосостоянія. Общественное сознаніе воспитывается не путемъ словесныхъ поученій; а на почвѣ наблюдаемыхъ фактовъ, имѣющихъ тѣсную связь съ обычными житейскими условіями. Въ цѣломъ рядѣ внушительныхъ примѣровъ выясняетъ ему судъ начала справедливости. Авторитетъ суда является тѣмъ болѣе внушительнымъ, что онъ стоитъ, или по крайней мѣрѣ долженъ всегда стоять, внѣ обычныхъ человѣческихъ страстей, настроеній минуты, мелкихъ житейскихъ интересовъ. Сравнивая дѣятельность судьи и идеальнаго пастыря церкви, авторъ, взгляды котораго мы имѣемъ въ виду, говоритъ: «И судья, и священникъ являются служителями отвлеченныхъ началъ, проникновеніе которыхъ въ общество поднимаетъ его, облагораживаетъ и даетъ нравственные устои собранію людей, обреченныхъ по физической своей природѣ но «bellum omnium contra omnes» (война всѣхъ противъ всѣхъ). Служеніе правосудію и религіи — есть прежде всего служеніе общественной нравственности. Область той и другой различна, приемы служенія несходны; судья сводитъ доступное человѣку въ условіяхъ мѣста и времени

великое начало справедливости въ земныя людскія отношенія,—пастырь-церкви, понимающій свою высокую задачу, поднимаетъ человѣка отъ мелочныхъ житейскихъ тревогъ и несчастій въ сферы вѣчныхъ началъ нравственности, надежды и любви къ ближнему, — но и тотъ, и другой служить, каждый по своему, сокровенной и непреходящей духовной жадѣ вѣры и справедливости» (Кони, стр. 529).

Подобное возвышенное представленіе объ образовательной роли суда въ общественной жизни находитъ себѣ полное оправданіе въ исторіи развитія наиболѣе культурныхъ странъ. Для правового развитія народа нѣтъ иныхъ путей, какъ путь правильно организованнаго правосудія съ возможно болѣе широкимъ участіемъ въ его дѣятельности общественнаго элемента. «Эта роль суда, какъ разсадникъ законномѣрныхъ понятій въ обществѣ ни чуть не менѣе, а, можетъ быть, и важнѣе его непосредственныхъ функцій. Правильно организованный судъ, въ особенности судъ гласный, для всѣхъ открытый, безъ преувеличенія можетъ быть названъ бесплатнымъ всѣмъ доступнымъ народнымъ университетомъ, изъ котораго люди всѣхъ состояній и положеній выносятъ начала гражданскихъ правъ и обязанностей». (Ф. Соллогубъ. Наше предварительное слѣдствіе. Рус. Бог. 1896, 8).

Съ этимъ то представленіемъ о дѣятельности судебныхъ учрежденій, какъ о школѣ гражданского развитія, выступили нѣкогда памятные дѣятели нашей судебной реформы и тѣ, кому пришлось продолжать и примѣнять ихъ высокія начинанія. Къ числу ихъ принадлежитъ и тотъ судебный дѣятель, рѣчи и произведенія котораго легли въ основу настоящей статьи—А. Θ. Кони. Состоя оберъ-прокуроромъ Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, А. Θ. Кони, какъ представитель высшаго судебного учрежденія, и въ своихъ судебныхъ рѣчахъ, и трудахъ по преобразованію судебныхъ учрежденій, и въ своихъ научныхъ работахъ является вѣрнымъ выразителемъ идеи общественно-воспитательнаго значенія суда. Самое положеніе его, какъ лица, обязаннаго въ составѣ извѣстнаго учрежденія слѣдить за правильнымъ теченіемъ правосудія, за всѣми его уклоненіями и ошибками, отъ которыхъ страдаютъ интересы не только прикосновенныхъ лицъ, но и нравственный авторитетъ самаго суда, ставило его въ необходимость давать общія опредѣленія основныхъ задачъ какъ суда, такъ и прочихъ общественныхъ установленій. Извлекая эти общія опредѣленія изъ массы имъ подчиненныхъ подробностей, мы раскрываемъ мировоззрѣніе, глубоко проникнутое началомъ справедливости, смягченное живымъ чувствомъ гуманности, но одинаково далекое какъ отъ сухого формализма, такъ и отъ той «жесткой» чувствительности, въ жертву которой зачастую приносятся и интересы общества и законныя требованія потерпѣвшаго. Примѣры примѣненія этихъ руководящихъ началъ къ отдѣльнымъ случаямъ судебной практики лучше всего дадутъ намъ понятіе о всей ихъ глубинѣ и жизненности.

Первое изданіе судебныхъ рѣчей А. Θ. Кони, вышедшее въ 1888 году,

относится ко времени его судебной дѣятельности за періодъ съ 1868 годъ по 1888 г. Прямымъ продолженіемъ «Судебныхъ рѣчей» является книга, на которой останавливаемъ мы вниманіе читателей. Заключая въ своей первой части 17 обвинительныхъ рѣчей и кассационныхъ заключеній, напечатанныхъ съ 1888 года по 1896 въ отчетахъ газетъ о судебныхъ засѣданіяхъ Уголовнаго Кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената, эта книга обнимаетъ собою участіе автора въ нашей судебно-юридической жизни за послѣдніе годы. Названію книги «За послѣдніе годы» отвѣчаетъ также и цѣлый рядъ сообщений, воспоминаній о выдающихся судебныхъ дѣятеляхъ, умершихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и юридическихъ замѣтокъ, читанныхъ по тѣмъ или другимъ поводамъ. Весь этотъ обширный матеріалъ, одинаково цѣнный въ общественномъ, какъ и литературномъ отношеніи (авторъ давно пользуется славой первокласснаго оратора) связанъ внутреннимъ единствомъ убѣжденія, проникнутаго лучшими завѣтами нашей преобразовательной эпохи.

Мѣсто предисловія въ книгѣ занимаетъ краткій, но крайне любопытный очеркъ жизни и дѣятельности старшаго врача Московскихъ тюремныхъ больницъ съ 1829 г. по 1853 г., доктора Федора Петровича Гааза. Этотъ очеркъ возстановливаетъ передъ читателями образъ мало оцѣненной современниками и позабытой въ настоящее время личности, замѣчательной своею чистотой, не изсякающей добротой и неустанной энергіею, направленной къ улучшенію участи арестантовъ и ссыльныхъ, ужасной, поражающей въ тѣ времена по своей тяжести. Обширная характеристика Дмитрія Александровича Ровинскаго, богатая подробностями изъ исторіи нашего общественнаго развитія, ярко обрисовываетъ передъ нами этого рѣдкаго человѣка, соединявшаго въ себѣ съ одной стороны опытнаго и энергичнаго дѣятеля на судебномъ поприщѣ, съ другой—глубокаго знатока и безкорыстнаго работника въ области искусства. Однако, какъ ни интересны указанные характеристики и прочій біографическій матеріалъ, заключающійся въ изданіи, мы сосредоточимъ свое вниманіе на первой части книги, на судебныхъ рѣчахъ.

Здѣсь мы находимъ судебныя рѣчи по процессамъ, обратившимъ на себя въ послѣдніе годы особенное вниманіе общественнаго мнѣнія, поскольку мы привыкли считать выразителемъ этого мнѣнія голосъ печати и повсемѣстныхъ обсужденій. Сюда слѣдуетъ отнести обвинительныя рѣчи по дѣлу земскаго начальника В. Протопопова и по дѣлу о редакторѣ-издателѣ газеты «Гражданинъ», князѣ В. П. Мещерскомъ, обвиняемомъ въ опозореніи въ печати военныхъ врачей, кассационныя заключенія по дѣлу Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара, по дѣлу о Мултанскомъ жертвоприношеніи и проч. Однако, напрасно мы стали бы предполагать, что сенсационный характеръ перечисленныхъ дѣлъ сколько нибудь имѣлся въ виду издателемъ и авторомъ рѣчей. Въ рѣчахъ этихъ А. Ф. Кони неоднократно устанавливаетъ свой взглядъ на должное отношеніе между дѣятельностью правосудія и мнѣніемъ общества. Этотъ взглядъ, по

первому впечатлѣнію суровый и высокомерный, при внимательномъ его разборѣ оказывается не столько неблагоприятнымъ для авторитета общественнаго мнѣнія, сколько лишь полнымъ той ясности и строгой опредѣленности, которая безспорно должна характеризовать всѣ дѣйствія лицъ и учреждений, служащихъ цѣлямъ правосудія. Что слѣдуетъ считать общественнымъ мнѣніемъ, чѣмъ можетъ обусловливаться его значеніе въ глазахъ суда, гдѣ нормальные пути для законнаго воздѣйствія общественнаго мнѣнія на дѣятельность судьбы? Отвѣтъ на всѣ эти вопросы не трудно извлечь даже изъ тѣхъ немногихъ рѣчей А. Θ. Кони, которые являются предметомъ нашего вниманія. Общественное мнѣніе, имѣющее вѣсь въ сужденіи судей, не есть прежде всего мнѣніе большинства, тѣмъ болѣе изступленный ревъ толпы. «Въ неподчиняемости судей страстнымъ требованіямъ общественнаго мнѣнія, часто плохо и односторонне освѣдомленнаго, лежитъ большая гарантія дѣйствительнаго правосудія. Не даромъ глубокой мыслитель и юристъ Бентамъ рекомендуетъ судѣ латинское изреченіе—*«populus me sibilat, at ego mihi plaudo»*. Если допустить давленіе общественнаго мнѣнія на избраніе рода и мѣры наказанія, то, иди послѣдовательно, придется допустить это давленіе и на существо дѣла. Боясь общаго неудовольствія, опасаясь утратитъ популярность или въ указаніяхъ большинства вида легкую замѣну работы собственного ума и совѣсти, судья будетъ охотно уступать общественному мнѣнію и умывать руки предъ ревомъ толпы. Такіе судьи бывали и имена нѣкоторыхъ приобрѣли безсмертіе. Въ одной старой книгѣ, пережившей вѣка, рассказанъ процессъ, произведенный *такимъ* судьей и подъ *такимъ* контролемъ. Это было 1862 года назадъ. Судью звали Понтій Пилатъ» (560 стр.).

Значить-ли это однако, что судъ стоитъ такъ высоко надъ прочимъ обществомъ, что мнѣнія, требованія, чувства послѣдняго для него вполне недоступны и безразличны! Авторъ говоритъ совѣмъ не то. Въ дѣлѣ земскаго начальника В. Протопопова, обвинявшагося въ превышеніи власти и въ преступленіяхъ по должности, онъ замѣчаетъ: «Суду не слѣдуетъ служить органомъ общественнаго мнѣнія, которое бываетъ измѣнчиво и слагается иногда случайно подъ слишкомъ разнородными и неудовимыми вліяніями. Но судъ, оставаясь живымъ организмомъ, а не мертвымъ механизмомъ, не можетъ не отражать въ своемъ приговорѣ голоса *общественной совѣсти*, которая выражается и въ твердомъ словѣ закона и въ проникающемъ этотъ законъ духѣ. И если предъ судомъ есть доказанное обстоятельство, оскорбляющее *такую* совѣсть, — судъ исполняетъ свою обязанность, произноситъ слово осужденія безъ той ложной чувствительности, за которою столь часто скрывается черствое равнодушіе къ положенію потерпѣвшихъ». И судъ дважды:—и въ первоначальномъ приговорѣ Харьковской Судебной Палаты и въ заключеніи Кассационнаго Департамента Правит. Сената совпалъ въ своемъ сужденіи по дѣлу В. Протопопова съ приговоромъ общественнаго мнѣнія. «Общественное мнѣніе, добавляетъ Кони, было бы очень неразборчиво, если бы его не смущалъ образъ дѣй-

ствій Протопопова и если бы оно находило его зауряднымъ и не стоящимъ вниманія явленіемъ».

Но какъ разобратъся въ противурѣчивыхъ порою и не всегда устойчивыхъ мнѣніяхъ того, что называется у насъ обществомъ, т. е. того довольно ограниченаго круга лицъ, который имѣетъ возможность не только составить по тому или иному дѣлу свое сужденіе, но и такъ или иначе публично его выразить? Гдѣ органъ, которымъ передъ лицомъ суда, говорить та самая общественная совѣсть, голосъ которой имѣетъ силу и для него? Законъ указываетъ такой органъ въ лицѣ *присяжныхъ*. «Тѣ, кто трудныя судейскія обязанности имѣлъ счастье раздѣлять съ присяжными, утверждаетъ А. Кони, знаютъ, что присяжные служатъ представителями не мимолетнаго мнѣнія впечатлительной толпы, а являются выразителями *общественной совѣсти*, велѣнія которой коренятся въ глубинѣ нравственнаго міросозерцанія народа» (стр. 558). Говоря это, Кони предостерегаетъ однако отъ взгляда на присяжныхъ, какъ на представителей общественного мнѣнія по данному дѣлу. «Было бы печально, если бы они приносили съ собою въ судъ это, уже заранѣе сложившееся, мнѣніе,—мнѣніе, которое чрезвычайно подвижно, склонно увлекаться, бываетъ игрушкою въ рукахъ ловкихъ агитаторовъ, сегодня топчетъ въ грязь то, что вчера превозносило и, будучи справедливымъ въ своихъ вѣскахъ, часто бываетъ жестоко несправедливо въ оцѣнкѣ фактовъ и побужденій. Не даромъ законъ предписываетъ предостерегать присяжныхъ отъ мнѣній, сложившихся внѣ стѣнъ суда и вносить это предостереженіе даже въ текстъ присяги».

Но, вѣдь, кто же, говоря объ общественномъ мнѣніи, имѣлъ когда-либо въ виду нестройный ревъ толпы или страстныя кружковыя сужденія? Общественное мнѣніе, вытекающае изъ глубокаго убѣжденія обширнѣйшихъ слоевъ народа, требуетъ извѣстныхъ опредѣленныхъ формъ выраженія, внѣ которыхъ оно и не можетъ быть признано таковымъ. Эти формы прежде всего—широкая и независимая печать, органы самоуправленія и судъ присяжныхъ. Въ этомъ смыслѣ общественное мнѣніе и не можетъ составлять себѣ опредѣленнаго сужденія о какомъ-либо частномъ случаѣ иначе, какъ если онъ носитъ въ себѣ отраженіе явленія общаго. Такъ разнообразнымъ и разнорѣчивымъ толкамъ и газетнымъ сужденіямъ по дѣлу Ольги Палемъ никогда не суждено сложиться въ общественное мнѣніе, подобное тому, которое выразилось въ дѣлѣ В. Протопопова. Съ другой стороны ссылка Кони на законъ, предостерегающій присяжныхъ отъ мнѣній, сложившихся внѣ стѣнъ суда, имѣетъ въ виду не то вліяніе общественного мнѣнія, устранить которое не въ силахъ никакой законъ. Присяжные не являются какими то *tabula rasa* въ залу суда, частныя факты и обстоятельства дѣла ложатся неизбѣжно въ рамки ихъ общественнаго ранѣе сложившагося міровоззрѣнія. Законъ справедливо предостерегаетъ лишь отъ преждевременной увѣренности въ знаніи фактовъ и обстоятельствъ дѣла, отъ заранѣе составленной оцѣнки, квалификаціи этихъ фактовъ и побужденій, но онъ не можетъ уничтожить въ присяжномъ

общественную личность съ известными общественными убѣждениями, мнѣніями и требованіями, которыя будутъ сказываться сами собою. Благодаря именно этому, дѣятельность присяжныхъ нерѣдко и на Западѣ и у насъ указывала путь къ реформѣ устарѣвшаго законодательства. Самъ А. Θ. Кони указываетъ, что «*общественная совѣсть*», выразителями которой являются присяжные, «не мирится иногда съ неизбежностью кары за дѣянія, до отмѣны которыхъ еще не добрался въ своемъ неторопливомъ шествіи законодатель. Таковы были преступленія противъ паспортной системы, таковы преступленія малолѣтнихъ»... Намъ представляется, что въ вопросахъ о современной паспортной системѣ, ея значеніи и цѣлесообразности присяжные являются представителями общественного мнѣнія, выражая его въ судѣ характеромъ приговора. Какъ внѣ суда, напр. въ печати они выразили бы это мнѣніе оцѣнкой теоретическихъ и практическихъ основаній системы.

Отрѣшившись отъ заранѣе принятаго отождествленія «*мимолетнаго мнѣнія впечатлительной толпы*» съ «*общественнымъ мнѣніемъ*», легко прядти къ убѣжденію, что споръ въ данномъ случаѣ идетъ лишь о словахъ, и присяжные являются въ такой же мѣрѣ представителями общественного мнѣнія въ оцѣнкѣ типа преступления, какъ и выразителями общественной совѣсти въ оцѣнкѣ вины лицъ, совершившихъ это преступленіе. Не стѣсняясь никакими формальными соображеніями въ признаніи вины или невинности подсудимаго, внося въ судъ свѣжесть и непосредственность взгляда на дѣйствительную жизнь, какъ люди многообразной внѣшней дѣятельности, будучи чужды того привычнаго недоувѣрія, которое образуется у судей-специалистовъ отъ постоянного и продолжительнаго обращенія съ уголовными дѣлами и преступниками, присяжные являются лучшими примирителями закона съ дѣйствительною жизнью, неспособными приносить въ жертву отвлеченнымъ началамъ и формалистическимъ требованіямъ живую человѣческую личность съ ея порою невольными ошибками и паденіями. Это высокое значеніе суда присяжныхъ, понятое первоначально и болѣе всего въ Англии, постепенно было признано по всей Западной Европѣ, и ко времени нашей судебной реформы глубоко проникло въ сознаніе ея творцовъ. «Введеніе суда присяжныхъ, говорилъ А. Θ. Кони, въ совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ въ декабрь 1894 г., введеніе суда присяжныхъ въ странѣ, только что освобожденной отъ крѣпостнаго права,—было смѣлымъ шагомъ. Крѣпостныя отношенія, во всякомъ случаѣ, по существу своему, не могли быть школою для чувства законности ни для крестьянъ, ни для ихъ собственниковъ. А между тѣмъ и тѣ, и другіе,—особливо первые, вчерашніе безправные люди,—призывались въ большомъ количествѣ, чтобы творить судъ по внутреннему убѣжденію совѣсти. Можно было въ смущеніи отступить передъ возможностью полнаго непониманія ими своей задачи и ограничиться какими-либо полумѣрами, въ видѣ частичныхъ улучшеній стараго суда. Но составители Судебныхъ Уставовъ съ довѣріемъ отнеслись

къ духовнымъ силамъ и здравому смыслу своего народа. Они рѣшились къ только что даннымъ людямъ сельскаго сословія гражданскимъ правамъ присоединить и высокую обязанность быть судьей. Это довѣріе нашло себѣ отзывъ въ великодушномъ сердцѣ Законодателя и смѣлый шагъ былъ сдѣланъ» (стр. 494).

Каковы же были результаты этого шага? Въ рѣчи о Д. Ровинскомъ, А. О. Кони отзывается о нихъ въ слѣдующихъ словахъ: «За сравнительно краткій періодъ наши присяжные подверглись самымъ разнообразнымъ нападкамъ, причемъ призванные и непризванные витязи идеальнаго правосудія произносили надъ ними свой суровый приговоръ, не допуская даже никакихъ, смягчающихъ вину обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе, русскій присяжный устоялъ на ногахъ, принявъ за время своей дѣятельности на свои плечи тяжкій и безвозмездный трудъ постановки свыше четырехъ съ половиною миллионъ уголовныхъ приговоровъ. Можно сказать, что упованія Ровинскаго на судъ присяжныхъ сбылись. Совѣщаніе старшихъ, предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ, созванное министромъ юстиціи въ декабрѣ 1894 г., своимъ авторитетнымъ и почерпнутымъ изъ многолѣтняго и многосторонняго опыта словомъ, подтвердило благородныя надежды стараго губернскаго прокурора, придя въ общемъ выводъ безусловно въ пользу суда присяжныхъ. Совѣщаніе признало, что *этотъ судъ — жизненный, импюцій облагораживающее вліяніе на народную нравственность и служащій проводникомъ народнаго правосознанія*, — долженъ не отойти въ область преданій, а укрѣпиться въ нашей жизни. Оно нашло, что русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ, относящійся къ своему дѣлу, какъ къ дѣлу служенія совѣсти, владущій призывною повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія *за образа*, честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его Законодатель» (291 стр.). Къ сожалѣнію, не смотря на столь успѣшное и неоднократно признанное компетентными судьями выполненіе возложенной на него задачи, судъ присяжныхъ подвергся за то время не однимъ только нападкамъ, о которыхъ говоритъ А. Кони, но и дѣйствительному ущербу. Временный законъ о присяжныхъ 12 іюня 1884 г., ставшій постояннымъ 27 апрѣля 1887 г., расширилъ вліяніе администраціи и суда въ порядокъ избранія присяжныхъ и усилилъ значеніе денежнаго и поземельнаго ценза при составленіи ихъ списковъ. Дальнѣйшій законъ 7 іюля 1889 г. уже прямо подвергъ изытію изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ цѣлый рядъ дѣлъ, какъ то: преступленія, за которыя назначается ограниченіе правъ состоянія, преступленія по должности, убійства и насильственныя дѣйствія противъ должностныхъ лицъ и проч. Въ этомъ значительно измѣненномъ видѣ судъ присяжныхъ до сихъ поръ продолжаетъ свою высокую культурную задачу — примирять букву закона съ требованіями жизненной правды и быть въ одно время и выразителемъ народнаго правосознанія и проводникомъ въ жизнь началъ истинной законности.

Но правильный ход дѣятельности и достоинства приговоровъ присяжныхъ засѣдателей стоятъ въ глубокой зависимости отъ точнаго выполненія своихъ обязанностей представителями общаго суда, къ совмѣстной работѣ съ которыми они призваны. Судь долженъ слѣдить за правильнымъ, отчетливымъ, согласно закону, теченіемъ судебного производства, сохраняя высшее безпристрастіе къ сторонамъ, не допуская возбужденія страстей и ненужныхъ отклоненій. Должная постановка вопросовъ, предлагаемыхъ разрѣшенію присяжныхъ, соблюденіе правильного теченія дѣла на судѣ, спокойное, но твердое руководство преніями, не допускающее рѣзкихъ и вносящихъ личное раздраженіе выраженій,—все это является условіями, необходимыми для сознательнаго и правильнаго выполненія присяжными своей задачи, и созданіе этихъ условій составляетъ главную и труднѣйшую обязанность всего состава суда, преимущественно же его предсѣдателя.

Много осторожности, выдержки и умѣнья требуетъ отъ судьи его положеніе какъ руководителя въ томъ процессѣ, благодаря которому совѣсть присяжныхъ можетъ сознательно и не противорѣча закону оцѣнить разсматриваемое дѣяніе. Но эта осторожность и осмотрительность въ работѣ, касающейся судьбы человѣка, его имущества, его чести—суть главныя, необходимыя свойства судьи, внутренняя гарантія правильности его рѣшеній. Но на обязанности судьи лежитъ не только задача руководства ходомъ судебного слѣдствія; закономъ предоставлена ему и широкая власть въ примѣненіи наказанія. Не говоря уже о судѣ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, и въ этомъ послѣднемъ, по рѣшеніи присяжными вопроса о виновности, въ случаѣ признанія таковой, выступаетъ карающая роль судьи. Въ предѣлахъ одной и той же мѣры наказанія ему предоставляется опредѣлить большую или меньшую степень его, сообразно степени вины и характеру сопровождающихъ обстоятельствъ. И вотъ тутъ то для судьи выступаетъ необходимость прислушиваться не только къ голосу разума, но и къ предстательству сердца. Эту необходимость прекрасно выясняетъ А. Кони въ своей рѣчи о «Власти суда въ примѣненіи наказанія». «Наказаніе есть не только правовое, но и бытовое явленіе, и его нельзя прилагать механически ко всякому однородному преступленію одинаково. Карая нарушителя закона, судъ имѣетъ дѣло не съ однообразной формулой отношенія дѣятеля къ дѣянію, а обсуждаетъ, такъ называемое «преступное состояніе», представляющее собою, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, своего рода кругъ, въ центрѣ котораго стоитъ обвиняемый, отъ котораго къ окружности идутъ радіусы, выражающіе болѣе или менѣе всѣ стороны его личности и житейскаго положенія—психологическую, экономическую, антропологическую, общественную, бытовую, этнографическую и патологическую. Для правильной ихъ оцѣнки не можетъ быть общаго мѣрила и смотрѣть на отдѣльное преступное состояніе только съ законодательной высоты невозможно. Будутъ роковыя и неизбѣжныя ошибки. Надо подойти по-

ближе къ картинѣ преступленія, взглядѣться въ нее такъ, чтобы постигнуть тѣ краски, коими она нарисована. Тогда станутъ ясны движущія силы, приведшія въ своей совокупности къ преступленію, и справедливая мѣра наказанія за него» (Стр. 558). И ораторъ посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ, краснорѣчивыхъ словъ тому «шестому чувству», которое является руководителемъ судьи въ этомъ тяжеломъ и ответственномъ дѣлѣ. «*Судейская совесть*—не лишенный значенія звукъ, но сила, поддерживающая судью и вносящая особый, возвышенный смыслъ въ творимое имъ дѣло... Это дѣйствительная величина, съ которою надо считаться подъ угрозой глубокаго душевнаго разлада съ самимъ собою. Съ непосредственнымъ приложеніемъ ея голоса связаны и трудныя и сладкія минуты. Послѣднія бываютъ тогда, когда, вспоминая отдѣльные эпизоды своей дѣятельности, судья имѣетъ возможность сказать себѣ, что ни голосъ страсти, ни постороннія вліянія, ни личныя соображенія, ни шумъ и гулъ общественнаго возбужденія не заглушили сокровеннаго въ немъ голоса, не измѣнили его искренняго убѣжденія и не свели его съ намѣченнаго судейскимъ долгомъ пути» (Стр. 559).

Ни въ одной, можетъ быть, части уголовного процесса не требуется въ такой мѣрѣ осторожность и строгая сдержанность со стороны суда, какъ въ стадіи *предварительнаго слѣдствія*. Вникая въ жизнь, въ прошлое и настоящее, можетъ быть, совершенно невиннаго человека, предварительное слѣдствіе открываетъ возможность широкаго пренебреженія правами личности. Противъ подобнаго неправильнаго расширенія предѣловъ предварительнаго слѣдствія А. Кони высказывается энергично и неоднократно. Таковы отзывы его о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ слѣдствія въ дѣлѣ о Мултанскомъ жертвоприношеніи и въ процессѣ Ольги Палемъ. Въ особенности подробно останавливается онъ на этомъ вопросѣ въ кассационномъ заключеніи по послѣднему дѣлу.

«Отправною точкою изслѣдованія должно быть *событіе* преступленія. Оно подлежитъ обслѣдованію вполне и со всевозможною подробностью, ибо въ ней, въ этой подробности, очень часто содержится и указаніе на внутреннюю сторону преступленія. Точно также подробно долженъ быть изслѣдованъ и законный составъ преступленія. Здѣсь точность и даже мелочность изслѣдованія имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу. Но затѣмъ должны быть сообразно свойству каждаго преступленія и по каждому дѣлу установлены предѣлы, до которыхъ должно идти изслѣдованіе... Судъ разсматриваетъ не *жизнь обвиняемаго* вообще, а преступное дѣяніе, онъ осуждаетъ подсудимаго за тѣ стороны его личности, которыя выразились въ этомъ дѣяніи, а не за жизнь его. Иначе судебному изслѣдованію и, да позволено будетъ сказать, любопытству отдѣльныхъ судебныхъ дѣятелей не будетъ предѣла. Такой порядокъ вещей не можетъ быть признанъ нормальнымъ ни въ отношеніи обвиняемаго, ни тогда, когда подобныя приемы изслѣдованія направляются на потерпѣвшаго, когда о немъ производится своего рода дознаніе черезъ околныхъ людей,

причемъ его жизнь и личность раскапываются съ самою мелочной подробностью, точно дѣло идетъ исключительно о рѣшеніи вопроса — достоинъ ли онъ былъ постигшей его участи?—какъ будто житейское поведеніе потерпѣвшаго можетъ изъять его изъ покровительства закона, и по отношенію къ нему сдѣлать дозволеннымъ, по личному взгляду подсудимаго, то, что не дозволено и преступно по отношенію къ другимъ людямъ. Такого взгляда, конечно, у судебной власти существовать не можетъ и не существуетъ; но поэтому и дѣйствія ея по собранію доказательствъ не должны никому давать повода думать, что собранный ею матеріалъ можетъ послужить для проведенія въ жизни такого превратнаго и противорѣчащаго условіямъ общежитія взгляда» (113 стр.).

Нельзя не оцѣнить всей важности подобнаго рода мнѣнія, высказаннаго съ высоты высшаго судебного учрежденія въ странѣ. Небрежное отношеніе къ личности, ея интересамъ и правамъ развито въ нашей средѣ настолько, что иногда ничтожнаго повода достаточно въ глазахъ общества, чтобы внутренняя жизнь человѣка стала достояніемъ самыхъ необузданныхъ пересудовъ и неограниченнаго любопытства. Поставляя въ этомъ случаѣ строго очерченные предѣлы даже дѣловому вниманію суда, Кони даетъ поучительный урокъ обычнымъ приемамъ общественнаго осужденія. Тотъ же призывъ къ сдержанности и, исходя изъ тѣхъ же мотивовъ, обращаетъ Кони къ другому общественному установленію, отъ котораго, какъ и отъ суда, часто зависитъ честь и доброе имя человѣка,—къ печати. Какъ ни высоко ставить онъ нравственный долгъ журналиста, «состоящій въ борьбѣ, путемъ печатнаго оглашенія, съ проявленіями грубаго произвола и явнаго неисполненія или искаженія должностными личностями обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ потерявшимъ ихъ уваженіе закономъ», однако онъ указываетъ на необходимость соблюдать извѣстныя границы. «Законъ предоставляетъ печати обличать злоупотребленія, а судебная практика облегчаетъ авторамъ и редакторамъ возможность представленія доказательствъ того, что они служили не чувству личной мести или случайнаго озлобленія, а одной изъ высокихъ задачъ печати; этого, подчасъ невидимаго, но громко затѣмъ вопіющаго свидѣтеля неправды, творимой въ предполагаемой тѣмѣ и безгласности. Но эта задача должна исполняться съ достоинствомъ, съ спокойной увѣренностью, сосредоточивая вниманіе читателя на значеніи совершеннаго, а не на личныхъ, случайныхъ и временныхъ свойствахъ совершителя. На первомъ планѣ должно быть то или другое, печальное или тревожное обстоятельство, а не обидные отзывы, не ядовитые эпитеты. Отъ отсутствія правды и ругательствъ правда ничего не теряетъ, а достоинство печати только выигрываетъ, ибо нельзя, указывая обществу на больныя мѣста въ его жизни, въ то же время понижать его развитіе и обращать вспять его воспитаніе, приучая его къ заурядному употребленію грубыхъ «носивательныхъ» выраженій, которыя обыкновенно болѣе рисуютъ лишь раздраженіе говорящаго, чѣмъ свойства бранимаго» (23 стр.).

Весьма поучительный съ общественной точки зрѣнія матеріалъ находимъ мы въ дѣлѣ земскаго начальника Харьковскаго уѣзда Василія Протопопова, обвинявшагося въ преступленіяхъ по должности. Въ обвинительной рѣчи А. Кони въ Сенатѣ, когда дѣло разсматривалось въ апелляціонномъ порядкѣ, послѣ того какъ Харьковская Судебная Палата подтвердила во всѣхъ частяхъ обвиненіе и приговорила Протопопова къ исключенію изъ службы, В. Протопоповъ выступаетъ передъ нами, какъ яркій примѣръ человѣка, ослѣпленнаго обаяніемъ власти до полного забвенія правъ окружающихъ. Въ теченіе своей кратковременной службы— съ 8 сент. 1890 г. по 23 ноября—онъ проявилъ по отношенію къ подвѣдомственнымъ ему крестьянамъ столько насильственныхъ дѣйствій и противозаконныхъ угрозъ, что въ связи съ его незаконнымъ способомъ дѣйствій въ слободѣ Должикѣ возникли беспорядки, потребовавшіе помимо полицейскихъ мѣръ даже призыва войскъ. Изъ прекрасной рѣчи Кони по этому дѣлу мы приведемъ, за недостаткомъ мѣста, два отрывка.

«Онъ думалъ внушить не опасеніе законной отвѣтственности, а просто житейскій страхъ. Но однимъ страхомъ, и только страхомъ, не поддерживается уваженіе и не создается спокойствіе. Имѣя возможность разсѣять ложные слухи о «новомъ законѣ», Протопоповъ безразсудно относясь къ своей задачѣ и грубо-самонадѣянно къ области своей дѣятельности, такъ «по своему училъ новымъ порядкамъ», что усиливалъ волненіе, и предшествуемый правдивыми, къ сожалѣнію, слухами о своихъ подвигахъ, далъ въ Должикѣ окончательный толчокъ возродившимся беспорядкамъ (52 стр.)».

«Протопоповъ ссылается на то, что приговоръ Палаты уничтожаетъ его права на дальнѣйшую службу. Такимъ образомъ пропали годы его университетскаго ученія и преимущества, даваемые степенью кандидата права! Да, — пропали! Это грустно, но заслужено. Напрасно ищетъ онъ въ ссылкѣ на свои университетскіе годы основаніе для особаго снисхожденія. Своею дѣятельностью онъ доказалъ, что они прошли для него безслѣдно. Студентъ обязанъ выносить изъ университета не одинъ багажъ систематизированныхъ свѣдѣній, но и нравственные завѣты, которые почерпаются въ источникѣ добра, правды и серьезнаго знанія, называемомъ наукою; эти завѣты и въ концѣ жизни свѣтятъ студенту и умиляютъ его при мысли объ университетѣ. Наука о правѣ въ своихъ обширныхъ развѣтвленіяхъ вездѣ говоритъ о началахъ справедливости и уваженія къ достоинству человѣка. Поэтому тотъ, кто черезъ годъ съ небольшимъ по окончаніи курса бросилъ эти завѣты и эти начала, какъ излишнее и непрактичное бремя,—кто, вмѣсто благодарной радости о возможности послужить на добро и нравственное просвѣщеніе народа, со смиреннымъ сознаніемъ своей отвѣтственности предъ закономъ,—вмѣнилъ спасительныя указанія этого закона въ ничто, напрасно ссылается на свой дипломъ. Званіе кандидата правъ обращается

въ пустой звукъ по отношенію къ человѣку, дѣйствія котораго обличаютъ въ немъ кандидата безправія“ (59 стр.).

Являясь обвинителемъ В. Протопопова въ превышеніи власти и въ злоупотребленіяхъ ею, А. Бони въ кассационномъ заключеніи по дѣлу предсѣдателя Самарской губернской управы Алабина, касается противоположнаго случая—бездѣйствія власти. И на этотъ разъ выводы его являются весьма существенными для оцѣнки этого рода отклоненія представителей власти отъ исполненія своихъ обязанностей. Наиболее интересно для насъ является та часть рѣчи, гдѣ ораторъ по поводу возможныхъ стѣсненій въ дѣятельности Алабина отъ связывавшихъ его смѣтныхъ предположеній земства, говоритъ о необходимости въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ принятія такихъ дѣйствій, которыя, не отвѣчая требованіямъ формальнаго закона, отвѣчали бы настоятельнымъ требованіямъ жизни и началамъ высшей гуманности.

— Надо замѣтить,—говоритъ онъ,—что бездѣйствіе и превышеніе власти суть разныя стороны одной и той же медали. Есть случаи, гдѣ онѣ соприкасаются между собою, есть и такіе, гдѣ бездѣйствіе можетъ устраняться, переходя въ превышеніе власти. Законъ (во 2 ч. 340 ст. Улож.) говоритъ о тѣхъ ненаказуемыхъ и дозволительныхъ проявленіяхъ превышенія власти, когда должностное лицо, въ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возьметъ на свою отвѣтственность принятіе рѣшительной мѣры, отложить которую до высшаго разрѣшенія было нельзя безъ видимаго вреда по настоятельности самаго дѣла. Поэтому, для оцѣнки правильности оправданій обвиняемаго въ бездѣйствіи власти въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ссылался на формальныя ограниченія этой власти, не соотвѣтствовавшія наступившимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ, не только вполне цѣлесообразно, но и необходимо войти въ разсмотрѣніе—не представлялось ли ему возможнымъ протвопоставить чрезвычайнымъ обстоятельствамъ и чрезвычайныя мѣры, состоящія въ дозволенномъ самимъ закономъ превышеніи формальныхъ ограниченій. Живое отношеніе къ дѣлу и принятіе его къ сердцу въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны побуждать должностное лицо къ этому. Пусть не говорятъ, что этимъ рекомендуется превышеніе власти,—нѣтъ! Но есть случаи въ жизни общественной, когда общее несчастіе ставитъ предъ власть имущимъ такую дилемму: или бездѣйствіе власти, или ненаказуемое, принимаемое самимъ закономъ, ея превышеніе. Поэтому, быть можетъ, Палата не только не уклонилась бы отъ своей задачи, но исполнила бы ее съ особою жизненностью, если бы она вошла въ обсужденіе вопроса, не представлялось ли бы превышеніе Алабинымъ смѣтныхъ предположеній земства тѣмъ спасительнымъ превышеніемъ власти, которое указывалось ему самою силою вещей и осудить его за которое едва ли у кого либо повернется языкъ» (139 стр.). Безспорно, что подобное, чуждое узкаго формализма, отношеніе власти къ высшимъ требованіямъ момента не можетъ нарушать общаго строя законности, разъ

всѣ подобнаго рода отступленія стоять подъ бдительнымъ контролемъ суда твердаго и независимаго.

Мы привели достаточно много примѣровъ, чтобы на узкомъ относительно основаніи нѣкоторыхъ рѣчей А. О. Кони доказать справедливость нашей отправной мысли. Конечно, не всѣ отличаются такою способностью отъ частныхъ явленій и конкретныхъ примѣровъ восходить къ высшимъ опредѣленіямъ законнаго и незаконнаго, праваго и неправаго, но безъ сомнѣнія процессъ этого восхожденія совершается въ дѣятельности суда постоянно и во всеобщее вниманіе и поученіе. Какъ представитель высшего судебного установленія, имѣющаго надзоръ за всею административно-судебною дѣятельностью въ странѣ, А. Кони по преимуществу касается задачъ и обязанностей самаго суда, его представителей, защиты, обвиненія, слѣдствія; въ цѣломъ рядѣ процессовъ онъ твердо очерчиваетъ законныя права и обязанности служебной власти, ставитъ предѣлы ея увлеченія и раскрываетъ все зло преступнаго бездѣйствія. Но высшія начала права и справедливости, положенныя въ основу нашихъ судебныхъ уставовъ, проникаютъ въ общественное сознаніе не только съ высоты такого авторитетнаго учрежденія, какъ сенатъ. Не въ меньшей, но еще большей степени цѣлямъ гражданскаго воспитанія народа служатъ тѣ низшія судебныя учрежденія, которыя стоятъ съ нимъ лицомъ къ лицу: окружныя суды и въ особенности мировыя. Воспитательная роль судебныхъ учреждений за первую четверть вѣка послѣ паденія крѣпостнаго права—рѣшительную эпоху нашей общественной жизни—по преимуществу восполнялась мировыми учреждениями. Мировые судьи вѣдаютъ дѣла самыя обыденныя и многочисленныя. Можно вѣкъ свой прожить и не имѣть никакого дѣла ни въ гражданскомъ отдѣленіи окружнаго суда, ни на судѣ присяжныхъ. Но трудно встрѣтить человѣка, который бы, имѣя дѣла, хозяйство, входя въ соприкосновеніе съ окружающими условіями и лицами, не былъ бы хоть однажды приведенъ къ необходимости обратиться въ мировой судъ, почерпая тамъ въ качествѣ тяжущихся, свидѣтелей или простыхъ зрителей понятіе о новомъ судѣ и его началахъ. По справедливому сравненію г. Джаншіева «если губернскіе и окружныя суды какъ бы соотвѣтствовали губернскимъ гимназіямъ, мало доступнымъ для народа, то мировой судъ соотвѣтствовалъ народной школѣ, единственному разсаднику просвѣщенія среди народныхъ массъ». Послѣ долгаго господства кулачнаго права и приниженія человѣческой личности, отвѣтомъ на которыя было только терпѣніе и забвеніе, мировой судъ принесъ изумленной народной массѣ понятіе о правѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, о равенствѣ всѣхъ передъ судомъ и закономъ, который одинаково писанъ для знатныхъ и богатыхъ, какъ и для бѣдниковъ и простолюдиновъ. И благодаря этому суду, въ общественномъ и народномъ самосознаніи совершался благодѣтельный переворотъ, высокое значеніе котораго трудно даже достаточно оцѣнить. И каковы бы ни были отклоненія отъ этого высшаго типа суда, цѣли гражданскаго развитія рано или поздно вновь возстановятъ его во всей цѣлости и нерушимости его первоначальныхъ завѣтовъ.

М. А. Плотниковъ.

Людвигъ Берне.

(Сочиненія Л. Берне, въ переводѣ Петра Вейнберга, въ 2-хъ томахъ СПБ. 1896).

Въ тридцатыхъ годахъ въ Парижѣ жили два молодыхъ нѣмецкихъ эмигранта, имена которыхъ очень часто упоминаются одно рядомъ съ другимъ, несмотря на то, что все въ ихъ характерѣ и дѣятельности дѣлало ихъ скорѣе враждебными и противоположными другъ другу, чѣмъ солидарными. Но общее между ними было то, что оба они издавна направляли умственную жизнь своей родине, оба обнаруживали свой патриотизмъ подъ маской горькихъ и безпощадныхъ нападокъ на родину и оба принадлежали по крови къ одному и тому же племени. Старшаго изъ нихъ звали Людвигомъ Берне, младшаго — Генрихомъ Гейне. Общность вѣнскихъ обстоятельствъ жизни и національное родство, а также много сходнаго въ результатахъ общественной дѣятельности обоихъ писателей и послужила причиной того, что имена ихъ часто связываются въ литературѣ, хотя при жизни ихъ раздѣляла личная вражда и глубокая рознь натуръ. Все, что привлекательно въ Берне — его необычайная стойкость убѣжденій, серьезность и искренность взглядовъ и строгое нравственное чувство, руководившее каждымъ его поступкомъ, составляетъ, именно, тѣ качества, которыя такъ блещутъ своимъ отсутствіемъ въ капризной поэтической натурѣ Гейне, у котораго отсутствовали всякіе критеріи, кромѣ художественныхъ. А съ другой стороны, то, что дѣлаетъ Гейне бессмертнымъ, его скептицизмъ, соединенный съ непримѣрнымъ во всей литературѣ остроуміемъ, отсутствуетъ у слишкомъ сосредоточеннаго, саркастическаго, нѣсколько желчнаго Берне. Оба эти писателя вмѣстѣ составляютъ одно цѣльное литературное явленіе, гениальный протестъ молодой чуткой совѣсти и эстетическаго чутья противъ нравственнаго и эстетическаго уродства литературы XVIII вѣка. Исторически они оба неразрывно связаны между собой: они стоятъ во главѣ освободительнаго движенія германскаго общества, такъ называемой молодой Германіи. Но каждый изъ нихъ воплотилъ въ себѣ иную и рѣзко противоположную сторону этого движенія и долженъ быть разсматриваемъ совершенно отдѣльно. Гейне прежде всего и исключительно художникъ. Политическая и обществен-

ная жизнь имѣетъ для него значеніе лишь поскольку она настраиываетъ его индивидуальныя мысли и чувства, и никакого объективнаго безкорыстнаго исканія истины нельзя найти у него. Онъ эстетикъ, бичующій все пошлое и мелкое и питающійся только собой, своимъ умомъ. Совсѣмъ иное Людвигъ Берне. Художественнаго въ его талантѣ очень мало, такъ же, какъ мало въ немъ и творчества. Онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своихъ письмахъ, объясняя свое влеченіе къ жизни среди бурныхъ общественныхъ событій: онъ говоритъ что его писательскій даръ требуетъ матеріала, жизненныхъ явленій, смыслъ которыхъ онъ умѣетъ объяснять, не умѣя создавать ничего, чего не дастъ сама жизнь. Но не будучи художникомъ, Берне значителенъ тѣмъ, что онъ безкорыстный искатель истины, обладающій строгими этическими критеріями. Берне журналистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Можно даже сказать, что онъ создалъ журнализмъ на своей родинѣ и сталъ его первымъ благороднымъ представителемъ. И теперь, когда пресса сдѣлалась столь огромнымъ явленіемъ общественной жизни, и устои ея такъ далеки отъ того, что задумывали первые борцы на этомъ поприщѣ, крайне любопытно и поучительно прослѣдить въ жизни и дѣятельности Берне истинно идеальныя образы публициста, чуждаго всѣхъ тѣхъ мотивовъ личнаго характера, которые все болѣе лишаютъ современную журналистику въ Западной Европѣ ея воспитательнаго значенія.

Людвигъ Берне всю жизнь боролся противъ гнета общественныхъ условій Германіи. Но прежде, чѣмъ сдѣлаться убѣжденнымъ, горячимъ и безкорыстнымъ борцомъ за свободу, онъ испыталъ на самомъ себѣ ужасъ преслѣдованій въ самой уродливой и возмутительной формѣ—онъ былъ евреемъ, родившимся и прожившимъ первую молодость во франкфуртскомъ гетто, съ его варварскими обычаями и дикимъ униженіемъ человѣческой личности. Лебъ Борухъ (имя Людвигъ Берне онъ принялъ впоследствии, по окончаніи университета) родился въ 1786 году, въ зажиточной семьѣ франкфуртскихъ коммерсантовъ. Его дѣдъ былъ практическій дѣятель съ выдающимися способностями, его отецъ—человѣкъ крайне культурный, умѣвшій настолько импонировать своимъ согражданамъ свѣтскими качествами своего ума, что онъ былъ посланъ депутатомъ на вѣнсскій конгрессъ для ходатайства о своихъ соплеменникахъ. Но всетаки въ домѣ Боруховъ господствовала удушливая ортодоксальная атмосфера, ненавистная съ дѣтства свободолубивому мальчику. Въ своихъ автобиографическихъ запискахъ и письмахъ Берне говоритъ скорѣе съ озлобленіемъ о домашней обстановкѣ, объ отцѣ съ его практическимъ складомъ ума, о деспотичной экономкѣ Элле, которая командовала всѣмъ въ домѣ и мучила мальчика своимъ тупоуміемъ, даже о томъ, что у него была болѣзненная, чахлая кормилица, въ которой онъ видѣлъ источникъ своей болѣзненности. Но еще болѣе, конечно, угнетали его внѣшнія условія Франкфуртской жизни, ужасъ того, что съ закатомъ солнца закрывались ворота гетто и онъ не имѣлъ права выходить изъ нихъ. Вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ, Яко-

вомъ Саксомъ, онъ наткнулся однажды на караульныхъ солдатъ у воротъ тетто, заградившихъ ему путь къ выходу. Со слезами обратился онъ къ учителю, жалуясь на то, что онъ долженъ покориться грубой силѣ, которая не можетъ быть и не должна быть разумной причиною. Не разъ также ему приходилось возмущаться правиломъ, заставлявшимъ его, какъ еврея, ходить непременно по серединѣ улицы, а не по тротуару и подчиняться требованію каждаго мальчишки, заставлявшего его издать снимать шапку и кланяться. Всѣ эти униженія, однако, не сдѣлали Берне, какъ этого можно было ожидать, узкимъ, замкнутымъ въ національной идеѣ фанатикомъ. Въ преслѣдованіи своихъ соплеменниковъ онъ видѣлъ лишь одно изъ проявленій общаго нравственнаго растлѣнія Германіи и часто потомъ говорилъ объ этомъ, называя всю Германію гетто, замкнутымъ произволомъ властей. Злобы къ христіанскому населенію Германіи Берне не вынесъ изъ своего дѣтства, но вынесъ онъ глубокую ненависть ко всякому стѣсненію свободы, фанатическую жажду независимости и эти чувства воодушевляли его въ теченіе всей его дальнѣйшей жизни. Четырнадцати лѣтъ Берне, къ великой своей радости, оставилъ родительскій домъ, чтобы поступить въ школу Гетцеля, въ недалекомъ отъ Франкфурта городѣ Гиссенѣ. Тамъ, по желанію отца, онъ подготовлялся къ медицинской карьерѣ, единственно доступной въ то время евреямъ, и, кончивъ школу восемнадцати лѣтъ, очутился въ Берлинѣ, въ домѣ доктора Герца, у котораго онъ поселился на время своихъ занятій. Домъ доктора Герца былъ средоточіемъ идейной жизни Берлина въ то время, и этому не мало способствовала жена Герца, красивая и выдающаяся по уму женщина. Шарлотта Герцъ, не смотря на то, что ей было въ то время 38 лѣтъ, сдѣлалась предметомъ первой и очень сильной любви 18-лѣтняго Берне. Когда вскорѣ послѣ того умеръ Герцъ, Берне остался еще нѣкоторое время жить въ домѣ вдовы, не подозрѣвавшей о его чувствахъ. Только неудачныя попытки юноши отравиться открыли Шарлоттѣ глаза на причину его страданій. Она постаралась образумить его и убѣдила его ѣхать въ Галле, продолжать тамъ свои занятія медициной. Въ Галле Берне жилъ у профессора Рейля и провелъ три счастливыхъ года среди усиленныхъ занятій и бурной общественной жизни. Въ своихъ дневникахъ онъ вспоминаетъ съ большою отрадой объ этихъ студенческихъ годахъ, о вдохновенныхъ лекціяхъ Шлейермахера, Вольфа, Рейля и др., а также о политическихъ увлеченіяхъ молодежи, среди которой онъ былъ, быть можетъ, однимъ изъ самыхъ необузданныхъ. Наполеоновскія побѣды въ Германіи нарушили спокойствіе Галле, прервали университетскую жизнь, и Берне перекочевалъ въ Гейдельбергъ, гдѣ началъ заниматься уже не медициной, а филологическими науками. Отцу Берне не по душѣ была эта перемѣна, и съ тѣхъ поръ начались неудовольствія между отцомъ и сыномъ, вредно отзывавшіяся на матеріальномъ положеніи Берне. Въ 1808 году Берне получилъ степень доктора философіи въ Гиссенѣ и обратился на себя вниманіе своей диссертациею. Въ ней впервые Берне высказалъ мысль о

пользѣ объединенія Германіи и Франціи, мысль, которая составляетъ ядро всѣхъ его позднѣйшихъ политическихъ мечтаній. Кончивъ университетъ, Берне вернулся въ родной Франкфуртъ и тамъ занялъ мѣсто, казалось бы, наименѣе подходящее къ его мечтамъ объ общественной дѣятельности: онъ сдѣлался полицейскимъ актуаріемъ и очень добросовѣстно исполнялъ свои служебныя обязанности, что не мѣшало, впрочемъ, его остальнымъ научнымъ и общественнымъ занятіямъ. Онъ еще не задумывался о публицистической дѣятельности, но выражалъ свои мнѣнія на разныхъ общественныхъ собраніяхъ, между прочимъ, произнесъ знаменитую рѣчь въ собраніи масонской ложи, гдѣ, оставаясь пока въ предѣлахъ лояльныхъ чувствъ, говорилъ о необходимости политическихъ перемѣнъ въ Германіи. Тогда его уже раздражала раздробленность германской территоріи и мелочность, характеризующая политику отдѣльныхъ герцогствъ и княжествъ. Отъ должности актуарія Берне былъ скоро отставленъ, потому что, отвоюя свою прежнюю независимость, Франкфуртъ сталъ управляться узко-національной партіей, возобновившей гоненія на евреевъ. Какъ еврей, Берне лишился своего мѣста, получивъ очень незначительную пенсію. Въ 1818 году Берне перешелъ въ христіанство, потому что давно уже чувствовалъ рознь со средой, въ которой выросъ. Высшихъ выгодъ, впрочемъ, отъ этой перемѣны онъ не ожидалъ и даже, когда ему отказали въ правѣ быть членомъ одного Франкфуртскаго *Leseverein*'а, на томъ основаніи, что тамъ не принимали евреевъ, онъ и не упомянулъ, что это препятствіе уже исчезло. Вскорѣ послѣ этого Берне выступилъ въ качествѣ публициста, начавъ изданіе «Вѣсовъ» (*Die Wage*), выходившее не въ опредѣленные сроки, а свободными выпусками, которыхъ въ общемъ было не больше 10—12. Въ нихъ Берне стремился создать нѣчто еще небывалое въ Германіи: давать обсужденія политическихъ и общественныхъ событій, не взирая на цензурныя строгости и апатію нѣмецкаго общества, интересовавшагося лишь придворными извѣстіями и великосвѣтскими сплетнями. Въ объявленіи объ изданіи «Вѣсовъ» Берне саркастически описываетъ состояніе нѣмецкой журналистики того времени и духовнаго уровня публики, которая не привыкла къ обсужденію отечественныхъ событій. Съ первыхъ же номеровъ Берне сталъ рѣзко нападать на реакцію. Значительное мѣсто Берне удѣлялъ литературной критикѣ и театральнымъ замѣткамъ, причемъ, однако, ложно было бы предположить, что ему особенно дороги были интересы искусства. Литературныя произведенія, въ особенности, театральныя пьесы служили для него только предлогомъ для обсужденія общественныхъ вопросовъ, и онъ такимъ образомъ является однимъ изъ первыхъ публицистовъ нынѣ уже исчезнутаго типа, долго процвѣтавшаго прежде и въ Россіи, какъ и въ остальной Европѣ. Художественныя оцѣнки Берне менѣе всего справедливы. Такъ, онъ прославился своими ожесточенными нападками на Гете, въ которомъ онъ никогда не могъ забыть министра. Интересна, напримѣръ, одна изъ его статей о Гете, курьезнымъ образомъ начинающаяся эпигра-

Фомъ изъ одного изъ лучшихъ стихотвореній Гете, «Прометея» (Ich dich ehren, wofür?..). Духъ этого титаническаго монолога былъ близокъ мятежному Берне, и, исходя изъ него, онъ уничтожалъ самого автора. Въ романтизмъ Берне признавалъ только его разрушительную сторону. Каждая новая пьеса служила для него удобнымъ предлогомъ ратовать противъ снобизма нѣмецкаго общества и пошлости нѣмецкой прессы. Кромѣ издательства «Вѣсовъ», Берне сдѣлался редакторомъ ежедневной «Газеты Вольнаго Города Франкфурта», которая, впрочемъ, была очень скоро задушена цензурными условіями. Та же участь постигла другое изданіе, предпринятое Берне — «Крылья времени» («Zeitschwingen»), издававшееся изъ предосторожности не въ самомъ Франкфуртѣ, а въ сосѣднемъ городкѣ Оффенбахѣ. Ожесточенный неудачами своихъ первыхъ попытокъ, Берне на время уѣзжаетъ изъ Германіи и ѣдетъ въ Парижъ, куда его всегда влекла жажда широкихъ общественныхъ интересовъ. Первое пребываніе Берне въ Парижѣ было, впрочемъ, непродолжительное; письма его оттуда къ его пріятельницѣ, г-жѣ Воль, полны самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. То онъ саркастически рисуетъ нѣмецкихъ дѣятелей, которыхъ встрѣчалъ по дорогѣ въ Парижъ, то восторженно говоритъ о Парижѣ, то жалуется на одолевшую его тоску по родинѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ опять вернулся во Франкфуртъ, гдѣ случайнымъ образомъ попалъ въ тюрьму, заподозрѣнный въ соучастіи въ какомъ-то политическомъ заговорѣ; выпущенный на свободу, онъ воспользовался своими тюремными впечатлѣніями для очень злыхъ нападокъ на заботливое правительство, которое печется о благѣ своихъ согражданъ. Со смертью отца Берне въ 1822 году, улучшились его матеріальныя обстоятельства, чѣмъ онъ воспользовался для вторичной поѣздки въ Парижъ, гдѣ на этотъ разъ пробылъ цѣлый годъ, съ тѣмъ, чтобы еще разъ и уже навсегда вернуться въ Парижъ въ самомъ началѣ іюльской революціи. Годы, проведенные Берне до того въ Германіи, были очень печальны. Онъ много болѣлъ, страдалъ физически отъ припадковъ глухоты и нравственно отъ столкновеній съ реакціонной печатью. Къ этимъ же годамъ относятся его первое знакомство съ Гейне во Франкфуртѣ и первоначальная дружба обоихъ писателей. Истинно отрадными были для Берне въ это время только отношенія съ его пріятельницей, г-жей Воль, умѣвшей возбуждать его писательскія стремленія и успокаивать его раздражительность. Самая кипучая пора дѣятельности Берне относится къ его послѣднимъ годамъ отъ 1830 до 1837 года, проведеннымъ имъ въ Парижѣ. Онъ принималъ близкое участіе во французскихъ дѣлахъ, пользовался большимъ сочувствіемъ со стороны французскихъ писателей и политическихъ дѣятелей, отзывался на всѣ явленія той кипучей поры въ Парижѣ и, главнымъ образомъ, издалека слѣдилъ и отражалъ духовную жизнь своей родины. Все, что онъ перечувствовалъ за это время, сказалось полнѣе всего въ его знаменитыхъ «Парижскихъ письмахъ», которыми онъ писалъ даже не для печати, а такъ, въ видѣ дневниковъ посылаемыхъ Шарлоттѣ Воль. Но она же

заставила его печатать ихъ и продолжать ихъ уже потомъ, когда она сама, выйдя замужъ за Страуса, поселилась въ Парижѣ и пріютила Берне въ своей семьѣ. Рѣзкія нападки на Германію въ «Парижскихъ письмахъ» Берне, а также его постоянная пропаганда франко-германскаго слиянія навлекла на него ненависть различныхъ германскихъ quasi-патріотовъ, и во главѣ этихъ порицателей стоялъ знаменитый публицистъ Менцель. Онъ когда-то былъ большимъ приверженцемъ Берне и главнымъ образомъ сочувствовалъ его нападкамъ на Гейне. Но это было еще тогда, когда Менцель слылъ за либерала. Въ 30-хъ годахъ онъ сбросилъ съ себя эту неудобную маску и сталъ открыто нападать на такъ называемую молодую Германію, т. е. ту школу молодыхъ нѣмецкихъ писателей, которые отстаивали свободу нѣмецкой политической и общественной жизни. Берне, жившаго въ далекомъ Парижѣ, не сразу стали причислять къ этой партіи, о которой, впрочемъ, онъ самъ долженъ былъ добывать себѣ свѣдѣнія отъ другихъ, какъ это видно по многимъ его письмамъ. Но отдѣльныя статьи Берне навлекли на себя неудовольствіе Менцеля, и онъ выступилъ противъ него съ громовою статьею, подъ названіемъ «*Heinr Börne und der deutsche Patriotismus*». Отвѣтомъ на эту статью былъ знаменитый сатирическій памфлетъ Берне, «Менцель-француздъ», написанный имъ въ послѣдній годъ жизни и составляющій одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ его творчества. Въ немъ ярко выступаютъ его излюбленные политическіе идеалы и его неподкупная искренняя жажда свободы и справедливости. Этимъ памфлетомъ онъ воздвигъ памятникъ молодой Германіи и плодотворно закончилъ свою писательскую дѣятельность. Берне умеръ въ 1837 году, въ Парижѣ, и былъ похороненъ на кладбищѣ Père Lachaise.

Талантъ Берне, какъ уже было упомянуто, ярче всего сказался въ произведеніяхъ его послѣднихъ лѣтъ, въ «Парижскихъ письмахъ» и статьѣ о Менцелѣ. Основные принципы, руководившіе его сужденіями о французскихъ дѣлахъ и его нападками на политическое состояніе Германіи, лучше всего опредѣлены имъ самимъ въ предисловіи къ изданію его сочиненій. Онъ страшился мысли, что его наброски, которымъ онъ придавалъ лишь интересъ дня, должны были предстать передъ публикой въ видѣ многогоманнаго собранія сочиненій. Онъ самъ чувствовалъ себя скорѣе журналистомъ, чѣмъ писателемъ. «Я не писалъ никакихъ сочиненій», говоритъ онъ: «я только пробовалъ мое перо то на той, то на этой бумагѣ. Теперь надо эти страницы собрать, положить одну на другую, потомъ надо отдать переплетчику, чтобы онъ сдѣлалъ изъ нихъ книгу—вотъ и все». Но, несмотря на этотъ отрывочный характеръ, который несомнѣнно носитъ творчество Берне, все, что онъ писалъ, объединено общей мыслью философскаго характера, и это, именно, предохраняетъ Берне отъ забвенія. «Я всегда искалъ только Бога въ природѣ», говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, «божественную натуру въ искусствѣ. И гдѣ я не находилъ Бога, тамъ находилъ претивустественность, и гдѣ не одыскивалъ божественную натуру».

тамъ все мнѣ казалось жалкимъ кропаніемъ. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія я судилъ объ исторіи, людяхъ и книгахъ, и отъ этого, можетъ быть, нерѣдко случалось, что я порицалъ добрыя и красивыя произведенія только потому, что находилъ самого мастера злымъ и отвратительнымъ». Гейне въ своей знаменитой и столь несправедливой книгѣ о Берне опредѣляетъ его дѣятели и политическимъ радикаломъ, и даетъ тѣмъ самымъ очень вѣрную формулу творчества Берне. Все, что онъ писалъ о Франціи и Германіи, пронизанно революціоннымъ духомъ, возбуждавшимъ противъ него германскихъ филистеровъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не останавливается только на внѣшнихъ политическихъ событіяхъ и углубляетъ ихъ своей вѣрой въ идеальныя основы жизни. Этотъ двойственный характеръ дѣлаетъ Берне первымъ европейскимъ публицистомъ съ философскимъ міросозерцаніемъ. Послѣдствія показали, къ сожалѣнію, что, имѣя большое вліяніе на развитіе политической журналистики, Берне вызывалъ подражаніе только своимъ радикализмомъ. Его исканіе высшихъ цѣлей во временныхъ событіяхъ осталось единичной попыткой. Его послѣдователи способствовали развитію прессы, но уже такой, которая теряетъ значеніе вмѣстѣ съ событіемъ, вдохновившимъ журналиста.

Въ «Парижскихъ письмахъ», главнымъ образомъ занятыхъ описаніемъ политическихъ событій во время и непосредственно послѣ іюльской революціи, выступаютъ излюбленныя идеи Берне: крайній республиканецъ по своимъ убѣжденіямъ, онъ съ восторгомъ говоритъ о торжествѣ политической свободы, и всякія ограниченія конституціонныхъ правительствъ ему ненавистны—нападки на Наполеона чередуются у него съ насмѣшками надъ Бурбонами. Величественная фигура Наполеона не имѣетъ для него обаянія, и онъ съ негодованіемъ говоритъ о Гейневскомъ увлеченіи великимъ императоромъ. Въ «Парижскихъ письмахъ» есть интересная страничка, описывающая картину Давида «Коронованіе Наполеона» и личныя впечатлѣнія Берне, разглядывавшаго эту картину. «Чего-чего только ни наговорилъ я тутъ Наполеону!» пишетъ Берне, говоря о картинѣ. «Жаль, что Гейне не слышалъ. Я былъ въ залѣ одинъ и всталъ передъ нимъ скрестивъ руки, какъ онъ обыкновенно стоялъ. Принятіемъ этой позы я хотѣлъ насмѣяться надъ нимъ и называлъ его простофилей. Я могъ бы назвать его злодѣемъ, но это слово не оскорбило бы его. Нѣтъ, никогда не прощу я человѣку того, что онъ самъ накликалъ на себя, хотя бы даже простилъ ему то, что онъ накликалъ на другихъ. Пятнать себя дюжинною пошлостью, изъ тщеславія пачкать себя грязью—это ужасно! Постоянно обманывалъ онъ свободу, постоянно водилъ на помочахъ и вотъ теперь она, уже сѣдоловая, должна еще сидѣть на школьной скамейкѣ и только начинать учить то, что ужъ давно могла даже позабыть. Уходя изъ залы, я еще разъ дружески улыбнулся Наполеону. За глупости, которыя ты заставлялъ дѣлать другихъ, я готовъ простить тебѣ твой собственный промахъ. Ты былъ сильнымъ, желѣзнымъ обручемъ, скрѣпившимъ бочку мира, а безразсудные враги разбили тебя, и тогда вино разомъ хлынуло изъ бочки, и осколки дерева полетѣли въ

пустыя головы. Это было весьма хорошо!» Это отношеніе Берне къ Наполеону крайне характерно для того времени, когда самые свободолюбивые люди, какъ Гюго, какъ Байронъ, поддавались обаянію личности Наполеона. Берне же чувствовалъ потребность политической свободы сильнѣе и непреклоннѣе всѣхъ своихъ современниковъ и выражалъ это съ нѣмецкой добросовѣстностью, не знающей компромиссовъ, и съ той категоричностью, которая составляетъ силу его нравственной личности, и слабость его художественнаго темперамента.

«Парижскія письма» послужили источникомъ всѣхъ обвиненій Берне въ отсутствіи патриотизма — самое несправедливое изъ возводимыхъ на него обвиненій. Берне проповѣдывалъ космополитизмъ только въ томъ смыслѣ, что принципъ свободы, осуществившійся въ одной странѣ, долженъ быть принятъ и въ другой, что не можетъ быть различныхъ свободъ для разныхъ странъ такъ же, какъ не должно быть различныхъ политическихъ принциповъ для отдѣльныхъ княжествъ раздробленной Германіи. Но, проповѣдая слияніе угнетенной Германіи съ освободившеюся Франціей, онъ былъ воодушевленъ только мыслью о благѣ Германіи, и вся горечь его нападокъ на свою страну объясняется тѣмъ, что онъ не умѣлъ быть гражданиномъ міра, не умѣлъ спокойно и съ нѣкоторой высоты (какъ это дѣлалъ Гейне) говорить о порядкахъ своей родины. Индифферентизмъ казался ему самымъ чудовищнымъ порокомъ въ чловѣкѣ, и вся его вражда къ Гейне происходила изъ ненависти къ индифферентизму поэта. Для него самого всякое событіе на покинутой родинѣ было новымъ страданіемъ, новымъ толчкомъ къ пламенному протесту. Съ большою искренностью отвѣчалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ на упрекъ въ отсутствіи патриотизма. «Когда я говорю нѣмцамъ», пишетъ онъ, «старайтесь, чтобы ваше сердце сдѣлалось достаточно сильнымъ для вашего духа, вашъ языкъ достаточно пламеннымъ для вашего сердца, ваша рука — достаточно быстрой для вашего языка; присвойте себѣ преимущества французовъ — и вы сдѣлаетесь первымъ народомъ въ мірѣ, — развѣ этими словами я объявляю, что нѣмцы карлики, а французы исполины?... Нѣтъ, прійди ко мнѣ какой нибудь Богъ и скажи мнѣ: «Я превращу тебя со всѣми твоими мыслями и чувствами, воспоминаніями и надеждами въ француза», — я отвѣчалъ бы ему: Покорно благодарю, о безсмертный! Я хочу остаться нѣмцемъ со всѣми его недостатками и пороками, — нѣмцемъ со всѣми его тридцати шестью правителями, его тайными судами, его цензурой, его бесплодной ученостью, его смиреніемъ, его высокохѣріемъ, его гофратами, его филистерами»...

И въ самомъ дѣлѣ, Берне оставался нѣмцемъ, несмотря на свою жизнь среди французовъ и на свое стремленіе офранцузить нѣмцевъ. Его насмѣшки надъ Германіей носятъ отпечатокъ страданія, и юморъ его далеко не всегда веселый. Онъ очень удачно смѣется надъ мелочностью нѣмецкаго общества, очень забавно говоритъ о своихъ столкновеніяхъ съ гофратами и юстицратами, которыми переполнена вся Германія. Онъ стра-

дасть отъ того, что нѣмцы такъ далеки отъ всякой мысли о равенствѣ и свободѣ и даже Гете онъ простить не можетъ его титуловъ.

Берне, въ самомъ дѣлѣ, болѣе жаждою свободы, и это заслоняло отъ него всякія другія проявленія человѣческаго духа. Ему приходится не разъ говорить и объ искусствѣ въ «Парижскихъ письмахъ», о картинахъ, и о театрѣ, но ко всему онъ прилагаетъ политическую мѣрку. Гейне справедливо обвиняетъ его въ отсутствіи художественнаго чутья, но не въ художественномъ чутѣй заслуги Берне. Его нужно разсматривать исключительно какъ проповѣдника политической свободы и гражданской нравственности. Чисто литературныя качества его творчества проявляются всего ярче, когда ему приходится отстаивать свои излюбленныя идеи, борясь противъ своихъ враговъ и обвинителей. Лучшимъ образцомъ его юмора, напримѣръ, служитъ знаменитый памфлетъ, озаглавленный «Салатъ изъ селедки» («Näringsalad»), направленный противъ одного изъ его критиковъ Häging'a. Тамъ онъ рассказываетъ о своихъ столкновенияхъ съ берлинскими гофратами, сочиняетъ миеологическую родословную своей семьи, смѣется надъ ограниченной нѣмецкой ученостью и заканчиваетъ очень оригинальнымъ приемомъ. Въ отвѣтъ на всѣ ругательства Häging'a и другихъ своихъ противниковъ онъ прилагаетъ къ статьѣ длиннѣйшій алфавитный списокъ всѣхъ ругательныхъ словъ на нѣмецкомъ языкѣ и затѣмъ говоритъ: «Теперь прошу перваго знатока нашего времени, г. кабинетъ-секретаря Сафира въ Вѣнѣ рѣшить, кто изъ насъ оказался грубѣе: г. ли Вурмъ, Мейеръ, Херингъ, Робертъ, Питшафтъ, Мюнхенская официальная газета, Штутгартская официальная газета, Бернская газета и всѣ остальные люди и газеты, которыхъ я не читалъ, взятые вмѣстѣ или я одинъ противъ всѣхъ».

Статья «Менцель-французоѣдъ» была лебединой пѣснью Берне, и быть можетъ, самымъ лучшимъ его произведеніемъ. Въ этой статьѣ онъ доказываетъ, что не онъ слишкомъ многого требуетъ для Германіи, а что Менцель слишкомъ большой обскурантъ и что въ отсутствіи патріотизма можно скорѣе обвинить этого противника молодой Германіи. «О небо!» говоритъ онъ, «требовать для нѣмцевъ, этого образованнѣйшаго, умнѣйшаго, здоровѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго народа въ свѣтѣ, того, что имѣютъ Португалія и Испанія, того, что умѣла удержать за собой силой мужества и благородства маленькая, слабая, опутанная сѣтями европейской дипломатіи, Греція, того, чѣмъ владѣютъ негры Сьерры Леоны и Либери, — значитъ, по мнѣнію г. Менцеля, мѣрять высшимъ масштабомъ идеала!».

Гейне, при всемъ своемъ пренебреженіи къ Берне, называетъ эту статью «яснымъ озеромъ, въ которомъ отражается небо со всѣми его звѣздами и въ которомъ умъ Берне ныряетъ то здѣсь, то тамъ, какъ прекрасный лебедь, спокойно отряхая отъ своихъ крыльевъ обвинения, которыми его загрязнила чернь». Этой статьѣй Берне окончательно уничтожилъ Менцеля и въ послѣдній разъ отразилъ всю силу и всю привлекательность своего таланта, выказалъ себя таковымъ, какимъ онъ былъ всегда, т. е. патріотомъ съ душой, открытой завѣтамъ свободы, гдѣ бы они ни проявлялись.

Зин. Венгерова.

Къ исторіи развитія права и обычая.

Р. Гильдебранта.

Ректора Градскаго Университета.

За послѣднее время въ области наукъ, занимающихся исторіей права и обычая, произошли существенныя перемѣны.

Обрисовать эти перемѣны, связать ихъ съ проблемой общей исторіи развитія права и обычая—вотъ моя задача.

Прежде интересовались происхожденіемъ правовыхъ отношеній и обычаевъ не самихъ по себѣ, а лишь по столько, по сколько они характеризовали или касались того или другого народа, той или другой эпохи. Основной интересъ всѣхъ изслѣдованій по исторіи развитія былъ больше *личный*, чѣмъ *предметный*. Точка зрѣнія историка не отличалась отъ точки зрѣнія біографа: историкъ описывалъ лишь жизнь цѣлой націи или даже всѣхъ націй, а біографъ изображалъ жизнь отдѣльныхъ индивидуумовъ. Поэтому каждый народъ разсматривался въ отдѣльности безъ сравненія съ другими народами. Всѣ изслѣдованія по исторіи развитія укладывались въ *національныя* рамки. Принималось во вниманіе лишь вліяніе одного народа на другой. Но вопросъ объ *общемъ* всѣмъ націямъ даже и не затрогивался.

При этомъ полемъ наблюденія было всегда только *прошедшее*, или лишь *цивилизованные* народы, т. е. народы, «игравшіе роль въ исторіи». Въ кругъ изслѣдованія не входили ни *живое современное*, ни народы, которые стоятъ на *первобытной* ступени развитія, живутъ вдали отъ шума европейской цивилизаціи и ведутъ тихую непритязательную жизнь; этими послѣдними интересовался лишь этнографъ; ими не интересовался даже историкъ.

При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, никогда не получалось общихъ истинъ, а слѣдовательно, никогда не достигалось и истинно научнаго, удовлетворительнаго объясненія явленій. Тогда довольствовались тѣмъ, что опредѣленные идеи принимались за непреклонные законы исторіи, т. е. «*der Herren eigener Geist, in dem die Zeiten sich*

bespiegeln» *) составляя чуть-ли не единственную связь между явлениями. Историкъ былъ ученымъ и, если онъ чувствовалъ наклонность къ болѣе широкому взгляду, онъ былъ также философомъ или поэтомъ; но онъ не былъ «естествоиспытателемъ» ни по постановкѣ вопросовъ, ни по методу, ни по результатамъ.

За послѣднее время все это, или по крайней мѣрѣ отчасти, измѣнилось.

Какъ при изслѣдованіяхъ языка, такъ и въ наукѣ права, какъ впрочемъ почти во всѣхъ дисциплинахъ, занимающихся формами явленій существующей жизни, теперь перешли къ *сравнительному методу*. Это измѣненіе произошло подъ вліяніемъ совершенно правильнаго соображенія, что всякое познаніе основано на абстракціи, а каждая абстракція предполагаетъ сравненіе явленій. При этомъ историческія изслѣдованія стали не только подробнѣе, но пополнились также и этнографическими данными, которыя, въ свою очередь, значительно обогатились; такъ что при изслѣдованіяхъ по исторіи развитія матеріалъ черпается не только изъ старинныхъ сказаній, преданій, пергаментовъ и надписей, а дополняется и современными описаніями путешественниковъ и собственными наблюденіями.

При помощи такого метода выяснилось, что цѣлый рядъ правовыхъ отношеній и обычаевъ, которые прежде приписывались тому или другому народу, или, по крайней мѣрѣ, той или другой опредѣленной расѣ, составляютъ явленіе *общее*; другими словами, они встрѣчаются или встрѣчались у различнѣйшихъ народовъ и расъ и во всѣхъ странахъ; такимъ образомъ они не могутъ быть въ зависимости ни отъ національности или расы, ни отъ политическихъ событій, ни особыхъ свойствъ страны или климата; они не могутъ быть также объяснены простымъ подражаніемъ или перенесеніемъ изъ одного народа на другой.

Для примѣра можно остановиться хоть на слѣдующемъ: прежде полагали, что такъ называемая *домашняя община* (Hauscommunion)—явленіе, когда всѣ родственники, часто въ числѣ трехъ даже четырехъ поколѣній, владѣютъ нераздѣльно кускомъ земли и сообща хозяйничаютъ,—что явленіе это составляетъ специфическій славянской общинѣ. Въ настоящее время стало извѣстнымъ, что обычай этотъ существовалъ и у древнихъ германцевъ, и у кельтовъ, и что теперь еще онъ наблюдается не только у южныхъ славянъ, но распространенъ и у армянъ, и у другихъ народовъ Кавказа, среди индусовъ, финновъ, вотяковъ и, что бы назвать и не арійскій народъ, и у кабилловъ.

Такъ наз. *матріархатъ* или явленіе, когда родство считаютъ по матери, а не по отцу, прежде признавалось просто капризомъ или курьезомъ; Геродотъ говорить: «у ликійцевъ имѣется особая привычка, какой

---

*) Собственный умъ ученыхъ, въ которомъ отражаются эпохи.

нѣтъ ни у какого другого народа: они прозываются по родству съ матерью, а не съ отцемъ». Теперь же извѣстно, что *матриархатъ* и по сейчасъ существуетъ у туземцевъ Австраліи, у большинства индѣйскихъ племенъ Сѣверной и Южной Америки, у многихъ народностей Южнаго океана и Малайскаго архипелага, а также и у народовъ экваторіальной Африки, т. е. у цѣлой массы народовъ различнѣйшихъ расъ.

Подобныя открытія привели къ убѣжденію, что національныя различія въ правѣ и въ обычаяхъ являются въ большинствѣ случаевъ лишь различными ступенями развитія.

Такимъ образомъ постепенно назрѣла мысль объ *общей исторіи развитія права и обычая*, для которой все, что выясняло правовыя отношенія и обычаи отдѣльныхъ народовъ и эпохъ, составляло лишь матеріалъ. Зародилась мысль о познаніи, получаемомъ путемъ абстракціи или систематическихъ сравненій фактовъ, это уже не мысль о такъ наз. «всеобщей исторіи», при которой хотя все человѣчество и разсматривается какъ единое, но въ остальномъ поступаютъ совершенно такъ же, какъ и раньше, т. е. подбираютъ лишь единичные факты въ хронологическомъ порядкѣ безъ абстракцій и безъ сравненій, а слѣдовательно, и безъ возможности достигнуть общаго пониманія.

Однако, сдѣланныя до сихъ поръ попытки опредѣлить или сгруппировать единичныя явленія изъ области права и обычая по ихъ происхожденію или по ихъ историческому развитію, по родству или необходимости совмѣстнаго существованія, попытки эти, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть страдаютъ одной большой ошибкой: при этомъ *философія* всегда играетъ роль научнаго помощника, т. е. обыкновенно исходятъ не изъ явленій, а изъ предвзятыхъ мнѣній или изъ болѣе или менѣе произвольныхъ предположеній. Подобныя апіористическія идеи не выдерживаютъ даже логическихъ требованій.

Одни, подъ вліяніемъ господства идеи о такъ наз. *нравственномъ опредѣленіи человеческого рода* дѣлаютъ выводъ, что все болѣе отдаленное отъ современныхъ этическихъ понятій и требованій неминусемо было и самой древней или первоначальной стадіей; при этомъ они совершенно забываютъ, что въ области этики не существуетъ никакихъ измѣримыхъ величинъ или разстояній, никакихъ степеней сравненія, никакихъ «болѣе» или «менѣе»; здѣсь есть только «или-или» и «существуетъ» или «не существуетъ»; поэтому въ этой области рѣчь можетъ идти лишь о перемѣнахъ т. е. о развитіи, но не объ успѣхахъ.

У другихъ мыслью руководитъ желаніе, и вотъ, думаютъ, что въ основѣ послѣдней инстанціи развитія права и обычая лежитъ тенденція дѣлать все большее количество людей свободными и счастливыми. При этомъ всегда упускается изъ виду, что право и обычай, уже логически, не могутъ происходить изъ интересовъ тѣхъ, чья свобода дѣйствій этимъ будетъ ограничиваться; они возникаютъ всегда изъ интереса—личнаго или вещественнаго—тѣхъ, кто обладаетъ могуществомъ установить это

ограниченіе для другихъ. Упускають изъ виду, что всякое право, всякій обычай всегда обозначаютъ «императивъ» или «господство» (добродѣтель происходитъ изъ нужды), и что при каждомъ господствѣ, какъ это иначе и быть не можетъ, личное благо однихъ болѣе или менѣе жертвуется и подчиняется личному благу другихъ. Да и всякая культура проявляется не столько въ личномъ хорошемъ самочувствіи, сколько въ творческой совмѣстной работѣ людей; эту работу, при различныхъ склонностяхъ и при разныхъ одаренностяхъ индивидуумовъ, и представить себѣ нельзя безъ господства и безъ служенія, такъ что одной изъ существеннѣйшихъ частей культуры является искусство господства и служенія, и культура никогда не можетъ опредѣляться счисленіемъ или простымъ вопросомъ о большинствѣ и меньшинствѣ.

Какъ и когда то говорилось о такъ наз. «имманентной идеѣ права», такъ и въ настоящее время еще многіе ученые представляютъ себѣ, что право и обычай свалились до извѣстной степени съ неба, произошли, такъ сказать, путемъ «*generatio aequi voca*», возникли сами изъ себя. Вслѣдствіе этого часто думаютъ, что просто путемъ одного *юридическаго обсуждения* т. е. логическаго анализа или выводовъ одного права изъ другого, можно дойти до исторіи его развитія; или, что при помощи простой юридической конструкціи, связанной въ крайнемъ случаѣ съ доводами изъ философіи права, извѣстныя правовыя отношенія или правовой институтъ уже тѣмъ самымъ сведется къ его происхожденію и объяснится съ точки зрѣнія *исторіи развитія*.

Приведемъ примѣръ: въ настоящее время, или вообще съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ земельная собственность, право на плоды предполагаетъ непременно и право на землю, или право на плоды вытекаетъ изъ права на землю. Изъ этого, не всегда впрочемъ сознательно, дѣлался выводъ, будто земельная собственность древнѣе, чѣмъ право на плоды, или что по крайней мѣрѣ, не могло быть права на плоды безъ одновременнаго существованія земельной собственности. А такъ какъ въ древнѣйшія времена, въ первыхъ стадіяхъ земледѣлія *частной* земельной собственности мы не встрѣчаемъ, а право отдѣльныхъ лицъ на плоды существуетъ уже въ силу фактическаго владѣнія и обработки, т. е. право жать тамъ, гдѣ посѣялъ, то изъ этого дѣлается заключеніе, что первоначально существовало *общее* владѣніе землею или, что *частному* земельному владѣнію предшествовало *общее*.

Однако, несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ заключеніе невѣрное.

Изъ того обстоятельства, что въ настоящее время право на плоды простекаетъ изъ права на землю, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы право на плоды не существовало раньше всякой земельной собственности, поэтому не вѣренъ и послѣдующій выводъ о томъ, что частной земельной собственности предшествовала общая земельная собственность. Здѣсь смѣшиваютъ двѣ совершенно различныя вещи: вопросъ о *юридическихъ* или *логическихъ* взаимныхъ отношеніяхъ двухъ правъ съ вопросомъ *исторіи*.

развитія или *эволюціонной* послѣдовательностью, т. е. приоритетомъ; другими словами, смѣшиваютъ вопросъ о *понятіи* съ вопросомъ о *явленіи*. Было-бы совершенно то же самое, если бы исторію развитія языка вздумали почерпнуть изъ грамматики.

Общая земельная собственность, если только она существовала, не могла быть раньше частной земельной собственности уже по одному тому, что во всѣхъ областяхъ жизни, въ силу природы вещей, болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному, а не наоборотъ; иначе говоря не могло этого быть, потому что идея общаго права требуетъ гораздо болѣе мѣры абстракціи, чѣмъ идея права единичнаго лица; а человеческое мышленіе никогда не начинается съ абстракціи, это можно усмотрѣть уже изъ того, что дѣти въ школѣ всегда сперва осваиваются съ отдѣльными конкретными яблоками и грушами и лишь потомъ переходятъ къ счисленію абстрактныхъ суммъ. Вещи развиваются всегда только *психологически* и никогда не развиваются *логически*, всегда—синтетически, и никогда—аналитически.

Право и обычай являются въ концѣ концовъ лишь *формой*, а не *содержаніемъ* существующей жизни. Содержаніе жизни состоитъ изъ управляющихъ ею побужденій, страстей, потребностей, интересовъ. Или, выражаясь иначе, право и обычай являются въ послѣдней инстанціи *сдѣлствіемъ*, а не *причиной*.

Чтобы познать происхожденіе *формъ* жизни, необходимо изучить *процессы* жизни.

Морфологическія явленія обуславливаются *физиологическими* процессами.

Такимъ образомъ обнаружить слѣды происхожденія правовыхъ отношеній и обычаевъ можно лишь разсматривая жизнь не только со стороны ея *формы*, но и со стороны ея *природы*, не только съ *формальной*, но и съ *матеріальной* стороны.

На основаніи этого для уясненія исторіи развитія права и обычая не достаточно постоянно вертѣться около юридически-этической оси, или же сравнивать между собой народы и эпохи, лишь по сколько выразились ихъ правовыя отношенія и обычаи. Для того, чтобы сказать, что это право или данный обычай болѣе древняго или болѣе примитивнаго происхожденія, чѣмъ другое право или другой обычай, необходимо, сопоставляя народы и эпохи, помимо сличенія ихъ правовыхъ отношеній и обычаевъ, сравнить въ то же время и другія явленія жизни. Ибо, если этого не сдѣлать, то не будетъ «*tertium comparationis*», и сравнительный методъ будетъ ножомъ безъ клинка.

Отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи и ходѣ развитія права и обычая *выходитъ изъ предѣловъ круга специально юридически-этического мышленія*, отвѣтъ этотъ—внѣ этого круга. И лишь при условіи распространенія сравнительнаго метода и по ту сторону круга, т. е. понимая этотъ

методъ въ болѣе продуманномъ смыслѣ, лишь въ такомъ случаѣ можетъ быть рѣшена проблема общей исторіи развитія права и обычая.

Это чувствовали и раньше, и отсюда произошла попытка сопоставлять и группировать различные народы и эпохи не по ихъ правовымъ отношеніямъ и обычаямъ, а по *ступенямъ культуры*. Говорятъ о «первобытныхъ» народахъ и о «культурныхъ» народахъ, а также о болѣе высокихъ и менѣе высокихъ культурныхъ народахъ и эпохахъ.

Но жизнь многостороння и культура разнообразна. Въ зависимости отъ того, какой родъ стремленій, страстей, потребностей, интересовъ перетянетъ, и жизнь направляется то въ одну сторону, то въ другую. Поэтому *общей культуры* или *просто культуры* не существуетъ. Культурное движеніе впередъ въ одномъ направленіи слишкомъ часто является культурнымъ движеніемъ назадъ въ другомъ направленіи; культурное движеніе впередъ въ одномъ направленіи даже по необходимости влечетъ въ большинствѣ случаевъ культурное движеніе назадъ или неподвижное состояніе въ другомъ.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что трудъ сопоставленія и классифицированія различныхъ народовъ и эпохъ по ступенямъ ихъ культуры всегда будетъ бесплоднымъ. Такая попытка является не чѣмъ инымъ, какъ квадратурой круга. *Несоизмѣримая* величины всегда останутся несоизмѣримыми.

Но то, что законно по отношенію къ культурѣ вообще, еще не законно въ обращеніи отдѣльныхъ видовъ или вѣтвей культуры.

Такъ можно говорить, напр., о *ступеняхъ хозяйственной культуры*.

Хозяйственная жизнь имѣетъ то преимущество передъ другими явленіями жизни, что, въ общемъ, ходъ ея развитія вездѣ и всегда идетъ въ одномъ направленіи; это объясняется тѣмъ, что населеніе т. е. число людей вездѣ и всегда болѣе или менѣе растетъ, и изъ всѣхъ интересовъ, господствующихъ надъ жизнью, интересы хозяйственные, уже по родѣ вещей, бываютъ всегда наиболѣе могущественными и наиболѣе основательными.

Въ различеніи по ступенямъ экономической культуры косвеннымъ образомъ содержится и распознаваніе по ступенямъ общаго развитія, или, если можно такъ выразиться, *опредѣленіе возраста*. Всякая болѣе высокая ступень экономической культуры является въ то-же время всегда и болѣе поздней или болѣе зрѣлой ступенью развитія.

Конечно, можетъ случиться, что черезъ ту, или другую ступень экономической культуры перешагнутъ. Такъ, напр., существуютъ народы, которые со ступени жизни охотой и рыбной ловлей прямо перешли къ земледѣлю или къ осѣдлости, не ведя предварительно пастушеской жизни. Сюда относятся всѣ туземные жители Сѣверной и Южной Америки, конечно тѣ, которые уже вышли изъ чистаго охотничьяго и рыболовнаго періода, а также островитяне Южнаго океана, древніе жители Малайскихъ

острововъ и большинство народовъ экваторіальной Африки. Но все-же направление экономического развитія или порядокъ ступеней экономической культуры вездѣ и всегда по существу остается однимъ и тѣмъ-же. Никогда не бываетъ, чтобы ступень земледѣлія или осѣдлости предшествовала ступени пастушеской жизни или жизни номадовъ; другими словами, наблюдаемый повсюду ходъ развитія никогда не принималъ обратнаго направленія, такъ, чтобы можно было говорить объ экономическомъ движеніи назадъ.

Если мы видимъ, напр., что одинъ народъ занимается скотоводствомъ или земледѣіемъ, или даже торговлей и ремеслами, а другой народъ живетъ лишь охотой, рыбной ловлей и собираніемъ растений, то уже по одному этому мы можемъ заключать, что первый народъ находится въ болѣе поздней стадіи развитія и въ извѣстной мѣрѣ старше и болѣе зрѣлый, чѣмъ второй.

Располагая и группируя различные народы и эпохи по ступенямъ ихъ экономической культуры, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность опредѣлить исторію развитія или генетическую послѣдовательность и необходимость совмѣстнаго существованія различныхъ встрѣчающихся у нихъ правовыхъ отношеній и обычаевъ.

Такъ напр., если обнаружится, что извѣстное правовое явленіе или обычай встрѣчается лишь у народовъ, находящихся на ступени жизни охотниковъ и рыболововъ, а другое правовое отношеніе или обычай начинается встрѣчаться у народовъ, стоящихъ уже на ступени пастушеской жизни или, вообще вышедшихъ уже изъ періода охотничьей жизни, то изъ этого слѣдуетъ, что второе правовое явленіе болѣе позднее, или болѣе юнаго происхожденія, чѣмъ первое.

Кромѣ того сличеніе народовъ и эпохъ по ступенямъ экономической культуры даетъ возможность прямо объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ правовыхъ отношеній.

Если напр., мы выяснимъ, что какаго нибудь опредѣленнаго правового явленія или обычая не бываетъ ни у одного народа, находящагося на ступени охотничьей и рыболовной жизни; если за то это правовое явленіе встрѣчается у всѣхъ народовъ, ведущихъ пастушескій образъ жизни, то этимъ будетъ доказано, что происхожденіе даннаго правового явленія прямо или косвенно зависитъ отъ условій пастушеской жизни.

Или, если напр., мы откроемъ, что опредѣленное правовое явленіе или обычай бываетъ у всѣхъ народовъ, достигшихъ ступени земельной собственности или осѣдлости, но его не встрѣчается ни у одного народа, стоящаго на ступени кочевой жизни, то на основаніи этого мы заключимъ, что это правовое явленіе совпадаетъ съ интересами, которые выступаютъ или даже господствуютъ лишь вмѣстѣ съ появленіемъ земельной собственности и осѣдлости.

Такимъ образомъ мы видимъ, что точка Архимеда, опираясь на которую можно поднять весь міръ права и обычая, находится

въ области хозяйства *). Совершенно такъ же, какъ въ природѣ, борьба за существованіе обуславливаетъ «происхожденіе видовъ».

Я позволю себѣ для подтвержденія сказаннаго привести нѣсколько практическихъ примѣровъ, которые я возьму изъ области семейнаго права, представлявшаго до сихъ поръ наибольшій интересъ въ области исторіи развитія.

Установлена теорія, что первоначальной или древнѣйшей формой заключенія браковъ было *похищеніе женщинъ*. Постепенно, по мѣрѣ смягченія нравовъ, похищеніе женщинъ перешло въ *покупку женщинъ*, а впоследствии, вмѣстѣ съ ростомъ цивилизаціи, покупка женщинъ смягчилась въ простое *принесеніе подарковъ* родителямъ или опекунамъ невѣсты.

Но, если всмотрѣться въ факты, то оказывается, что у народовъ, находящихся еще на низшихъ ступеняхъ хозяйственной жизни (охотничьей и рыболовной), обычай покупки женщинъ вовсе не бываетъ, а похищеніе женщинъ встрѣчается лишь очень рѣдко. Обыкновенная форма заключенія браковъ на низшей ступени состоитъ скорѣе въ принесеніи подарковъ отцу, слѣд., родителямъ; или браки заключаются помимо всякихъ «*captatio benevolentiae*» родителей, но при выраженномъ, или молчаливомъ ихъ согласіи; или-же, наконецъ, браки заключаются простымъ соглашеніемъ непосредственныхъ участниковъ, т. е. до извѣстной степени просто *путемъ оккупации*. Это мы видимъ у ведовъ на Цейлонѣ, у бушменовъ, у алеутовъ, у всѣхъ индѣйскихъ племенъ Сѣверной Америки, у народовъ Бразиліи, стоящихъ на низшей ступени развитія, какъ Пурисъ, Короадосъ, Коропосъ, у Вака на Новой Гвинее, у жителей острова Адэ, у австралийцевъ, у племени Кубусъ на Суматрѣ и т. д., и т. д.

Обычай покупки женъ мы встрѣчаемъ лишь у народовъ, стоящихъ уже на ступени пастушеской жизни, какъ напр., у лапландцевъ и самоѣдовъ, у бурятовъ и киргизовъ, у тодасовъ, у бедуиновъ, у намаква или готтентотовъ, у караффовъ; этотъ-же обычай мы наблюдаемъ и у осѣдлыхъ народовъ, занимающихся земледѣліемъ. Похищеніе женщинъ также чаще встрѣчается лишь на этихъ ступеняхъ жизни.

Такимъ образомъ ходъ развитія этого обычая какъ разъ обратный тому, который былъ принятъ теоріей. Принесеніе подарковъ не *слѣдовало* за покупкой, а, скорѣе ей *предшествовало*, т. е. оно старѣе покупки. А похищеніе или *насильственный захватъ противъ воли отца*, слѣд., родителей, по мѣрѣ перехода къ скотоводству и земледѣлію, становится, какъ сказано, *не рѣже, а чаще*.

Объясняется это совершенно естественнымъ образомъ.

---

*) Для правильности этого заключенія, необходимо прибавить: «въ первобытную эпоху жизни человѣчества»; какъ общее утвержденіе—для всѣхъ временъ и народовъ—оно несомнѣнно будетъ односторонне. *Pe*⁴.

„Образованіе“. Отд. II. № 12.

На низшей ступени хозяйственной жизни человекъ живетъ исключительно добычей и находкой «лишь изъ руки да въ ротъ» или день за день. Поэтому въ это время нѣтъ никакого имущества, нѣтъ никакихъ имущественныхъ интересовъ. Извѣстно только стремленіе къ наслажденію, но не извѣстно ни стремленіе къ наживѣ, ни скупость. Поэтому-то отецъ и не требуетъ никакой платы, никакого удовлетворенія за свою дочь, а довольствуется *подарками*, а иногда *обходится и безъ нихъ*.

На ступени пастушеской жизни дѣло обстоитъ уже иначе. Здѣсь уже имѣется *имущество*. Стада, т. е. обладаніе скотомъ, составляютъ здѣсь всю основу существованія. Въ то время, какъ охотникъ и рыболовъ совершенный бѣднякъ, изо дня въ день зарабатывающій себѣ пропитаніе, пастухъ является уже капиталистомъ, живущимъ на свои проценты. Поэтому на ступени пастушеской жизни уже начинаютъ *считать*. *Стремленіе къ наживѣ и скупость* играютъ уже извѣстную роль. Этимъ объясняется, почему мы здѣсь обыкновенно встрѣчаемъ обычай покупки женъ, причѣмъ цѣна на жену устанавливается съ извѣстной правильностью въ определенное количество головъ извѣстнаго рода скота.

Обычай покупки женъ объясняетъ и причину того, что на этой ступени развитія похищеніе женщинъ уже не такъ рѣдко, какъ это случается въ періодѣ охотничьей и рыболовной жизни; хотя и здѣсь оно является лишь явленіемъ исключительнымъ. Это происходитъ потому, что къ силѣ прибѣгаютъ лишь тогда, или по крайней мѣрѣ, обыкновенно тогда, когда мирнымъ путемъ цѣль не достигается. Пока-же подарка бываетъ достаточно, чтобы вызвать согласіе отца (т. е. родителей), (чтобы слѣдов. съ его стороны не послѣдовало veto) подобный критическій случай встрѣчается рѣдко. Лишь при назначеніи покупной цѣны на женщину, слѣдов., при томъ условіи, что *мирное* приобрѣтеніе жены бываетъ сопряжено съ *расходами*, бѣдняку часто ничего другого и не остается, какъ прибѣгнуть къ *похищенію*, т. е. насильственному уводу невѣсты противъ воли родителей. Богатый также часто прибѣгаетъ къ этому способу, но уже по причинѣ своей скупости.

Другой примѣръ.

По очень распространенной теоріи, первоначально вовсе не существовало супружества, въ смыслѣ обладанія женщины однимъ лицомъ; полагаютъ, что женщины составляли *общее достояніе*, или, что супружество было въ формѣ «племенного или группового брака», и что лишь впоследствии изъ этого произошелъ индивидуальный бракъ. Съ подобнымъ ходомъ вещей соединяютъ и такъ наз. «матріархатъ», объясняя его слѣдующимъ образомъ: до тѣхъ поръ пока не существовало брака въ смыслѣ исключительнаго обладанія и господства единичнаго мужчины надъ единичной женщиной, не могло быть и *отцовской власти* или власти единичнаго мужчины надъ своими дѣтьми, поэтому и родство опредѣлялось съ материнской стороны, а не по отцу.

Но каковы-же факты?

У народовъ, пребывающихъ на ступени охотничьей и рыбацкой жизни мы нигдѣ и никогда не встрѣчали общности женъ. У веддовъ на Цейлонѣ, у австраійскихъ туземцевъ, у коренныхъ жителей Бразиліи, у жителей Огненной Земли, у андаменовъ, у краснокожихъ Сѣверной Америки и т. д. каждый мужчина обладаетъ женой нераздѣльно; или-же здѣсь можно обнаружить лишь ничтожныя слѣды *rêle-mêle* между мужчинами и женщинами. Господство единичнаго мужчины надъ своей женой является на низшей ступени развитія жизни даже безусловнымъ, прямо неограниченнымъ.

Лишь у народовъ, ведущихъ пастушескую жизнь, какъ напр., у Овахереро или Дамара въ Африкѣ, у Тодасъ и Толдигасъ въ Индіи и др., или у осѣдлыхъ и земледѣльческихъ народовъ, какъ напр., у нѣкоторыхъ тангутовъ и тибетцевъ, у жителей Бутана и Ладака, Кулу, Травалкоре, Малелары и Канары, у сингалезовъ на Цейлонѣ и т. д. — лишь у этихъ народовъ мы можемъ натолкнуться на явленіе, что у нѣсколькихъ братьевъ или родственниковъ имѣется одна общая жена, или даже, что единичныя группы живутъ безъ всякаго брака. Тоже самое можно сказать и о тѣхъ народахъ, о которыхъ сообщали древніе авторы, какъ Геродотъ, Цезарь, Страбонъ и др.; всѣ эти народы вели или пастушескую жизнь, или-же были осѣдлыми и занимались земледѣліемъ.

Такимъ образомъ первоначальный ходъ развитія этого явленія опять таки *обратный* тому, который принять теоріей.

И въ данномъ случаѣ мы можемъ найти объясненіе разбираемому нами явленію въ области хозяйства.

Мы уже знаемъ, что для приобрѣтенія жены на низшей ступени жизни не требуется никакого состоянія. Обычай покупки жены еще не существуетъ. Въ этотъ періодъ никто еще экономически на столько не заинтересованъ, чтобы исключительное личное обладаніе женою могло-бы, при обстоятельствахъ, казаться извѣстнаго рода роскошью. Естественныя и элементарныя побужденія и страсти господствуютъ еще неограниченно съ полной силой, не ослабленной никакимъ экономическимъ соображеніемъ или расчетомъ. Точно также и ревность. Все это исключаетъ всѣ виды общиннаго брака или полное безбрачіе.

Совершенно иныя отношенія имѣются, напр., уже на ступени пастушеской жизни. Здѣсь, какъ мы уже видѣли, обычай покупки жены часто ставитъ бѣдняка въ невозможность добиться мирнымъ путемъ исключительнаго обладанія женою. Если онъ не рѣшается на похищеніе невѣсты, то часто ему ничего другого и не остается, какъ, или вовсе отказаться отъ брака, или купить жену въ компаніи со своими братьями или родственниками и обладаніе этой женой уже братски дѣлать. У болѣе богатыхъ такое явленіе объясняется ихъ скупостью.

Но разъ дѣло обстоитъ такъ, т. е. бракъ уже съ самаго начала заключался въ индивидуальномъ обладаніи женой, то какъ-же объяснить, что уже на низшихъ ступеняхъ жизни встрѣчается, такъ наз., «матріархатъ».

Отъ недостаточности «*patria potestas*» или господства мужчины явленіе это зависѣть не можетъ, такъ какъ, именно, на этой ступени жизни мужчина безусловно и неограниченно властвуетъ надъ своей женой и надъ своими дѣтьми, пока они не стануть взрослыми или пока остаются подъ его кровлею.

Слѣдовательно, явленіе «матріархата» должно быть объяснено иначе, чѣмъ какъ это до сихъ поръ дѣлалось. Мнѣ кажется, что правильное объясненіе этому явленію будетъ слѣдующее:

Такъ какъ на низшихъ ступеняхъ жизни нѣтъ состояній, то нѣтъ слѣдовательно и *наслѣдствъ*. Имущество, оставленное умершимъ,—украшенія, оружіе и т. п.—обыкновенно погребалось вмѣстѣ съ усопшимъ или сжигалось. До тѣхъ поръ, пока еще нечего завѣщать, у отца не можетъ быть интереса, чтобы дѣти считались его родными, такъ какъ родство при такихъ обстоятельствахъ, сводится почти исключительно къ имени. Такимъ образомъ объясняется, что на низшихъ ступеняхъ жизни родство считается иногда съ материнской стороны, такъ какъ съ матерью дѣти связаны уже самой природой гораздо тѣснѣе, чѣмъ съ отцомъ.

Правильность этого объясненія подтверждается еще тѣмъ, что какъ только на низшихъ ступеняхъ жизни являются начатки наслѣдства, все имущество или права умершаго переходятъ къ сыновьямъ и никогда не переходятъ къ племянникамъ, т. е. сыновьямъ сестры, хотя дѣти продолжаютъ зваться материнскимъ именемъ. Такъ, у бразильскихъ племенъ оружіе и украшения, если только они не погребаются или не сжигаются, всегда наслѣдуютъ сыновья. То же самое было и у карибовъ. Подобнымъ же образомъ и у австралийцевъ право охотиться, ловить рыбу и собирать плоды въ извѣстномъ районѣ всегда переходить къ сыновьямъ и никогда не переходитъ къ племянникамъ, хотя и здѣсь дѣти зовутся материнскимъ именемъ. У веддовъ также наслѣдіе отца переходитъ къ сыновьямъ. Лишь на ступени пастушеской жизни случается, что не только имущество, но и имя отца переходитъ къ дѣтямъ т. е. сыновьямъ. Это обстоятельство ясно доказываетъ, что уничтоженіе «матріархата» и опредѣленіе родства по отцу является слѣдствіемъ или спутникомъ *существованія имущества*. И здѣсь *экономическія* соображенія въ послѣдующемъ становятся важнѣе *естественныхъ*.

Я бы злоупотребилъ терпѣніемъ читателя, если-бы сталъ приводить дальнѣйшіе примѣры для доказательства существованія связи между экономическими отношеніями съ одной стороны и развитіемъ права и обычая—съ другой. Поэтому разрѣшите мнѣ лишь нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

Проблема общей исторіи развитія права и обычая одна изъ тѣхъ, которая не знаетъ границъ предмета, другими словами, ей не выкроено особой доли при общемъ раздѣленіи научной работы.

Однако, мы зашли-бы слишкомъ далеко, если-бы изъ этого заключили о необходимости совершенно новой дисциплины. Къ существующимъ и

безъ того многочисленнымъ предметамъ прибавить еще одинъ новый можетъ оказаться потребность и побудительное основаніе лишь тогда, когда данная проблема такого рода, что для рѣшенія ея требуется не только извѣстная многосторонность, но предполагается и совершенно новое, своеобразное первоначальное ея образованіе. Наша проблема не такова. По этой-же причинѣ я полагаю, что и право на существованіе, какъ особой науки, напр., «соціологіи» болѣе, чѣмъ сомнительное.

Изъ того обстоятельства, что проблема не укладывается въ рамки одного изъ существующихъ предметовъ, слѣдуетъ только то, что на границы предметовъ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на цеховыя разграниченія.

При этомъ всегда слѣдуетъ остерегаться четвертаго измѣренія, т. е. не слѣдуетъ вдаваться въ одніе пустыя абстракціи.

Да и фантазія, являющаяся творческой силой въ научныхъ, какъ и прочихъ работахъ—такъ какъ логика собственно говоря только своего рода полиція мысли—она, говорю я, должна опираться на конкретное основаніе и быть ясной и точной.

Поэтому слѣдуетъ отбросить не только всякое доктринерство, но и всякія мечтанія, всякій культъ идей, вообще всякій ходульный способъ воззрѣній, и на дѣло смотрѣть просто и естественно, какъ оно на самомъ дѣлѣ есть. Вопросы познанія не слѣдуетъ смѣшивать съ вопросами желанія, и личныя ощущенія, являющіяся чаще всегда источникомъ такихъ смѣшеній, не могутъ имѣть голоса въ наукѣ. Здѣсь умѣстна лишь безопазднѣйшая, ничѣмъ не стѣсненная, самая холодная *дѣловитость*, которая поэтому можетъ стать страстью.

Въ отношеніи человѣческой жизни существуетъ въ концѣ концовъ лишь одна научная точка зрѣнія, это—точка зрѣнія анатоміи и физиологіи. Прежде философія служила соединительнымъ звеномъ между различными дисциплинами. Въ настоящее время, когда мы стали относиться къ знаніямъ болѣе скептически, болѣе критически, болѣе зрѣло и болѣе требовательно, такимъ звеномъ можетъ быть *только естествознаніе*. Подъ этимъ я разумѣю не результаты, которыхъ достигло естествознаніе, но духъ его, т. е. способъ постановки вопросовъ и научныхъ методовъ; да и вообще въ наукѣ самое важное и самое цѣнное, какъ и въ жизни, это не сумма данныхъ, а искусство достигнуть этихъ данныхъ, не *что*, а *какъ*, не обладаніе, а творческая дѣятельность.

пер. А. Ф.

Н. А. Добролюбовъ.

(Къ 35-лѣтію со дня его смерти).

Тридцать пять лѣтъ въ исторіи общества и литературы—періодъ не малый. За это время успѣло смѣниться нѣсколько поколѣній литературныхъ дѣятелей, изъ которыхъ каждое выступало съ своимъ направленіемъ, съ своими идеалами и требованіями, съ своими взглядами на роль и значеніе литературы въ общественной жизни,—да и самая общественная жизнь успѣла значительно измѣниться. Наши современные вопросы и практическія задачи во многомъ уже не тѣ, что были въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за крымскимъ погромомъ,—и отношеніе къ нимъ литературы, самая манера разсуждать о нихъ, почти совсѣмъ не похожи на стиль конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Перечитывая теперь тогдашніе журналы, мы видимъ, какъ это время все болѣе и болѣе отделяется отъ нашей поры, уходитъ въ исторію, отчасти даже заволакивается туманомъ прошлаго, въ которомъ и люди, и дѣла принимаютъ несовѣмъ ясныя очертанія. Жгучая злоба дня, волновавшая современниковъ, становится чужою и мало понятною для потомства; личныя отношенія теряютъ свое нѣкогда сильное вліяніе, мелочи жизни литературной и общественной сливаются въ одинъ общій фонъ, на которомъ рѣзко выдѣляется только самое крупное, самое существенное,—только то, что долго еще не перестанетъ быть и для нашего, и для многихъ послѣдующихъ поколѣній полнымъ жизни и поученія.

При такихъ условіяхъ становится возможною историческая оцѣнка дѣятельности писателя, давно сошедшаго съ литературной арены; хотя бы могучее вліяніе этой дѣятельности еще и продолжало чувствоваться въ наше время. Определить силу и причины такого вліянія значить—отдѣлать въ произведеніяхъ писателя «временное» отъ «вѣчнаго» (или, по крайней мѣрѣ,—долговѣчнаго), вѣяніе мимолетнаго момента жизни отъ выраженія ея коренныхъ основъ, указать ту связь, которая соединяетъ

широкое съ настоящимъ и разобратъся съ безпристрастіемъ историка въ разнообразныхъ, нерѣдко противоположныхъ, теченіяхъ жизни и мысли, въ водоворотѣ которыхъ приходилось дѣйствовать писателю.

Такова общая, теоретическая задача историка литературы. Но на практикѣ послѣдовательно провести и выдержать эту теорію не всегда такъ легко, какъ это съ перваго взгляда представляется,—и на это есть многія причины... Помните-ли вы читатель, бесѣду Фауста съ его фамулусомъ Вагнеромъ, когда этотъ зарывшійся въ ветхіе фоліанты книжный червь, захлебываясь отъ самовольнаго восторга, восклицаетъ:

...Es ist ein gross'Ergötzen
Sich in den geist der Zeiten zu versetzen
Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht,
Und wie wir's dann zuletzt so herrlich weit gebracht!—

А Фаустъ иронически поддакиваетъ ему:

О, ja,—bis an die Sterne weit!

Далеко-ли, въ самомъ дѣлѣ, ушли мы отъ Добролюбова за эти 35 лѣтъ?

«Переноситься въ духъ временъ минувшихъ» съ цѣлью повеличаться собственнымъ превосходствомъ надъ «мудрецами» прошлаго—дѣло вообще рискованное, а въ особенности неудобное въ такихъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о писателѣ вроде Добролюбова, который еще тысячью нитей связанъ съ нашимъ самымъ живымъ настоящимъ временемъ. Въ недавнюю пору одинъ изъ журнальныхъ Вагнеровъ, поставившій цѣлью своею «свободной» критики—«преслѣдовать» (по его собственному нелѣпому выраженію) «научную правду», пытался пространно объяснить своимъ читателямъ, что Добролюбовъ—не болѣе, какъ литературное ничтожество, котораго «пріятели захвалили» (ср. «Разъѣздъ» Гоголя) и что его дѣятельность имѣла только вредное вліяніе, внеся въ нашу литературу «какой-то странный бредъ публицистическихъ недоразумѣній». Конечно, этотъ «преслѣдователь правды», устремившійся во имя «свободной» (отъ чего?) критики противъ литературнаго движенія 60-хъ годовъ,

Отважился, дерзнулъ, запѣлъ—и осрамился,

подобно своему собрату, назвавшему, въ порывѣ усердія, Добролюбова—«внукомъ Скалозуба». Но самая возможность такихъ рѣзкихъ выходокъ противъ писателя, давно умершаго, указываетъ на то, что этотъ писатель все еще живъ среди насъ, что его имя и теперь, какъ прежде, возбуждаетъ страсти и раздуваетъ полемику. Дѣйствительно, Добролюбовъ, какъ личность, давно истлѣлъ въ могилѣ; но тѣ условія, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ,—та жизнь, которая внушала ему горячія строки, проникнутыя глубокимъ негодованіемъ и беспощаднымъ сарказмомъ,—жизнь «Темнаго царства» и «Обломовки»,—отошла ли она

въ область преданій, или, по крайней мѣрѣ, измѣнилась ли она въ своемъ существѣ? Въ самомъ ли дѣлѣ мы ушли отъ эпохи Добролюбова *bis an die Sterne weit*, и остался ли за этой эпохой одинъ только интересъ историческій? Нашли ли себѣ практическое осуществленіе (хотя бы съ необходимыми поправками) тѣ идеалы, за которые такъ горячо, такъ убѣжденно и послѣдовательно ратовалъ Добролюбовъ и его литературные союзники? Или, быть можетъ, истекшія 35 лѣтъ показали, что эти идеалы должны быть вычеркнуты изъ нашей жизни и сданы въ архивъ за полную ихъ ненадобностью!

Отвѣтъ на эти вопросы подсказывается самъ собою, и въ подробныхъ разсужденіяхъ по этому поводу едва-ли есть надобность. Въ настоящемъ небольшомъ очеркѣ мы не задаемся цѣлью дать полную характеристику дѣятельности Добролюбова; мы желали-бы только напомнить главнѣйшіе моменты этой дѣятельности въ связи съ общимъ характеромъ и направленіемъ русской жизни и литературы того времени.

Вторая половина 50-хъ и начала 60-хъ годовъ,—это, по извѣстному выраженію поэта, «благодатное время надеждъ»,—было временемъ совсѣмъ особеннымъ, которому предшествующая исторія знаетъ только одну аналогію,—воспѣтое Пушкинымъ «дней Александровыхъ прекрасное начало». Словно черезъ внезапно раскрытыя окна сразу хлынулъ потокъ свѣжаго воздуха, живительный, но и опьяняющій послѣ долгаго и изнурительнаго сидѣнья взаперти; словно сразу ярко освѣтились всѣ наши уголки и беспокойно заметались всѣ ихъ обитатели... Этотъ свѣтъ скоро потускнѣлъ,—но во время Добролюбова онъ еще сверкалъ во всю свою силу. Необходимость разобраться въ массѣ неожиданно нахлынувшихъ новыхъ впечатлѣній, отыскать путь правильнаго общественнаго развитія, вызвала лихорадочное оживленіе дѣятельности интеллигентныхъ силъ, которое, конечно, прежде всего отразилось небывалымъ подъемомъ литературы и въ особенности—публицистики. Не было ни одного, сколько-нибудь важнаго, общественнаго вопроса, по которому тогдашняя печать не высказала-бы своего мнѣнія или, вѣрнѣе сказать, нѣсколькихъ мнѣній,—который не вызвалъ бы горячей, нерѣдко бурной полемики. Это было время пылкаго, задорнаго, юношески-беззавѣтнаго увлеченія «новыми словами»,—увлеченія торопливаго, нерѣдко впадавшаго въ наивность и, конечно, не свободнаго отъ ошибокъ, но почти всегда искренняго и честнаго... Вспомнимъ характеристику этого времени, сдѣланную пожившимъ его поэтомъ: ...«Шутя и куда-то спѣша и какъ будто оковы сбывая, Русь! была ты тогда хороша!.. Какъ невольникъ, покинувъ тюрьму, разгибается, вольно вздыхаетъ и, не вѣря себѣ самому, богатырскую мощь ощущаетъ,—ты казалась сильна, молода, къ правдѣ, къ свѣту, къ свободѣ стремилась, въ прегрѣшеніяхъ тяжкихъ тогда, какъ блудница, ты громко винилась, и казалось намъ въ первые дни: повториться не могутъ они...

Походя на толпу сумасшедшихъ, на самихъ себя вьющихъ

бичи, сознаваться въ неудачахъ прошедшихъ были мы до того горячи, что превысили всякую мѣру... Крылось что-то неладное тутъ; но не вдругъ потеряли мы вѣру... Призывая на дѣло, на трудъ, понявъ горькую истину сразу только юноша-геній тогда, произнесшіи безсмертную фразу: «Въ настоящее время, когда»...

Этотъ «юноша-геній» (ему въ то время едва минуло 20 лѣтъ) выступилъ на литературное поприще въ самомъ началѣ эпохи, о которой идетъ рѣчь, и прямо со студенческой скамьи бросился въ бурный водоворотъ тогдашней публицистики. Литература сразу и всецѣло захватила его; онъ могъ бы, съ полнымъ правомъ, повторить о себѣ извѣстное признаніе своего предшественника—Вѣлинскаго: «Я—литераторъ. Говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и горькимъ убѣжденіемъ. Литература—моя жизнь и моя кровь. Я привязался къ литературѣ, отдалъ ей всего себя, т. е. сдѣлалъ ее главнымъ интересомъ своей жизни»... Достаточно взглянуть на то, что написано Добролюбовымъ, и вспомнить при этомъ, что вся его литературная дѣятельность продолжалась съ небольшимъ пять лѣтъ, чтобы видѣть, что этотъ человекъ дѣйствительно все свои силы отдалъ тому дѣлу, которое считалъ своимъ призваніемъ, — что онъ, по справедливому слову историка, «не писалъ а *горько*». Нѣтъ удивительнаго, что онъ и сгорѣлъ слишкомъ скоро...

Гдѣ лѣсъ рубятъ, — тамъ и щепки летятъ. Гдѣ горячо, напряженно, нервно идетъ работа, тамъ дѣло не обходится безъ увлеченій и ошибокъ, которыя, однако, не мѣшаютъ ему двигаться впередъ. Въ спѣшной, горячей работѣ, въ пылу борьбы за дорогія, завѣтныя убѣжденія, часто некогда бываетъ остановиться, спокойно осмотрѣться вокругъ, внимательно проанализировать свои мысли: прежде всего нужно отражать удары противника и наносить ему свои. Понятно, что при такихъ условіяхъ дѣло не обходится безъ ошибокъ; но самыя эти ошибки интересны и поучительны, и едва-ли кто-нибудь можетъ на нихъ основывать обвинительный приговоръ, кромѣ, развѣ, самодовольныхъ педантовъ, чирикающихъ у себя за печкой о невниманіи критики 60-хъ годовъ къ «вѣчнымъ законамъ искусства» и, въ своемъ увлеченіи безграмотнымъ пересказомъ старыхъ и давно пережеванныхъ теорій, забывающихъ ту азбучную истину, что всякаго дѣятеля можно и должно судить только въ условіяхъ его времени и обстановки...

Итакъ, прежде всего, — какъ относилась читающая Россія эпохи Добролюбова къ литературѣ, чего въ ней искала, чего требовала отъ писателя, выступающаго передъ нею съ своей проповѣдью? Какова должна была быть эта проповѣдь и какими глаголами пророкъ того времени могъ «сечь сердца людей»?

Мы уже указали выше, что общее вниманіе въ ту пору было устремлено исключительно на вопросы общественныя, — на критику только что минувшаго времени, на измѣненіе того порядка, который такъ глубоко, до самыхъ корней своихъ, былъ потрясенъ и распатанъ событіями вой-

ны, обнаружившими его несостоятельность. Быстро и энергично закинула работа, подготовлявшая великій переворотъ въ нашей жизни,—освобождение крестьянъ. Дружнымъ хоромъ откликнулась литература на реформаторскія стремленія правительства и главною своею задачею поставила—служить обществу на поприщѣ его реальныхъ, насущныхъ интересовъ; «гражданскіе мотивы» стали на первый планъ даже въ нашей поэзіи. При такихъ условіяхъ, писатель, сознающій себя «первымъ великаго народа», конечно, не могъ оставаться въ области отвлеченныхъ теорій или «чистаго» искусства, а прежде всего долженъ былъ проникнуться идеею общественнаго служенія. «Свобода творчества», говорилъ Бѣлинскій въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ, — «легко согласуется съ служеніемъ современности. Для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденія отъ дѣла, сочиненія—отъ жизни».

Эти слова Бѣлинскаго и сдѣлались для его послѣдователей завѣтомъ, которому они оставались вѣрными во всей своей литературной дѣятельности. Въ истолкованіи этого завѣта наши критики, однакоже, не всегда сходились между собою. Признавая, что искусство не должно быть цѣлью самому себѣ и что, слѣдовательно, оно должно воспроизводить жизнь, Бѣлинскій требовалъ отъ художественнаго творчества яркаго освѣщенія дѣйствительности; Чернышевскій пошелъ дальше и цѣлью искусства поставилъ уже не воспроизведеніе, а объясненіе жизни и судъ надъ нею: искусство, говоритъ онъ, должно быть «учебникомъ жизни» и произносить надъ нею свой приговоръ. Прямымъ слѣдствіемъ такого требованія явилось не только отрицаніе «эстетики»,—дѣло само по себѣ не вредное, ибо подъ «эстетикою» разумѣлась въ тѣ времена вовсе не философская дисциплина, а скорѣе—безсодержательная фраза, — не только пренебреженіе къ «чистому» искусству, но подчиненіе искусства опредѣленной тенденціи, требованіе отъ него морали, служенія тому или иному направленію общественной жизни. Такимъ образомъ, романъ, драма, стихотвореніе должны были «учить» читателя извѣстнымъ истинамъ, «внушать» ему извѣстныя чувства, быть такимъ же орудіемъ для распространенія въ обществѣ тѣхъ или иныхъ идей и понятій, какъ и журнальныя статьи, посвященныя текущей злобѣ дня.

Добролюбовъ, съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности литературнаго критика и до послѣднихъ своихъ статей, держался въ сторонѣ отъ этой крайности и никогда не рѣшался навязывать произведеніямъ чисто литературнымъ умышленно-тенденціознаго характера. По природѣ своей прежде всего — публицистъ, борецъ за общественные интересы, онъ, однакоже, находилъ, что тенденція—вовсе не дѣло художника, что мораль должна быть выведена изъ литературнаго произведенія критикой, а

не дана художникомъ, какъ составная часть произведенія. Оттого и въ своей оцѣнкѣ художественныхъ произведеній Добролюбовъ обращаетъ вниманіе не на цѣль, какую руководился авторъ, а на самый предметъ произведенія, и главнымъ его достоинствомъ считаетъ жизненную правду. Это требованіе вполнѣ оправдывается всѣмъ историческимъ ходомъ развитія нашей литературы и самымъ ея духомъ. Самый языкъ нашъ,—этотъ, по прекрасному выраженію Тургенева, «могучій, правдивый и свободный русскій языкъ» по природѣ своей враждебенъ всякой аффектаціи, всякой напыщенности и изысканной утонченности, которую тщетно пытались и пытаются навязывать ему наши старинные и новѣйшіе подражатели «французскаго вкуса»; по нашимъ понятіямъ,—чѣмъ глубже и искреннѣе чувство, тѣмъ проще, стыдливѣе и сдержаннѣе его выраженіе; красивая, громкая фраза, въ которую такъ эффектно выливается сильное душевное движеніе француза или нѣмца, въ русскомъ переводѣ — не говоря уже о русской жизни—звучитъ какою-то фальшью, дѣланностью, чѣмъ-то автерскимъ, приторно-противнымъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода заподозрѣвать искренность выражаемаго ею чувства. Этотъ стиль, для нѣмца и въ особенности—для француза вполнѣ естественный, русскому человѣку неприятно рѣжетъ ухо. Такимъ образомъ, требованіе правдивости, жизненности поддается уже самымъ строемъ нашего языка, въ которомъ отразился складъ нашего народнаго характера. Понятно, почему во всей нашей литературѣ, на всемъ протяженіи ея историческаго пути, дѣйствительный успѣхъ и несомнѣнное вліяніе имѣли и имѣютъ только тавіе писатели, которые стремились ближе другихъ подойти къ жизни, «запустить руку глубже въ ея нутро», изобразить ее такою, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ стремленіи къ жизненности, въ постепенномъ завоеваніи себѣ права захватывать и правдиво изображать все болѣе и болѣе широкія полосы дѣйствительности—весь смыслъ нашего литературнаго развитія. И, разумѣется, Добролюбовъ былъ безусловно правъ, оцѣнивая писателей по ширинѣ этого захвата и по степени правдивости изображенія жизни въ ихъ произведеніяхъ, и беспощадно разрушая литературную репутацію всякой фальши, прикрывавшейся звонкими фразами. Правильность этой точки зрѣнія признана даже врагами критика,—признана всѣми, кто въ первомъ ряду нашей литературы ставятъ имена Гончарова, Островскаго, Тургенева, Достоевскаго, высоко оцѣненныхъ Добролюбовымъ, и не вступаетъ за «поруганныя» имѣна фонъ-Лизандера, Бенедиктова или графиня Ростопчиной...

Но Добролюбовъ вовсе не считалъ задачею критики выдачу писателямъ похвальныхъ аттестатовъ или волчьихъ паспортовъ; для него литература являлась отраженіемъ жизни. Иронически отказываясь отъ роли «воспитателя эстетическаго вкуса публики», онъ ставилъ себѣ другія задачи: подвести итогъ тѣмъ даннымъ, которыя разсѣяны въ произведеніяхъ писателя и которыя принимаются, какъ совершившійся фактъ,

как жизненное явление. «Мы ничего автору не навязываемъ», говоритъ онъ (въ статьѣ: «Когда же придетъ настоящій день?»). «Мы не знаемъ, съ какою цѣлью, вслѣдствіе какихъ предварительныхъ соображеній изобразилъ онъ исторію, составляющую содержаніе его повѣсти. Для насъ не столько важно то, что *хотѣлъ* сказать авторъ, сколько то, что сказалося имъ, хотя бы и ненамѣренно, просто вслѣдствіе правдиваго воспроизведенія фактовъ жизни. Мы дорожимъ всякимъ талантливымъ произведеніемъ именно потому, что въ немъ можемъ изучать факты нашей родной жизни, которая безъ того такъ мало открыта взору простого наблюдателя. Въ нашей жизни до сихъ поръ нѣтъ публичности, кромѣ официальной... Всякій хоронитъ дальше свою душевную жизнь... Гдѣ же тутъ узнать и изучить жизнь человѣку, не посвятившему себя исключительно наблюденію общественныхъ нравовъ? А тутъ еще—какое разнообразіе, какая даже противоположность въ различныхъ кругахъ и сословіяхъ нашего общества! Мысли, сдѣлавшіяся въ одномъ кругѣ уже пошлыми и отсталыми, въ другомъ еще жарко оспариваются; что у однихъ признается недостаточнымъ и слабымъ, то другимъ кажется слишкомъ рѣзкимъ и смѣлымъ и т. п. Что падаетъ, что побѣждаетъ, что начинается водворяться и преобладать въ нравственной жизни общества,—на это у насъ нѣтъ другого показателя, кромѣ литературы и преимущественно—художественныхъ ея произведеній. Писатель-художникъ, не заботясь ни о какихъ общихъ заключеніяхъ относительно состоянія общественной мысли и нравственности, всегда умѣетъ, однако же, уловить ихъ существеннѣйшія черты, ярко освѣтить и прямо поставить ихъ передъ глазами людей размышляющихъ. Вотъ почему и полагаемъ мы, что какъ скоро въ писатель-художникѣ признается талантъ, т. е. умѣнье чувствовать и изображать жизненную правду явленій, то уже въ силу этого самаго признанія, произведенія его даютъ законный поводъ къ разсужденіямъ о той средѣ жизни, о той эпохѣ, которая вызвала въ писателѣ то или другое произведеніе. И мѣркою для таланта писателя будетъ здѣсь то, до какой степени широко захвачена имъ жизнь, въ какой мѣрѣ прочны и многообъятны тѣ образы, которые имъ созданы».

Такимъ образомъ, Добролюбовъ относится къ созданнымъ художникомъ-писателемъ образамъ, какъ къ живымъ людямъ, къ изображаемой въ романѣ или драмѣ жизни, — какъ къ дѣйствительности. Такой методъ, названный имъ *реальной* критикой, вполне соответствовалъ и собственной природѣ Добролюбова—трибуна и публициста, и требованіямъ современной ему жизни, особенно нуждавшейся въ убѣжденномъ голосѣ проповѣдника-моралиста, и условіямъ тогдашней литературы, напряженное вниманіе которой было сосредоточено на вопросахъ общественныхъ, которымъ прежде всего и больше всего должно было служить печатное слово во всѣхъ его проявленіяхъ. Притомъ, эти статьи «по поводу» литературныхъ произведеній давали автору больше свободы въ сужденіяхъ о русской жизни: вѣдь рѣчь шла, все таки, не о дѣйствитель-

ныхъ лицахъ и порядкахъ, а о Брусковыхъ, Вишневскихъ, Обломовъ Инсаровъ и т. д., — о созданіяхъ поэтической фантазіи. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ блестящимъ талантомъ, съ какою неумолимою послѣдовательностью воспользовался Добролюбовъ этимъ критическимъ приѣмомъ, — какія широкія и смѣлыя обобщенія, какіе потрясающіе своей безотраднѣйшей правдой выводы сдѣлалъ онъ изъ литературныхъ произведеній, рассматривая въ зеркалѣ этихъ произведеній создавшую ихъ жизнь. Это была страстная, убѣжденная, беспощадная критика русской жизни, воодушевленная борьбою на смерть со всякой фальшью, лицемеріемъ и угнетеніемъ, во имя правды, справедливости и свободнаго развитія живыхъ общественныхъ силъ. Въ такихъ статьяхъ, какъ «Темное царство», «Забитые люди», «Что такое обломовщина?», «Когда же придетъ настоящій день?» Добролюбовъ служилъ не минутнымъ интересамъ, не мимолетной злобѣ дня, а основнымъ, кореннымъ запросамъ русской жизни, — запросамъ, до настоящаго времени сохранившимъ свое глубокое значеніе. И надо прибавить, что за эти 35 лѣтъ, прошедшія со дня его смерти, не было у насъ другого писателя, который съ такою же силою и неустранимостью развернулъ бы передъ нами подобную-же картину русской жизни, — какъ иѣкогда греческій проповѣдникъ развернулъ передъ смущеннымъ Владиміромъ картину страшнаго суда...

А новѣйшіе «преслѣдователи научной правды» поучаютъ, что вмѣсто всего этого Добролюбовъ, какъ литературный критикъ, долженъ былъ заниматься «ислѣдованіемъ тѣхъ законовъ, по которымъ жизнь отражается въ произведеніяхъ искусства»...

Но въ сочиненіяхъ Добролюбова, кромѣ этой общей критики русской жизни, мы имѣемъ еще и критику частныхъ явленій, крупныхъ и мелкихъ, той поры, когда ему пришлось дѣйствовать. Въ этихъ чисто-публицистическихъ статьяхъ, вызвавшихъ въ свое время особенно ожесточенныя нападки на Добролюбова (не прекратившіяся и послѣ его смерти), онъ является прежде всего полемизаторомъ и въ пылу этой полемики иногда черезчуръ увлекается слишкомъ замѣтною прямолинейностью своей натуры, не допускавшею никакихъ компромиссовъ. Теперь, въ исторической перспективѣ, эти увлеченія и ошибки представляются намъ очевидными; но далеко не такими являлись они въ то бурное время. Источникомъ ихъ былъ присущій этой эпохѣ духъ юношескаго задора, убѣжденіе въ возможности въ короткій срокъ сдѣлать крупныя шаги на пути общественнаго развитія, свойственная молодежи и молодежи, преувеличенная вѣра въ силы своего поколѣнія — и нетерпѣливое раздраженіе при видѣ того, какъ медленно ползетъ жизнь, которая, казалось, должна бы летѣть впередъ на всѣхъ парусахъ. Уже на третьемъ году своей литературной дѣятельности Добролюбовъ бросаетъ обществу рѣзкій упрекъ въ самообольщеніи, въ самодовольномъ квіетизмѣ, въ убаюкиваніи себя громкими фразами объ успѣхахъ нашего «прогресса», — когда самый этотъ прогрессъ существуетъ пока только еще на словахъ, — нашей «гласности», еще младенческой и «ми-

еологической», и саркастически высмѣиваетъ «безсмертную» фразу, неизмѣнно начинавшую всѣ тогдашнія передовицы. За этими нападками появляется «Свистокъ», въ которомъ «бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья, бѣсъ, отвергающій прогрессъ», порой не разбираетъ ни праваго, ни виноватаго, всѣхъ подводя подъ шутовской колпакъ маниловщины. Безъ всякаго сомнѣнія, въ этихъ обличеніяхъ своихъ Добролюбовъ далеко ни всегда былъ правъ и нерѣдко увлекался полемическими приемами; но, во-первыхъ, къ этому вызывалъ общій тонъ тогдашней задорной и хлесткой полемики, а во-вторыхъ—и это надо особенно помнить—основныя побужденія нападковъ никогда не заключались въ личныхъ симпатіяхъ или антипатіяхъ Добролюбова, а въ глубокомъ убѣжденіи относительно необходимости будить общественное сознаніе во что-бы то ни стало. Перечтите заключеніе второй статьи о «литературныхъ мелочахъ» 1859 года—и вы увидите, чѣмъ руководился авторъ въ своихъ—хотя-бы и не всегда разборчивыхъ—нападкахъ:

«Литература хвалится многими изъ своихъ мелочей, вмѣсто того, чтобы стыдиться ихъ... Вотъ что возмутительно для людей, которые ищутъ дѣла, а не хотятъ остановиться на праздномъ словѣ!.. Литература унижаетъ себя, если съ самодовольствомъ останавливается на интересахъ настоящей минуты, не смотря въ даль, не задавая себѣ высшихъ вопросовъ. Она всегда можетъ оправдать себя отъ упрека въ мелочности, сказавъ, что она дѣлаетъ, что можетъ, и что не отъ нея, а отъ общества зависятъ дѣлать больше или меньше; но нѣтъ для нея никакого оправданія, ежели она самодовольно забудется въ своемъ положеніи, примирится съ своею мелочностью и будетъ толковать о своемъ серьезномъ значеніи, о великости своего вліянія, о прогрессѣ общества, которому она служитъ. Такое самодовольное забытье покажетъ намъ, что литература дѣйствительно не имѣетъ высшихъ стремленій, что она смиренно довольствуется тѣмъ, что ни сдѣлаетъ съ нею общество, ради временной надобности или даже просто ради потѣхи. При такой узости взглядовъ и стремленій литература дѣйствительно можетъ показаться противною для всякаго свѣжаго человѣка, ищущаго дѣятельности. И съ нею можетъ тогда помирить только вопль отчаянія, въ которомъ будетъ и энергическій укоръ, и мрачное сожалѣніе, и громкій призывъ къ дѣятельности болѣе широкой. Призывъ этотъ будетъ относиться не къ одной литературѣ, а и къ цѣлому обществу. Его смыслъ будетъ тотъ, что *нужно тратить время въ безплодныхъ разговорахъ*, когда по нашему же сознанію, возбуждено столько живыхъ вопросовъ. *Не надо намъ слова многого и празднаго*, погружающаго въ самодовольную дремоту и наполняющаго сердце приятными мечтами,—а нужно слово *свѣжее и гордое*, заставляющее сердце кипѣть отвагою гражданина, увлекающее къ дѣятельности широкой и самобытной»...

Послѣ этихъ строкъ трудно видѣть въ пародіяхъ и шуткахъ «Свистка» одно только полемическое зубоскальство — и не чувствовать тѣхъ

невзримыхъ слезъ, которыя прорываются сквозь этотъ видимый міру смѣхъ...

Цѣльная, прямая и честная натура Добролюбова не могла мириться съ малѣйшими уступками въ угоду житейской пошлости, въ какомъ бы видѣ и какими бы личностями эти уступки ни дѣлались. И если теперь мы видимъ и сознаемъ въ его дѣятельности тѣ или другія ошибки, почти неизбѣжныя въ его время и при его пылкомъ характерѣ, то эти ошибки нисколько не затемняютъ его свѣтлаго образа и нисколько не умаляютъ благороднаго значенія того призыва къ энергической и безкорыстной дѣятельности на пользу родной земли, согрѣтаго искреннею къ ней любовью, который звучитъ съ каждой написанной имъ страницы.

«Народамъ милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать ихъ мысли не даетъ».

Дай Богъ, чтобы такихъ людей всегда было у насъ какъ можно больше. Но, пока ихъ еще очень немного, память о Добролюбовѣ и его горячее, убѣжденное слово долго еще будутъ жить въ душѣ всѣхъ тѣхъ, кому святы и дороги тѣ высокіе идеалы добра и правды, служенію которымъ онъ отдалъ весь свой талантъ и всю свою жизнь.

П. Морозовъ.

Изъ области знаній.

(Научныя бесѣды).

«Соціальная эволюція» Бенжамена Кидда.

Книга Бенжамена Кидда, подъ заглавіемъ «Social Evolution» вышла еще въ прошломъ году. Не смотря на растянутое изложеніе, тяжелый языкъ и множество повтореній, содержаніе ея, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно интересно. Оно противъ воли увлекаетъ читателя къ вопросамъ, къ которымъ не можетъ оставаться равнодушнымъ ни одинъ образованный человѣкъ, но ввергаетъ его при этомъ въ пучину мрачныхъ, безотрадныхъ размышленій, изъ которыхъ читатель Кидда выбирается не безъ усилій, но зато съ замѣтнымъ увеличеніемъ своего нравственнаго богатства.

Въ общемъ предметъ книги можно охарактеризовать, какъ изслѣдованіе о смыслѣ жизни личности и будущности человѣческаго общества. Смыслъ личной жизни хочется раскрыть всякому, начиная съ мужика и кончая королемъ: большею частью, однако, этому изслѣдованію посвящаются весьма краткія мгновенія, мгновенія мимолетнаго настроенія, которое проходитъ, снова и снова предоставляя человѣка теченію его ежедневной, не столько душевной, сколько тѣлесной жизни. Невѣжественный человѣкъ большею частью совершенно не рѣшается обсуждать этотъ вопросъ съ теоретической стороны—просто потому, что не можетъ: у него нѣтъ никакого матеріала, никакой разумной основы, и онъ не въ состояніи сознательно отвѣтить на вопросъ, что дурно, что хорошо и почему это такъ. Въ этой области онъ всецѣло отдается безапелляціоннымъ постановленіямъ обычая или какихъ нибудь другихъ нормъ, установленныхъ прошлымъ. Образованный человѣкъ находится въ нѣсколько иномъ положеніи. Развитие сознанія, если не на дѣлѣ, то въ теоріи, контролируетъ всѣ поступки его жизни, все равно, подчиняется ли онъ голосу этого сознанія, или нѣтъ. Оно въ видѣ тайнаго голоса совѣсти почти всегда напоминаетъ человѣку, когда онъ нарушаетъ вѣчныя права справедливости и, какъ бы ново и запутано ни было положеніе, тѣмъ не менѣе сознаніе,

большую частью смутно, разбирается въ немъ и отдаетъ человѣку отчетъ. Но уже давно для рѣшенія смысла жизни оказался недостаточнымъ краткій срокъ человеческой жизни. Прежде, когда человѣкъ жилъ изолированной семьей, смыслъ жизни исчерпывался для него съ субъективной стороны матеріальнымъ благополучіемъ и успѣхомъ въ борьбѣ съ природой и съ другими врагами. Во все продолженіе своего животнаго существованія, въ человѣкѣ дѣйствовали всѣ свойственныя ему своекорыстныя побужденія, которыя имѣли тогда полное право на существованіе—даже въ своихъ самыхъ отвратительныхъ формахъ—потому что высшій законъ, былъ законъ успѣшной борьбы за существованіе, а въ этой борьбѣ право сильнаго—есть верховное право. Если припомнить еще весь долгій періодъ эволюцій животныхъ формъ, то можно себѣ представить какихъ размѣровъ достигъ въ концѣ концовъ инстинктъ эгоизма.

Но вотъ человѣкъ соединяется въ общество, и мгновенно смыслъ его жизни получаетъ совершенно иное назначеніе. Какъ это произошло, насъ пока не интересуетъ. Фактъ на лицо, и съ насъ достаточно этого. Оказывается, что то, что прежде являлось высшимъ правомъ и вышешо нравственностью, при новомъ положеніи вещей становится губительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, примѣненіе права силы, права ничѣмъ неограниченной борьбы и соперничества внутри общины приводитъ къ ея гибели; но такъ какъ человѣкъ существо разумное и умѣетъ понимать не только уроки настоящаго, но и проникательно заглядываетъ въ будущее, то и понятно, что неудобство старой системы поведенія при новомъ положеніи рано или поздно уясняется ему, и передъ нимъ во всей силѣ возстаетъ необходимость установить въ своей средѣ иную систему поведенія. Было бы, конечно, нелѣпо предполагать, что въ этомъ дѣлѣ дикарь строилъ правильные силлогизмы подобно Сократу и на основаніи ихъ приходилъ къ цѣлесообразнымъ выводамъ. Скорѣе слѣдуетъ предположить, что разумъ человѣка дѣйствовалъ въ этой области столь же темнымъ путемъ и участвовалъ въ этой работѣ въ такой же степени, въ какой онъ участвуетъ въ рефлекторномъ отдергиваніи руки при слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ ея съ накалившимся предметомъ. Работа разума въ установленіи новой этической системы совершалась, слѣдовательно, безсознательно, и вотъ чѣмъ можно объяснить возникновеніе множества этическихъ системъ, въ которыхъ эгоизмъ личности, ея стремленіе вести жизнь на прежнихъ началахъ борьбы и побѣды сильнаго, лукаваго и звѣрскаго характера надъ характеромъ слабымъ и чувствительнымъ. Разъ система возникла, она изъ поколѣнія въ поколѣніе увеличивается въ своей сложности, и такъ какъ прошлое ея для каждаго живущаго въ данный моментъ индивида окутано мракомъ и таинственностью, и онъ не въ состояніи осмыслить процессъ ея возникновенія, то и понятно, какимъ образомъ возникаетъ то, что Биддъ называетъ супрарациональной санкціей поведенія. Касаясь, какъ въ предыдущемъ, такъ и въ послѣдующемъ предмета его книги, мы, однако, не будемъ слѣдовать за нимъ и соглашаться вполне съ его выводами.

Такъ, въ вопросѣ борьбы и соперничества, Биддъ на основаніи теоріи Дарвина утверждаетъ, что элементъ этотъ составляетъ необходимое условіе прогресса и что совершающееся въ человѣческомъ обществѣ стремленіе впередъ склоняется къ возможно большому освобожденію личности отъ разныхъ связывающихъ ее политическихъ и соціальныхъ путей и къ установленію жизненной борьбы на равныхъ для всѣхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Если вспомнить, что условія борьбы въ этомъ смыслѣ совершенно равны для животныхъ одного и того же вида, то нельзя не придти къ заключенію, что если желаемое этимъ авторомъ равенство внѣшнихъ условій установится въ человѣческомъ обществѣ, то оно рискуетъ очутиться опять на прежнемъ положеніи, и сказка про бѣлаго бычка начнется съ начала. Свою увѣренность въ необходимости жизненной борьбы и соперничества между составляющими общество индивидами, Биддъ основываетъ на законахъ биологіи. Но съ этимъ можно и не согласиться. Намъ, напр., представляется, что законъ совершенствованія подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, есть законъ для единицъ, все равно будутъ ли это индивиды, семьи животныхъ, роды, племена, націи или государства. Въ самомъ человѣческомъ обществѣ законъ этотъ пересталъ вѣнчаться прежними успѣхами, какъ только организовалось общество, ибо всякому ясно, что побѣда рода, племени или націи обезпечена при прочихъ равныхъ условіяхъ постольку, поскольку внутри его подавлена стихійная борьба за жизненныя блага, поскольку взаимно того господствуютъ начала братства и взаимопомощи. Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что не смотря на всѣ завоеванія цивилизаціи и науки, законъ борьбы все еще господствуетъ, и притомъ сопровождаясь успѣхомъ между отдѣльными націями, расами и племенами. Онъ продолжаетъ свое дѣйствіе и внутри человѣческаго общества—единицы, но дѣйствіе его здѣсь не созидующее, но разъедающее и подтачивающее, и если законъ этотъ имѣетъ еще свое антипрогрессивное примѣненіе въ этой сферѣ, то это надо приписать своего рода инерціи: всѣ организмы въ теченіе всей своей эволюціи развивались подъ дѣйствіемъ его столь долгое время, что прочно вкоренившіеся инстинкты не могутъ исчезнуть сразу или даже въ теченіе всего того времени, которое человекъ, какъ естественный видъ, провелъ въ иныхъ условіяхъ своего существованія—т. е. въ обществѣ. Задача прогрессивнаго развитія общества прежде всего требуетъ, чтобы эти низменно индивидуалистическіе инстинкты постепенно преобразовались въ инстинкты соціальные, зарожденіе и дальнѣйшее развитіе которыхъ мы замѣчаемъ въ томъ, что мы привыкли называть совѣстью. Борьба и соперничество будутъ постепенно покидать низменную почву борьбы за матерьяльныя блага жизни и удаляться въ высшія сферы духовной и умственной жизни, гдѣ примѣненіе ихъ будетъ представлять прогрессивный характеръ, потому что не будетъ сопровождаться гибелью и вымираніемъ слабѣйшаго. Соревнованіе ученыхъ, писателей и художниковъ представляетъ не столько стремленіе устранить противника, сколько движеніе впередъ по всей линіи соперни-

чающихъ лицъ, при которомъ успѣхъ есть лишь вспомогательный стимулъ для остальныхъ и новое завоеваніе для всего общества; сверхъ того вѣковая привычка къ труду и ясно сознаваемая необходимость въ добросовѣстномъ исполненіи его вырабатываютъ почти въ каждомъ человѣкѣ артистическое стремленіе выполнить свою работу, свое назначеніе возможно лучше безъ всякаго отношенія къ постороннимъ соображеніямъ; въ человѣкѣ подъ вліяніемъ общественной дружной формы труда возникаетъ такимъ образомъ любовь и стремленіе къ совершенствованію, которое доставляетъ ему такого же рода нравственное удовлетвореніе, какъ цѣлесообразное и умѣренное тѣлесное упражненіе доставляетъ удовольствіе физическаго характера. Но, кладя въ основаніе своихъ взглядовъ фатальную необходимость борьбы индивидовъ для всякаго прогрессирующаго общества, Киддъ, разсуждая логически и на твердомъ основаніи біологическихъ законовъ, приходитъ въ дальнѣйшемъ къ заключенію съ которымъ мы никакъ не можемъ согласиться. Такъ какъ прогрессъ человѣчества есть прогрессъ его, т. е. прогрессъ даже не родившихся еще поколѣній, и такъ какъ прогрессъ вида совершается путемъ гибели и пожертвованія индивидовъ, то для каждаго живущаго поколѣнія является необходимой такая этическая система, которая заставляла бы каждаго человѣка жить и добровольно жертвовать своими насущными интересами для блага будущаго прогресса. Но такъ какъ всякая рационалистическая этика имѣетъ въ виду, именно, благо каждаго индивида въ этой жизни, то отсюда ясно, что такая система не въ состояніи подчинить стремленія индивидовъ требованіямъ прогресса вида, и потому всякая рационалистическая этика находится въ прямомъ противорѣчій съ условіями прогресса, независящими отъ воли человѣка. Вотъ почему, по мнѣнію Кидда, вѣковыя этическія системы, возникшія естественно въ цѣляхъ прогрессированія вида и обладающія вслѣдствіе своего супрарациональнаго характера способностью подчинять своимъ прогрессивнымъ требованіямъ большинство составляющихъ общество индивидовъ, представляютъ неизбѣжный атрибутъ всякаго прогрессирующаго общества и потому, что бы ни утверждали философы, будутъ существовать вѣчно. Такимъ образомъ, оказывается, что разумъ, который, по словамъ Кидда, явился однимъ изъ главныхъ условій, почему чело вѣкъ поднялся изъ остального темнаго царства организмовъ на высоту сознательной и цивилизованной жизни, находится въ лицѣ каждаго индивида въ прямомъ антагонизмѣ съ развитіемъ всего общества и потому неизбѣжно отступаетъ передъ элементомъ супрарациональнымъ. Если, поэтому, общество хочетъ развиваться дальше, оно должно удержать этотъ супрарациональный элементъ, если же оно уничтожитъ его въ своей средѣ, то этимъ самымъ оно обрекаетъ себя на гибель, ибо, давъ волю стремленіямъ каждой личности жить, не принимая въ расчетъ блага будущихъ людей, оно подавляетъ въ себѣ именно ту организующую силу, которая даетъ ему перевѣсъ въ борьбѣ съ остальными обществами. А потому супрарациональный элементъ долженъ сохраниться и сохраниться помимо или

вопреки нашимъ желаніямъ у тѣхъ обществъ, которыя будутъ прогресси-ровать.

Съ точки зрѣнія этихъ основныхъ положеній Киддъ разсматриваетъ прошлую эволюцію человѣка. Господствующее стремленіе ея заключается, по его мнѣнію, въ постепенномъ освобожденіи личности отъ возникшихъ въ предыдущія стадіи стѣснительныхъ условій. Такимъ образомъ вся эволюція человѣчества представляетъ собою одинъ непрерывный прогрессъ, совершавшійся въ попеременно смѣнявшихся другъ друга цивилизаціяхъ подъ контролемъ такъ же развивавшихся супрарациональныхъ этическихъ системъ, которыя въ цѣляхъ прогресса всего человѣчества постепенно устанавливають все болѣе и болѣе равномѣрныя условія для борьбы и соперничества составляющихъ общество индивидовъ. Въ возникновеніи и распространеніи христіанства Киддъ видитъ одинъ изъ кульминаціонныхъ моментовъ этого прогресса. Рабство, составлявшее экономическую основу древняго общества, не могло сохраниться далѣе; оно должно было быть устранено. Но такъ какъ паденіе его было невыгодно господствующимъ классамъ, а низшіе классы были слишкомъ подавлены, чтобы съ успѣхомъ произвести эту величайшую революцію, то на сцену выступилъ супрарациональный элементъ этики, который въ силу авторитета, недоступнаго сужденію людей, провелъ въ жизнь и твердо установилъ теоретически ученіе о равенствѣ всѣхъ людей безъ различія расъ и общественной положенія. Дальнѣйшее развитіе этого принципа, какъ принципа, способствовавшаго уравненію условій жизненной борьбы, Киддъ видитъ въ Реформаціи, а новаго кульминаціоннаго пункта ожидаетъ въ будущемъ, когда окончательно будутъ устранены всѣ препятствія свободному соперничеству членовъ общества.

Привязанность къ доктринѣ «laissez faire», сопровождавшей въ Западной Европѣ расцвѣтъ капитализма, проявляется у Кидда въ его отрицательномъ отношеніи ко всякимъ социалистическимъ системамъ и идеаламъ будущаго. Отдавая должное трудамъ основателей «научнаго социализма», Киддъ, однако, твердо увѣренъ, что самая сущность всякой системы, уничтожающей элементъ соперничества и подавляющей супрарационалистическій элементъ прогрессивнаго развитія общества, приведетъ каждое усвоившее эту систему общество на край гибели, т. е. заставитъ его отступить предъ другими обществами, которыя, сохранивъ въ очищенномъ видѣ прежніе вѣковые элементы прогресса, устранять всѣ остальные соперничающія съ нимъ общества. Итакъ, вотъ окончательный выводъ его: прогрессъ человѣчества вовсе не представляетъ изъ себя нѣчто разумное съ нашей точки зрѣнія; онъ не болѣе, какъ продолженіе великаго космическаго процесса, предъ гигантскимъ дѣйствіемъ законовъ котораго совершенно ступшевуается нашъ разумъ. Всякая попытка устроить жизнь на разумныхъ основаніяхъ по существу антипрогрессивна и потому заранѣе обречена на гибель. Роль разума сводится къ мелкой сферѣ обыденной жизни, обыденнаго прогресса цивилизаціи путемъ

совершенствованія техники жизни во всѣхъ ея областяхъ. Во всемъ же остальномъ человечество игрушка въ рукахъ вѣчныхъ законовъ космическаго процесса, который будетъ продолжать свое величественное шествіе среди труповъ погибшихъ въ жизненной борьбѣ организмовъ, среди обломковъ смѣняющихся другъ друга расъ и цивилизацій.

Неправда ли какая мрачная безотрадная картина? Неудивительно, что чтеніе этой книги временно ввергаетъ человѣка въ меланхолію, пока все разумное, все человѣческое не возмутится въ немъ, не возстанетъ во всемъ благородномъ величіи страсти къ разумной нравственной и осмысленной дѣятельности.

Мы никакъ не можемъ признать, чтобы счастье отдѣльнаго человѣка находилось въ такомъ непримиримомъ противорѣчій съ требованіями прогресса, и чтобы послѣдній требовалъ столь противоестественнаго подчиненія счастья живущихъ поколѣній прогрессу будущихъ. Что значить, что дѣйствительность на первый взглядъ оправдываетъ построенія Кидда? И дѣйствительность, и прошлое слишкомъ мало еще изучены, чтобы дѣлаемые на этомъ основаніи выводы могли подавить въ лучшихъ изъ нашей среды непосредственное отвращеніе ко всякой борьбѣ, сопровождающейся чужимъ несчастьемъ, ко всякой системѣ, построенной на бѣдствіи другихъ людей.

Выше мы уже указали, что борьба и сопряженное съ ней соперничество вовсе не есть условіе прогресса внутри общества. Законъ развитія внутри общества есть возможно болѣе разумная и цѣлесообразная кооперация ея членовъ, которая порождаетъ въ насъ соціальныя чувства, диаметрально противоположныя тѣмъ, какія развиваются свободной конкуренціей.

Киддъ думаетъ, что эволюція человечества есть непрерывный процессъ освобожденія личности при помощи супрарациональныхъ этическихъ системъ сперва отъ рабства, затѣмъ отъ политической и, наконецъ, отъ экономической зависимости. Но съ большимъ основаніемъ можно бы разсматривать этотъ эволюціонный процессъ съ совсѣмъ другой точки зрѣнія. Почему онъ не представлялъ постепеннаго развитія кооперации сперва въ видѣ племени, и затѣмъ въ видѣ государства; сперва на началахъ полнаго матеріальнаго и нравственнаго подчиненія большинства меньшинству, затѣмъ путемъ постепеннаго развитія соціальныхъ чувствъ и отношеній, приводившихъ скачками къ инымъ болѣе развитымъ формамъ жизни. Если на это возражать, что въ этомъ видѣ развитіе слишкомъ запутано, то нельзя не замѣтить, что множество причинъ, и въ томъ числѣ неравномѣрное возрастаніе числа населенія со степенью распространенія среди его образованности сильно стѣсняли и продолжаютъ стѣснять правильное развитіе этого процесса.

Желательно было бы знать хоть одинъ примѣръ, гдѣ бы въ исторіи человечества выработанные лучшими умами идеалы терпѣли крушеніе, гдѣ бы они рано или поздно не пересиливали бы всѣ противоположныя

теченія. Если такъ было въ прошломъ, то почему же процессъ этотъ долженъ замедлиться въ будущемъ? Если въ прошлыя времена лучшіе люди находили себѣ наивысшее удовлетвореніе, т. е. счастье, въ служеніи будущему, то почему это не должно имѣть мѣста и теперь, когда стремленія къ усовершенствованію той или иной отрасли жизни могутъ увѣнчаться успѣхомъ еще при жизни данной личности. Имѣя передъ собою такія неопредѣленно большія величины, какъ разумъ и социальныя чувства, вытекающія изъ начала коопераціи, можетъ ли кто либо утверждать навѣрное, что такъ называемые законы социальнаго развитія представляютъ въ своемъ дѣйствіи нѣчто столь же неизбѣжно роковое, какъ законы охлажденія солнца или законы постепеннаго разрушенія земли.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что какъ бы низменны ни были чувства и стремленія человѣческихъ массъ, эти массы всегда воспринимаютъ въ концѣ концовъ идеалы меньшинства, которыя, доставляя человѣку нравственное удовлетвореніе въ жизни, находятся въ полномъ согласіи съ законами разумнаго развитія и не требуютъ для своего развитія никакой поддержки со стороны элемента, которому Кюддъ отводитъ такъ много мѣста въ эволюціи человѣчества.

Христіанское движеніе въ сущности только подтверждаетъ высказанную мысль—на дѣлѣ оно не уничтожило рабства и не устранило социальнаго неравенства, но оно давало нравственное удовлетвореніе всякой угнетенной личности, которое черпало мужество для дальнѣйшей по возможности болѣе чистой жизни въ великихъ оставленныхъ образцахъ, и этого чувства не могли отнять отъ рабовъ и отъ крѣпостныхъ никакіе земные законы и указы. Такимъ образомъ то, что установило христіанство, остается еще выполнить на практикѣ, и тогда нравственное удовлетвореніе совмѣстится съ матеріальнымъ. Но такъ какъ послѣднее существенно зависитъ отъ успѣховъ техники жизни, включая сюда роль государства, экономическія и политическія измѣненія, прогрессъ и распространеніе знаній, а все это есть всегда продуктъ дѣятельности наиболѣе разумнаго меньшинства, то и невозможно отрицать великаго и прогрессивнаго значенія разума въ дѣлѣ человѣческой эволюціи. И добро бы мы не знали примѣра успѣшнаго разрѣшенія теоремы общества: если клѣтки каждаго организма умѣютъ жить въ мирѣ на началахъ самобытности и взаимодѣйствія, вырабатывая при этомъ продуктъ столь высокаго значенія, какъ сознание, то почему бы сознательныя единицы человѣческаго общества были бы не въ состояніи группироваться въ такое же органическое цѣлое, тѣмъ болѣе, что въ человѣческомъ обществѣ подвижность членовъ гораздо значительнѣе, а знаніе объ общемъ положеніи дѣлъ и соотвѣтственныя сознательныя дѣйствія тѣхъ или иныхъ частей могутъ легко вызываться при помощи книгопечатанія, прессы, телеграфовъ и телефоновъ.

Правда, большинство людей лѣнны и безъ побудительныхъ причинъ не выходятъ изъ рамокъ рутинны; но съ другой стороны, не менѣе

справедливо утверждение, что, если отнять у людей ту работу, которую они привыкли дѣлать изо дня въ день, то большинство, вѣроятно, не знало бы, что дѣлать отъ скуки.

Любовь къ труду становится все болѣе и болѣе соціальной привычкой; остается только пожелать, чтобы разумное воспитаніе не погашало этой привычки и научало бы людей не дорожить рутинной. При такихъ условіяхъ разныя будущія системы обществъ отнюдь не представляютъ ничего невозможнаго; для этого нѣтъ надобности приводить многія весьма глубокія причины, дѣлающія возникновеніе ихъ въ той или другой части земного шара все болѣе и болѣе возможными.

Н. Каспійскій.

Письма изъ провинціи.

Народная бібліотека въ деревнѣ.

Изъ Тамбовской губ.

Менѣе всего можетъ показаться новостью для читателя, хетя бы поверхностно слѣдящаго за газетами или журналами, сообщеніе объ открытіи народной бібліотеки или читальни. 14 лѣтъ тому назадъ таковою была единственная бібліотека въ Харьковской губ., въ Харьковскомъ же уѣздѣ, Липецкой волости, за послѣдніе же годы число ихъ растетъ въ высшей степени быстро — такъ въ 1894-мъ году бібліотекъ было 40, а теперь насчитывается до 3000.—Общественное сознаніе чувствуетъ недостатокъ образованія въ народѣ и находитъ яркое подтвержденіе этого въ статистикѣ, старается съ своей стороны помочь горю. Перечислять здѣсь работу земствъ, обществъ и отдѣльныхъ лицъ значило-бы указывать на факты, давно извѣстные читателямъ «Образованія».

Не могу только не обратить вниманія читателей моей замѣтки, и притомъ усиленнаго, — какъ дорога каждая свѣтлая мысль, каждое доброе начинаніе въ глухихъ углахъ (а у насъ почти всюду — «глухіе углы») нашей обширной матушки - Россіи. Живутъ тамъ потихоньку, но не разъ задумается тотъ или другой обыватель; укоряетъ его совѣсть, что

забылъ онъ «младшаго брата». «Человѣкъ — животное общественное», говорятъ умные люди и правы: хочется и незамѣтному обывателю поработать на общую пользу, — да то бѣда, что не знаетъ онъ, какъ и что нужно и можно сдѣлать.

Сумѣйте найти эту «искру Божию» въ сѣробудничномъ обывателѣ, покажите ему радость и вкусъ добраго дѣла, не дайте прійти въ уныніе, что дѣло-то на первый взглядъ совсѣмъ маленькое, сфера вліянія — узенькая. Покажите, какъ въ сотнѣ, тысячѣ мѣстахъ надъ тѣмъ же дѣломъ работаютъ такіе-же скромные труженики, что въ совокупности работа всѣхъ ихъ является уже грандіозной и величественной. А разъ вамъ это удалось и вы устроили нѣчто благое въ одномъ селѣ, первый шагъ сдѣланъ удачно. — Смотрите, какъ легко пойдетъ дѣло дальше. Примѣровъ можно-бы дать массу.

Какъ на иллюстрацію, болѣе близкую къ цѣли этого письма, укажу на с. Трубетчино, Лебедянского уѣзда, Тамбовской губ. — Лебедянской уѣздъ лежитъ въ юго-западномъ углу губерніи, который граничить съ губ. Воронежской, Орловской, Тульской и Рязанской; это — центръ земледѣльческой, средней Россіи и можетъ быть признанъ за типичный для всей «Великой Руси». Трубетчино — въ 30 верстахъ отъ уѣздныхъ городковъ, Липецка и Лебедяни, имѣетъ школу уже давно (на средства прежняго владѣльца имѣнія, кн. И. Васильчикова); въ селѣ — свеклосахарный заводъ, много служащихъ и средняго и высшаго ранга, однако, «сѣрякъ» чувствовалъ себя не въ авантажѣ, ибо кромѣ школы онъ могъ найти утѣшеніе развѣ только въ пяти «распивочныхъ и навыносѣ», исправно работающихъ особенно по понедѣльникамъ. Прошлый годъ долженъ остаться памятнымъ для села: съ 1 января (собств. говоря съ 27 декабря 1894 г.) начаты чтенія съ туманными картинами, а 1 ноября открыла свои дѣйствія народная волостная бібліотека. Убѣдить въ необходимости бібліотеки волостного старшину и «стариковъ» и получить согласіе на выдачу денегъ изъ волостныхъ суммъ оказалось легче, чѣмъ провести въ сознаніе здѣшней интеллигенціи необходимость «приложить свою руку» къ этому дѣлу. Для чтеній нужно было согласіе священника взять на себя инициативу официальную и отвѣтственность передъ архіереемъ, для бібліотеки — согласіе земскаго начальника, какъ ходатая передъ губернаторомъ, и земскаго врача, какъ отвѣтственнаго по дѣламъ бібліотеки лица. Предлагаемая затѣя прямого отношенія къ ихъ обязанностямъ не имѣла, но согласіе ихъ было получено, и въ настоящее время дѣло налажено окончательно.

Интересны послѣдующія явленія. Когда волостнымъ сходомъ были выбраны, согласно уставу, члены совѣта (почетными попечителями выбраны были еще раньше четыре лица: мѣстная землевладѣлица графиня О. А. Толстая, мѣстные земскіе начальникъ и врачъ и авторъ сихъ строкъ) и сдѣланы съ согласія схода нѣкоторыя постановленія, то засѣданіе было закрыто и желающимъ изъ крестьянъ стали раздавать книжки. И вотъ тутъ-же крестьяне двухъ сосѣднихъ деревень обратились къ завѣдующему

библиотекой: «Намъ-бы школу нельзя-ли»? видя по привычѣ во всякомъ лицѣ свое начальство. Просьба была принята къ свѣдѣнію, и съ нынѣшней осени у нихъ открывается школа грамотности; учителями пока первый годъ, вѣроятно, будутъ псаломщикъ и діаконъ, а потомъ училищный совѣтъ Лебеядни пришлетъ учителя (какъ было съ другой деревней годъ назадъ). Дальше. Еще до официального открытія библиотеки въ Трубетчинѣ земскій начальникъ предложилъ волостнымъ сходамъ своего участка (у него всего три волости) устроить библиотеки, иначе говоря, дать согласіе на выдачу ежегодной суммы для этой цѣли. Сходы приговорили выдавать по 50 руб.—Въ сосѣднемъ земскомъ участкѣ оказалось возможнымъ поставить дѣло шире. Тамъ въ свое время собирались между крестьянами деньги на складенъ покойному Государю, при чемъ остатки отъ траты думали употребить на школы; но деньги запоздали и съ разрѣшенія губернатора рѣшили употребить всѣ деньги—около 1000 руб.—на открытіе библиотеки и на покупку фонарей для чтеній съ тум. картинами.—Изъ третьяго земскаго участка крестьяне черезъ старшину обратились къ завѣдующему трубетчинской библиотекой съ просьбой «устроить» и у нихъ библиотеку; волость большая и богатая—около 18000, а книгъ для чтенія нѣтъ. Согласіе земскаго начальника, по всѣмъ даннымъ, послѣдуетъ.

Нельзя не отмѣтить, что губернаторъ тамбовскій на первыхъ порахъ отнесся, повидимому, довольно подозрительно къ проектируемой библиотекѣ: кажется, это дѣло было ново, такъ какъ въ Тамбовской губ. до того была лишь одна волостная библиотека въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, открытая, если не ошибаюсь, при прежнемъ губернаторѣ. Приговоръ схода о Трубетчинской библиотекѣ состоялся въ сентябрѣ 1893 году, а разрѣшеніе было получено въ іюлѣ 1895 г. Но давъ свое согласіе на открытіе библиотеки въ Трубетчинѣ, онъ не дѣлалъ никакихъ затрудненій для другихъ селъ.

Въ уставѣ библиотеки мы внесли нѣкоторую особенность, про которую намъ пришлось, впрочемъ, недавно прочесть въ одномъ № «Образованія» за этотъ годъ, что она тоже примѣняется въ Орловской губ.—особенность, при бѣдности бюджета необходимая. По уставу книги библиотеки должны храниться въ волостномъ правленіи, гдѣ происходитъ и выдача книгъ, но завѣдующій имѣетъ право (и, конечно, сейчасъ-же пользуется имъ) выдавать известное количество книгъ тѣмъ лицамъ изъ другихъ деревень, къ которымъ онъ чувствуетъ довѣріе (такowymi оказались священники и учителя школъ). По истеченіи нѣкотораго срока книги изъ села А переходятъ въ село В, изъ В въ С., изъ С въ А. Подобный приемъ, который будетъ примѣненъ и въ сосѣднемъ земскомъ участкѣ—только въ большемъ масштабѣ, дастъ возможность довольствоваться меньшимъ количествомъ книгъ.

Въ настоящее время завѣдующимъ библиотекою приготовленъ Отчетъ для Тамбовскаго Общества распространенія грамотности, который послужитъ и годовымъ для волостного схода; и вотъ съ данными этого отчета

я и позволю себѣ познакомить читателей «Образованія». Такъ какъ отчетъ долженъ быть былъ готовъ къ 1 августа, то можно было принять во вниманіе время до 1 іюля, т. е. 9 мѣсяцевъ, $\frac{2}{3}$ года. Во 1-хъ вопросъ о средствахъ. Сходъ даетъ 50 р. ежегодно, при чемъ земскій начальникъ выразилъ согласіе на выдачу этихъ денегъ, считая со дня составленія приговора о библиотекѣ, иначе говоря за 2 года до открытія. Это дало сразу 100 руб.—Затѣмъ, имъ же были обложены пятирублевымъ взносомъ всѣ питейныя заведенія волости. Какъ хотите, но если съ перваго взгляда подобный пріемъ и покажется остроумнымъ, какъ примѣненіе формулы «съ козла хоть клокъ шерсти», то всетаки на душѣ обида чувствуется: 120-милліонное государство съ милліарднымъ бюджетомъ не находитъ средствъ на увеличеніе тратъ на народное образованіе — предмета перво-степенной, общегосударственной важности, и библиотека должна существовать на счетъ горба того-же «сѣряка» и на счетъ клоковъ шерсти, урван-ныхъ съ кабатчиковъ, сихъ парій деревни. Паріи внесли 35 руб., пожертвованій было 85 руб. Такимъ образомъ финансовая сторона дѣла обезпечена.

На первый разъ выписаны были книги на половину имѣвшихся суммъ, чтобы избѣжать необходимости выписать книги, которыя стануть лежать на полкѣ за недоступностью содержанія для крестьянина или неинтересностью. Совѣтуемъ это дѣлать и другимъ устроителямъ библиотекъ. ибо так. обр. они могутъ сохранить рублей до двадцати и больше. Весною были выписаны нѣкоторыя книги вторымъ экземпляромъ, а такжу журналы: «Досугъ и Дѣло», Читальня Нар. Школы, «Нива», «Русскій Паломникъ» и газета «Свѣтъ». Всѣ книги обязательно переплетаются,— иначе черезъ 2 — 3 мѣс. отъ нихъ «каша», какъ выражается мѣстный учитель школы. Всего въ библиотекѣ къ 1 іюля—802 переплета (книгъ больше, такъ какъ переплетали нѣсколько брошюръ вмѣстѣ), изъ нихъ дубликатовъ 128. По отдѣламъ они распредѣляются такимъ образомъ:

религ. нравств. содержанія . . .	285	(дубл. 69)
историческаго » . . .	72	» 9)
географическаго » . . .	65	» 9)
литературнаго » . . .	291	» 41)
научно-популярн. и обществен. . .	76	» 3)

Читальни нар. школы сброшюровано 13 книгъ.

Стоимость книгъ (съ переплетомъ) 210 руб., причеиъ книги журнальнаго отдѣла не переплетенныя въ этотъ счетъ не входятъ.

Читателями состояло 182 семьи въ Трубетчинской б-кѣ и 155 въ 4-хъ отдѣленіяхъ. Последнее число мало сравнительно, потому что и книгъ въ отдѣленія давалось мало на первый, пробный, годъ; да и стало ихъ 802 только теперь. Требуваній удовлетворено за $\frac{2}{3}$ года.

	Въ Трубетч. библіотекѣ.	Въ отдѣленіяхъ.
Кн. религ. нравств.	1079	735
» историч.	224	169
» географич.	97	82
» литературн.	1070	606
» научныхъ.	65	21
Журналовъ выд.	26	—
	<hr/> 2561	<hr/> 1613
Всего.	4174.	

Абсолютнымъ успѣхомъ пользовались изъ отдѣла религіозно-нравств. книгъ *всѣ* брошюры о. Наумовича, хорошо читаютъ «Библейскіе рассказы» Ярославцевой, всѣ брошюры Никольскаго, Св. Великомученикъ и цѣлитель Пантелеймонъ и современные Аѳонскіе подвижники, житія Θεодосія Печерскаго (Славицкаго), св. Сергія Радонежскаго (Шемякина), брошюры Хитрова. Изъ историческаго отдѣла—«Родная Старина» Сиповскаго, «Повѣсть о томъ, какъ Чудомъ Божиимъ строилась земля Русская» Е. Поселянина; «Исторія нашего царства въ 21 краткихъ разсказахъ» Д. И. Тихомирова. Брошюры Петербургской комисіи народн. чтеній успѣха не имѣли. Изъ географическаго отдѣла—книжки читальни народ. школы и нѣкоторые читатели перечитали всѣ книжки С. Меча. Изъ литературн. отдѣла особенно были въ ходу: соч. Наумовича («Какъ въ простотѣ живутъ люди», «Максимъ Богачъ», «Завѣтныя три липы», «Сироты», «Псалтырникъ»), «Книга для чтенія...» К. Абаза; 2-й томъ Гоголя, «Сказки» братьевъ Гриммъ, «Капитанская дочь» Пушкина, всѣ соч. Катенкампа, Разсказы о Севастопольской оборонѣ Л. Толстого и много др.: Изъ V-го научнаго отдѣла читались съ интересомъ «Полеводство» «Скотоводство» Таропыгина, «Крестьяне-Самоучки» Рубакина, «Губернскій и уѣздный городъ» Барышникова, «Жизнь прежде и теперь» (о борьбѣ съ болѣзнями).

Выше было сказано, что книги выдавались 337 семьямъ. Дѣло въ томъ, что получившій книгу читаль ее не одинъ, а вслухъ всему семейству. Для того, чтобы уяснить, сколько читателей было на самомъ дѣлѣ или вѣрнѣе слушателей, завѣдующій библіотекою сдѣлалъ опросъ нѣсколькимъ лицамъ. Было опрошено 65 человекъ, но только изъ жителей Трубетчина. Оказалось, что чтенія производились вслухъ; что въ 65 семействахъ—всего 394 чел., не считая малолѣтнихъ, не понимающихъ читаемаго,—изъ нихъ грамотныхъ 168, т. е. 2 $\frac{1}{2}$ чел. на семью. Слушаютъ всѣ, но читали изъ 168 грамотныхъ только 148.

Если допустить этотъ расчетъ на всѣ села и семьи, то выйдетъ, что книгами библіотеки пользовались $\frac{337 \times 394}{65}$, т. е. свыше 2000 чел.

Быть можетъ, въ другихъ селахъ числа членовъ семьи будутъ иныя—м. б. и меньшія, но за то многія лица брали книги, не будучи записаны въ каталогъ читателей.

Согласитесь, что результат вполне вознаграждает труды завѣдующаго и всѣ продѣланныя по закону формальности. 4174 записанныя выдачи за 9 мѣсяцевъ и 2000 слушателей—это было болѣе чѣмъ достаточно.

Итакъ,—у кого есть желаніе внести лепту своего труда, положить и свой камень въ общественное зданіе, пусть не унываетъ, хлопочетъ и добивается исполненія своей мысли. А исполнить — награда будетъ въ результатахъ работы.

Кстати приведу данныя по чтеніямъ съ туманными картинами за 1895—6 уч. годъ.

Зима 94-го года была какъ бы пробой; слѣдующій годъ дѣло поставлено систематичѣе. Во 1-хъ) списокъ чтеній составленъ обдуманно и—надо выразить полную благодарность Тамбовскому Обществу распространенія грамотности—выполненъ вполне хорошо. (Картины къ чтеніямъ бесплатно получаютъ оттуда и списокъ чтеній составленъ по высылаемой изъ общества программѣ имѣющейся у нихъ. Во 2-хъ) велась запись посѣтителей. Въ 3-хъ) Съ лицъ болѣе состоятельныхъ (семей лавочниковъ и служащихъ въ экономіи средняго и высшаго ранга), желавшихъ сидѣть на переднихъ 2 — 3 скамьяхъ взималась плата по 5 коп.; остальные мѣста занимались бесплатно. Подобныя—полуплатныя чтенія происходили только по вечерамъ; утреннія были бесплатны. За время отъ 1 октября 1895 г. по 1 апрѣля 1896,—6 мѣсяцевъ,—доходу было 45 р. 53 к., расходу 38 р. 33 в. Лѣтомъ чтенія не производятся.

Устраивались чтенія по воскресеньямъ 2 раза въ 3 ч. для дѣтей и въ 6 для взрослыхъ. Иногда устраивалось и третье немедленно послѣ обѣдни, если изъ сосѣдней деревни собиралось къ обѣднѣ порядочно народу; раза три было нарочно назначено чтеніе для школьничковъ сосѣдняго села, на которое послѣдніе очень охотно собирались.

Вотъ цифры посѣтителей.

1 окт.	Жизнь Пресв. Богородицы утромъ	118;	вечер.	126
8	» «Полтава» Пушкина	112;	»	136
15	» «Петръ Великій»	139;	»	108

Иногда число посѣтителей падало на 60, 47, 58—то дождь или большая грязь (представьте деревню 1 — 15 ноября), то свадьбы, которыя бывають здѣсь осенью). Наибольшія числа оказываются зимою: 254—minimum, 323—maximum.

Всего посѣтителей было на утреннихъ чтеніяхъ—2938, на вечернихъ 3809 = 6947. Всѣхъ чтеній 31, такъ что на каждое придется въ среднемъ 224 чел. О томъ, насколько-внимательно и вдумчиво относятся посѣтители къ чтенію, распространяться не буду, такъ какъ объ этомъ писано было неоднократно.

Народъ сразу отнесся къ чтеніямъ и къ фанарию сочувственно. Не было того, что пишетъ учитель одной земской школы въ Александровскомъ уѣздѣ про первое чтеніе въ ихъ школѣ въ 1889-мъ году: въ народѣ шли всевозможные толки. Всякъ излагалъ собственное мнѣніе, но общее желаніе

было—поскорѣ увидѣть эту «волшебную штуку съ ловкими картинами изъ тумана» *).

Н. Тулиновъ.

Вопросъ о народномъ образованіи на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ.

Отрадные факты. П. К. Позернь. †

Изъ Нижняго-Новгорода.

У насъ только-что закончился сезонъ уѣздныхъ земскихъ собраній, на которыхъ, какъ и всегда, не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ о народномъ образованіи. Отмѣтимъ здѣсь состоявшіяся постановленія по этому вопросу.

Нижегородское уѣздное земское собраніе утвердило общую смѣту на народное образованіе по уѣзду въ суммѣ 37,785 р. Управа между прочимъ просила собраніе объ открытіи ей кредита изъ оборотнаго капитала въ суммѣ 250 р. на устройство въ уѣздѣ *третьей* народной библіотеки-читальни. Двѣ такія библіотеки, открытыя въ мартѣ сего года въ селахъ—Безводномъ и Елховѣ, доказали уже свою пользу на дѣлѣ. Собраніе согласилось вполнѣ на предложеніе управы и ассигновало на новую библіотеку-читальню еще 250 р. Кромѣ того оно уполномочило управу употребить изъ оборотнаго капитала до 1000 р. для выдачи ссудъ сельскимъ обществамъ на постройку новыхъ зданій для открываемыхъ училищъ. Епархіальному-же училищному совѣту, которому нижегородское уѣздное земство ассигновало ранѣе по 150 р. въ годъ, на этотъ разъ собраніе совсѣмъ отказало въ субсидіи, мотивируя свой отказъ, согласно заключенію комиссіи, тѣмъ, что во 1-хъ земство само имѣетъ много школъ и открываетъ ихъ вновь, во 2-хъ тѣмъ, что у земства недостаточное въѣдомство и на свои нужды и въ 3-хъ тѣмъ, наконецъ, что духовное въѣдомство получило очень солидную правительственную субсидію на свои школы. Защищая свое ходатайство, депутатъ отъ духовнаго въѣдомства, свящ. П. В. Никольскій между прочимъ сказалъ:

«Если-бы я не былъ увѣренъ въ благородствѣ почтеннаго собранія, я-бы въ назначеніи церковно-приходскимъ школамъ 150 р., которые ассигновывались два года—прошлый и настоящій—могъ заподозрить одну только насмѣшку надъ дѣтищемъ церкви, каковымъ является наша школа, и надъ тѣми тысячами крестьянскихъ дѣтей, которыя въ школѣ обучаются. А сейчасъ собраніе отказывается даже въ этой помощи».

Какъ-бы взамѣнъ субсидіи церковнымъ школамъ земское собраніе увеличило на 100 р. ассигновку на земскую школу при д. Вшивѣ, откры-

---

*) Н. И. Борисовъ. Волшебный фонарь въ народной школѣ. Херсонъ. 1896 г.

люю на своемъ хуторѣ свящ. с. Борисова А. Е. Зерчаниновымъ въ 1891 г. въ память событія 17 октября 1888 г. Самъ-же о. Зерчаниновъ былъ въ школѣ учителемъ и законоучителемъ съ вознагражденіемъ отъ земства по 180 р. въ годъ. Послѣ 5 л. существованія, школѣ этой, благодаря чьей-то «злой волѣ», по объясненію о. Зерчанинова, и чьему-то «вліянію», стала угрожать опасность — быть закрытой. Теперь, однако, благодаря новому участию земства и энергіи о. Зерчанинова, съ марта мѣсяца оставившаго священство въ с. Борисовѣ и занимающемуся теперь исключительно своей школой, опасность эта, надо думать, миновала. Въ заявленіи своемъ, присланномъ въ управу во время самаго собранія, о. Зерчаниновъ высказалъ, что будетъ содержать училище на свой счетъ до тѣхъ поръ, пока сами вшивкинскіе крестьяне, отказавшіеся теперь отъ содержанія школы (отопленіе и наемъ сторожа), не заявятъ желанія взять его на себя. Въ школѣ, кромѣ дѣтей крестьянъ д. Вшивки, учатся также и дѣти сосѣднихъ селеній, въ количествѣ (теперь) 35 чел. На томъ-же земскомъ собраніи было доложено, что научный отдѣлъ нижегородскаго у. земства, устроенный въ одной изъ комнатъ министерской образцовой школы, привлечь особенное вниманіе посѣтителей выставки. Такъ, кромѣ августѣйшихъ и высокопоставленныхъ лицъ, однихъ записавшихся въ книги посѣтителей по 12 сентября было 3733 лица самыхъ разнообразныхъ профессій и общественныхъ положеній. Изъ отзывовъ выставочныхъ посѣтителей о народномъ образованіи въ уѣздѣ нѣкоторые весьма любопытны. Такъ инспекторъ Самарской губерніи пишетъ: «Съ особеннымъ удовольствіемъ просмотрѣлъ полную, ясную и безпристрастную картину постановки дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ. Здѣсь видно, что школа тверда, крѣпка и увѣренно встала на ноги, всѣ данныя ясно показываютъ и рисуютъ, насколько она несокрушима, насколько сильна и мила народу». За свою дѣятельность по народному образованію нижегородское уѣздное земство получило на выставкѣ дипломъ I степени. По послѣднему отчету (за 1895—96 уч. г.) всего въ уѣздѣ было 101 школа со 104 преподавателями и съ 4495 учащимися (3863 м. и 632 д.). Въ городѣ въ прошломъ учеб. г. было 27 начальныхъ училищъ, изъ нихъ 4 новыхъ. Окончило курсъ всего—по уѣзду 528 чел. и въ городѣ 396 (изъ нихъ 145 д.).

Послѣ нижегородскаго первое мѣсто въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи въ нашей губ. занимаетъ, безспорно, балахнинское уѣздное земство. Постановленія этого земства въ послѣднюю сессію, относящіяся къ вопросу о народномъ образованіи, представляютъ изъ себя выдающійся интересъ и имѣютъ принципиальное значеніе. Въ минувшее земское собраніе былъ представленъ докладъ особой комиссіи по предмету о введеніи въ балахнинскомъ уѣздѣ всеобщаго обученія *).

---

*) О немъ уже была рѣчь въ «Образованіи» № 11, стр.

Что касается другихъ уѣздныхъ земствъ Нижегород. губ., то дѣятельность ихъ по народному образованію развивается значительно медленнѣе двухъ указанныхъ—нижегородскаго и балахнинскаго—и въ нѣкоторыхъ не удовлетворяетъ, къ сожалѣнію, даже самымъ насущнымъ нуждамъ народного образованія, какъ это частію доказали и закончившіяся сессіи земскихъ собраній нынѣшняго года. Причины этого печальнаго явленія кроются отчасти въ бѣдности и задолженности земствъ (какъ наприм. дуконновскаго), частію въ той розни въ вопросахъ объ образованіи, которая обнаружилась съ учрежденіемъ церковныхъ школъ, особенно-же причины эти заключаются въ самомъ земскомъ положеніи 1890 г. Въ общемъ и наши земства, конечно, продолжаютъ распространять образованіе въ массѣ населенія своихъ уѣздовъ или, по крайней мѣрѣ, поддерживаютъ тотъ уровень, на которомъ оно находится, но, по выше указаннымъ причинамъ, они не могутъ, пока что, вполнѣ стоять на высотѣ современныхъ требованій къ дѣлу народнаго просвѣщенія. Такъ послѣднія постановленія земскихъ собраній сводятся почти только къ сохраненію даннаго status quo въ народномъ образованіи. Доказательствомъ этого можетъ служить, кромѣ Васильскаго, Сергачскаго земскаго собранія. На этомъ собраніи, когда былъ поднятъ вопросъ о народномъ образованіи, горячимъ защитникомъ послѣдняго выступилъ гласный А. П. Топорнинъ. Съ цифрами въ рукахъ онъ доказывалъ съ одной стороны крайне ничтожное развитіе грамотности въ сергачскомъ уѣздѣ (на 22 т. дѣтей школьнаго возраста приходится только 1700 учащихся и 6% грамотныхъ на все населеніе уѣзда въ 160 т. чел.), — съ другой—гласный доказывалъ, что образованіе и просвѣщеніе служатъ однимъ изъ могущественныхъ факторовъ народнаго благосостоянія и повышенія народнаго богатства. Докладчикъ ходатайствовалъ, поэтому, предъ земскимъ собраніемъ измѣнить самую прежнюю систему сергачскаго земства—открывать школы лишь въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ жители выстроитъ школьное зданіе, признавая эту систему нецѣлесообразной и несвоевременной, и предлагалъ собранію строить школы для развитія грамоты въ уѣздѣ по крайней мѣрѣ по одной въ годъ на счетъ земства, *не спрашивая желанія крестьянъ*. Но только 4 гласныхъ присоединились къ предложенію гл. Топорнина и земское собраніе *отклонило* его болѣе, чѣмъ скромное ходатайство.

Самъ А. П. Топорнинъ такъ объясняетъ въ мѣстной прессѣ свою неудачу на земскомъ собраніи. На вопросъ: «отчего въ собраніи такое холодное участіе къ народному образованію?» онъ отвѣчаетъ: «Если можно объяснить себѣ холодное отношеніе къ народному образованію нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ ихъ узко-эгоистическими тенденціями, то гласные отъ крестьянъ, казалось, не могли не понять, что мое предложеніе для нихъ выгодно и имъ не можетъ быть не извѣстна и матеріальная невозможность для крестьянъ строить на собственное изживденіе школы и желаніе крестьянъ обучать дѣтей. Остается только искать причину въ самомъ земскомъ положеніи 1890 г., именно въ способѣ избранія гласныхъ. Въч

денная положеніемъ сословность, при малочисленности дворянъ, живущихъ въ деревняхъ, не даетъ возможности выбора. Гласные отъ крестьянъ, назначаемые губернаторомъ, иногда по указанію того-же предсѣдателя земскаго собранія, не представляютъ достаточной гарантіи ихъ независимости. Эти гласные, въ большинствѣ случаевъ волостные старшины, переносятъ и въ земское собраніе свою привычку къ безотчетному повиновенію предводителю дворянства, предсѣдательствующему въ земскомъ собраніи и находящимся тамъ земскимъ начальникамъ, какъ своему непосредственному начальству, забывая свое званіе гласнаго, какъ защитника интересовъ представляемыхъ ими крестьянъ. При такомъ положеніи полезная дѣятельность земства можетъ быть только случайная». Жалоба — не въ первый разъ раздающаяся изъ устъ земскихъ дѣятелей и имѣющая для себя всѣ основанія.

Въ заключеніе о дѣятельности нижегород. земства по народному образованію можно отмѣтить слѣдующій пріятный фактъ. Губернское земство наше учредило и съ новаго года открываются уже двѣ новыхъ должности инспектора народныхъ училищъ Нижегород. губ., съ содержаніемъ ихъ на счетъ земства, помимо существующихъ отъ правительства четырехъ инспекторовъ. Главнымъ соображеніемъ, которымъ руководилась земство, является недостатокъ правительственныхъ инспекторовъ, вызывающій неравномѣрныя распредѣленія между ними участковъ въ ущербъ дѣлу народнаго образованія. Выборъ кандидатовъ на открытыя должности будетъ сдѣланъ губернской земскою управою по соглашенію съ директоромъ народныхъ училищъ.

Къ той-же сферѣ свѣтлыхъ явленій относятся также и слѣдующіе факты въ жизни Нижняго-Новгорода и губерніи.

1-го октября въ Нижнемъ торжественно открыто при Владимірскомъ реальномъ училищѣ *среднее механико-техническое училище*, сооруженное на средства правительства, города и губернскаго земства. Въ недалекомъ будущемъ въ Нижнемъ имѣетъ быть открытымъ также *воспитательный домъ* для подкидышей, устраиваемый на средства нижегородскаго купца М. Ф. Сухарева, который не только далъ средства и землю для постройки, но и обеспечилъ дальнѣйшее существованіе пріюта своими недвижимыми имуществами. Домъ для подкидышей строится на 100 дѣтей и будетъ располагать всѣми приспособленіями и необходимыми удобствами. Въ теченіе будущаго года онъ будетъ окончательно отдѣланъ. Зданіе со всѣми приспособленіями обойдется до 100 т. р.

По докладу управы городской думой *въ принципѣ* рѣшено открыть въ Нижнемъ при общественной библіотекѣ, когда она будетъ переведена въ общественный корпусъ (изъ наемнаго помѣщенія), *педагогическій музей*, особенно полезный для городскихъ училищъ.

Цѣлый рядъ новыхъ *библіотекъ и читаленъ*, кромѣ ранѣе организованныхъ, открывается или предполагается въ близкомъ будущемъ къ открытію въ нашемъ городѣ и въ уѣздахъ. Такъ, управляющимъ губерніею

утвержденъ уставъ бесплатной народной библіотеки-читальни въ г. Василь-Сурскѣ, учреждаемой обществомъ распространенія начального образованія въ Нижегород. губ., рѣшившаго ежегодно отпускать на эту библіотеку по 100 р., Въ с. Воскресенскомъ (Макар. уѣзда) отсрывается другая библіотека-читальня на средства (2 т. р.), пожертвованныя землевладѣльцемъ Макар. уѣзда у И. П. Кондыревымъ. Сельскими обществами бутурлинской волости (Княгинин. у.) и мѣстнымъ землевладѣльцемъ В. В. Чемесовымъ учреждается еще бесплатная народная библіотека-читальня въ с. Бутурлинѣ. Въ Лукояновскомъ у. на частныя средства (по подпискѣ) устраиваются также двѣ библіотеки-читальни имени В. Г. Короленко. Наконецъ, общество распространенія начального образованія предполагаетъ въ нынѣшнемъ году открыты въ Нижнемъ, кромѣ двухъ существующихъ, еще *два* народныя библіотеки-читальни на окраинахъ: одну въ мѣстности, называемой «Ярило», другую—въ Макарьевской части.

Независимо отъ библіотекъ-читаленъ въ нынѣшнемъ году число пунктовъ по Нижегород. губ., гдѣ устраиваются обществомъ распространенія начального образованія чтенія съ туманными картинами, доходить уже *до сорока*.

О многозначительномъ значеніи указанныхъ фактовъ говорить нечего.

Въ заключеніе съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить чувствительную потерю, понесенную Нижнимъ и его интеллигентнымъ обществомъ въ лицѣ недавно скончавшагося (26 окт.) П. К. Позерна. Покойный, состоя городскимъ врачомъ, былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ. Какъ земскій гласный, почетный мировой судья, старѣйшій членъ мѣстнаго общества распространенія начального образованія, комитета колоніи малолѣтнихъ преступниковъ и т. д. П. К. вездѣ былъ полезнымъ человекомъ. Говоря объ этой дѣятельности П. К., предсѣдатель уѣздной земской управы—А. А. Савельевъ—въ своей надгробной рѣчи высказалъ, что покойный, занимая различныя положенія общественной службы, никогда и ни въ чемъ не поступалъ противъ своей совѣсти и убѣжденій, въ которыхъ онъ былъ воспитанъ, не смотря на то, что покойному не разъ приходилось дѣйствовать среди несимпатичныхъ, даже враждебныхъ теченій. До самой смерти онъ былъ молодымъ, убѣжденнымъ, какъ и въ юношескіе годы, дѣятелемъ. Еще наканунѣ своей смерти онъ принималъ участіе въ общественномъ собраніи.

Благодарная память о П. К. несомнѣнно долго будетъ сохраняться среди нижегородцевъ.

А. Тихоновъ.

На Западѣ.

Педагогическіе музеи и библіотеки въ Европѣ.—Открытие парижскаго университета.—Вильямъ Моррисъ.—Гигантское развитіе почтоваго дѣла въ Англии.

Идея устройства педагогическихъ музеевъ впервые была выдвинута на сцену генераломъ Жюльеномъ, школьнымъ инспекторомъ во Франціи, занимавшимъ этотъ постъ въ 1817 году. Жюльенъ былъ горячимъ сторонникомъ идей Песталоцци въ дѣлѣ воспитанія и повтому всячески старался провести ихъ въ своемъ отечествѣ. Въ представленной имъ обширной монографіи, «*Esquisse et rue préliminaire d'un ouvrage sur l'éducation comparée*» Жюльенъ доказывалъ пользу устройства постоянной выставки педагогическихъ пособій, употребляемыхъ Песталоцци и разными другими педагогами, также библіотеки, въ которой должны быть собраны образцовыя произведенія авторовъ, занимавшихся педагогическими вопросами.

Идеи Жюльена, однако, не правились во Франціи. Хотя выставки педагогическихъ пособій и ученическихъ работъ не разъ устраивались въ разныхъ городахъ Европы, но всегда въ связи съ разными промышленными и торговыми выставками, и носили временный характеръ, скорѣе указывая на мѣстные условія воспитанія, нежели на общій прогрессъ, достигнутый въ этомъ дѣлѣ. Первая постоянная выставка педагогическихъ пособій была открыта въ Штутгартѣ въ 1851 году, но и то она не была самостоятельной, а представляла лишь одинъ изъ отдѣловъ вюртембергскаго промышленнаго музея. Настоящій педагогическій музей открытъ былъ впервые не въ Европѣ, а въ Америкѣ, въ Торонто, (Канада) въ 1853 году и только спустя четыре года Англія послѣдовала примѣру Канады, устроивъ въ Кенсингтонскомъ музеѣ педагогическое отдѣленіе. За Англіею слѣдовала Россія (въ 1864 году), затѣмъ въ Лейпцигѣ, послѣ шестилѣтней борьбы и преній было организовано общество Коменіуса. Въ 1870 году ассоціація голландскихъ учителей организовала педагогическій музей въ Амстердамѣ и въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ въ Европѣ уже было устроено не менѣе двѣнадцати подобныхъ учреждений; нѣкоторые изъ этихъ музеевъ основаны въ память великихъ педагоговъ, Песталоцци, Коменіуса и Жирара.

Въ настоящее время въ Европѣ существуютъ 35 педагогическихъ музеевъ, кромѣ римскаго и вѣнскаго, которые временно закрыты. Общая цѣль всѣхъ такихъ учреждений—дать возможность учителямъ и воспитателямъ познакомиться съ лучшими методами и педагогическими пособіями, съ успѣхами, достигнутыми педагогикою и школьными условіями въ раз-

чныхъ странахъ, а также съ произведеніями разныхъ выдающихся писателей по педагогическимъ вопросамъ. Мы постараемся вкратцѣ представить читателямъ обзоръ главнѣйшихъ педагогическихъ музеевъ и библіотекъ въ Европѣ.

Въ Англіи большой педагогическій музей составляетъ, какъ мы уже говорили раньше, отдѣленіе Кенсингтонскаго музея. Онъ былъ организованъ послѣ педагогическаго конгресса, который состоялся въ Лондонѣ въ 1854 году. Въ объявленіи объ этомъ музеѣ было сказано, что онъ имѣеть цѣлью помочь всѣмъ классамъ общества и особенно тѣмъ, которые посвятили себя педагогической дѣятельности, подвести итоги успѣхамъ педагогики и познакомиться со всѣми заслуживающими вниманія, нововведеніями въ области, какъ первоначальной школы, такъ и дальнѣйшаго воспитанія и образованія.

Музей этотъ основанъ на средства государства, но развитіемъ своимъ онъ обязанъ главнымъ образомъ частнымъ лицамъ, авторамъ педагогическихъ сочиненій и изобрѣтателямъ педагогическихъ пособій. Къ каждому изъ предметовъ, выставленныхъ въ музеѣ, — если этотъ предметъ относится къ педагогическимъ пособіямъ, — приложено подробное описаніе съ обозначеніемъ цѣны и имени жертвователя и изобрѣтателя. Школьная выставка состоитъ изъ восьми отдѣловъ: 1) модели зданій для школы, школьная мебель, обстановка и т. д. 2) различныя педагогическія пособія, аппараты для демонстрацій, игры и т. п. 3) модели для рисованія и матеріялы; 4) музыкальные инструменты, преимущественно такіе, которые могутъ служить для демонстраціи акустическихъ законовъ; 5) коллекціи для демонстраціи домашняго хозяйства и социальной экономіи; 6) пособія при изученіи элементарной географіи и астрономіи; 7) пособія при обученіи слѣпыхъ; 8) гигиена и физическія упражненія. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе недостатка помѣщенія, у музея были отняты комнаты, занятыя моделями школьныхъ построекъ и т. д., такъ что часть этихъ коллекцій отдана была ихъ владѣльцамъ, остальные же были упакованы въ ящики и поставлены въ сарай.

Библіотека, однако, продолжала развиваться, но точно также благодаря частнымъ пожертвованіямъ книгъ. Въ началѣ она имѣла довольно разбросанный характеръ и только не такъ давно она сдѣлалась исключительно научной и педагогической библіотекой. Въ настоящее время она заключаетъ въ себѣ 77,000 томовъ, изъ которыхъ, 10,500 — исключительно педагогическія сочиненія, школьные отчеты и т. п. Последній каталогъ этой библіотеки былъ напечатанъ въ 1893 году.

Кромѣ педагогическаго музея въ Англіи существуетъ еще союзъ учителей Великобританіи и Ирландіи, образовавшійся изъ бывшаго педагогическаго общества въ 1885 году. Союзъ этотъ преслѣдуетъ очень благія цѣли, стремясь вызвать объединеніе между всѣми лицами, посвятившими себя педагогической профессіи, содѣйствовать обмѣну мыслей и организовать кооперацию, которая дала бы возможность учителямъ и воспитате-

лямъ организовать помощь на случай болѣзни и старости. Союзъ учителей такъ разросся въ настоящее время, что уже имѣетъ тридцать отдѣленій, не только въ различныхъ частяхъ Великобританіи, но и во всѣхъ браминскихъ владѣніяхъ въ другихъ частяхъ свѣта.

Пока еще музей этого союза находится въ самомъ началѣ своего развитія, такъ же, какъ и библіотека, хотя въ ней уже и заключается шесть тысячъ томовъ, и коллекція специально педагогическихъ сочиненій можетъ считаться одною изъ лучшихъ въ Европѣ.

Въ Парижѣ «Musée Pédagogique» былъ основанъ французскимъ правительствомъ въ 1879 году, тотчасъ послѣ всемірной выставки, благодаря усиліямъ Фердинанда Бюиссона. Музей помѣщается въ латинскомъ кварталѣ, въ улицѣ Гей Люссака, и безспорно можетъ быть названъ самымъ лучшимъ и прекрасно обставленнымъ педагогическимъ музеемъ въ мірѣ. Коллекція восковыхъ, глиняныхъ и стеклянныхъ препаратовъ, иллюстрирующія всѣ отрасли естественныхъ наукъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго, такъ же, какъ коллекція химическихъ и физическихъ аппаратовъ. Большая зала музея наполнена превосходными мраморными моделями, фотографіями, слѣпками и т. д., иллюстрирующими развитіе художественнаго воспитанія во Франціи. Очень хороши также географическія коллекціи, глобусы, карты, рисунки, чертежи и діаграммы, школьные дома въ миниатюрѣ, школьная мебель и обстановка, отопленіе и вентиляція, планы и фотографія,—все это наполняетъ около дюжины комнатъ, въ которыхъ собрано рѣшительно все, что имѣетъ какое либо отношеніе къ устройству школъ и дѣлу воспитанія. Но, къ сожалѣнію, въ этомъ музее, заключающемъ въ себѣ богатѣйшія коллекціи въ мірѣ, не достаётъ одного—системы, и вслѣдствіе отсутствія системы онъ не можетъ принести такой пользы лицамъ, изучающимъ педагогику, какъ, напримѣръ, гораздо болѣе бѣдный въ смыслѣ содержанія, но лучше организованный музей въ Брюсселѣ.

Библіотека парижскаго музея состоитъ изъ 50,000 томовъ, въ числѣ которыхъ очень мало подаренныхъ авторами или другими лицами. Такъ же какъ и музей, библіотека эта очень богата, и въ ней можно найти всѣ лучшія сочиненія, относящіяся ко всевозможнымъ отдѣламъ педагогики ея исторіи, теоріи и практики. Всѣ педагогическіе журналы, какіе только издаются въ свѣтѣ, получаютъ въ этой библіотекѣ. Библіотека занимаетъ шестнадцать комнатъ.

Благодаря передвижному отдѣлу этой библіотеки, провинціальныя педагоги и лица, готовящіяся къ педагогической профессіи, имѣютъ возможность пользоваться всѣми педагогическими сочиненіями, которые присылаются имъ библіотекой по почтѣ и отсылаются ими безъ всякой траты на почтовые расходы, такъ какъ всѣ эти расходы по пересылкѣ книгъ принимается на себя правительство. Книги можно держать два мѣсяца.

Въ связи съ педагогическимъ музеемъ находятся нѣсколько педагогич-

ческих кружковъ и ассоціацій. Къ числу ихъ между прочимъ, принадлежить «Англофранцузскій союзъ» подъ предѣдательствомъ г-жи Вилльямъ, преподавательницы англійскаго языка въ нормальной школѣ въ Фонтенъ-О. Розъ. Этотъ союзъ имѣеть цѣлью распространеніе знанія современныхъ языковъ, онъ уже обладаетъ въ настоящее время довольно хорошей библіотекой, устраиваетъ курсы, публичныя лекціи и конференціи и издаетъ на англійскомъ языкѣ журналъ, предназначенный для французскихъ учителей этого языка.

Лучшія произведенія современной французской педагогической литературы были изданы, именно, этимъ педагогическимъ музеемъ. Кромѣ «Revue Pédagogique», посвященнаго вопросамъ элементарнаго воспитанія, выходящаго ежемѣсячно, начиная съ 1882 года и множества разныхъ монографій, Музей выпустилъ цѣлую серію трудовъ, затрогивающихъ рѣшительно все отрасли педагогической науки. Каталогъ библіотеки музея, составленный профессоромъ Бонэ-Мори, представляетъ лучшую и наиболѣе полную библіографію педагогической литературы на всехъ современныхъ нарѣчіяхъ и языкахъ. Слѣдуетъ прибавить, что врядъ ли какая нибудь другая профессиональная библіотека въ свѣтѣ можетъ похвастаться такимъ количествомъ читателей всевозможныхъ національностей, какъ парижская педагогическая библіотека. Среди этихъ читателей можно встрѣтить не только русскихъ и англичанъ, но также нѣмцевъ, итальянцевъ, испанцевъ, сербовъ и болгаръ и т. д. Одинъ изъ извѣстныхъ германскихъ педагоговъ сказалъ недавно, что другой такой коллекціи педагогическихъ сочиненій, какая есть въ Парижѣ, не существуетъ на свѣтѣ.

Но настоящей страной педагогическихъ музеевъ мы всетаки должны считать Германію. Такихъ музеевъ существуетъ тамъ семнадцать, но все они, за малыми лишь исключеніями, представляютъ лишь небольшія выставки школьныхъ работъ и пособій и незначительныя коллекціи педагогическихъ сочиненій. Только педагогическая библіотека (Pädagogische Centralbibliothek) въ Лейпцигѣ, представляетъ счастливое исключеніе. Она обязана этимъ главнымъ образомъ усиліямъ Юліуса Беегера, восторженнаго поклонника писаній Коменскаго. Беегеръ былъ до послѣдняго времени директоромъ этой библіотеки. Онъ обратился съ воззваніемъ къ учителямъ, пасторамъ и всемъ сочувствующимъ этому дѣлу, прося содѣйствовать ему присылкою книгъ и денегъ. Къ концу перваго десятилѣтія своего существованія библіотека уже состояла изъ 30,919 томовъ, изъ которыхъ только 4511 были приобрѣтены покупкой. Въ настоящее время эта библіотека состоитъ изъ 66,604 томовъ и, слѣдовательно, въ количественномъ отношеніи можетъ поспорить съ парижскою библіотекой, но въ качественномъ всетаки уступаетъ ей.

Лейпцигская педагогическая библіотека находится подъ непосредственнымъ контролемъ учительской ассоціаціи, которая заботится о томъ, чтобы все, изучающее педагогику, могли бы найти поддержку и все нуж-

пья указанія въ этой библіотекѣ. Библіотека существуетъ частью на средства этой ассоціаціи, частью же на субсидіи, получаемыя отъ города и правительства. При библіотекѣ издается журналъ «Leipzige Lehrerzeitung».

Берлинъ можетъ похвалиться двумя педагогическими музеями «Städtisches Schulumuseum» и «Deutsches Schulumuseum». Первый былъ устроенъ въ 1875 году и состоитъ подъ контролемъ городскихъ властей; музей получаетъ ежегодную субсидію и въ настоящее время онъ обладаетъ довольно хорошею коллекціей разныхъ пособій и библіотекой въ 14,500 томовъ. Другой музей былъ организованъ въ 1876 году берлинскою ассоціаціей учителей. Библіотека этого музея состоитъ уже изъ 16,000 томовъ и въ особенности изобилуетъ педагогическими сочиненіями; въ ней имѣется полное собраніе сочиненій Песталоцци, Дистервега и Гербарта.

Швейцарія конечно больше другихъ странъ можетъ похвастаться организаціей своихъ школьныхъ музеевъ и своею школьною системою. Швейцарскій народъ уже съ давнихъ временъ выказывалъ интересъ къ педагогическимъ вопросамъ, выразившійся въ организаціи какъ элементарнаго такъ и высшаго воспитанія въ странѣ, а также въ устройствѣ многочисленныхъ школьныхъ музеевъ и педагогическихъ библіотекъ. Лучшій изъ музеевъ находится въ Цюрихѣ, затѣмъ во Фрибургѣ, Бернѣ и Невшателѣ. Музей въ Цюрихѣ устроенъ въ честь Песталоцци; онъ состоитъ изъ четырехъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) коллекціи, иллюстрирующія швейцарскую педагогическую систему, а также педагогическія системы другихъ странъ; собраніе трудовъ Песталоцци и пособій, разъясняющихъ его систему; педагогическіе архивы, содержащіе документы по исторіи и статистикѣ воспитанія въ Швейцаріи и библіотеку педагогическихъ сочиненій; 2) бюро педагогическихъ конференцій; 3) бюро публичныхъ лекцій; 4) издательское бюро.

Комната, въ которой собрано все, что относится къ памяти Песталоцци, представляетъ настоящую «Святая Святыхъ». Кромѣ 1000 собственныхъ рукописей великаго швейцарскаго педагога тутъ же находится коллекція 1350 различныхъ книгъ и памфлетовъ, имѣющихъ къ нему какое либо отношеніе, затѣмъ въ этой же комнатѣ хранится его люлька и много разныхъ другихъ предметовъ его домашней обстановки, его рисунки и портреты и картины, изображающія различные моменты его жизни.

Библіотека этого музея заключаетъ въ себѣ 17,100 томовъ и каталогъ ея указываетъ на очень широкое развитіе педагогическихъ взглядовъ въ Швейцаріи. Музей съ самаго начала находился подъ руководствомъ профессора Гунцикера изъ цюрихскаго университета. Несмотря на то, что музей главнымъ образомъ посвященъ вопросамъ элементарной школы, тѣмъ не менѣе онъ все таки касается и вопросовъ университетскаго образованія. Съ 1880 года при музеѣ издается прекрасный педагогическій журналъ.

«Pestalozzblätter» посвященный интересамъ воспитанія, какъ высшаго, такъ и низшаго.

Во время подготовительныхъ работъ къ международной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1873 было рѣшено организовать постоянную педагогическую выставку (Permanente Lehrmittelausstellung). Музей былъ открытъ и въ началѣ, благодаря присылаемымъ управленію музея, предметамъ, имѣющимъ отношеніе къ педагогикѣ, пособіямъ, моделямъ и книгамъ, дѣло начало развиваться, несмотря на недостатокъ средствъ. Но, къ сожалѣнію, финансовыя затрудненія въ концѣ концовъ все таки повели къ закрытію музея, такъ что Вѣна теперь не имѣетъ педагогическаго музея и когда онъ будетъ вновь открытъ—неизвѣстно.

Венгрія выказала гераздо большій интересъ къ педагогическимъ вопросамъ нежели Австрія. Венгерскій педагогическій музей былъ открытъ въ Будапештѣ въ 1877 году; онъ состоитъ изъ 15 отдѣловъ заключающихъ въ себѣ 5.000 предметовъ и библіотеку изъ 1,200 томовъ. Музей этотъ постоянно устраиваетъ конференціи по различнымъ педагогическимъ вопросамъ,

«Musée Scolaire National» въ Брюсселѣ признается вполне основательно однимъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ и можетъ вполне занять мѣсто на ряду съ парижскимъ и петербургскимъ музеями. Въ нѣкоторомъ отношеніи брюссельскій музей даже можно поставить выше парижскаго, потому что онъ лучше организованъ. Музей поддерживается исключительно правительствомъ.

Въ Швеціи также существуетъ очень недурная педагогическая библіотека, основанная въ Стокгольмѣ ассоціаціей шведскихъ учителей. Доступъ въ нее открытъ не только для всѣхъ учителей, но и для всѣхъ интересующихся педагогическими вопросами.

Испанія также обнаружила нѣкоторый интересъ къ педагогическому дѣлу, и въ Мадридѣ въ 1882 году открытъ былъ педагогическій музей, но этотъ музей скорѣе служитъ для образованія учителей, нежели для изображенія прогрессивнаго развитія педагогической науки и современныхъ педагогическихъ системъ. Музей этотъ устраиваетъ ежегодно публичныя чтенія по разнымъ педагогическимъ вопросамъ и дѣйствительно содѣйствуетъ распространенію въ публикѣ интереса къ педагогическимъ вопросамъ. При музеѣ существуетъ довольно хорошая библіотека педагогическихъ сочиненій.

Итальянскій педагогическій музей, основанный въ Римѣ въ 1879, такъ быстро развивавшійся въ началѣ и процвѣтавшій, постигла такая же участь, какъ и вѣнскій—онъ закрылся за недостаткомъ средствъ.

Педагогическіе музеи существуютъ еще въ Голландіи, Даніи и Португаліи, но дѣятельность ихъ такъ еще ограничена, что о ней пока еще нечего говорить. Въ Амстердамѣ, впрочемъ, устроена недурная педагогическая библіотека.

* * *

Въ Парижѣ недавно состоялось торжественное открытіе университета, который хотя и существуетъ давно въ столицѣ Франціи, но не въ такомъ видѣ, какъ теперь. Законъ, вотированный въ прошломъ году, возстановилъ отчасти тотъ порядокъ вещей, какой существовалъ до великой революціи, послѣ которой, согласно декрету Наполеона, во Франціи были только отдѣльные факультеты, которые, вмѣстѣ съ лицеями и колледжами, составляли то, что называется «Université de France». Этотъ «Университетъ» подраздѣлялся на округа или «Академіи», и во главѣ каждой академіи стоялъ ректоръ, которому и были подвѣдомственны всѣ факультеты этого округа и другія учебныя заведенія. Но, согласно новому закону, факультеты каждаго учебнаго округа (прежней академіи) составляютъ теперь совершенно самостоятельные университеты, которые могутъ жить и развиваться вполне независимо отъ Парижа.

Парижскій университетъ также образованъ изъ отдѣльныхъ факультетовъ и теперь можетъ возстановить свое прежнее значеніе. Вообще отъ этого преобразования, или вѣрнѣе, возстановленія прежняго порядка въ странѣ ожидаютъ благопріятныхъ результатовъ для умственной жизни Франціи. Историкъ Лависсъ въ своей замѣчательной рѣчи, сказанной по случаю открытія парижскаго университета, напомнилъ славное прошлое этого университета, основаннаго въ концѣ XII столѣтія и выразилъ надежду, что университетъ постарается вполне оправдать свое прежнее названіе: «Alma mater omnium universitatum».

* * *

Ни въ одной странѣ, исключая, можетъ быть, Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, почта не играетъ такой важной роли, какъ въ Англіи. На службѣ въ почтовомъ вѣдомствѣ тамъ теперь находится 140,000 человекъ. Это значитъ, что изъ 280 человекъ населенія Соединеннаго королевства одинъ принадлежитъ къ этой мирной арміи. Общее количество жалованья чиновникамъ достигаетъ шести съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. около 60 милліоновъ серебряныхъ рублей въ годъ, больше милліона рублей въ недѣлю, и до 160,000 рублей въ день.

Годичный финансовый балансъ почтово-телеграфной службы даетъ въ круглыхъ числахъ 270 милліоновъ фунт. стерлинговъ расхода и 345 милліоновъ фунт. стерл. дохода. Отсюда слѣдуетъ, что чистая прибыль достигаетъ 75 милл. фунт. стерл. въ годъ.

Въ теченіе 50-ти лѣтъ съ 1845 по 1895 число писемъ, получаемыхъ въ годъ однимъ обитателемъ Англіи, возрасло съ 10 до 46.

Интересны почтовые сношенія Англіи съ другими странами. Ежегодный обмѣнъ этого государства письмами, почтовыми картами, циркулярами, посылками, образцами товаровъ и журналами съ другими государствами Европы достигаетъ 98 милліоновъ, съ Америкой 61½ милл., съ Азіей 22 милл., съ Австраліей 18½ милл., съ Африкой 13 милл.,

всего 213 милл.; при чемъ на каждаго обитателя приходится писемъ $45\frac{1}{2}$, посылокъ 15, почтовыхъ картъ 8, журналовъ 4, телеграммъ $1\frac{3}{4}$, образцовъ товаровъ $1\frac{1}{2}$.

Но еще интереснѣе обмѣнъ писемъ между Англiей и главными государствами Европы, а также Соединенными Штатами. Годовой обмѣнъ съ Соединенными Штатами достигаетъ 41 милл. писемъ, съ Франціей $25\frac{3}{4}$ милл., съ Германiей $25\frac{1}{2}$ милл., съ Италiей $6\frac{1}{2}$ милл., съ Россiей 4 милл., съ Австро-Венгріей $3\frac{1}{2}$ милліона.

Если вмѣсто годичнаго періода взять минуту, то полученныя цифры будутъ говорить краснорѣчивѣе о дѣятельности англійскихъ почтъ. Каждую минуту Англiя отправляетъ въ Европу 104 письма, а получаетъ 82; въ Америку она отправляетъ въ тотъ же періодъ времени 73 письма, а получаетъ 44; въ Азію посылаетъ 32 письма, а получаетъ оттуда 10, въ Африку 18 писемъ отправляетъ и 7 получаетъ оттуда.

Обращаясь теперь къ общему количеству исключительно писемъ, полученныхъ въ Англiи въ періодъ пятидесяти лѣтъ отъ 1846 до 1895 г., мы должны сказать, что англійскіе почтабоны принуждены были разнести болѣе сорока пяти милліардовъ простыхъ писемъ, что составляетъ 911 милліоновъ въ годъ, 1,722 письма въ минуту днемъ и ночью. Но эти числа относятся только къ письмамъ, которыя составляютъ лишь 61% всей корреспонденціи, слѣдовательно, если бы мы хотѣли составить себѣ общую картину, то должны были бы прибавить къ этому числу еще довольно большое количество.

Наконецъ, сравненіе почтовой дѣятельности Англiи и другихъ странъ приводитъ насъ къ слѣдующимъ цифрамъ:

Каждое лицо получаетъ въ годъ:

Въ Соедин. Штатахъ	77 писемъ.	Во Франціи . . .	42 письма.
» Англiи . . .	71 »	» Германiи . . .	30 »
» Бельгiи . . .	51 »	» Австрiи . . .	21 »
» Швейцарiи . .	46 »	» Италiи . . .	14 »
» Голландiи . .	43 »	» Россiи . . .	2 »

Такъ бойко течетъ жизнь въ Соединенномъ Королевствѣ.

* * *

Вильямъ Моррисъ, котораго недавно похитила смерть у искусства и литературы, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Англiи. Такіе люди рождаются вѣками и являются настоящими пионерами прогресса. Благодаря ихъ сочиненіямъ, ихъ работамъ, ихъ поступкамъ, цивилизація двигается впередъ по пути прогресса. Англiя потеряла въ немъ гениальнаго поэта, преобразователя социальнаго строя, пламеннаго и преданнаго апостола искусства, самаго страстнаго поклонника идеала и блестящаго толкователя новыхъ точекъ зрѣнія. Врядъ ли найдется въ наше время еще другой примѣръ такой плодовитости, такого таланта, такой настой-

чивости и терпѣнія въ работѣ, какими отличался Вильямъ Моррисъ. Какъ поэтъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ художниковъ, которые облачаютъ свое міровоззрѣніе въ строфы, гдѣ богатства красокъ чудно соединяются съ великолѣпнѣею гармоніею. Убѣжденный въ томъ, что его взгляды могутъ быть полезны для тѣхъ, кто, за недостаткомъ денегъ, не можетъ читать журналовъ, онъ издавалъ для нихъ на свой счетъ «Общее благо», журналъ для народа, который составлялъ самъ, полагая, что брошенные имъ сѣмена упадутъ на плодотворную почву.

Вильямъ Моррисъ родился въ 1834 году въ Валдгамстоунѣ, въ графствѣ Эссексѣ. Родители его принадлежали къ классу богатыхъ купцовъ. Десяти лѣтъ онъ потерялъ отца, оставившаго ему довольно большое состояніе. Опекунъ его, вслѣдствіе этого обстоятельства, далъ ему такое воспитаніе, которое въ Англии служить обыкновенно привилегіею аристократіи и дѣтей самыхъ богатыхъ фамилій.

Онъ кончилъ курсъ въ оксфордскомъ университетѣ, именно, въ то время, когда началось движеніе прерафаэлитовъ. Вмѣстѣ съ Данте, Розетти, Свинбурномъ, Маддаксомъ Броуномъ, Берномъ Джономъ онъ сдѣлался однимъ изъ «миссіонеромъ эстетизма», горячимъ поклонникомъ прежнихъ писателей и живописцевъ, — Джуліо д'Альнамо, Джакомо да Лентино, Перуджини, Баттичелли. Эта маленькая плеяда идеалистовъ и мистиковъ въ одно и то же время задалась цѣлью снова вызвать любовь къ изящной литературѣ и искусству не только въ избранныхъ душахъ, но вообще въ публикѣ, пользуясь для этого возвратомъ къ чистому чувству прекраснаго, къ чувству, свободному отъ всякой современности. Они рѣшили слѣдовать избранному пути безъ шума, скромно, но тѣмъ не менѣе энергично стремиться къ распространенію своихъ идей. Въ этомъ оказало имъ громадную услугу личное состояніе Морриса. Для обезпеченія успѣха дѣлу былъ основанъ журналъ, гдѣ появилось нѣсколько балладъ Розетти, отличающихся курьезными приемами и необыкновенной формой, напоминающими собою стихъ Данта; сцены изъ восточной жизни а также изъ эпохи среднихъ вѣковъ Свинбурна, лучшаго изъ лирическихъ поэтовъ, уступавшихъ развѣ только Мильтону. Самъ Моррисъ помѣстилъ въ немъ *Жизнь и смерть Язона*, *Диалогъ*. А его *Земной рай*, состоящій изъ ряда 24-хъ поэтическихъ сказаній, рассказанныхъ пилигримами, посѣтившими страну Утопіи, доставилъ ему въ 1870 году блестящую славу въ избранныхъ литературныхъ кружкахъ. Въ *Легендѣ о Смурфѣ* онъ разрабатываетъ одну изъ скандинавскихъ сагъ, а затѣмъ, въ «Пилигримѣ въ страну надеждъ» беретъ сюжетомъ рѣшеніе соціального вопроса, слѣдуя при этомъ по стопамъ Роберта Броунинга (Browning), который въ прозаическомъ сочиненіи представляетъ намъ тѣ же самыя умозрѣнія, какія Моррисъ облекъ въ поэтическую форму.

Прерафаэлиты однако-же не были «людьми отсталыми отъ вѣка», хотя Моррисъ и повторялъ нерѣдко эту фразу. Они знали, чего имъ нужно и предполагали во что бы то ни стало просвѣтить массы, позна-

комить ихъ съ своей особенной точкой зрѣнія, заставить ихъ пристать къ нимъ, усвоить ихъ идеи поневолѣ. Съ этой цѣлью необходимо было дать искусству, какъ они его понимали, осязательную форму не только для образованнаго общества, но вообще для массы, для «большой публики», т. е., для тысячъ тѣхъ профановъ, которые не имѣли объ искусствѣ никакого понятія и которыхъ необходимо было ввести въ эту «святая святыхъ», вульгаризируя, популяризируя чистое искусство, внося его въ привычки домашней будничной жизни. Украшеніе комнатъ, декоративное искусство приходитъ на помощь новаторамъ. Они предполагаютъ въ этомъ направленіи создать неизвѣстный до того времени тонъ, и успѣхъ оправдываетъ ихъ предположенія. Не потребовалось даже много времени для осуществленія его.

Въ одинъ прекрасный день публика узнаетъ объ учрежденіи торговаго общества подъ фирмой Морриса и Комп. для эксплуатаціи декоративно-обойнаго мастерства. Главными работниками у Морриса были Фора Маддоксъ Броунъ, Данте Габриель Розетти, Эдвардъ Вернь-Джони—живописцы; Филиппъ Веббъ—архитекторъ, Пьеръ-Поль Маршаль—инженеръ и Чайлсъ Фалькнеръ—одинъ изъ талантливейшихъ учениковъ оксфордскаго университета. Они не только были акціонерами, но и сотрудниками въ предпріятіи. Слѣдующій циркуляръ знакомитъ публику съ ихъ намѣреніями:

«Мы образуемъ ассоціацію художниковъ, желающихъ посвятить часы своего досуга декоративному искусству съ цѣлью дать возможность воспользоваться имъ публикѣ, при чемъ мы предполагаемъ, съ коммерческой точки зрѣнія, сообщить внутреннему убранству комнатъ все, что можетъ придать имъ изящный видъ».

Это было въ 1861 году, и несмотря на то, что они вовсе не писали о себѣ громкихъ рекламъ, публика ихъ замѣтила очень скоро.

Приходится однако, признать, говорили о нихъ, что какъ ни странно эти молодые люди а все-таки они не лишены оригинальности. Чрезвычайно удачная мысль—замѣнить отвратительные арабески и смѣшные рисунки на бумажныхъ обояхъ, бывшихъ въ употребленіи до сихъ поръ, воспроизведеніемъ настоящихъ созданий искусствъ!»

Въ 1874 г. общество распалось, а Моррисъ, который былъ душою этого предпріятія, принялъ на себя всю отвѣтственность за него и велъ дѣла превосходно. Вернь Джонсъ все таки остался у него въ качествѣ художника. Мастерская Морриса была съ этого времени перенесена въ Мертонъ Эбби. Всѣ, работавшіе тамъ, и женщины, и мужчины—были выдающимися художниками. Вообще, Моррисъ былъ того мнѣнія, что всѣ рабочіе, вообще, должны быть художниками, каждый въ своемъ ремеслѣ.

«Вы должны быть всѣ художниками, — обращался онъ къ бирмингемскимъ рабочимъ въ своемъ еженедѣльномъ листѣ The Commonwealth (Общее благо).—Я говорю всѣ безъ исключенія, и только тогда, когда большая публика заинтересуется вашей работой, вы будете законодателями модъ и можете ставить ваши условія капиталу; когда публика

пойметъ, что капиталисты, ваши теперешніе хозяева, никогда не сдѣлали въ свою жизнь ни одной ручной работы и не что иное, какъ простые торговцы, обыкновенные продавцы изготовляемыхъ вами продуктовъ, она обратится къ вамъ непосредственно, она вступитъ съ вами въ ассоціацію и одержитъ побѣду.

По смерти Теннисона, мѣсто поэта лауреата сдѣлалось вакантнымъ. На него могли явиться только два достойныхъ претендента; это, именно Вильямъ Моррисъ и Альгертанъ Чайльсъ Свинбурнъ. Но, понятно, ни тотъ, ни другой изъ нихъ не получилъ этого наслѣдства. Поэтъ лауреатъ, это — придворный поэтъ, лира его должна быть посвящена прославленію величія, радостей и печалей королевской фамиліи. Какимъ же образомъ возможно было это для Свинбуерна, котораго называли всѣ «пропрокомъ демократіи», провидѣвшимъ въ будущемъ ея величественный образъ въ яркомъ блескѣ. Но еще менѣе подходящимъ былъ для такой роли Моррисъ, социалистъ съ отгѣнкомъ анархистскихъ убѣжденій. А между тѣмъ оба они были до такой степени выше тѣхъ, которые оснаживали у нихъ чальму первенства, что взгляды всѣхъ невольно останавливались на нихъ, какъ бы вслѣдствіе какого-то неотразимаго обаянія. Впрочемъ, они сами помогли своимъ избирателямъ выйти изъ затруднительнаго положенія, заявивъ о своемъ нежеланіи занять оффиціальное мѣсто придворнаго поэта.

Невозможно перечислить того, что дѣлалъ Моррисъ въ своей жизни. Его Кельмскоттъ Миноръ былъ настоящимъ фокусомъ артистическаго свѣта, посылавшимъ свои лучи на все, что носило названіе интеллигенціи. Отсюда, именно, вышло и здѣсь получило начало общество покровительства древнихъ монументовъ. Беззагнѣчивая посредственность подъ предлогомъ обновленія памятниковъ архитектуры, неимѣющаго ничего общаго съ искусствомъ, требовала разрушенія одной части Вестминстерскаго аббатства, или же перестройки фасада церкви Св. Марка въ Венеціи! Крикъ негодованія былъ отвѣтомъ на эти стремленія, профанирующія искусство. Съ совершенно юношескимъ жаромъ бросился Вильямъ Моррисъ въ борьбу съ этими непрошенными реставраторами истиннаго искусства и, конечно, побѣда была одержана отчасти благодаря даже и его участию.

Его Кельмскоттъ Миноръ походилъ на трудолюбивый улей, гдѣ каждый работникъ, вдохновляемый хозяиномъ, который являлся общимъ другомъ, покровителемъ, старшимъ членомъ одной и той же семьи, старался изъ всѣхъ силъ какъ можно лучше выполнить свою работу. Но каждый изъ нихъ работалъ не только механически, нѣтъ, всѣ они старались внести въ свое дѣло частицу творчества, всѣ они старались совершенствоваться. И сколько изящныхъ произведеній вышло изъ этой мастерской!

Въ послѣдніе годы своей жизни Вильямъ Моррисъ собралъ и отпечаталъ свои поэтическія произведенія. Разумѣется, литературная посредственность не могла простить ему скромнаго желанія выполнить само-

стоятельно весь трудъ, котораго требовало изданіе его сочиненій. Его талантъ, оригинальность и поэтическое дарованіе не могли встрѣтить себѣ сочувствія въ его соперникахъ. Фабриканты обоевъ называли его «обойщикъ Моррисъ», а литературная мелюзга—«стихоплетъ Моррисъ». Но и тѣ и другіе забыли, что всякое пренебреженіе съ ихъ стороны служило для него самой лучшей похвалой.

Хроника.

Народное образованіе и электричество.—Еще одинъ ужасный фактъ.— Наши просвѣтители.— Радѣтели о благѣ народномъ.— Народная школа и оспопрививаніе.— Новый типъ благодѣтелей.— Оригинальные взгляды.

Народное образованіе и электричество.

Мы живемъ, какъ принято выражаться, въ вѣкъ прогресса и цивилизаціи. И это совершенно вѣрно: каждый день приноситъ новыя доказательства успѣховъ цивилизаціи, отражающихся на многихъ сторонахъ нашей жизни. Этому можно было бы, конечно, только радоваться, если бы блага цивилизаціи не были такъ часто призрачны и не имѣли столь яркой показной стороны, ослѣпляющей равнодушнаго сына XIX вѣка. Прогрессъ яко-бы растетъ, но съ нимъ растетъ и нищета, растутъ пороки и людская злоба. Цивилизація процвѣтаетъ, но невѣжество не уменьшается. Мы какъ дѣти прельщаемся внѣшней блестящей стороной, ее быстро перенимаемъ, а самая суть, усвоеніе которой стоитъ труда и выдержки, считается какъ будто излишней. Вотъ почему и можно встрѣтить у насъ на каждомъ шагу наряду съ какимъ ибудь высшимъ проявленіемъ прогресса полное отсутствіе самыхъ элементарныхъ признаковъ цивилизаціи.

Эти мысли приходятъ намъ всегда въ голову при чтеніи извѣстій о различнаго рода современныхъ затѣяхъ, въ родѣ устройства электрическаго освѣщенія. Словъ нѣтъ, электрическое освѣщеніе вещь превосходная и отчего бы не желать его имѣть повсюду и на каждомъ шагу. Но вѣдь, какъ гласитъ поговорка, всякому овощу свое время. О роскоши можно думать, когда удовлетворены всѣ насущныя потребности свои и чужія. А пока этого нѣтъ, роскошь прямо непозволительна и антисоціальна. Такой непозволительной роскошью является, по нашему мнѣнію, желаніе современнаго обывателя освѣщать свои улицы электричествомъ. Недавно мы прочли въ газетахъ, что Москва хочетъ сдѣлать громадный заемъ на устройство у себя электрическаго освѣщенія. Но

что говорить о Москвѣ, маленькій городъ Таганрогъ и тотъ, по газетнымъ извѣстіямъ, мечтаетъ о томъ же.

Тратить громадные деньги на приобретеніе электрическаго свѣта, когда кругомъ царитъ невѣжество, когда нѣтъ, по всеобщему заявленію, денегъ на распространеніе истиннаго свѣта, свѣта знанія, грѣшно и невысказано. Хотя бы въ томъ же Таганрогѣ (да и въ одномъ ли Таганрогѣ, и въ Москвѣ не лучше), ежегодно масса дѣтей остается за стѣнами учебныхъ заведеній, потому что нѣтъ мѣста, а «отцы» и «сыны» города мечтаютъ объ электрическомъ освѣщеніи.

Да, глубоко-печальные бываютъ въ жизни контрасты. Блескъ электричества на улицахъ и мракъ невѣжества въ умахъ.

Еще одинъ ужасный фактъ.

Контрастъ этотъ, о которомъ мы только что говорили, не фраза, а ужасающій фактъ. Много ужасныхъ тому примѣровъ даетъ наша жизнь ежечасно, но едва ли можетъ быть что нибудь ужаснѣе и страшнѣе слѣдующаго извѣстія, переданнаго надняхъ по телеграфу изъ Воронежа:

«Выѣзжавшимъ въ городъ Коротоякъ отдѣленіемъ Воронежскаго суда разсматривалось дѣло крестьянъ Безсмилцева и Монаева, обвинявшихся въ томъ, что, задушивъ двѣнадцатилѣтняго Лаврененкова, взрѣзали въ трехъ направленіяхъ животъ задушеннаго и вынули сальникъ, чтобы вылить изъ ваятаго сала, въ приготовленной формѣ, свѣчу для совершенія съ нею неизловимо кражъ, въ которыхъ прежде Безсмилцевъ былъ учаемъ. Обвиняемые сознались и приговорены на восемь лѣтъ къ каторжнымъ работамъ».

Какое чувство глубокаго ужаса и стыда должны охватить всякаго русскаго читателя при такомъ извѣстіи. Вотъ самый разительный примѣръ нашей полной нецивилизованности, не взирая на пользованіе нами всякими чудесами электричества и пара. И вмѣстѣ съ тѣмъ, на какое тяжелое раздумье долженъ навести финалъ этого небывалаго процесса. Совершенно преступленіе безчеловѣчное, дикое, оно какъ будто бы требуетъ кары, и ея нельзя признать тяжелой, но поможетъ ли она? Конечно, нѣтъ.

Противъ такого звѣрства и суевѣрія, не останавливающихся передъ самымъ жестокимъ истязаніемъ ни въ чемъ неповиннаго двѣнадцатилѣтняго мальчика, ради достиженія самыхъ ничтожныхъ низменныхъ цѣлей, каторжныя работы, тюрьма и всякія уголовныя кары безсильны, какъ безсиленъ ножъ для излѣченія язвъ, происходящихъ отъ глубоко вѣдрившейся въ организмъ общей болѣзни. Единственное средство—просвѣщеніе нравственное и умственное. Школъ, побольше школъ, просвѣщенія и просвѣщенія для борьбы съ такой безконечной, умопомрачающей тьмой. Мимо такихъ фактовъ нельзя пройти равнодушно—они слишкомъ ужасны, они слишкомъ громко вопіютъ. И вотъ на ряду съ ними не кажется ли

вамъ, читатель, по истинѣ преступной маниловщина россійскаго обывателя, мечтающаго объ электрическомъ освѣщеніи и тому подобныхъ тонкостяхъ «цивилизациі»?

Наши просвѣтители.

Трудно отдѣлаться отъ грустнаго раздумья, въ которое повергаешься всякій разъ при мысли о нашемъ просвѣщеніи. Потребность въ немъ безконечна, расадниковъ его ужасно мало, а существующіе не всегда могутъ выполнять свою, хотя бы самую скромную, роль. Всѣ мы, кому дорого просвѣщеніе русскаго народа, радуемся открытію всякой школы. Но часто, когда приходится поближе ознакомиться, съ жизнью такой школы, ея обстановкой, невольно задаешь себѣ вопросъ: что лучше: совершенное отсутствіе школы или существованіе скверной, или никуда негодной школы. Вопросъ этотъ весьма серьезный и вотъ почему. Въ русскомъ народѣ, давно уже живущемъ среди умственной темноты и тяжелыхъ экономическихъ условій, не всегда проявляется пониманіе необходимости учить своихъ дѣтей и тратить на это извѣстные средства. Поэтому, разъ школа устроилась, и крестьянинъ посылаетъ въ нее своихъ дѣтей, нужно, чтобы она выполняла свою миссію, и вдвойнѣ печально, когда эта цѣль не достигается: помимо всего, въ глазахъ крестьянина дискредитируется школа и ея значеніе. Это разъ. Съ другой стороны, серьезность поставленнаго нами вопроса оправдывается существующимъ, напр. среди земствъ въ настоящее время стремленіемъ создать типъ дешевой школы. Объ этомъ нельзя не жалѣть. Русская школа, и безъ того уже достаточно убогая, не допускаетъ экономіи: она непременно скажется на качествѣ школы, что едва ли желательно вообще, и по вышеприведенной причинѣ, въ частности. Нельзя ожидать, что за жалованье, которое платятъ любому сторожу, можетъ найтись сколько нибудь удовлетворительный учитель. А плехъ учитель—и все дѣло погибло. Кто не знаетъ, какъ часто среди такихъ дешевыхъ учителей попадаются совершенно малограмотные учителя, ничуть къ этому дѣлу не пригодные. Какіе напр., грамотѣи могутъ выйти изъ школы, завѣдываемой такимъ учителемъ, слѣдующее письмо которого приводитъ газета «Волянь» во всей его красѣ:

«Симъ извѣщаю Васъ,—пишетъ этотъ учитель,—что успѣхи моихъ воспитанниковъ идутъ сообразно ихъ понятіямъ. Мнѣніе мое непоколебимое, я предварительно держусь того убѣжденія, что для того, чтобы мои воспитанники впоследствии обнаружили роль хорошихъ дѣателей по поводу ученой идеи, безусловно надлежитъ преподавать лекціи путемъ ихъ умственнаго развитія; между тѣмъ довольно характеризовать на эту тему. Собственно мой интересъ къ Вамъ относительно учебныхъ вещей, мы надѣялись, что бумаги хватить на всю эпоху времени занятія, но оказалось, что она вся уже пошла на тетради и добро если хватить до

слѣдующаго воскресенья, поэтому давая объ этомъ знать, прошу Васъ пожалуйте бумаги такую-же цифру листовъ, сколько раньше съ присовокупленіемъ и десятка два перьевъ; какъ видно эти перья негодны для такихъ тяжелыхъ рукъ учениковъ, коихъ они то и дѣло, время отъ времени ломають, имъ-бы слѣдовало покупать несравненно крѣпчихъ, подобные перья годны само собою разумѣется для какихъ писать. Что-же касается меня, я въ собственную надобность не употребилъ ни одного листа бумаги, не занимаясь ролью юриста».

Какую «роль дѣятеля по поводу ученой идеи» можетъ «обнаружить» такой просвѣтитель?

Радѣтели о благѣ народномъ.

Милліонъ разъ указывалось на всю важность въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія значенія общественной инициативы. Трудно ждать успѣховъ, когда и общество и правительство мало дѣлають для развитія въ народѣ грамотности. Отъ однихъ разговоровъ къ всеобщему обученію мы едва ли приблизимся, и особенно, если у самаго дѣла будутъ стоять такія лица, которымъ или вовсе безразлично это дѣло или даже прямо ненавистно. О примѣрахъ такого отношенія къ народному просвѣщенію мы упоминали уже въ прошлый (да и одинъ ли только прошлый) разъ, приходится указать и теперь. Вотъ нѣсколько фактовъ изъ хроники послѣднихъ дней, имѣвшіе мѣсто въ различныхъ концахъ Россіи.

6-го ноября въ засѣданіи Вяземской городской думы сообщаетъ «Смол. Вѣстн.» разсматривался проектъ открытія перваго бесплатнаго начальнаго городского училища, выработанный особой комиссіей по порученію думы. Не смотря на настоятельную необходимость открытія, такого училища такъ какъ существующія платныя школы не вмѣщаютъ всего числа желающихъ учиться, не смотря на ничтожность для такого города, какъ Вязьма, средствъ, нужныхъ для открытія школы (средства на внутреннее устройство школы пожертвованы), открытіе школы большинствомъ голосовъ отклонено, и такимъ образомъ, Вязьма—одинъ изъ лучшихъ городовъ губерніи останется безъ начальнаго городского училища, тогда какъ другіе города имѣють по нѣсколько училищъ.

Главнымъ противникомъ школы явился представитель отъ духовенства, и на его сторонѣ оказалось большинство гласныхъ.

По отклоненіи вопроса объ открытіи начальнаго училища былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ быть съ тѣмъ фактомъ, что платное городское училище не можетъ принять всѣхъ желающихъ учиться вслѣдствіе переполненія?

Представитель отъ духовенства предложилъ рѣшить его такъ: «возбудить ходатайство передъ кѣмъ слѣдуетъ» о разрѣшеніи принимать въ училище только дѣтей коренныхъ жителей города, дѣтей-же прочихъ жи-

телей принимать только тогда, когда окажутся только свободныя мѣста. Это свое предложеніе представитель отъ духовенства мотивировалъ такимъ соображеніемъ, что если, напр., житель уѣзда и проживаетъ постоянно въ городѣ и несетъ всѣ повинности, но вѣдь онъ все-таки живетъ только до тѣхъ поръ, пока ему выгодно жить, а потомъ онъ можетъ и уѣхать, вотъ почему и резонно отказать въ приѣмъ въ училище его дѣтей.

Предложеніе это тоже принято большинствомъ.

Соображенія, надо сознаться, весьма глубокомысленныя.

Но какими соображеніями руководятся хвалынскіе земцы, столь ревностно относящіеся къ своей задачѣ—заботиться о развитіи народнаго образованія—сказать трудно. По всей вѣроятности, они разсудили, что меньше школъ, меньше заботъ и хлопотъ, и поэтому почти устранились отъ народо-образовательнаго дѣла, передавъ его духовенству, себѣ же для видимости и порядку оставили *восемь* школъ. И какъ и слѣдовало ожидать положеніе этихъ *восьми* школъ мало отрадное.

«Населеніе только тѣхъ восьми селъ, гдѣ находятся училища,—19.918 душъ, въ томъ числѣ 1.757 дѣтей школьнаго возраста. Но изъ нихъ только 352 изъявили желаніе поступить въ школы, а принято было всего 300 дѣтей, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ школьныя зданія не удовлетворяютъ своему назначенію. Во многихъ школахъ ощущался сильный недостатокъ книгъ для народа и внѣкласснаго чтенія учениковъ. Отсутствіе книгъ ведетъ къ тому, что окончившіе курсъ ученики, черезъ нѣсколько лѣтъ, разучиваются читать и писать... Вспомогательныхъ руководствъ и пособій для учителей *нѣтъ ни въ одной школѣ*... Пособій для нагляднаго обученія очень мало, да и тѣ «находятся въ жалкомъ видѣ»... Училищныя зданія *всѣ* страдали одними и тѣми-же недостатками; холодъ, сырость, грязь, темнота, ветхость, отсутствіе отдѣльной раздѣвальной комнаты и теплаго корридора»... Ремонтъ школьныхъ зданій почти не производится («Сарат. Лист.»).

И при такихъ условіяхъ кажется, и мечтать трудно о всеобщности обученія. Да оно и не мудрено, когда нерѣдко самимъ радѣтелямъ о народномъ образованіи не худо бы было о своемъ собственномъ образованіи порадыть. Вотъ въ дополненіе къ приведеннымъ фактамъ сценка, имѣвшая мѣсто въ Самарской городской думѣ. Она интересна какъ показатель того, отъ кого мы ждемъ и чего мы можемъ ожидать. Одинъ изъ гласныхъ думы, нотаріусъ г. Смирновъ предложилъ возложить вѣнокъ отъ города на могилу Португалова. За этимъ предложеніемъ послѣдовалъ слѣдующаго рода діалогъ:

Председательствующій.—Такихъ правилъ нѣту!..

— Но позвольте!..

— Нѣту правилъ! Зараньше-бы предлагали! А теперя допустить не могу, почему что въ повѣсткахъ не обозначено!..

Гласный, прис. пов. Подбѣльскій, присоединяется къ заявленію г. Смирнова.

Председательствующий.—Опосля! Теперича невозможно!
Тѣмъ дѣло и кончилось.

Итакъ, остается ждать, когда настанетъ это «опосля» и будетъ возможно то, что «теперича» невозможно.

Народная школа и оспопрививаніе.

По поводу предстоящаго празднованія 100-лѣтняго юбилея великаго открытія Дженнера, журналъ «Практическая медицина» останавливается на необходимости провести въ населеніе сознание пользы и благихъ результатовъ оспопрививанія. При этомъ журналъ намѣчаетъ слѣдующіе пути, которыми эта задача можетъ быть достигнута:

1) Введеніе обязательнаго начальнаго обученія народа. 2) Вмѣненіе земскимъ врачамъ, священникамъ и учителямъ въ обязанность вести съ народомъ собесѣдованія о повальныхъ болѣзняхъ и гигиенѣ, но безъ тѣхъ излишнихъ формальностей, съ которыми это сопряжено теперь. 3) Въ мѣстахъ, населенныхъ раскольниками, привитымъ давать какія-либо льготы. 4) Сдѣлать обязательнымъ оспопрививаніе въ земскихъ и сельскихъ школахъ. 5) Въ случаѣ появленія оспенной эпидеміи дѣлать обязательныя ревакцинаціи и поголовныя прививки всѣмъ непривитымъ обитателямъ данной мѣстности. 6) Необходимо, чтобы книги о родившихся и умершихъ велись у раскольниковъ такъ-же, какъ и у православныхъ священниковъ, и чтобы свѣдѣнія ими дѣйствительно доставлялись аккуратно куда слѣдуетъ.

Не касаясь осуществимости и возможности нѣкоторыхъ изъ указанныхъ мѣръ, мы должны замѣтить, что, по нашему мнѣнію, никоимъ образомъ не могутъ быть допущены первая и четвертая. О невозможности введенія обязательности обученія мы уже неоднократно говорили; такъ же невозможной и даже болѣе того, вредной мѣрой было бы объявленіе обязательности оспопрививанія въ сельскихъ школахъ. И это не фантазія журнала, извѣстія о такомъ проектѣ уже и раньше проскальзывали въ печать. Мы ужасно заражены стремленіемъ въ народную школу перенести порядки дворянской, барской школы. Если, паче чаянія, такой проектъ получить осуществленіе, то объ этомъ придется очень пожалѣть, потому что къ многочисленнымъ физическимъ, экономическимъ и нравственнымъ препятствіямъ, задерживающимъ успѣхи народнаго образованія, присоединится еще одно, тѣмъ болѣе несправедливое, что во множествѣ мѣстъ не имѣется даже средствъ и людей для привитія оспы. Не говоря уже о томъ, что представленіе свидѣтельства о привитіи оспы будетъ излишней формальностью, весьма убыточной для крестьянскаго населенія, сопряженной съ расходами (хотя бы на 80 копѣечную гербовую марку), и затрудняющей только доступъ въ школу, который, казалось бы, долженъ быть всячески облегчаемъ, оно помимо всего едва ли приведетъ къ желаемому результату. Насильственнымъ мѣры

плохое средство проведенія чего бы то ни было въ сознание населенія. Для этого одинъ путь—просвѣщеніе. Будетъ народъ грамотенъ, и онъ пойметъ самъ пользу санитарныхъ мѣръ. Вліяніе просвѣщенія на подъемъ санитарнаго состоянія фактъ давно засвидѣтельствованный опытомъ. Словомъ, мы снова возвращаемся къ центру, отъ котораго мы всегда исходимъ: намъ нужно просвѣщеніе!

Новый типъ благодѣтелей.

На почвѣ проявленія общественной инициативы въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, проявляющейся кой гдѣ въ послѣднее время, обращаютъ на себя вниманія такіе случаи, когда поневолѣ вспоминаешь поговорку: избавьте насъ отъ друзей, а съ врагами мы сами справимся. Объ одномъ такомъ «другѣ» мы прочли въ «Харьковск. Губ. Вѣд.» «Извѣстный земскій дѣятель (и очень состоятельный человѣкъ, къ слову сказать), Е. С. Гордѣнко устроилъ на собственный счетъ народное училище въ с. Кадницѣ, Харьковскаго уѣзда, и, принявъ такое на себя его содержаніе, поставилъ условіемъ, чтобы выдача жалованья учителю въ размѣрѣ 200 р. въ годъ производилась только въ мѣсяцы занятій его въ школѣ, въ каникулярное же время учитель, пользуясь помещеніемъ въ училищѣ, не долженъ получать никакого жалованья по этой своей должности. По мнѣнію Е. С. Гордѣнко, учитель можетъ предложить за извѣстное вознагражденіе свои услуги экономіямъ, заниматься самъ земледѣліемъ, садоводствомъ, огородничествомъ, и вообще, найти трудъ, который доставитъ ему необходимый заработокъ, равняющійся его учительскому жалованью. Многими изъ земскихъ дѣятелей мысль Е. С. Гордѣнко встрѣчена *сочувственно*, и въ настоящее время явилось предположеніе организовать содержаніе учительскаго персонала въ училищахъ съ соблюденіемъ такого же условія».

Итакъ, двѣсти рублей, жертвуемые отъ щедротъ за труды народному учителю, оказываются слишкомъ крупной суммой; и дѣйствительно, мы понимаемъ *мысль* г. Гордѣнко и *сочувствіе* къ ней харьковскихъ земцевъ. За что же выдавать учителю 16 р. 75 к., когда онъ не занимается, въѣдъ этакъ только избаловаться можно. Грустно и обидно оспаривать такія «мысли», печально слышать о «сочувствіи» такимъ предложеніямъ. Неужели же г. Гордѣнко и сочувствующие ему думаютъ, что на 16 р. 75 к. можно прожить человѣку съ мало мальски интеллигентными запросами, неужели они думаютъ, что эти нищенскіе 16 р. 75 к. могутъ оплатить ту массу хотя бы физическаго труда и нервной работы, которую приходится продѣлывать учителю въ долгую зиму, занимаясь въ душной избѣ съ 50—60 крестьянскими ребятами, неужели они думаютъ, что за такіе гроши можно купить свободу человѣка, запереть его въ глухую деревню, куда и не доскачешь, и требовать отъ него преданности дѣлу. Гг. харьковскимъ земцамъ никогда не приходилось, конечно,

жить съ семьей на 16 р. въ мѣсяцъ, тратить свои силы въ теченіе многихъ лѣтъ и потомъ подъ старость оказаться на улицѣ безъ куска хлѣба. иначе они не поторопились бы высказать свое сочувствіе столь оригинальной мысли. Но неужели же, правда, что только голодный голоднаго разумѣть. Неужели четовѣкъ въ состояніи понять только то, что самъ испыталъ. Но вѣдь, тогда наше существованіе было бы ужасно. И что всего удивительнѣе: кажется, г. Гордѣнко чловѣкъ, сочувствующій народному образованію, по крайней мѣрѣ, онъ не разъ дѣлалъ на его пользу пожертвованія, но вѣдь, въ результатъ что получается изъ его благодѣяній. Бесъма возможно, что гг. земцы, увлекающіеся распространенной по нынѣшнимъ временамъ, идеей совмѣщенія въ учительской особѣ чуть ли не ста одной обязанности, сдѣлаютъ «мысль» г. Гордѣнко обязательной для всего уѣзда, и тогда харьковскимъ учителямъ придется на лѣто поступать въ батраки, чтобы не умереть съ голоду. Потому что, согласитесь, едва ли можно серьезно рассчитывать на то, что учитель въ состояніи будетъ найти себѣ какое нибудь другое занятіе въ экономіи, какъ рекомендуетъ г. Гордѣнко. А что касается занятій учителя садоводствомъ, огородничествомъ или даже земледѣіемъ, то спрашивается, на какой и на чьей землѣ и чѣмъ будетъ питаться учитель, пока его труды дадутъ плоды. Впрочемъ, разбирать этотъ проектъ съ точки зрѣнія его осуществимости, едва ли стоитъ труда; интересенъ и грустенъ самый фактъ его возникновенія. Бѣдный нашъ народный учитель, много надъ нимъ мудрятъ, но положеніе его все не улучшается.

Оригинальные взгляды.

Мы уже сообщали объ оживленіи, замѣтномъ въ этомъ году на земскихъ собраніяхъ при обсужденіи докладовъ по народному образованію. Повсюду дебатировался вопросъ о введеніи всеобщаго обученія. Въ большинствѣ случаевъ онъ рѣшался утвердительно, иногда отрицательно, но едва ли гдѣ высказывались по этому поводу столь оригинальные взгляды, какъ въ Волчанскомъ земскомъ собраніи.

Докладъ этотъ, вызванный запиской гласнаго Бекорюкова какъ сообщаютъ въ «Недѣлѣ», предлагаетъ немедленно приступить къ всеобщему обученію, принимая въ основу тѣ данныя и цифры, которыя изложены въ брошюрѣ г. Колокольцова (члена управы) о введеніи всеобщаго обученія въ Волчанскомъ уѣздѣ. Управа полагаетъ, что если увеличить черезчуръ низкое обложеніе торговопромышленныхъ заведеній уѣзда и воспользоваться тѣми пятью коп. съ десятины, на которыя по Высочайшему манифесту 14-го мая уменьшенъ государственный налогъ на землю, то этихъ средствъ будетъ достаточно для введенія всеобщаго обученія въ уѣздѣ. Не увеличивая ни на одну копейку обложенія земли противъ смѣты 1895—96 года, населеніе будетъ имѣть возможность учить своихъ дѣтей, тогда какъ теперь половина дѣтей школь-

наго возраста лишена этой возможности. Проект управы былъ одобренъ училищнымъ совѣтомъ, который постановилъ, что введеніе всеобщаго обученія въ уѣздѣ является «насущной и неотложной потребностью населенія», и вполне присоединился къ управѣ относительно деталей проекта. Казалось бы, все прекрасно, но на собраніи явились возраженія. Гласный, земскій начальникъ З—скій, нашелъ, что такъ какъ по проекту управы предлагается строить школы по типу уже существующихъ земскихъ, а между тѣмъ крестьянину нужно только «умѣть читать, писать, считать и Богу молиться», то, по его мнѣнію, нужны школы церковно-приходскія и школы грамоты. Другой гласный, земскій начальникъ Л—ко, полагалъ, что уменьшеніе государственнаго земельного налога есть царскій подарокъ въ память священнаго коронованія и населеніе должно всегда это чувствовать и помнить. 'а между тѣмъ управа «хочетъ его отнять», а потому онъ, г. Л—ко, вообще *сомнѣваясь въ пользу всеобщаго обученія*, уже никакъ не можетъ согласиться, чтобы средства на это брались изъ такого источника. Гласный З—скій убѣжденъ, что образованіе приводитъ вообще къ дурнымъ послѣдствіямъ, напримѣръ, атеизму и анархизму. Послѣ 4-хъ-часового обсужденія закрытой баллотировкой, вопросъ: «своевременно-ли введеніе всеобщаго обученія въ Волчанскомъ уѣздѣ», — большинствомъ двухъ голосовъ былъ рѣшенъ отрицательно.

Въ своемъ родѣ оригинально посмотрѣло на дѣло всеобщаго обученія и другое земское собраніе—Чердынское, Пермской губ.

Управа приготовила собранію обстоятельный докладъ по этому предмету, но предсѣдатель собранія распорядился, чтобы ради *«экономіи времени»* докладъ этотъ былъ прочтенъ только въ извлеченіяхъ. Собраніе выслушало извлеченіе изъ доклада и рѣшило, что если духовное вѣдомство откроетъ всѣ проектированныя имъ школы въ количествѣ 118, то мечты о всеобщемъ обученіи населенія уѣзда приблизятся къ своему осуществленію безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ земства».

Коротко и остроумно. Сразу видна дѣловитость и практичность; къ чему тутъ тратить попусту 4 часа на обсужденіе, когда можно гораздо проще и съ тѣмъ же успѣхомъ рѣшить дѣло!

Статистика образованія.

Перепись дѣтей школьнаго возраста въ Тверскомъ уѣздѣ.

Въ 1895 году на страницахъ журнала «Образованіе» нѣсколько разъ обсуждался вопросъ о степени достижимости всеобщаго обученія; мнѣнія высказывались различныя, въ зависимости отъ различія пріемовъ вычислений. Весной 1896-го года въ одномъ изъ уѣздовъ Тверской губерніи (Тверскомъ) произведено статистическое изслѣдованіе, значительно разъясняющее этотъ вопросъ для данной мѣстности. Въ виду общаго интереса, который представляютъ такія изслѣдованія, хотя бы и ограниченныя территоріей отдѣльнаго уѣзда, считаемъ не лишнимъ сообщить важнѣйшіе изъ полученныхъ результатовъ.

Тверскому уѣздному собранію сессіи 1895-го года былъ представленъ бывшими членами училищнаго совѣта, гг. В. Д. фонъ-Дервизъ и Н. А. Трубиновымъ, выработанный ими проектъ сѣти школъ, необходимой для осуществленія всеобщаго обученія въ уѣздѣ; собраніе постановило подвергнуть проектъ подробному и тщательному разсмотрѣнію; вслѣдствіе этого уѣздная управа, собирая необходимый матеріалъ, рѣшила произвести полную перепись всѣхъ дѣтей школьнаго возраста по программѣ, сходной съ принятой въ извѣстной работѣ И. П. Боголѣпова: «Грамотность дѣтей школьнаго возраста въ уѣздахъ Московскомъ и Можайскомъ». Перепись (подворная) была произведена безвозмездно учащими земскихъ школъ уѣзда, отнесшимися съ чрезвычайнымъ интересомъ и добросовѣстностью къ взятой ими на себя задачѣ. Въ настоящее время уѣздному собранію представлены первыя пять таблицъ сводки полученнаго матеріала; къ сожалѣнію, данныя относятся не ко всему уѣзду, а только къ $\frac{7}{8}$ его населенія; остальная часть, проживающая въ предѣлахъ районовъ церковно-приходскихъ школъ, въ изслѣдованіе пока не вошла; это ограниченіе нужно имѣть въ виду при всѣхъ приводимыхъ ниже цифрахъ.

Въ 16597 семьяхъ зарегистрировано 19414 дѣтей въ возрастѣ 7—14 лѣтъ, считая и 7-лѣтокъ и 14-лѣтокъ; въ томъ числѣ мальчиковъ 10103, дѣвочекъ 9311. Обучалось въ школахъ въ моментъ изслѣдованія 4538 мальчиковъ или 45% и 1752 дѣвочки или 19%. Если остановиться на этихъ цифрахъ, то можно предположить, какъ это до сихъ поръ и дѣлаютъ ошибочно нѣкоторые изслѣдователи, что внѣ школы остается 55% мальчиковъ и 81% дѣвочекъ; но тѣ же таблицы вносятъ очень существенную поправку — онѣ показываютъ, что, изъ числа неучащихся, 2645 мальчиковъ и 1634 дѣвочки посѣщали школу раньше. Такимъ

образомъ, процентъ дѣтей, оставшихся ко времени изслѣдованія внѣ школы, уменьшится до 29 для мальчиковъ и до 64 для дѣвочекъ. Но этой одной поправки недостаточно; часть неучащихся можетъ находиться внѣ школы просто потому, что для нихъ еще не наступилъ обычный возрастъ поступления въ школу; это вполне подтверждается таблицей 4-й, указывающей возрастъ дѣтей, учащихся первую зиму. Оказывается, что 7-лѣтокъ поступаетъ въ школу совсѣмъ ничтожное количество; что наибольшій процентъ поступающихъ приходится на 9-лѣтній возрастъ (33%); 10-ти лѣтъ и старше находимъ 34% учащихся первую зиму. Чтобы уяснить себѣ, какая часть дѣтей дѣйствительно остается внѣ школы, какая проходитъ черезъ школу, мы должны обратиться къ возрастному составу неучащихся и остановиться на тѣхъ возрастахъ, когда для ребенка становится уже мало вѣроятнымъ школьное обученіе. Если возьмемъ 12-лѣтокъ, 13-лѣтокъ и 14-лѣтокъ, то среди нихъ находимъ всего 260 мальчиковъ (7%) и 1705 дѣвочекъ (52%) неучащихся и неучившихся ранѣе. Нельзя считать, впрочемъ, что даже эти 7% и 52% всѣ выростутъ безъ школы; послѣ 11-ти лѣтъ процентъ поступающихъ сильно падаетъ, но все-таки среди первогодниковъ въ школѣ находимъ 74 мальчика и 72 дѣвочки въ возрастѣ 12-ти и 13-ти лѣтъ.

Таковы количественные результаты, данные изслѣдованіемъ; они неоспоримо (?) доказываютъ, что *всеобщее обученіе для мальчиковъ Тверскаго уѣзда почти уже достигнуто* и будетъ окончательно завершено въ самомъ непродолжительномъ времени, благодаря вновь открываемымъ школамъ. Высказать что нибудь опредѣленное относительно дѣвочекъ по напечатанному до сихъ поръ матеріалу очень трудно; несомнѣнно, что на ряду съ причинами экономическими, затрудняющими для дѣвочекъ посѣщеніе школы, стоитъ еще одна причина, отмѣченная во многихъ отвѣтахъ родителей: «моды нѣтъ»; тамъ, гдѣ появляется «мода», дѣвочки поступаютъ въ школы въ количествѣ равномъ съ мальчиками, какъ это наблюдается уже теперь въ цѣломъ ряду школъ уѣзда; по всему же уѣзду вообще число дѣвочекъ, поступившихъ въ школу въ 1895—96 учебномъ году составляло 60% начавшихъ учиться мальчиковъ — значительно больше, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы.

Если обратимся къ качественной сторонѣ обученія, то изслѣдованіе даетъ намъ двойкаго рода данныя, касающіяся, во-первыхъ, типовъ школъ, въ которыхъ учатся дѣти, а во-вторыхъ, продолжительности обученія. Среди дѣтей, переставшихъ посѣщать школу, 3635 или 85% посѣщало школу земскую или министерскую, 602 или 14% школу грамоты и 39 учениковъ школу церковно-приходскую, (районы церковно-приходскихъ школъ въ изслѣдованіе, какъ указано выше, не вошли); въ настоящее время въ школахъ грамоты обучается еще меньшій процентъ дѣтей, и процентъ этотъ очевидно долженъ продолжаться падать съ открытіемъ новыхъ земскихъ школъ. Для продолжительности обученія имѣютъ особенное значеніе свѣдѣнія о числѣ зимъ, проведенныхъ въ школѣ дѣтьми,

переставшими посещать ее. Оказывается, что учащиеся остаются в школах гораздо дольше, чѣмъ это обыкновенно предполагаютъ: средняя продолжительность обученія мальчиковъ $3\frac{1}{3}$ года, при чемъ $\frac{2}{3}$ учащихся учатся три года и болѣе (въ томъ числѣ 42% общего числа четыре года и болѣе), и только $\frac{1}{3}$ два года и менѣе (12% учились всего одинъ годъ, 28% два года); изъ всего числа мальчиковъ, переставшихъ посещать школу, болѣе $\frac{1}{3}$ окончило полный курсъ. Совершенно иначе складываются цифры для дѣвочекъ: средняя продолжительность обученія для нихъ всего $2\frac{1}{2}$ года; 3 года и болѣе училась только $\frac{1}{3}$ всѣхъ дѣвочекъ (31%) и почти столько же учились 1 годъ; наибольшій процентъ падаетъ на учившихся 2 года (около 38%); соответственно съ этимъ полный курсъ ученія прошла только $\frac{1}{10}$ часть дѣвочекъ. Словомъ, данныя относительно дѣвочекъ приблизительно соответствуютъ тому представленію, которое вообще распространено объ учащихся въ сельскихъ школахъ, и отъ котораго такъ рѣзко отдѣляются приведенныя данныя о продолжительности обученія мальчиковъ.

Чрезвычайно было бы желательно, чтобы подобныя переписи дѣтей школьнаго возраста были произведены еще въ нѣкоторыхъ уѣздахъ; онѣ разрѣшили бы рядъ вопросовъ, продолжающихся оставаться до сихъ поръ спорными въ области школьной статистики. Предстоящая общая народная перепись только въ томъ случаѣ дастъ необходимыя указанія, если при ея разработкѣ свѣдѣнія о грамотности будутъ даваться по достаточно крупнымъ группамъ.

Для лицъ, болѣе специально интересующихся школьной статистикой, сообщаемъ наиболѣе важныя общеуѣздныя данныя, добытыя переписью, а также сопоставленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ соответственными цифрами Московской губерніи.

Тверской уездъ *). *Возрастной составъ переписныхъ дѣтей.*

Возрастъ.	Общее число дѣтей.		Учащихся.		Учившихся.		Неучащихся.		Изъ учившихся обучалось первую зиму.	
	мал.	дѣв.	мал.	дѣв.	мал.	дѣв.	мал.	дѣв.	мал.	дѣв.
7-лѣтки.	1222	1162	93	20	—	—	1129	1142	71	22
8 »	1376	1236	472	234	47	30	857	972	381	200
9 »	1230	1221	772	417	46	37	412	767	468	269
10 »	1265	1211	1011	420	85	132	169	659	273	171
11 »	1189	1188	966	409	139	215	84	564	133	99
12 »	1363	1279	786	239	488	409	89	631	50	52
13 »	1075	946	293	76	707	369	75	501	24	20
14 »	1393	1040	153	31	1146	435	96	574	—	—
	10103	9311	4538	1752	2645	1634	2920	5825	1400	831

*) Цифры таблицъ, представленныхъ собранію, разнятся въ нѣкоторыхъ графахъ на нѣсколько единицъ, чѣмъ и объясняется неполное совпаденіе итоговъ.

Тверской уездъ. Продолжительность обученія.

Число зимъ, проведенныхъ въ школь.	Учащимагося.		Учтившимся, прекратившими посѣщеніе школы.	
	мал.	дѣв.	мал.	дѣв.
1 зима	1404	853	335	495
2 зимы	1319	558	473	613
3 зимы	1057	338	729	349
4 зимы	602	92	961	160
5 зимъ	107	2	132	9
6 зимъ	10	—	17	—

Процентное отношеніе дѣтей неучащихся къ общему числу дѣтей того-же возраста.

Возрастъ.	Тверской у.		Московский у.		Можайскій у.	
	мал.	% дѣв.	мал.	% дѣв.	мал.	% дѣв.
7-лѣтки	92	98	98	98	98	99
8 »	64	81	82	87	80	95
9 »	34	63	39	68	55	88
10 »	13	54	16	59	31	82
11 »	7	48	9	54	19	82
12 »	7	49	9	55	18	81
13 »	7	50	9	58	20	84
14 »	7	55	9	59	15	83
	29	63	35	68	42	87

	Тверской у.	Московский у.	Можайскій у.
На 100 семействъ приходилось дѣтей отъ 7—14 л.	117	92	90
дѣтей отъ 9 до 11	44	34	33
% семействъ безъ дѣтей школьнаго возраста	34	45	45

Особенное значеніе при статистическихъ работахъ по всеобщему обученію могутъ имѣть послѣднія цифры объ относительномъ количествѣ дѣтей школьнаго возраста; онѣ указываютъ на значительныя различія, существующія по этому вопросу даже между близкими мѣстностями и доказываютъ необходимость подробныхъ мѣстныхъ изслѣдованій.

Ф. Ольденбургъ.

Народное образование въ Рижскомъ учебномъ округѣ въ 1895 году.
Корреспондентъ газеты «Новости» (№ 299) пишетъ:

«Въ вышедшемъ на-дняхъ циркулярѣ по рижскому учебному округу опубликованы нѣкоторыя данныя изъ отчета о начальныхъ училищахъ.

Въ начальныхъ училищахъ рижскаго учебнаго округа до введенія въ нихъ реформы по закону 26-го января 1887 года обученіе происходило главнымъ образомъ на нѣмецкомъ языкѣ, а въ иныхъ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ. Въ отчетномъ году во всѣхъ безъ исключенія училищахъ обученіе по всѣмъ предметамъ, кромѣ закона Божія и пѣнія, происходило на государственномъ языкѣ.

Число начальныхъ училищъ въ 1895 году было 2623; кромѣ того, въ округѣ насчитывается 356 частныхъ учебныхъ заведеній, 122 училища при церквяхъ иностранныхъ исповѣданій и наконецъ, 36 еврейскихъ школъ. Такимъ образомъ, общее число начальныхъ школъ доходитъ до цифры 3137 съ числомъ учащихся 123,074 чел. (69,315 мальч. и 53,759 дѣвоч.). Согласно отчету—число начальныхъ училищъ въ общемъ отвѣчаетъ потребности населенія въ начальномъ образованіи, кромѣ нѣкоторыхъ особенно населенныхъ пунктовъ, какъ напр., гор. Риги, гдѣ ощущается настоятельная потребность въ учрежденіи городскихъ училищъ.

Значительное число училищъ въ Прибалтійскомъ краѣ отчасти объясняется существованіемъ здѣсь закона объ обязательномъ учрежденіи сельскимъ населеніемъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія школъ, хотя въ содержаніи послѣднихъ, кромѣ сельскихъ обществъ, участвуютъ еще городскія общества, дворяне и казна. При расходѣ на низшія учебныя заведенія въ 1.045,000 руб. сельскія общества даютъ 46,3%, городскія 12,5%, дворяне 4,5%, казна около 2%; остальныя суммы получались отъ платы за ученье, отъ пожертвованій и проч.

Что касается учительскаго гонорара, то около 20% учителей получаютъ меньше 100 рублей въ годъ и только 56%—отъ 200 до 450 рублей. Ничтожность гонорара объясняется отчасти бѣдностью нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ, а еще болѣе тѣмъ, что изъ общаго числа учителей (3,415) около четверти не имѣютъ правъ на преподаваніе».

Со своей стороны сопоставимъ эти цифры съ нѣкоторыми цифрами за прежніе годы, начиная съ 1893—94, для котораго мы имѣемъ официальные свѣдѣнія, обнародованныя комиссіей по устройству педагогическаго отдѣла Мин. Нар. Просвѣщенія на всероссійской художественно-промышленной выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ *). Для этого даемъ слѣдующую таблицу.

---

*) „Низшія учебныя заведенія“ А. Острогорскаго.

Годы.	Учащихся.					Учащихся.						
	Школъ.	мальч.	дѣвоч.	Итого.	на 1 школу.	на 1 учаш. дѣвочку.	Показатель образованія.					
1895	3137	69.315	53759	123074	39,2	1,3	5,08					
1894	2592	69.141	56369	125510	48,4	1,2	5,23					
1894	3069	78.808	62072	140880	45,9	1,2	5,86					
1886	3212	100.194	86562	186756	58,1	1,1	8,05					
1885	3162	110.579	94850	205429	65,0	1,1	9,01					
1884	н	ѣ	т	ъ	с	в	ѣ	д	ѣ	н	і	й.
1883	3111	91.377	82399	176770	56,8	1,1	8,04					
1882	3030	92.225	78829	171054	59,8	1,2	7,78					
1874	2861	84.307	62882	147189	51,4	1,3	7,27					
1873	2871	82.247	62147	144394	50,3	1,3	7,21					
1872	2831	80760	58793	139553	49,3	1,3	7,03					

Первыя двѣ строки этой таблицы, противъ годовъ: 1895 и 1894 г. даютъ цифры, относящіяся къ школамъ только вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, всѣ же прочія цифры, стоящія ниже первой черты, относятся къ школамъ всѣхъ вѣдомствъ. Таблица показываетъ, что съ 1872 г. число школъ, число учащихся, абсолютное и относительное на 1 школу и показатели образованія растутъ, измѣняется къ лучшему и отношеніе числа учащихся дѣвочекъ къ числу учащихся мальчиковъ. Этотъ, совершенно правильный, непрерывный ростъ школьныхъ цифръ свидѣтельствующій о прогрессѣ школьнаго дѣла, на сколько разумѣется онъ выражается приводимыми въ таблицѣ школьно-статистическими данными, продолжался до 1885—1886 г., эпохи, непосредственно предшествовавшей изданію особыхъ школьныхъ законовъ для остзейскаго края. Въ 1885 и 1886 гг. показатель образованія для учащихся въ начальныхъ школахъ всѣхъ вѣдомствъ достигаетъ своихъ максимальныхъ цифръ—9,01 и 8,05. Затѣмъ онъ быстро и весьма значительно падаетъ и въ 1894 г. доходитъ до 5,86%, т. е. опускается гораздо ниже того уровня, на которомъ онъ былъ въ началѣ 70-хъ годовъ и, слѣдовательно, понижается, можетъ быть, до той величины, которую онъ имѣлъ въ шестидесятыхъ, и даже пятидесятыхъ годахъ, за тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Нельзя не замѣтить, что и общее число школъ всѣхъ вѣдомствъ достигло своего максимума около той же эпохи 1885—1886 г. а къ 1894 г. оно замѣтно уменьшилось. Упало также и число учащихся съ 186756 до 140880, т. е. почти на 25%. За восьмилѣтіе 1886—1894 г. населеніе края замѣтно увеличилось, увеличилось, конечно, и количество дѣтей школьнаго возраста, но это не повлекло за собой увеличеніе числа учащихся на 1 школу, которое рѣзко уменьшилось съ 58,1 до 45,9, на 21%, т. е. болѣе, нежели на $\frac{1}{3}$, не смотря даже на то, что рядомъ съ указанными сейчасъ причинами, вліяющими въ положительномъ смыслѣ на уменьшеніе числа учащихся на одну школу дѣйствовала и еще одна, вліяющая въ томъ же направленіи причина: замѣтное уменьшеніе числа школъ, съ 3212 до 3069. Обращаясь къ ближай-

шей къ настоящему времени эпохѣ 1894—1895 г. для которой даны свѣдѣнія только относительно школъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія, видимъ, что даже за одинъ только годъ произошло уже очень значительное пониженіе показателя образованія, съ 5,23 до 5,08 и уменьшеніе общаго числа учащихся на 2436. Достойно вниманія, что за тотъ же одинъ только годъ, число школъ вѣдомства министерства народного просвѣщенія весьма значительно увеличилось на 545 школъ, что составляетъ 21%, и такимъ образомъ школьная сѣть значительно уплотнилась, школа приблизилась къ населенію, сдѣлалась болѣе доступна, но это обстоятельство не заставило населеніе воспользоваться новыми школами, наполнить ихъ; напротивъ, и абсолютное число учащихся, и относительное ихъ число (на одну школу) понизилось. Особенно рѣзкимъ оказалось пониженіе послѣдняго числа: съ 48,4 оно опустилось до 39,2 т. е. почти на $\frac{1}{5}$.

Напомнимъ читателю, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ начальное образованіе по закону обязательно для всѣхъ дѣтей евангелическо-лютеранскаго исповѣданія въ возрастѣ отъ 10 до 13 лѣтъ.

А. Страннолюбскій.

Разныя извѣстія и сообщенія.

Открытіе женскаго медицинскаго института.

— Открытіе женскаго медицинскаго института послѣдуетъ осенью будущаго года. Правила относительно приѣма на первый курсъ института будутъ обнародованы, какъ слышало «Нов. Вр.», въ мартѣ или апрѣлѣ. Судя по тому, что уже теперь очень многія обращаются съ просьбой принять ихъ въ число слушательницъ, можно ожидать большого наплыва лицъ, желающихъ поступить въ институтъ. Недавно возникшимъ общественнымъ для усиленія средствъ петербургскаго женскаго медицинскаго института было разослано въ теченіе минувшихъ августа и сентября мѣсяцевъ до 700 обращеній въ различныя земства, городскія общественныя управленія и т. п. съ просьбой придти на помощь обществу единовременными пожертвованіями, годовыми пособіями или взносами, нисколько не стѣсняясь величиною пожертвованія, и не отказать въ распространеніи свѣдѣній объ обществѣ и его задачахъ среди мѣстныхъ дѣятелей. Въ настоящее время отъ нѣкоторыхъ учрежденій уже начали поступать неболышія суммы. Изъ болѣе крупныхъ можно указать на пожертвованіе

въ 1000 р., сдѣланное помѣщикомъ Таврической губерніи г. Посполитаки. Одной изъ первыхъ заботъ общества является устройство общежитія для курсистокъ. Общество обратилось къ петербургскому городскому общественному управленію съ просьбой объ уступкѣ для этой цѣли участка городской земли. Но до разрѣшенія этого вопроса въ городской думѣ, за недостаткомъ средствъ для постройки собственнаго дома подъ общежитіе, обществу придется на первое время удовольствоваться наемной квартирой, рассчитанной приблизительно на 50 курсистокъ.

О направленіи земскихъ ходатайствъ.

— Недавно указомъ Правительствующаго сената на имя тамбовскаго губернатора сдѣлано разъясненіе по вопросу о *направленіи ходатайствъ предъ правительствомъ*, возбуждаемыхъ земскими учрежденіями. Дѣло, по которому послѣдовалъ упомянутый указъ, заключается, по словамъ «Русск. Вѣд.», въ слѣдующемъ. Тамбовскимъ губернскимъ собраніемъ, въ засѣданіи 14-го декабря 1894 г., было постановлено возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ школахъ учениковъ. Но тамбовскій губернаторъ предложеніемъ отъ 22-го декабря того-же года увѣдомилъ управу, что это постановленіе собранія онъ признаетъ, состоявшимся по предмету, выходящему изъ круга вѣдомства тамбовскаго земства, а потому недействительнымъ и не подлежащимъ рассмотрѣнію ни въ какой инстанціи и никакому производству. Затѣмъ другимъ предложеніемъ отъ 28-го марта 1895 г. губернаторъ сообщилъ тамбовской губернской управѣ, что постановленіе губернскаго земскаго собранія отъ 14-го декабря 1894 г. имъ было доложено министру внутреннихъ дѣлъ, который увѣдомилъ, что значеніе земскихъ учрежденій должно быть строго мѣстное, касаться лишь предметовъ, предоставленныхъ ихъ управленію, исключительно съ точки зрѣнія территоріальной единицы (губернія или уѣздъ), на которую распространяется ихъ дѣйствіе, а потому всякое постановленіе или ходатайство, хотя-бы и относящееся до предметовъ земскаго вѣдѣнія, но имѣющее своей цѣлью установленіе порядка внѣ предѣловъ упомянутой территоріи или затрагивающее интересы всего государства, не можетъ почитаться законнымъ; въ ст. 193 общ. губ. учр., т. II, прямо выражено, что постановленія, относящіяся къ предметамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію собранія, или по содержанию своему превышающія предоставленныя ему права, не подлежатъ, какъ противныя законамъ и потому недействительныя, ни исполненію, ни дальнѣйшему производству. Въ жалобѣ правительствующему сенату тамбовская губернская земская управа объяснила, что въ данномъ случаѣ не соблюденъ установленный Положеніемъ о зем. учр. порядокъ направленія и обсужденія законности постановленія земскаго собранія отъ 14-го декабря 1894 г., что хода-

тайство тамбовскаго губернскаго земства въ своемъ существѣ не представляется выходящимъ изъ предѣловъ вѣдомства тамбовскаго земства, такъ какъ въ ономъ земство ссылалось, главнымъ образомъ, на мѣстныя пользы и нужды и что съ подобными ходатайствами земство уже неоднократно обращалось къ правительству и эти ходатайства получали законный ходъ и разрѣшеніе. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, правительствующій сенатъ пришелъ къ слѣдующему рѣшенію. Направленіе ходатайствъ земскихъ учрежденій предъ высшимъ правительствомъ опредѣляется особымъ порядкомъ, по которому каждое такое ходатайство губернаторъ обязанъ направлять, съ своимъ заключеніемъ, въ надлежащее министерство; засимъ, согласно п. 14 ст. 23 учрежд. комит. мин., т. I св. зак., изд. 1892 г., объ оставленіи безъ послѣдствія ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній, министры обязаны представлять комитету министровъ. Такимъ образомъ, относительно неуважительности ходатайствъ земствъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, какъ губернаторы, такъ и министры даютъ только свои заключенія, признаніе-же постановленія земскаго собранія о томъ или другомъ ходатайствѣ предъ правительствомъ недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству зависитъ отъ усмотрѣнія комитета министровъ. Признавая въ виду изложенныхъ соображеній распоряженіе тамбовскаго губернатора о признаніи собственною властью недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству постановленіе тамбовскаго губернскаго земскаго собранія о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства объ освобожденіи кончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ учениковъ отъ тѣлеснаго наказанія не имѣющимъ законныхъ основаній, правительствующій сенатъ опредѣлилъ—такое отмѣнить, предписавъ губернатору направить настоящее дѣло въ установленномъ законномъ порядкѣ.

Допущеніе сочин. Бѣлинскаго въ ученическія бібліотеки.

Однимъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбуждено ходатайство о допущеніи въ ученическія бібліотеки старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго или, по крайней мѣрѣ, III, VI и VIII томовъ. По сношенію съ главнымъ управленіемъ военными учебными заведеніями выяснилось, что означенные томы внесены въ приложенный къ программамъ курса кадетскихъ корпусовъ по русскому языку перечень литературныхъ произведеній, изъ числа которыхъ могутъ быть выбираемы преподавателемъ сочиненія для внѣкласснаго чтенія кадетъ четырехъ старшихъ классовъ, и включены въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія, на заключеніе котораго было передано вышеизложенное ходатайство, полагалъ, что было бы желательно включить въ учениче-

скія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, но съ тѣмъ, чтобы одновременно съ этими сочиненіями было включено въ эти бібліотеки и важное для правильного пониманія и оцѣнки ихъ сочиненіе Пыпина: «Жизнь и сочиненія Бѣлинскаго». Министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ полагаетъ, однако-жь, болѣе цѣлесообразнымъ дозволить выдачу лишь III, VI и VIII томовъ полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго изъ фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній ученикамъ трехъ старшихъ классовъ гимназій, и двухъ (VI и VII) реальныхъ училищъ для внѣ-класснаго чтенія, по усмотрѣнію преподавателей словесности.

Открытие народнаго театра имени Островскаго.

Въ послѣднемъ засѣданіи кинешемской городской Думы, происходившемъ 11-го ноября, состоялось постановленіе объ устройствѣ въ Кинешмѣ городского народнаго театра имени А. Н. Островскаго. Какъ извѣстно, покойный драматургъ происходилъ изъ дворянъ Костромской губерніи и умеръ въ своемъ имѣніи Щельковѣ, въ 20 верстахъ отъ Кинешмы.

Идея устройства театра возникла среди группы мѣстныхъ обывателей, состоящей изъ представителей мѣстной администраціи, земства и города; эти лица и вошли въ городскую Думу съ ходатайствомъ, сущность котораго, въ краткихъ словахъ, заключается въ слѣдующемъ: 1) сдѣлать постановленіе объ устройствѣ въ г. Кинешмѣ городского народнаго театра; 2) возбудить ходатайство о присвоеніи этому театру названія «Городскаго народнаго театра имени А. Н. Островскаго»; 3) уступить подъ театръ съ 1-го января 1897 г. принадлежащее городу свободное зданіе. Ремонтъ и приспособленіе для театра зданія, изысканіе необходимыхъ для того средствъ, а равно и веденіе дѣла устроеннаго театра въ теченіе 10 лѣтъ подписавшіяся подъ заявленіемъ лица берутъ на себя, организуя кружокъ подъ названіемъ «Музыкально-драматическій кружокъ имени А. Н. Островскаго». Уставъ этого кружка въ настоящее время уже выработанъ и на-дняхъ посылается министру внутреннихъ дѣлъ для утвержденія. Дума вполне сочувственно встрѣтила ходатайство и единогласно постановила принять и утвердить всѣ предложенія. Средства для ремонта кружокъ разсчитываетъ собрать среди мѣстныхъ фабрикантовъ, изъ которыхъ уже многіе весьма сочувственно отнеслись къ мысли устройства народнаго театра.

Новыя женщины-врачи.

Испытанія въ комиссіи при Московскомъ университетѣ кончились и всѣ 6 женщинъ, допущеннымъ къ испытанію, а именно: г-жи Оттъ, Пустошкина и Сандбергъ (имѣвшія дипломы Бернскаго университета) и Порожнякова, Протопопова и Фейтъ (имѣвшія дипломы Парижскаго университета) удостоены званія *женщины-врача съ отличіемъ*. Честь и слава названнымъ лицамъ за ихъ громадную энергію и настойчивость!

Повѣрочное испытаніе бывшихъ учениковъ сельской школы.

Нынѣшнимъ лѣтомъ, Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ произвелъ повѣрочное испытаніе бывшимъ ученикамъ и ученицамъ своего училища, находящагося въ Псковскомъ уѣздѣ. Результаты этого испытанія, изложенные въ брошюрѣ «Повѣрочное испытаніе бывшихъ учениковъ и ученицъ Быстрецовскаго училища, Псковской губерніи и уѣзда», лишній разъ подтверждаютъ тотъ довольно твердо установленный фактъ, что грамотность и элементарныя знанія, даваемые народной школой, въ послѣдствіи не утрачиваются, несмотря на мало-благопріятныя условія народной жизни. На испытаніе были приглашены окончившіе курсъ въ 1871—1874 годахъ. Ихъ было 235 челов. Испытаніе производилось по слѣдующей программѣ. Н. Ф. Фанъ-деръ-Флитъ прочиталъ разсказъ изъ журнала *Русская Старина* 1896 г., № 6, о томъ, какъ императоръ Николай Павловичъ проводилъ черезъ Николаевскій мостъ одинокій гробъ умершаго въ больницѣ чиновника. Разсказъ этотъ испытуемые написали на память, прямо начисто, въ теченіе времени отъ 20 до 30 минутъ. Послѣ сего ученики вызывались къ столу по два человѣка; они читали евангеліе по-славянски, а по-русски по незнакомымъ имъ книгамъ: «Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божиимъ строилась русская земля» и «Новая хрестоматія» Воскресенскаго; давали объясненіе прочитаннаго, отвѣчали на мои вопросы по Закону Божию, грамматикѣ, исторіи и географіи, рѣшали на доскѣ ариѳметическія задачи и считали въ умѣ и на торговыхъ счетахъ.

Отвѣты экзаменовавшихся превзошли ожиданія экзаменатора. Изъ приведенной въ брошюрѣ таблицы отмѣтокъ, поставленныхъ на повѣрочныхъ испытаніяхъ, видно, что по всѣмъ предметамъ, преподаваемымъ въ начальной школѣ, бывшіе ученики и ученицы получили въ самомъ худшемъ случаѣ вполне удовлетворительную отмѣтку (3,3). По чтенію же русской печати средній баллъ на испытаніи получился равнымъ 4,4. Знанія изъ ариѳметики также хорошо сохранились; они были оцѣнены балломъ 3,6. (Рус. Вѣд.)

Состоящая при III секціи Русскаго Общества охраненія народнаго здравія коммиссія по вопросу о распространеніи гигиеническихъ свѣдѣній среди населенія обращается съ покорнѣйшей просьбой къ лицамъ, преподающимъ гигиену въ низшихъ, среднихъ и высшихъ (не медицинскихъ) учебныхъ заведеніяхъ прислать на имя секретаря коммиссіи Е. А. Чебышевой-Дмитріевой (Вас. Остр., 8 л., 29) программы преподаванія съ своими замѣчаніями и указаніями по отношенію получаемыхъ результатовъ.

Оглавленіе

журнала «Образованіе» за 1896 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

Статьи по вопросамъ воспитанія и обученія.

	Стр.	
Основатель дѣтскихъ садовъ, его послѣдователи и противники. П. Каптерева	№ — 1	12— 30
	№ — 2	16— 33
	№ — 3	29— 41
	№ — 4	5— 15
Воспитатель чловѣчества (Памяти I. Г. Песталоцци)		
М. Песковскаго	№ — 1	31— 49
Нравственное вліяніе физическихъ упражненій д-ра А. С. Виреніуса	№ — 1	63— 74
Какъ воспитывать женщину? М. К. Николаевой	№ — 4	42— 67
Дистервегъ какъ воспитатель учителей. В. Рутценъ	№ 5 — 6	8— 31
О преподаваніи иностранныхъ языковъ Н. Фену	„	76— 82
Характеръ и нравственное воспитаніе Ф. Кейра, пер. Е. Максимовой	№ 7 —	826— 52
	№ 9 —	56— 69
	№ 11	63— 85
	№ 12—	52— 78
Не слышимъ ли много мы глѣчимъ нашихъ дѣтей?		
Е. Дрентельмъ	№ 7 — 8	140—163
О религіозно-нравственномъ обученіи въ земской школѣ		
А. Тихонова	№ 9 —	40— 55
Учитель словесности за 17 вѣковъ назадъ Виктора Острогорскаго	№ 9 —	3— 15
Очерки по психологіи ребенка проф. Джемса Селли Э. П.	„	24— 39
	№ 10—	68— 79
Наше воспитаніе по сочиненіямъ М. Салтыкова. М. Суперанскаго	„	9— 31
	№ 11—	27— 42
Мишель Монтань и его „Essais“ И. Гриневской	„	43— 62
	№ 12—	37— 51

	Стр.
Новыя педагогическія движенія на Западѣ. Е. Страннолюбской	№ 1— 50— 62
	№ 4— 82— 92
	№ 7— 8 17— 25
	№ 10— 80— 93

Статьи по вопросамъ образованія.

Бъ вопросу о всеобщности начального образованія. А. Страннолюбскаго	№ 1— 87— 99
О женскомъ профессиональномъ образованіи Его-же	№ 2— 34— 50
	№ 3— 8— 28
	№ 4— 16— 41
Поголовная грамотность населенія. М. Песковскаго	№ 2— 72— 90
Грамотность и просвѣщеніе. Его-же	№ 3— 66— 80
Школа въ Базелѣ. В. Португалова	№ 3— 42— 53
Земскія и церковно-приходскія школы. А. Тихонова	„ 54— 65
Земская школа сельскихъ учительницъ. Ш.	„ 81— 91
Лѣвнинская школа-пріютъ. С. Шиль	№ 4— 68— 81
Мужскія воскресныя школы. Э. Кислинской.	№ 5— 6 32— 44
Публичныя чтенія для рабочихъ. Н. Тулупова	„ 68— 75
Типы школъ для распространенія знаній среди взрослага населенія А. Галиха	№ 7— 8 7— 16
Новыя пути въ распространенію образованія въ народѣ	
В. Вахтерова	№ 9— 16— 23
Изъ жизни одной Воскресенской школы. Н. Рогаля-Левичкой. № 10—	32— 49
Воспоминанія о занятіяхъ съ рабочими. Н. Березина	№ 11— 86— 94
О современномъ состояніи начального образованія въ Россіи. А. Острогорскаго	№ 7— 8 92— 149
Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи В. Бинштока. № 10—	50— 67
	№ 12— 11— 30
Тѣлесныя наказанія и народное образованіе Н. Арефьева.	
	Отд. II. № 1— 44— 55
Образовательное значеніе народнаго театра.	
Н. Тимковскаго	Отд. II. № 2— 54— 61
Народные спектакли въ деревнѣ: „Борись Годуновъ“. Е. Лавровой	„ „ 62— 76
Мольеръ на деревенской сценѣ Н. Арбатова	№ 3— 46— 50
„Бѣдность не порокъ“ на деревенской сценѣ. Е. Лавровой. № 12—	79— 89
Изъ переписки съ сельскими учительницами. Е. Свѣшниковой.	№ 1— 75— 86
	№ 2— 51— 62
Профессиональное образованіе въ Америкѣ М. Поспѣловой	№ 5— 6 45— 67
Профессиональная школа на новыхъ началахъ Н. Леонтьевой	№ 7— 8 53— 59
Какъ производятся экзамены въ московскихъ фабричныхъ школахъ?	№ 5— 6 83— 91

		Стр.
Польская народная литература. М. Круковского	№ 7—8	71— 91
Либеральные профессіи и ремесла проф. Ш. Жюда пер. съ франц. Н. Пыпиной	„	60— 70

Некрологи и воспоминанія.

Памяти В. Д. Сиповскаго Виктора Острогорскаго	№ 1—	8— 11
Памяти К. Д. Ушинскаго. Д. Д. Семенова	№ 2—	18— 15
Воспоминанія о д-рѣ Е. А. Цюкровскомъ А. Виренюса	„	63— 71
Памяти двухъ женщинъ-врачей. Е. Щепкиной	№ 5—6	92—104
Л. Н. Модзалевскій. К. Арабажина	№ 7—8	164—169

ОТ ДѢЛЪ II.

Статьи научно-популярныя и литературныя.

		стр.
Прогрессъ науки. М. Чепинской	№ —1	1— 16
Старья и новья ученія о дѣятельности мозга. О. Неймана. пер. съ нѣм. А. М.	№ —1	17— 23
Какъ возникли на демлѣ горы? Н. Березина	„	24— 33
Томасъ Карлейль. Зин. Венгеровой	„	34— 43
Принципъ эволюціи. Герберта Спенсера	№ —2	1— 12
Загадочный писатель В. Сиповскаго	„	18— 28
Мысли Гюйо о нравственности и воспитаніи. Р. Криль	„	29— 40
	№ —3	24— 35
Критика научнаго матеріализма проф. В. Оствальда пер. съ нѣмец.	„	41— 53
Значеніе философской дѣятельности Н. Страхова проф. А. Введенскаго		1— 8
Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе проф. Геффдинга пер. съ нѣмец.	„	9— 23
	№ 4—	1— 12
Достоевскій о задачахъ народной литературы В. Ермилова. № 3—		36— 43
Открытие Рентгена В. Гауера	„	47— 56
Культурное значеніе нашего времени проф. Рила пер. съ нѣмец.	№ 4—	1— 12
Силы природы и естественные законы А. Лампа пер. съ нѣмец.	„	19— 31
	№ 5— 6	38— 47
	№ 7— 8	17— 23
	№ 9—	66— 73
Декартъ его значеніе Г. Паперна	№ 4—	32— 42
Прогрессъ въ органическомъ мірѣ А. Элова.	„	42— 45
Забитый уголокъ (Этнографическій очеркъ) Н. Коробна . № 5— 6		1— 11

	стр.
Развитіе языка. А. Розенштейна пер. съ нѣмецк. . . . . № 5—6	12— 30
О вѣрѣ въ смыслъ жизни А. Волина . . . . . „	31— 38
Пространство и время А. Фрейзинэ пер. съ франц. . . . „	48— 56
Психическое вырожденіе А. Элова . . . . . „	57— 61
Французскіе символисты и декаденты А. Энгеля пер. съ нѣмецк. . . . . „	62— 70
О верхнихъ слояхъ атмосферы. А. Гейрихса . . . . . „	71— 84
Божественныя формы характера проф. Т. Рибо . . . . . № 7— 8	1— 16
Психологія женщины. П. Кириллова . . . . . „	24— 35
Біологическія параллели Э. Пименовой . . . . . „	36— 59
Новые взгляды въ наукѣ уголовного права проф. Принса пер. съ франц. . . . . „	60— 82
Бѣлинскій Ив. Иванова . . . . . № 9—	1— 23
Эгоизмъ и нравственность. Б. Карнери пер. съ нѣм. . . . „	24— 30
Очки, ихъ польза и вредъ д-ра Р. Каца . . . . . „	31— 55
Психологія и наука объ обществѣ П. Каптерева . . . . . „	66— 73
Генрикъ Ибсенъ. Зин. Венгеровой . . . . . № 10	1— 14
Значеніе химіи и ея примѣненія. Бертелло, пер. съ франц. „	15— 20
Исторія древнихъ религій (проф. Мензиса). В. Чепинскаго . . . . . „	21— 35
№ 11	11— 23
Страданія съ точки зрѣнія біологіи, проф. Ш. Рише, пер. съ франц. . . . . „	36— 50
Позвія Полонскаго. А. Хирьякова . . . . . „	51— 59
Екатерина II какъ писательница. П. Морозова . . . . . № 11	1— 10.
Историческое значеніе царствованія Екатерины II, А. Кизеветтера . . . . . Отд. I. № 11	7— 26
Война и цивилизація. Ле-Сюера, пер. съ франц. . . . . „	24— 36
Естествознаніе и жизнь. Н. Березина . . . . . „	37— 43
Страница изъ философіи біологіи Лео Эрреро, пер. съ франц. . . . . „	44— 58
Мозгъ и душа, проф. Флексига, пер. съ нѣм. . . . . № 12	1— 19
Общественно-воспитательное значеніе суда. М. Плотнокова. „	20— 32
Людвигъ Берне. Зин. Венгеровой. . . . . „	33— 41
Изъ исторіи права и обычая. проф. Гильдебрандта, пер. съ нѣм. . . . . „	42— 53
Н. А. Добролюбовъ. П. Морозова. . . . . „	54— 63

Изъ области знаній

(Научныя бесѣды)

Введеніе.—Гексли и его значеніе.—Открытіе гелія . . . № 1—	72— 71
Конецъ XVIII и XIX вѣка—Витализмъ. Путешествіе къ полюсу на воздушномъ шарѣ. Измѣреніе глубины моря и земли. Проектъ загражденія Нила . . . . . № 2—	85— 93

Крушение научнаго матеріализма и начало конца.—Кинетическая теорія газовъ и атомное представленіе о природѣ матеріи.—Радоваться или печалиться.—Заключеніе	№ 3—	56— 62
Приспособленіе къ средѣ, подражаніе и проектированіе органовъ.—Полетъ рыбъ и птицъ. — Новыя попытки воздухоплаванія — Вѣроятный исходъ экспедиціи Нансена	№ 4—	58— 66
Что такое фольклоръ?	№ 5—6	112—119
Новые опыты въ области метеорологіи	№ 7—8	83— 92
Возникновеніе органической жизни на землѣ	№ 9	99—106
Новыя путешествія на землю Франца-Иосифа. Экспедиція Нансена.—Смерть Лиліенталя	№ 10—	60— 68
Британская ассоціація.—Восточный вопросъ въ антропологии	№ 11—	80— 87
«Соціальная эволюція» Бенжамена Кидда	№ 12	64— 71

Письма изъ провинціи.

1. Изъ Шадринскаго уѣзда. Бывшаго учителя 2. Изъ Семипалатинской губ. — Мусульманскія медресе. 4. Дусума. 3. Изъ Могилевской губ.—Неудавшаяся попытка. А. Ч. 4. Изъ Томска. А. Михайловича.	№ 1—	74— 83
5. Изъ Самары.—Трехлѣтіе народныхъ чтеній В. Португалола. 6. Изъ Стараго Оскола.—Въ защиту сельскаго учителя А. Синдѣва	№ 2—	94—102
7. Изъ Орловской губ.—Повѣрочныя испытанія и школьный спектакль. Е. Лавровой. 8. Изъ Новгородской губ. М. Синозерскаго	№ 3—	63— 69
9. Изъ Екатеринославской губ. — Изъ дневника сельской учительницы. А. Земинской. 10. Изъ Пермской губ. — Изъ воспоминаній сельскаго учителя. 11. Изъ Стараго Оскола. О народномъ спектаклѣ А. Синдѣва	№ 5—6	103—111
12. Изъ Нижняго Новгорода. Народное образованіе въ Нижегородской губ. А. Тихонова. 13.—Изъ Чернаго Городека. Дѣятельность товарищества бр. Нобель по народному образованію. Д. Рзякина. 14. — Изъ Гродненской губ. Двадцатипятилѣтній юбилей народнаго учителя. А. В—цева	№ 9	74— 85
15. Изъ Ворожежа. О бібліотекахъ И. К. 16. Изъ Тверской губ. О вечернихъ занятіяхъ въ сельской школѣ. Е. Г.	№ 11—	58— 69

17. Изъ Тамбовской губ.—Народная бібліотека въ деревнѣ. Н. Тулимова. 18. Изъ Нижняго Новгорода. Вопросы народнаго образованія на земскихъ собраніяхъ.—Отрадныя факты. К. Позернъ †. А. Тихонова. . № 12— 71— 81

Изъ жизни и литературы на Западѣ.

- Свободный университетъ въ Брюсселѣ. Народное образованіе въ Японіи. Женское высшее образованіе въ Англии и Австро-Венгрии . . . . . № 2— 111—119
- Женское движеніе въ Германіи. Рефератъ г-жи Гижичкой на вечерѣ берлинской печати. Женское образованіе въ Германіи. Отношеніе германскихъ университетовъ къ женщинамъ. Женское движеніе въ Англии и въ австралійскихъ колоніяхъ. Женскіе клубы въ Лондонѣ. Женскія общества въ Парижѣ. Международный женскій конгрессъ. Успѣхи движенія въ пользу мира . . . . . № 5— 6 120—130
- Бичеръ-Стоу. Жюль Симонъ. Эдмонъ Гонкуръ. Робертъ Бернсъ . . . . . № 7— 8 93—103
- Конгрессъ прикладной химіи въ Парижѣ. Конгрессъ психологовъ въ Мюнхенѣ. Школьный конгрессъ въ Женевѣ . . . . . № 9— 66— 98
- Университетское движеніе въ Германіи. Народообразовательныя учрежденія въ Лондонѣ. Женскій вопросъ въ Германіи. Успѣхи женскаго движенія въ Австріи. Женскіе конгрессы въ Женевѣ и Берлинѣ . . . . . № 10— 69— 81
- Общества мира и конгрессы. Литература мира. Будапештскій конгрессъ. Воззваніе Берты Суттнеръ. Межпарламентская конференція. Вопросъ объ участіи въ конференціи «непарламентскихъ» государствъ. Международный конгрессъ этического союза . . . № 11— 70— 79
- Педагогическіе музеи и бібліотеки въ Европѣ. Открытіе Парижскаго университета. Развитие почтоваго дѣла въ Англии. Вильямъ Моррисъ . . . . . № 12— 82— 93

Ежемѣсячные отдѣлы.

(П О Т Д Ъ Л Ъ)

- Критика и бібліографія. № 1 100—128. № 2 91—118. № 3 92—130. № 4 98—128. № 5—6 137—180. № 7—8 170—208. № 9 70—116. № 10 94—128. № 11 95—136. № 12 90—136.

П О Т Д Ъ Л Ъ.

Хроника. № 1 84—89. № 2 103—111. № 3 71—81. № 4 67—75. № 5—
131—138. № 9 107—113. № 10 82—86. № 11 87—97. № 12. 93—101

Статистика образования. № 1 97—102. № 2 117—121. № 3 81—89 № 4
75—83. № 5—6 139—150. № 7—8 104—112. № 10 87—93 № 11 98—
105. № 12. 102—108

Разныя извѣстія и сообщенія. № 1 89—97. № 2 121—122. № 3 89—96.
№ 4 84—92 № 5—6 150—155. № 7—8 113—118. № 9 114—116. № 10
94—100. № 11 106—109. № 12. 108—112

Письма въ редакцію. В. Струве. № 1—72. В. Вахтерова № 3—70.

Нѣчто объ анонимахъ и невѣжествѣ рецензентовъ (отвѣтъ д-ру филосо-
фіи М. Филиппову) Ред. № 9. 117—120.

Объявленія.

ИЗДАНИЯ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„ОБРАЗОВАНИЕ“:

- 1) **Счастье.** Популярныя очерки по нравственной философіи проф. Бернскаго университета К. Гильти, пер. съ 5-го нѣмецкаго изд. Александра Острогорскаго. **3-е изданіе.** Ц. 50 коп.
  - 2) **Что такое нравственность?** Проф. Страсбургскаго университета Т. Циглера. Пер. съ 2-го нѣмецкаго изданія Александра Острогорскаго. **2-е изданіе.** Ц. 50 к.
  - 3) **Этюды по философіи наукъ.** А. Лаланда. Пер. съ французскаго **2 изд.** Ц. 75 коп.
  - 4) **Воображеніе и память.** Ф. Кейра. Пер. съ французскаго Е. Максимовой. Ц. 40 к.
  - 5) **Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ.** Е. Страннолюбской. Ц. 30 к.
  - 6) **Аффективная память.** Т. Рибо. Пер. съ французскаго. Е. Маскимовой. Ц. 25 к.
  - 7) **Этика и политическая экономія.** Проф. Прагскаго университета Ф. Иодля. Пер. съ нѣмецкаго Александра Острогорскаго. Ц. 20 к.
  - 8) **Внушеніе и воспитаніе.** Ф. Тома. Перев. съ франц. Е. Максимовой. Ц. 20 к.
  - 9) **Объ утомленіи глаза.** Д-ра медицины. *Р. Каца.* Съ 2 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к.
  - 10) **Исторія первобытнаго человѣчества.** М. Гернеса пер. съ нѣм., съ пред. и примѣч. Н. Березина, съ 45 рис. Ц. 50 к.
  - 11) **Исторія человѣческой культуры.** І. Гонеггера, пер. съ нѣм. М. Чепинской. Ц. 60 к.
  - 12) **Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе.** Проф. Г. Геффдинга пер. съ нѣм. М. Эльциной ц. 20 коп. (съ портрет.).
- Вписывающіе изъ редакціи (Спб. Басковъ пер., 22)
за пересылку не платятъ.
-

Еженедѣльная медицинская газета

„ВРАЧЪ“

посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, будетъ выходить и въ будущемъ 1897 году подъ той-же редакціею и по той-же программѣ, какъ и въ истекающемъ году.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора Вячеслава Авксентьевича Манаскина (Петербургъ, Симбирская, д. 12. кв. 6).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 мѣсяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы—Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней же исключительно слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относительно смысла гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, неполученныхъ ЛЕЖЕ и т. д.).

Un Numéro spécimen
sur demande

REVUE DES REVUES

Un numéro spécimen
sur demande

REVUE D'EUROPE ET D'AMÉRIQUE

Au prix de 14 fr. en France et de 18 fr. à l'étranger (ou en envoyant par lettre 7 roubles, on a un abonnement d'Un an pour la REVUE DES REVUES, richement illustrée.

„Avec elle, on sait tout de suite“ (Alex. Dumas fils), car „la REVUE DES REVUES est extrêmement bien faite et constitue une des lectures des plus intéressantes, des plus passionnantes et des plus amusantes“ (Francisque Sarcey); rien n'est plus utile que ce résumé de l'esprit humain“ (E. Zola); elle a conquis une situation brillante et prépondérante parmi les grandes revues françaises et étrangères“ (Les Débats), etc.

La REVUE paraît le 1-er et le 15 de chaque mois, publie des articles inédits signés par les plus grands noms français et étrangers, les meilleurs articles des Revues du monde entier, etc., etc.

La collection annuelle de la REVUE forme une vraie encyclopédie de 4 gros volumes, ornés d'environ 1500 gravures et contenant plus 400 articles, études nouvelles, romans, etc.

La REVUE offre de NOMBREUSES PRIMES à ses abonnés.

On s'abonne sans frais dans tous les bureaux de poste de la France et le l'étranger chez tous les principaux libraires du monde et dans les bureaux de la Revue. Rédaction et Administration: 12 Avenue de l'Opéra PARIS.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Издание О. Н. ПОПОВОЙ
ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ

„**НОВОЕ СЛОВО**“

2-ой годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, „НОВОЕ СЛОВО“ поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на ЗАПРОСЫ И НУЖДЫ ПРОВИНЦІИ, съ которою желательна ЖИВАЯ СВЯЗЬ. Поэтому редація заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно БОЛЬШАГО ЧИСЛА МѢСТЪ свидѣній по всемъ вопросамъ и отраслямъ МѢСТНОЙ ЖИЗНИ. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналъ будутъ помѣщаться еще „ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ“.

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, мы желаемъ обратить серьезное вниманіе на европейскую литературу, науку и жизнь.

Въ журналъ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, И. А. Бунинъ, В. В., М. Горькій, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Максимовъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, В. А. Поссе, И. Н. Потапенко, А. С. Пругавинъ, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, проф. К. Тимирязевъ, Ант. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.), проф. В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ который начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого ГОДОВАЯ ПОДПИСКА НА „НОВОЕ СЛОВО“ ПРИНИМАЕТСЯ

съ 1-го октября 1896 года по 1-ое октября 1897 года.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р.	—	к.
» » » » полгода	5	»	—
» » » » три мѣсяца	2	»	50
» » безъ пересылки на годъ	9	»	—
» » съ перес. за границу на годъ	12	»	—

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ, пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій О. Н. Поповой, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій по подпискѣ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Спасская ул. (уг. Надеждинской) д. № 15, кв. № 1. ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 54, „Библиотека Черкесова“.

МОСКВА: отдѣленіе конторы журнала „НОВОЕ СЛОВО“, книжный магазинъ „ТРУДЪ“, Тверская, д. Спиридонова.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Книжные магазины при полной годовой подписной платѣ, пользуются уступкой 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціального читателя.

Лида, выписывающія изданія О. Н. ПОПОВОЙ черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе, ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ, исключая сочиненій Н. А. ДОБРОЛЮБОВА и изданій по подпискѣ, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію. КАТАЛОГЪ ИЗДАНІЙ по требованію высылается БЕЗПЛАТНО. Новый каталогъ выйдетъ въ сентябрѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ТОРГОВУЮ ГАЗЕТУ

ОРЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

СЪ ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ ВЪ ОРЛѢ И ПРИБЫТКОМЪ ВЪ ДР. ГОРОДА
НА ГОДЪ—7 РУБ.,

11 мѣс.—6 р. 50 к., 10 мѣс.—6 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., 8 мѣс.—5 р., 7 мѣс.—4 р. 50 к., 6 мѣс.—4 р., 5 мѣс.—3 р. 50 к., 4 мѣс.—3 р., 3 мѣс.—2 р. 40 к., 2 мѣс.—1 р. 70 к., 1 мѣс.—90 к., 1/2 мѣс.—50 к.

Для УДОБСТВА ПОДПИСЧИКОВЪ подписка принимается и съ РАЗСРОЧКОЙ, съ платою не менѣе какъ въ мѣсяць 1 р., до выплаты всей суммы, причемъ высылка газеты прекращается въ соответственный взносъ срокъ.

Для ознакомленія—№№ газеты высылаются бесплатно.

Подписка принимается только только съ 1 числа мѣсяца. За переимѣну адреса иногородніе уплачиваютъ 25 к., причемъ необходимо сообщать прежній адресъ. Копійки могутъ быть высылаемы марками.

Плата за объявленія: за каждую строку пегита въ 35 буквъ, въ одинъ столбець, или за занимаемое строкой мѣсто, позади текста, въ первый разъ уплачивается 10 к и въ слѣдующіе разы 5 к. за строку. На первой страницѣ, впереди текста, плата вдвое дороже. За объявленія, печатаемыя отъ 20 до 100 разъ, дѣлается уступка отъ 10% до 40%. За объявленія, не менѣе 100—150 разъ,—уступка 50%.

За разсылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, каталоговъ, прейсъ-журналовъ и проч. 5 р. съ 1000 экз., или по 50 к. со 100 экз.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
(ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗД.).

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Научно-популярный журналъ, предназначенный для родителей и воспитателей,

имѣющій цѣлю—распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи вопросовъ воспитанія въ семьѣ и школѣ, по слѣдующей программѣ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи.—2) Критика и библиографія.—3) Мелкія сообщенія (рефераты).—4) Хроника.—5) Приложенія—литературно педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д.—6) Объявленія. Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Пров. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ первые и послѣдніе мѣсяцы года; въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выходитъ не будетъ).

ПОПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., полгода 3 р.; съ пересылкой за границу въ годъ 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей плата съ пописной цѣны уменьшается на 1 р.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 г. продаются по 2 руб. за годъ и по 3 руб. съ пересылкой.

Контора редакціи ПЕРЕВЕДЕНА на Арбатъ, Старо-Конюшенный пер. д. Михайлова и открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, съ 12 час. до 3 ч. дня. Личныя объясненія съ редакторомъ по вторникамъ и пятницамъ съ 2-хъ до 3-хъ час.

Подписка и объявленія принимаются; въ конторѣ редакціи и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просить обращаться прямо въ редакцію журнала.

За Редактора д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

За Издателя наследники Е. А. Понровскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

„НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“

ПОСВЯЩЕННОЕ ВОПРОСАМЪ ВОСПИТАНІЯ
(ГОДЪ ИЗДАНІЯ 4-й).

Изданіе „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“ выходитъ 9 разъ въ годъ (кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ) книжками отъ 2½ до 3 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

Подписная цѣна: на педагогическое изданіе „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“: на годъ съ доставкой и пересылкой въ Россію 3 руб.; загранич. 5 руб. Подписчики дѣтскаго иллюстрированнаго журнала „ДРУШЕЧКА“ платятъ вмѣсто ТРЕХЪ руб. ДВА руб.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просить исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“
въ 1897 году.

Редакція „НИЖЕГОРОДСКАГО ЛИСТКА“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ ежедневно, въ размѣрѣ полного листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе отдѣлы:

1) Телеграммы, общія и торговыя. 2) Правительственныя распоряженія. 3) Извѣстія изъ столицъ. 4) Статьи по мѣстнымъ и общимъ вопросамъ. 5) Обзорніе газетъ и журналовъ. 6) Мѣстная хроника. 7) Театръ и музыка. 8) Маленькій фельетонъ. 9) Корреспонденціи. 10) Внутреннія извѣстія. 11) Хроника провинціальной жизни. 12) Внѣшнія извѣстія. 13) Судебная хроника. 14) Смѣсь. 15) Торговый отдѣлъ: нижегородская биржа и рынокъ, торговыя корреспонденціи изъ столицъ и городовъ Поволжья, армарочная биржа. 16) Фельетонъ: стихи, рассказы, повѣсти, очерки оригинальные и переводные, научный, литературно-критическій, обзоры европейской жизни, изъ мѣстной и поволжской жизни и проч.

ВЪ НИЖЕГОРОДСКОМЪ ЛИСТКѢ принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, А. И. Богдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ, (Н. Г. Михайловскій), В. А. Гольцевъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, А. Д. Мысовская, М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), К. М. Станюковичъ, В. Е. Чехинъ, Е. Н. Чириковъ (Е. Валинъ), А. А. Штевенъ и мн. друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ ИНОГОРОДНЯХЪ:

на годъ—7 р., на $\frac{1}{2}$ года—3 р., 50 к., на 3 мѣс.—2 р.,
на 1 мѣс.—1 р.

Новые подписчики, внесшіе сполна годовую плату за 1897 г. до декабря мѣсяца текущаго года, получаютъ газету, по примѣру прежнихъ лѣтъ, съ 1-го декабря.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. ВЪ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ—въ главной конторѣ „Нижегородскаго листка“ Большая Покровка, д. Приспѣшниковъ.
2. ВЪ МОСКВѢ—въ отдѣленіи конторы Нижегородскаго Листка при конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.
3. ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ—въ конторахъ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

годъ XII.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ XII.

НА

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

НА 1897 ГОДЪ

ГАЗЕТУ ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ—
выходящую е ж е д н е в н о, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ 9 руб., 6 мѣс. 4 руб. 50 коп., 3 мѣс. 2 руб.
25 коп. и 1 мѣс. 75 коп.

Подписка принимается только въ Томскѣ—въ конторѣ
редакціи.

„Сибирскій Вѣстникъ“ заключаетъ въ себѣ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I) Передовыя статьи (по вопросамъ внутренней политики и злобамъ дня, преимущественно касающимся Сибири). II. Статьи (по вопросамъ экономіи, права и педагогій). III. Мѣстная хроника (отчеты о засѣданіяхъ мѣстной томской думы, сословныхъ и другихъ обществъ, извѣстія о городскихъ происшествіяхъ, указанія на различныя явленія мѣстной жизни, театр и музыка. IV. Судебная хроника. V. Среди газетъ и журналовъ. VI. Корреспонденціи (преимущественно изъ городовъ и селеній Сибири). VII. Дѣйствія правительства (новыя узаконенія и дополненія прежнихъ, относящихся до Сибири). VIII. Внутренняя и заграничная хроника. IX. Фельетонъ. X. Библиографія. XI. Между прочимъ. XII. Справочныя свѣдѣнія и XIII. Объявленія.

Редакторъ-Издатель Г. В. Прејсманъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго университета

НА 1897 ГОДЪ.

ВЪ УЧЕНЫХЪ ЗАПИСКАХЪ помѣщаются:

I. ВЪ ОТДѢЛѢ НАУКЪ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей, сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. ВЪ ОТДѢЛѢ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФІИ: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появившихся въ Россіи и заграничней книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки.

III. УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛѢТОПИСЬ: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекціи и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣя преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

IV. ПРИЛОЖЕНИЯ: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложениями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **Ө. Мищенко.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

„ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ“

27-ОЙ ГОДЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЛѢСНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

Выходитъ шестью выпусками, въ общемъ объемѣ около 50 печатныхъ листовъ въ годъ.

Программа журнала: Правительственныя распоряженія.—Извѣстія о дѣятельности Лѣсныхъ Обществъ.—Статьи по всѣмъ отраслямъ лѣснаго хозяйства.—Научное обозрѣніе.—Хроника.—Библиографія.—Лѣсоторговья извѣстія.—Смѣсь.—Вопросы и отвѣты.—Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ ВЪ ГОДЪ, СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ.

Лѣсной Журналъ за прежніе годы можно приобрести въ редакціи: за 1872, 1876 и 1878 гг. по 3 руб. за годъ, а за отдѣльные номера по 50 коп. съ пересылкою; за 1873, 1874, 1875, 1877 и съ 1880 по 1894 гг., кромѣ 1889 г., по 2 руб. за годъ, а за отдѣльные же номера этихъ лѣтъ по 50 коп., съ пересылкою; за 1895 и 1896 гг. по 4 руб., а за отдѣльные номера по 1 руб., съ пересылкою. За годы 1871, 1879 и 1889 журнала въ продажѣ не имѣется.

ЗА НАПЕЧАТАНИЕ ОБЪЯВЛЕНІЙ взимается: за 1 страницу 6 руб., за $\frac{1}{2}$ страницы 3 руб. и за $\frac{1}{4}$ страницы 2 рубля за каждый разъ. При помѣщеніи объявленія не менѣе 5 разъ, дѣлается 10 проц. скидки. За разсылку при журналѣ объявленій взимается по 80 к. съ каждой сотни экземпляровъ, вѣсомъ не тяжелѣе 1 лота экземпляръ, а свыше 1 лота—по соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ С.-Петербургѣ въ Лѣсномъ Обществѣ (зданіе Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, у Синяго моста), а также у комиссіонера Лѣснаго Общества **А. Ф. Девріена** (Васил. Островъ, Румянцевская площадь, д. № 1—5) и въ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ столицы.

Редакторъ **Н. С. Нестеровъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ

„Естествознаніе и географія“

годъ 2-й изданія.

Выходитъ съ 1 января 1896 года, ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (юня—юля), книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посылно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. под.) и географіи, обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложения, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищныя совѣты высылать въ редакцію отчеты по училищному дѣлу.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. И. Анучинъ, И. Я. Акинфиевъ, О. А. Аникіевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, проф. А. О. Брандтъ, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, проф. С. П. Глазенакъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенинъ, проф. В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Л. Н. Елагинъ, В. Е. Жадовскій, проф. В. В. Зеленскій, проф. Н. Ю. Зографъ, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. О. Кащенко, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, А. Д. Каридкій, проф. А. Н. Красновъ, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Мендельсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, Г. А. Надсонъ, проф. А. М. Никольскій, К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, проф. В. И. Паладинъ, проф. А. П. Павловъ, проф. Э. Ю. Петри, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, И. А. Рубакинъ, проф. В. В. Саножииковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, В. И. Талевъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. Цѣна на годъ безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкою 4 руб. 50 коп.; на полгода съ пересылкою и доставкой 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова (Кузнецкій Мостъ) Н. П. Карбасникова (Моховая) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ Москвы; для иногороднихъ подписчиковъ—въ конторѣ редакціи (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. № 2).

Редакторъ-Издатель М. И. Варшава.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА ДѢТСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИГРУШЕЧКА“

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 18-й.

Журналъ „ИГРУШЕЧКА“ допущенъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, къ приобретенію въ бібліотеки.

Въ журналѣ помѣщаются научныя статьи изъ жизни и природъ, разсказы историческіе и бытовые, путешествія, стихотворенія, сказки біографіи великихъ людей, описаніе ремеслъ, шарады и проч. Текстъ, иллюстрируется художественными рисунками.

ВЪ КАЖДОЙ КНИЖКѢ даются французскіе и нѣмецкіе разсказы съ подстрочнымъ переводомъ и указатель, приспособленный къ практическому самообученію этимъ языкамъ.

Въ 1897 г. ВЪ ВИДѢ ДАРОВОГО ПРИЛОЖЕНІЯ къ „ИГРУШЕЧКѢ“, будутъ разсланы шесть иллюстрированныхъ миниатюрныхъ томиковъ посвященныхъ популярнымъ бесѣдамъ по природовѣдѣнію. Въ 1897 г. эти книжечки будутъ составлены приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго Университета Ю. Н. Вагнеромъ и будутъ содержать въ себѣ разсказы о четырехъ стихіяхъ—водѣ, огнѣ, землѣ и воздухѣ и о жизни и дѣятельности на землѣ мельчайшихъ животныхъ и растений.

При журналѣ „ИГРУШЕЧКА“ существуетъ особый отдѣлъ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“

(До 8-ми-лѣтняго возраста).

Особой подписки на отдѣлъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ нѣтъ.

Подписчики „ИГРУШЕЧКИ“ съ отдѣломъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“, кромѣ шести книжечекъ получаютъ особое приложеніе, приуроченное къ этому возрасту.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„ИГРУШЕЧКА“ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 3 р., заграницей 5 р., „ИГРУШЕЧКА“ съ отдѣломъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 5 р. заграницей 7 р. „ИГРУШЕЧКА“ съ педагогическимъ изданіемъ „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 5 р., заграницей 7 р. „ИГРУШЕЧКА“ съ отдѣломъ „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“, приложеніями и съ изданіемъ „НА ПОМОЩЬ МАТЕРЯМЪ“ съ пересылкой и доставкой въ Россіи 7 р. заграницей 9 р.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Фурштатская ул., д. 44, куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Редакторъ-издательница А. Н. Пѣшкова-Толивірова.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1897 года.

Программа журнала заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

- I. Указанія и распоряженія правительства.
- II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.
- III. Пирекулярныя распоряженія Министра Юстиціи.
- IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше учрежденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.
- V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи, преимущественно въ области судоустройства, уголовного права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
- VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
- VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библиографическій указатель юридической литературы русской и иностранной.
- VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.
- IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васильковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, вн. В. А. Болонскаго, А. К. Вульфберта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ф. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ф. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Пфлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ф. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Бороновскаго, В. П. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, Н. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, И. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минилова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимаповскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Тругубова, Н. А. Тура, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, вн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ назначенъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ cadaго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ cadaго года.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣднія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 коп., и за строчку и 8 руб. за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ф. Дерюжинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

на новую большую ежедневную газету Калужско-Тульскаго края

„Калужскій Вѣстникъ“.

Въ наступающемъ новомъ 1897 году газета „Калужскій Вѣстникъ“ не измѣнилъ принятаго ею направленія, значительно расширилъ нѣкоторые отдѣлы своей программы—научный, общественной жизни, желѣзно-дорожный, сельско-хозяйственный и литературный.

Стоя внѣ всякихъ партій, личныхъ счетовъ и интересовъ, „Калужскій Вѣстникъ“, насколько въ этомъ убѣдились наши читатели, бодро идетъ впередъ дорогою правды и культуры. Редакція сознаетъ, что только этимъ путемъ она можетъ достигнуть намѣченныхъ ею цѣлей; только говоря правду, не замалчивая неприятныхъ вещей, освѣщая отрицательныя явленія нашей жизни, и можно сослужить службу родному краю. Девизъ нашъ: „Царю правда—лучшій слуга“ по прежнему будетъ нашею путеводною звѣздой.

На сколько показало короткое время существованія „Калужскаго Вѣстника“, читатель оцѣнилъ наши скромные труды по изданію газеты: послѣдняя, начиная съ половины октября, уже начала печататься въ 1200 экземплярахъ.

Такой успѣхъ „Калужскаго Вѣстника“ даетъ намъ возможность съ 1 ноября увеличить составъ редакціонныхъ сотрудниковъ и поднять техническую сторону газеты. Редакція ставитъ себѣ цѣлью, чтобы „Калужскій Вѣстникъ“ былъ дѣйствительно опрятною провинціальною газетою, съ серьезнымъ направленіемъ и чистымъ литературнымъ матеріаломъ.

Условія подписки на „КАЛУЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Съ доставкой и пересылкой: На 12 м. 6 р., на 11 м. 5 р. 75 к., на 10 м. 5 р. 50 к., на 9 м. 5 р. 25 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 р. 50 к., 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Безъ доставки и пересылки: на 12 м. 5 р., на 11 м. 4 р. 75 к., на 10 м. 4 р. 50 к., на 9 м. 4 р. 25 к., на 8 м. 4 р. на 7 м. 3 р. 50 к., на 6 м. 3 р., на 5 м. 2 р. 75 к., на 4 м. 2 р. 50 к., на 3 м. 2 р., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 75 к.

Г.г. новые годовые подписчики, подписавшіеся въ ноябрѣ мѣсяцѣ и внесшіе всю подписную сумму, будутъ получать „Калужскій Вѣстникъ“ въ теченіе декабря 1896 г. бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ г. Калугѣ, въ главной конторѣ редакціи, Никольская ул., д. Халютинной, въ г. Москвѣ; въ конторѣ объявленій Печковской, Петровскія линіи, въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Мясницкая, д. Придонова, въ С.-Петербургѣ; въ конторѣ объявленій торговаго дома Метцль, Большая Морская, 11; въ г. Тулѣ; въ книжныхъ магазинахъ Бѣлобородовой и Пузырева, а также въ конторѣ „Тулскаго листка Объявленій“.

ТАРИФЪ ЗА ПОМѢЩЕНІЕ ОБЪЯВЛЕНІЙ:

На послѣдней страницѣ, послѣ текста; За одинъ разъ 10 коп. со строки мелкаго шрифта (петита), за два и три раза 8 коп., болѣе трехъ разъ—5 коп., болѣе трехъ мѣсяцевъ—3 коп. Плата за объявленія, помѣщаемыя на первой страницѣ, передъ текстомъ, вдвое.

За рассылку при газетѣ отдѣльныхъ объявленій, прейсъ-курантовъ и т. п., вѣсомъ не болѣе 2-хъ лотовъ, взимается по 20 руб. за каждую тысячу экземпляровъ.

Издательница М. Н. Лашманова.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ:

На журналъ

„Читальня народной школы“

дупущенный Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и признанный **ВЕСЬМА ЖЕЛАТЕЛЬНОМЪ** для ученическихъ библиотекъ городскихъ училищъ, народныхъ училищъ, а также для бесплатныхъ читаленъ. Удостоенъ **ПОХВАЛЬНАГО ОТЗЫВА** на первой всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла.

(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„Читальня народной школы“ назначается для грамотныхъ крестьянъ и для учениковъ народныхъ школъ.

„Читальня народной школы“ выходитъ и рассылается подписчикамъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, при чемъ № состоитъ изъ отдѣльныхъ книжечекъ (обыкновенно трехъ), вложенныхъ въ общую обложку. Такого порядка даетъ возможность пользоваться книжками „Читальни“ многимъ лицамъ за разъ. Въ общей сложности „Читальня“ даетъ ежегодно отъ 75 до 90 печатныхъ листовъ, т. е. отъ 1200 до 1500 страницъ. Многія книжки украшены рисунками.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ пересылкой и доставкой на годъ 3 рубля; на шесть мѣсяцевъ 1 руб. 50 коп.; на три мѣсяца 75 коп., и на два мѣсяца 50 коп.

Подписныя деньги и письма слѣдуетъ адресовать:

Въ контору „ЧИТАЛЬНИ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 106, пр. „Русскомъ книжномъ магазинѣ“ Н. Н. Морева. Немногіе оставшіеся экземпляры „Читальни“ за года 1890, 91, 92, 94 и 95 продаются въ Конторѣ по 3 руб. за годъ съ пересылкою, а за 1893 годъ (6 книжекъ) по 1 р. 50 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г.

на

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„Восточное Обозрѣніе“ издается ТРИ РАЗА въ недѣлю.

Въ остальные дни выпускаются БЮЛЛЕТЕНИ Россійск. Телегр. Агент.

Программа газеты.

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстъ газеты или отдѣльными бюллетенями. 2) Отдѣлъ официальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востоцѣ и заграницей. 4) Обзоръ русской обществен. и провинц. жизни. Хроника событій на окраинахъ. 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азиатскихъ странъ. 6) Корреспонденціи изъ Европ. Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азиатск. государствъ. 7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востоцѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности. 8) Литерат. обозрѣніе—критика и библиографія, особенно сочиненій объ Азій. Извлечения и переводы. 9) Изыщная литерат. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія. 10) Фельетонъ. 11) Судебная хроника. 12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азиатской торговли на европейскихъ и азиатскихъ рынкахъ. 13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ: въ Россіи за годъ—8 р., полгода—5 р., три мѣсяца—3 р. и за одинъ мѣсяць 1 р.; за границу за годъ—11 р., полгода—6 р. 50 к., три мѣс.—3 р. 75 к., на одинъ мѣсяць—1 р. 40 к. Газета съ приложениями за годъ: въ Россіи 10 р., за границу 14 р. За ежедневные бюллетени особо доплачивается 3 руб. Объявленія по 10 коп. за строчку петита на 4-й стр. и 20 на 1-й.

АДРЕСЪ: ИРКУТСКЪ, Редакція газеты „Восточное Обозрѣніе“.
Издатель-Редакторъ И. И. ПОПОВЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

мы имѣемъ своихъ специальныхъ корреспондентовъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Парижѣ—Имя-рекъ (псевдонимъ) въ Лондонѣ—Аб—зъ въ Мюнхенѣ, въ Берлинѣ—С—въ, въ Саяъ-Франциско, въ Чикаго. Редакціей приглашенъ также специальный корреспондентъ съ Дальняго Востока. Въ настоящее время ожидается появленіе во Франціи новаго романа А. Доде, который тотчасъ-же начнется печатаніемъ и въ нашей газетѣ. Редакція и впредь будетъ продолжать улучшение газеты въ томъ-же духѣ и на правленіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Въ Одессѣ безъ доставки: На годъ 8 р., съ доставкой: 9 р.; съ пересылкой въ другіе города: на годъ 10 р.

За-границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 к. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается РАЗСРОЧКА во взносъ подписной платы для иногородныхъ: при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 5 р.; для городскихъ—при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 4 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ ОДЕССѢ,

Въ Главной Конторѣ, на Дерibasовской ул., въ д. Греческаго училища.

Редакторъ-Издатель А. П. СТАРКОВЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г. на политическо-обществен. и литератур. газету „Енисей“ ВЫХОДИТЬ въ Красноярскѣ три раза въ недѣлю.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1. Телеграммы, 2. Отдѣлъ официальный, 3. Передовыя статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири, 5. Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка. 6. Политическія извѣстія. 7. Корреспонденція. 8. Научный отдѣлъ. 9. Литературное обозрѣніе. 10. Фельетонъ. 11. Судебная хроника. 12. Смѣсь. 14. Справочный отдѣлъ. 15. Объявленія.

Подписная цѣна, съ доставкой и пересылкой на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб. 50 к., на одинъ мѣсяцъ 1 руб.

Подписка принимается въ Красноярскѣ, въ конторѣ редакціи „Енисей“, собственный домъ, Воскресенская ул.

Редакторъ-издатель Е. Кудрявцевъ.

Открыта подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. В. Михайловской и Вл. Г. Короленко.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.;
безъ доставки въ Петербургъ и Москвѣ 8 р.; за границу 12 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*Бассейная ул., 10*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія ворота,
д. Галарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой: при подпискѣ 5 р. и въ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., въ 1-му апрѣля 3 р. и въ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается;

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книжкѣ журнала на первыхъ страницахъ.

Редакторы: П. Быковъ, С. Половъ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ <НОВАГО ВРЕМЕНИ>

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ НОЯБРЬ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 39-й.

Абрамовъ, Я. Наслѣдство и раздѣлъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Аленсандровъ, В. Руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ при сельскихъ училищахъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Аргамановъ, А. Мысли о современномъ и будущемъ воспитаніи и обученіи. Полоцкъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Арменниковъ, И. Уроки начальной ариеметики. Методическое руководство для учителей начальныхъ училищъ и воспитанниковъ учительскихъ семинарій. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Ахшарумовъ, Н. Чужое имя. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Багалъй, Д. (проф.). Украинская старина. Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры. Т. I. Харьковъ. 1891 г. Ц. 1 р.

Балластъ, М. Винодѣліе въ Россіи. (Историко-статистическій очеркъ). Ч. Западное Закавказье. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бальмонтъ, И. Въ безбрежности. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Барацъ, С. Задачи вексельной реформы въ Россіи. (По поводу проекта устава вексельнаго 1893 г.). Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Басиановъ, В. Нефтяное отопленіе жилыхъ зданій (безъ форсунокъ). Шестилѣтній опытъ примѣненія нефти, какъ дешеваго и удобнаго топлива, къ потребностямъ домоводства, сельскаго хозяйства и техники. Съ 12 черт. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бенетовъ, М. Приключенія Робинзона Крузо. Съ крашен. рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бенетовъ, А. Учебникъ ботаники. Органографія съ терминологіею, морфологіей систематика сѣменныхъ растений. Съ 267 рис. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Бенкерледнъ, О. Полярископъ и его изготвленіе. М. 1896 г. Ц. 40 к.

Бэллагъ, И. Музыка съ социологической точки зрѣнія («Международная Библиотека», № 45). Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Бѣлусовъ, П. Къ вопросу о современномъ положеніи и ближайшихъ задачахъ ассени-

заці русскихъ городовъ. Матеріалы по общественной гигиенѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бэръ, Поль. Охотничьи рассказы. Для дѣтей средняго возраста. Перев. О. Мижусовой. Рисунки скомпанованы, Т. Никитинымъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Березинъ-Ширяевъ, Я. Обзоръ книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, гравюръ и портретовъ русскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ, находящихся въ моей библиотекѣ, или окончательные матеріалы для библиографіи. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Березовъ, Ф. Ящуръ (язычница, рыльнокопытная или автозная болѣзнь). Съ таблицей хромофотографированныхъ рисунковъ художн. А. Д. Стрембицкаго. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Библиофилъ. Русско-польскія отношенія. Нѣкоторыя замѣчательныя по этому предмету мысли, слова, рѣчи, размышленія и разсужденія. Вильна. 1896 г. Ц. 75 к.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома или жизнь среди рабовъ. Перев. Е. Ландина. Изд. 3-е. Съ 80 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Боголюбовъ, М. Десять публичныхъ лекцій по индивидуальной гигиенѣ. М. 1896 г. Ц. 50 к.

Бонкачио, Дниованни. Декамеронъ. Перев. А. Веселовскаго. Съ иллюстраціями франц. художниковъ. 2 т. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 10 р.

Болотовъ. Практическія указанія къ чтенію, ориентированію плановъ, производство военно-глазобѣрной съемки и рекогносцировки. Съ чертежами. Для завѣдующихъ развѣдчиками въ кавалеріи (приказъ 1896 г., № 216). Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Ботаническія записки, изданы проф. А. Венетовымъ и проф. Хр. Губы. Вып. XIII. (Т. VI). Съ 7 табл. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Будимцевъ, Ал. Степные волки. Рассказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Бучинскій, И. Начальная русская грамматика. Для приготовительнаго и 1-го классовъ средне-учебн. заведеній и для низшихъ училищъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. М. 1897 г. Ц. 35 к.

Вагнеръ, И. Мужество, какъ идеаль дѣя-

тельности жизни. Одобрено французским министерством народного просвещения. Переведя съ 11-го франц. изданія С. Леонтьева. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Васильевъ, А. Историческій очеркъ русскаго образования въ Тургайской области и современное его состояние. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 2 р.

— О киргизскомъ языкѣ и его транскрипція. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 10 к.

— П. Сиротка. Сцены изъ народнаго быта. Изд. 4-е. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Васюновъ, С. Очерки и рассказы. Изд. 2-е, значительно дополненное. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1703—1893 г.). Изданіе Г. В. Юдина. Вып. VIII. Антрациты—Арсеній. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Вѣстникъ трезвости. Полезное пособие для духовенства, школы, войска и для народа въ борьбѣ съ пьянствомъ. Подъ редакціей врача Н. И. Григорьева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Вольвачина Маруся. Писни и размова. Харьковъ. 1896 г. Ц. 15 к.

Вольногорскій, П. Цвѣтовъ «страстей Христовыхъ». М. 1896 г. Ц. 25 к.

Вольтеръ. Вавилонская принцесса. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Вся Вильна за одинъ рубль. Полная адресная книга города Вильны. Вильна. 1896 г. Ц. 1 р.

Вундтъ, В. Очеркъ психологіи. Перев. съ нѣм. Г. А. Паперна. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Гауптманъ, Э. Стрѣлочникъ Тиль. — Апостолъ. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Гельмгольцъ, О зрѣніи. Съ рис. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Гоголь-Яновскій, Г. Виноградники и винодѣліе во Франціи и Германіи. Тифлисъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Голицинъ, Дм. (князь) (Муравинъ). Не убій. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Гоминьскій, Э. Англійско-русскій карманный словарь. Кіевъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Горбачевскій, Л. Новый и полный самоучитель польскаго языка. Учебникъ для самостоятельнаго и скорого изученія читать, писать и говорить попольски. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Горневичъ, Л. Латинская грамматика для русскіхъ гимназій. Харьковъ. 1896 г. Ц. 75 к.

Грановскій, Т. М., и его переписка. 2 т. М. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Греевъ, Г. Общественный прогрессъ и регрессъ. Перев. съ франц. Г. Паперна. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Григорова, Е. Т. Г. Шевченко. Биографія для юношества. Съ 4 рис. К. А. Трутовскаго. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Григорьевъ, Д. Смыслъ жизни въ твореніи. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Гусевъ, А. Уставъ о гербовомъ сборѣ и алфавитный перечень актовъ, документовъ и другихъ бумагъ, подлежащихъ гербовому сбору и отъ сего сбора изъятыхъ. Изд. 8-е. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Гойо, Ж. Избранныя мысли, извлеченныя изъ полнаго собранія его сочиненій, чле-

номъ французской академіи А. Фулье. Съ дополн., предисл. и примѣчан. Л. Оболенскаго. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Дворянскій календарь на 1897 г. Изданіе Н. В. Шапошникова. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Демантъ, В. Алфавитный сборникъ законоположеній и распоряженій, помѣщенныхъ въ циркулярахъ по С.-Петербургскому учебному округу за время съ 1883 по 1893 г. включительно. Съ приложеніемъ хронологическаго указателя. Спб. 1896 г. Ц. 7 р.

Дмитревскій, Д. Латиняне въ Святой землѣ. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

— Протестаны въ Святой землѣ. Спб., 1896 г. Ц. 15 к.

Добровольскій, В. (проф.). Маленькая ботаника. Подробный описанія обыкновеннѣйшихъ растений. Съ 121 черными и 80 хромолитографич. рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 70 к.

Догоновичъ, А. Въ кругу дѣтей. Разказы для дѣтскаго чтенія. Рисунки П. Литвенко. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Додъ, А. Натурщица. Съ иллюстр. и портретомъ автора. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Достоевскій, Ф. Записки изъ мертваго дома. Изд. 13-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

* Дрезденская картинная галерея. Тевтъ Германа Люке. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. И. Сомова. Вып. I. Съ фотографіями. Ц. по подпискѣ на все сочиненіе 60 рубл., допускается разсрочка.

Дубенскій, Дм. Конскія породы, табуны и заводы Кавказа, ихъ прошлое и настоящее. Съ подробными таблицами распредѣленія конскаго населенія въ странѣ и карту. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Евдоимовъ (полю.). О казенныхъ денежныхъ взысканіяхъ и претензіяхъ по военному вѣдомству. Спб. 1896 г. Ц. 85 к.

Езюрскій, О. Желѣзнодорожные тарифы по перевозкѣ хлѣба. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Елеоскій, М. Описание Святой Земли. 1-е чтеніе. Общее понятіе о Святой Землѣ.— 2-е чтеніе. Горы Святой Земли. Ч. I.— 3-е чтеніе. Горы Святой Земли. Ч. II.— 4-е чтеніе. Равнины Святой Земли. — 5-е чтеніе. Долины и пустыни Святой Земли. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. каждого чтенія 15 к.

Елмъевъ, А. По блѣду свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ Стараго свѣта. Съ иллюстрац. художн. В. П. Овсянникова, А. Писемскаго и друг. Т. III. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Жигаревъ, С. Русская политика въ восточномъ вопросѣ. Ея исторія въ XVI—XIX в., критическая оцѣнка и будущія задачи. Историко-юридическіе очерки. 2 т. М. 1896 г. Ц. каждого тома 2 р. 50 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Шекспиръ, его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ П. Иванова.— Иосифъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Очеркъ Н. Минскаго. Съ портретами. Ц. по 25 к. каждая биографія.

Житновъ, С. (инжен.). Правила составленія сметъ, производства работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщенія. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

- Журналъ юридическаго общества. Ноябрь. 1896 г. Ц. 2 р.
- Заваринъ, Е. Лекціи по молочному хозяйству и скотоводству. М. 1896 г. Ц. 75 к.
- Законы гражданскаго, т. X., ч. I. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Законы о раскольникахъ и сектантахъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Залшупинъ, А. Вопросы банковской политики. Къ реформѣ денежнаго обращенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Записная книга на 1897 г. К. Л. Ривкера. Ц. 60 к., 75 к., 80 к., 1 р., 1 р. 5 к., 1 р. 10 к., 1 р. 20 к., 1 р. 30 к., 1 р. 50 к., 1 р. 80 к., 2 р., 2 р. 20 к.
- Золотаревъ, А. Половая нечистота. Возлѣзніи, приписываемыя половому воздержанію. Для родителей и воспитателей. М. 1896 г. Ц. 25 к.
- Зудерманъ, Г. Рассказы вкстати. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- Зусманъ, А. Утилизациа нечистотъ съ сельско-хозяйственной цѣлью. Фекалии и ключевныя воды. Одесса. 1896 г.
- Ивановъ, Н. Средневѣковая деревня и ея обитатели. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.
- Игнатовъ, Н. Новый путеводитель по жел. дор. и пароходн. путямъ Россіи. Зимнее движеніе. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Историческій очеркъ уральскихъ горныхъ заводовъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Комаровскій, Л. (графъ, проф.). Восточный вопросъ. М. 1896 г. Ц. 25 к.
- Машнадамовъ, В. Курскія желѣзисто-щелочныя воды доктора Стезева. Курскъ. 1896 г. Ц. 40 к.
- Кіевъ и университетъ св. Владиміра при императорѣ Николаѣ I (1825—1855 гг.). Съ 16 свѣтопечатями и 2 цинкографіями. Кіевъ. 1896 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Клеймъ, С. Володѣтченіе. Перев. врачъ Богословскій. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Кляръ. Ретушь фотографическихъ негативовъ. Перев. съ франц. М. 1896 г. Ц. 60 к.
- «Книжный Вѣстникъ» № 8. Ц. 30 к.
- Ковалевскій, П. (проф.). Судебная общая психо-патологія. Варшава. 1896 г. Ц. 1 р.
- Коржинскій, С. Очерки растительности Туркестана. I—III. Закаспійская область, Фергана и Алай. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Коринфскій, Ал. На ранней зорькѣ. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Съ рис. Н. Н. Каразина, Н. Богданова и др. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Кормовыя растения. Альбомъ сельско-хозяйственный. Приложение къ журналу «Хозяинъ». Ц. 4 р.
- Сестropolis. Revue internationale. Novembre. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Корсаковъ, В. Амбаръ—инвентарный сараи. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Котельниковъ, В. О свиновосныхъ угодьяхъ и травосѣянніи. Изд. 6-е, исправл. и дополненн. Съ рис. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.
- Красновъ, П. Казаки въ началѣ XIX вѣка. Историч. очеркъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Крашенинниковъ, М. Странный ученый, или какъ и кѣмъ иногда пишутся «ученыя» рецензіи. Отвѣтъ г. Фаддею Зѣлинскому. Юрьевъ. 1896 г. Ц. 1 р.
- Кругловъ, А. Все пріятель. Рассказы для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. М. 1896 г. Ц. 30 коп.
- Крюновъ, М. Приамурскій край на Всероссийской выставкѣ 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Съ 2 планами и 16 приложениями. Н.-Новгородъ. 1896 г. Ц. 50 к.
- Нѣсколько мыслей о земледользованіи, какъ фундаментѣ сельскаго хозяйства. М. 1896 г. Ц. 20 к.
- Опытъ описанія земледользованія у крестьянъ-переселенцевъ Амурской и Приморской областей. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кугушевъ, А. (князь). Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кульчицкій, Н. Техника микроскопическаго изслѣдованія. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Курдюмовъ, Ю. Классификація гармоническихъ соединеній. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Мустарныя ремесла по Н. К. Рому. I. Токарное ремесло. Ц. 5 к. II. Столярное ремесло. Ц. 15 к. III. Выпиливаніе и рѣзба по дереву. Ц. 5 к. IV. Работы изъ сучьевъ.—Приготовленіе плетена изъ соломы и др. матеріаловъ.—Витыя веревки и шнурковъ. Ц. 5 к. V. Малирное дѣло.—Металлическія работы.—Плетеніе изъ проволоки.—Рѣшетя и сита.—Выдѣлка щетокъ и кистей.—Вставка стеколъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 10 к.
- Лабутинъ, І. Испушеніе Господа Нашего Иисуса Христа въ пустынѣ отъ дьявола. Съ рисунками. Спб. 1896 г. Ц. 7 к.
- Лависсъ, Эрн., и Рамбо, А. Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Т. I. Зачатки средневѣковаго строя. (395—1096). Переводъ В. Невѣдомскаго. М. 1897 г. Ц. 3 р.
- Лазаревскій, Ал. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Мааороссіи. Ч. III. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Ландцертъ, В. Спутникъ по Россіи. Зимнее движеніе 1896—1897 гг. Ц. 50 к.
- Лебедевъ, И. О самоубійствѣ съ медицинскою точки зрѣнія. Спб. 1897 г. Ц. 65 к.
- Лебединскій, П. Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель міра. М. 1896 г. Ц. 2 р.
- Лебединцевъ, Святитель Θεодосій Углицкій; архіепископъ черниговскій. Житіе его, чудеса. Съ портретомъ святителя. Кіевъ. 1897 г. Ц. 15 к.
- Левенфельдъ, Р. Гр. Л. Н. Толстой, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе. Перев. съ нѣм. М. 1897 г. Ц. 1 р.
- Ледебуръ, А. Металлургія чугуна, желѣза и стали. Со второго нѣмецк. изд. переведено подъ ред. проф. Н. А. Юсса. Т. I. Часть общая. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Лейкинъ, Н. Святство профессора. Романъ. Ефімъ и Катерина. Повѣсть. Изданіе 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.
- Лейно, К. Русская азбука. Уроки родной грамоты для класснаго и домашняго употребленія. Харьковъ. 1896 г. Ц. 8 к.
- Лѣсновъ, Н. Полное собраніе сочиненій въ 12 томахъ. Съ портретами и видомъ кабинета. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 15 р., въ перепл. 20 р.
- Линдеманъ, Н. Вредныя насѣкомыя. Сель-

ско-хозяйственный альбомъ. Приложение къ журналу «Хозяинъ». Ц. 4 р.

Лопаревъ, Хр. Самарово, село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминанія и материалы о его прошломъ. Съ картою, планомъ и шестью видами. Изд. 2-е, исправл. и дополненн. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Лухманова, М. Психологическіе очерки. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

— Короткіе романы. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. Любимовъ, Н. (проф.). История физики. Опыт изученія логики открытій въ ихъ истории. Часть третья. Физика въ XVII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Эпоха опыта и механической философіи. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Приваловскіе миллоны. Романъ въ 5 ч. М. 1897 г. Ц. 2 р.

Мариграфскій, А. Сборникъ статей по польскому вопросу. Вып. I. Современное политическое значеніе Галиціи. 2. Тайны латинско-польской пропаганды въ русскомъ Забужьѣ. Варшава. 1896 г. Ц. 80 к.

Материалы для истории и статистики желѣзной промышленности Россіи. Торговля на Нижегородской ярмаркѣ. Спб. 1896 г. Ц. 60 коп.

Материалы для истории и статистики желѣзной промышленности Россіи. Общій обзоръ желѣзной промышленности. Спб. 1896 г. Ц. 5 рублей.

Милль, Дн. Стюартъ. Представительное правленіе. Публицистическіе очерки. Перев. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Милоновъ, П. Очерки по русской культурѣ. Часть I. Населеніе, экономическій, государственный и сословный строй. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Миропольскій, С. Родныя картины. Избранныя стихотворенія и статьи. IV. Зима. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Моллиций, Фр. Новѣйшее пчеловодство. Съ 255 рис. Варшава. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Молчановъ, В. Краткій курсъ гигиены. Посobie для учащихся. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

Мышлаевскій, А. Петръ Великій. Война въ Финляндіи въ 1712—1714 годахъ. Спб. 1896 г.

Нейманъ-Спалларта, Ф. Протекціонизмъ и всемірное хозяйство. (Критика системы покровительственныхъ пошлинъ). Перев. съ нѣм. Одесса. 1896 г. Ц. 20 к.

Нимфоровскій, Н. Очерки престопаднаго житія-бытія въ Витебской Вѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности (этнографическія данныя). Витебскъ. 1895 г. Ц. 3 р.

Новое Слово. Журналъ научно-литературный и политическій. Октябрь. 1896 г. Ц. 1 р. По подпискѣ на годъ съ пересылкой 10 р.

Новый законъ о привилегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія, съ инструкціей министра финансовъ и о товарныхъ знакахъ, клеймахъ, этикетахъ и пр. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Образованіе. Педагогическій и научно-популярный журналъ, № 11. Ноябрь. Ц. 60 к. По подпискѣ на годъ съ доставкой 5 р.

Общедоступная техническая энциклопедія. Полное описаніе всѣхъ промысловъ и ремеселъ, а также международнаго общенія и міроваго хозяйства. Подъ ред. Н. Песоцкаго.

Въ 10 томахъ. Т. I. Вып. II и III. Спб. 1896 г. Ц. 80 к..

Овсяннико-Куликовскій, Д. Этюды о творчествѣ И. С. Тургенева. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Ольhoff, Л. Семь братьевъ и сестра. Пер. съ англ. О. Вутенева. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Онуфровиць, А. Приготовление консервовъ изъ плодовъ и ягодъ и производство плодовыхъ винъ. Съ 77 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Оренбургскій Неплюевскій кадетскій корпусъ, какъ первое учебное заведеніе въ исторіи русскаго образованія киргизовъ. А. В. Оренбургъ. 1896 г. Ц. 15 к.

Осининъ, И. Руководство для набора зубчатыхъ колесъ на товарныя станки при наръзкѣ винтовъ. Съ таблицами. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Островскій, А., и Соловьевъ, Н. Драматическія сочиненія. М. 1897 г. Ц. 3 р.

Пашиневичъ, И. Приготовление искусственныхъ минеральныхъ водъ, лимонадовъ, фруктовыхъ водъ и винъ, меда, кваса, кислыхъ щей, уксуса и кефира. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Перро, Ш. Волшебныя сказки. Съ 65 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Песоцкій, Н. Технический календарь на 1897 г. 2 части. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ (проф.). Кіевъ, его сватыня и памятники. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

Петрушевскій, Д. Общество и государство у Гомера. Опытъ исторической характеристики. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Письма преосвященнаго архіепископа Смарагда, бывшаго орловскаго, къ Иннокентію, архіепископу херсонскому. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Положеніе о привилегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія и правила о товарныхъ знакахъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Полный марманскій путеводитель. Зима и весна 1896—1797 года съ октября по май. Ц. 50 к.

Поповъ, А. Къ вопросу о русскомъ молочномъ скотѣ. Наблюденія и опыты надъ продуктивностью молочнаго стада за шестилѣтній періодъ (1889—1894 годовъ) при Едимоновской школѣ молочн. хозяйства. Подъ ред. и съ предислов. Н. В. Верещагина. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Популярная гигиена. (Общедоступное руководство здравоохраненія). Ф. Г. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Портгустъ, М. Начальное руководство къ самостоятельному изученію шахматной игры. Спб. 1897 г. 1 р. 25 к.

Правила и программы для испытанія на первый классный чинъ. Изд. 2-е. Варшава. 1895 г. Ц. 60 к.

Правила и каталогъ народныхъ чтеній. Спб. 1896 г. Ц. 5 к.

Проназы [малотонъ-гномовъ, Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Проскурановъ, Л. Исслѣдованіе значенія момента вѣдшихъ силъ отъ подвижныхъ грузовъ въ прямыхъ балкахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

— Расчетъ моста пролетомъ 35 саж., со-

ставленный по послѣднимъ требованіямъ М. П. С. съ 6 листахъ чертежей въ папѣхъ. Ц. 3 р. 50 к.

— Мостъ черезъ р. Енисей отв. 400 саж. Текстъ. Ц. 2 р. 23 листа чертежей въ папѣхъ. Ц. 8 р.

Пѣехонова, А. Сборникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Вып. 1. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

Рабовъ, С., д-ръ. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ. Для врачей и студентовъ. Харьковъ. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.

Раевскій, Н. Приготовительный курсъ ботаники. Составленный по Любену. Изд. 11-е. 1897 г. 1897 г. Ц. 50 к.

Ренлю, Э. Физическія явленія на земномъ шарѣ. Сокращеніе «Земли» того же автора, сдѣланное имъ самимъ. Съ 122 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 60 к.

Ржевскій, І. Японско-китайская война 1894—1895 г. Спб. 1896 г. Ц. 80 к.

Ромдественскій, А. Откровеніе Даниилу о семидесяти седмицахъ. Опытъ толкованія 24—27 стиховъ 9-й главы книги пророка Даниила. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Розенфельдъ-Фрейбергъ, Н. Очерки по всеобщему праву. Спб. 1896 г. Ц. 26 р.

Романовичъ, М. Гражданская архитектура части зданій. 4 т., съ 2,887 чертежами въ текстѣ и атласомъ въ 2,222 чертежа на 115 листахъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 20 р.

Ромашкевичъ, П. Полный русскій ореографическій словарь. Составлено по русскому правописанію Я. К. Грота. Изд. 4-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Рудзскій, Ал. Настольная книга по лѣсоводству. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Рунге, М., д-ръ. Учебникъ акушерства. Съ 112 рис. Съ 3-го нѣмец. изд. пер. д-ръ С. З. Серебренниковъ. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

«Русская Бесѣда», октябрь, 1896 г. Ц. 1 р.
«Русская музыкальная Газета», ноябрь, 1896 г. Ц. 50 к.

Русскіе государи въ Кіевѣ (1706—1886 гг.). А. Л. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Русскій карманный календарь для всѣхъ на 1897 г. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Самаринъ, Ю. Сочиненія. Томъ десятый. М. 1896 г. Ц. 2 р.

Сборникъ управления дѣлами пенсіонной кассы служащихъ на казенныхъ жел. дор. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

«Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь, 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сѣдой, А. Святочные рассказы. Третье изданіе. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

— Птицы бездомныя. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

«Сельскій хозяинъ», № 3. Ц. 20 к.

Сославинъ, Д. Карманный ореографическій словарь, содержащій болѣе 30,000 словъ. Спб. 1897 г. Ц. 75 к., въ перепл. ц. 1 р.

Сливицкій, А. Завѣтный рубль. Рассказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 4 рис. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Смирновъ, Ил. Постѣ възаменовъ. Съ 9 рис. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Смирновъ, Ил. Родное. Рассказы для дѣтей. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Смирновъ, П. Судьбы Іерусалима и русскіе паломники. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.

Современный календарь на 1897 г. Ц. 15 к.

Софюль, Антигона. Трагедія. Съ греч. перевелъ Котеловъ. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Степановъ, Н. Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Сто видовъ Іерусалима и Святой Земли. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Строевъ, П. Виноградная лоза во Франціи. Съ 117 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Суворинъ, А. А. Палестина. Выпускъ 24-й. Ц. 2 р. 50 к. По подпискѣ на все сочиненіе 35 р.

Судебная практика по дѣламъ о торговыхъ администраціяхъ, торговой несостоятельности и объ охраненіи отъ разстройства торговыхъ предпріятій въ случаѣ смерти владѣльца. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Тернеръ, Г. (проф.). Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Изд. 3-е. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Тень, И. Чтенія объ искусствѣ. Пять курсовъ лекцій. Перев. А. П. Чудинова. Изд. 4-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Тимирязевъ, М. Луи Пастеръ. М. 1896 г. Ц. 25 к.

Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Перев. съ англ. Е. Вошнякъ. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Уставъ ссудо-сберегательнаго товарищества для выдачи краткосрочныхъ ссудъ по личному довѣрію и подъ дополнительное обезпеченіе поручительствомъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Уставъ ссудо-сберегательнаго товарищества. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Файнштейнъ, С. Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти. Изд. 7-е. Одесса. 1896 г. Ц. 25 к.

Фарраръ, Ф. Власть тьмы въ царствѣ свѣта. Рассказъ изъ временъ св. Іоанна Златоуста. Перев. Д. И. Лопухина. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Фаулеръ, П. Прогрессивная нравственность. Опытъ этики. Перев. съ англ. Погодина, подъ редакц. Вл. Соловьева. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.

Флеровъ, А., и Федченко, Б. Краткое руководство къ собиранію растеній и составленію научнаго гербарія. М. 1896 г. Ц. 10 к.

Фринъ, Г. Производительная культура шампиньоновъ. Популярный очеркъ для любителей и промышленниковъ. Съ 34 рисункъ. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Харламовъ, В. Молочная съ помѣщенемъ для прислуги. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Харламовъ, В. Ледникъ съ вентиляціей. Спб. Ц. 1 р.

Церетелі, Гр. Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ, преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы. Съ 30 табл. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Циганъ, В., д-ръ. Вліяніе алкоголя на нервную систему. Популярная лекція. Перев. съ нѣм. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Черторижскій, Л. Пульманъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 40 к.

RETURN TO the circulation desk of any
University of California Library
or to the

NORTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
Bldg. 400, Richmond Field Station
University of California
Richmond, CA 94804-4698

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS
2-month loans may be renewed by calling
(415) 642-6233
1-year loans may be recharged by bringing books
to NRLF
Renewals and recharges may be made 4 days
prior to due date

DUE AS STAMPED BELOW

LIBRARY USE MAR 3 '86

~~MAR 02 1996~~ OCT 04 2003

YC 23069

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008395487

